

В.П. Белянин

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Учебник

4-е издание, стереотипное

*Рекомендовано Редакционно-издательским Советом
Российской академии образования к использованию
в качестве учебника*

Москва
Издательство «ФЛИНТА»
2016

УДК 81'23(075.8)

ББК 81-5

Б44

Главный редактор д-р псих. н., проф., академик РАО Д.И. Фельдштейн
Зам. главного редактора д-р псих. н., проф., академик РАО С.К. Бондырева

Члены редакционной коллегии:

д-р псих. н., проф., академик РАО Ш.А. Амонашвили; д-р пед. н., член-корр. РАО
В.А. Болотов; д-р псих. н., проф., академик РАО А.А. Деркач; д-р псих. н., проф.,
академик РАО А.И. Донцов; д-р псих. н., проф., академик РАО И.В. Дубровина;
д-р псих. н., проф. В.П. Зинченко; д-р филол. н., проф., академик РАО
В.Г. Костомаров; д-р пед. н., проф., академик РАО Н.Н. Малофеев;
д-р физ.-мат. н., проф., академик РАО В.Л. Матросов; д-р пед. н., проф.,
академик РАО Н.Д. Никандров; д-р псих. н., проф., академик РАО В.В. Рубцов;
д-р пед. н., проф., академик РАО М.В. Рыжаков; д-р ист. н., проф. Э.В. Сайко

Рецензент:

д-р филол. наук В.Д. Бондалетов

Белянин В.П.

Б44 Психолингвистика [Электронный ресурс] : учебник /
В.П. Белянин. — 4-е изд., стер. — М. : ФЛИНТА, 2016. — 415 с.

ISBN 978-5-9765-0743-2

В учебнике представлены основные проблемы психолингвистики. Освещаются общие вопросы теории речевой деятельности, частные приложения этой дисциплины и приводятся конкретные примеры из отечественной и современной зарубежной научной литературы.

Книга рассчитана на студентов старших курсов психологических и гуманитарных факультетов, в программы которых входит или может входить психолингвистика. Вместе с тем учебник написан для всех, кого интересуют проблемы языка и сознания, языковой личности, речевого воздействия и манипуляции.

УДК 81'23(075.8)

ББК 81-5

ISBN 978-5-9765-0743-2

© Белянин В.П., 2016

© Издательство «ФЛИНТА», 2016

Оглавление

Тема 1. Психолингвистика как наука о речевой деятельности.....	7
1.1. Объект и предмет психолингвистики (7)	
1.2. Определения психолингвистики (8)	
1.3. Предпосылки появления психолингвистики (13)	
1.4. Междисциплинарность психолингвистики (15)	
1.5. Разделы психолингвистики (22)	
1.6. Язык — речь — речевая деятельность (27)	
Тема 2. Из истории психолингвистики.....	31
2.1. Язык — это деятельность человеческого духа (31)	
2.2. Язык отражает культуру народа (32)	
2.3. Язык включает в себя психический компонент (33)	
2.4. Язык — это условие мысли (35)	
2.5. Язык ограничивает познание мира (37)	
2.6. Язык есть условие общения (37)	
2.7. Язык регулирует деятельность человека (38)	
2.8. Московская психолингвистическая школа (41)	
2.9. Петербургское направление в психолингвистике (42)	
2.10. Современное состояние психолингвистики (44)	
2.11. Организационные формы психолингвистики (45)	
Тема 3. Онтогенез речи	49
3.1. Язык животных в природе (49)	
3.2. «Говорящие» животные (50)	
3.3. Дикая речь (55)	
3.4. Критический период для освоения речи (59)	
3.5. Освоение речи ребенком (60)	
3.6. Доречевой этап (60)	
3.7. Освоение звуковой формы (63)	
3.8. Связь формы со смыслом (66)	
3.9. Активный рост запаса слов (68)	
3.10. Овладение морфологией (70)	
3.11. Ошибки в речи детей (72)	
3.12. Детское словотворчество (75)	
3.13. Овладение синтаксисом (79)	
3.14. Овладение значением слова (82)	
3.15. Детские словечки (85)	
3.16. Родительский язык (88)	
3.17. Теории формирования языкового сознания в онтогенезе (91)	
Тема 4. Производство речи.....	98
4.1. Речевые ошибки (98)	
4.2. Трудовая теория происхождения речи (105)	
4.3. Модели производства речи (106)	
4.4. Языковая личность (120)	
Тема 5. Восприятие речи	123
5.1. Неосознаваемость восприятия речи (123)	
5.2. Уровневость восприятия речи (123)	
5.3. Осмысленность восприятия речи (124)	

5.4. Восприятие букв и слов (127) 5.5. Восприятие предложений (142) 5.6. Соотнесение речи с действительностью (145) 5.7. Механизм эквивалентных замен (149) 5.8. Механизм апперцепции (151) 5.9. Механизм вероятного прогнозирования (151) 5.10. Понимание речи (154) 5.11. Значение и смысл (158) 5.12. Модели восприятия речи (158)

Тема 6. Текст как объект психолингвистики162
6.1. Слово — высказывание — текст (162) 6.2. Виды текста (165) 6.3. Включённость текста в речевую деятельность (169) 6.4. Производство текста (170) 6.5. Затекст — текст — подтекст (172) 6.6. Гипертекст (171) 6.7. Восприятие текста (174) 6.8. Пересказ текста (175) 6.9. Пошаговость восприятия (180) 6.10. Многозначность текста (181) 6.11. Свойства текста (187) 6.12. Ошибки в тексте (191) 6.13. Дискурс (193) 6.14. Нарратив (196)

Тема 7. Эксперимент в психолингвистике.....200
7.1. Роль эксперимента в психолингвистике (200) 7.2. Ассоциативный эксперимент (204) 7.3. Метод семантического дифференциала (213) 7.4. Методика дополнения (221) 7.5. Методика заканчивания предложения (224) 7.6. Методы косвенного исследования семантики (224) 7.7. Градуальное шкалирование (225) 7.8. Методика определения грамматической правильности (227) 7.9. Опросник (227) 7.10. Методика прямого толкования слова (228) 7.11. Классификация (229)

Тема 8. Этнопсихолингвистика233
8.1. Язык и культура (233) 8.2. Гипотеза лингвистической относительности (233) 8.3. Национально-культурная специфика слова (235) 8.4. Лакуны (237) 8.5. Речевое поведение (240) 8.6. Билингвизм (241) 8.7. Ошибки при использовании иностранного языка (243) 8.8. Говорящие с языковым наследием (248) 8.9. Речь иностранца (250) 8.10. Культурный шок (253) 8.11. Аккультурация (253) 8.12. Лингвистический шок (255) 8.13. Языковая аксиология (257) 8.14. Межкультурные контакты (258)

Тема 9. Патопсихолингвистика.....261
9.1. Речь в состоянии эмоциональной напряженности (261) 9.2. Речь в измененном состоянии сознания (265) 9.3. Речь при акцентуациях и психопатиях (265) 9.4. Речь при отдельных заболеваниях (275) 9.5. Физиологические центры речи (276) 9.6. Нарушения речи (277) 9.7. Дефекты речи (281) 9.8. Язык глухонемых (283)

Тема 10. Судебная психоллингвистика	287
10.1. Диагностика личности по речи (287)	
10.2. Количественные показатели речи (289)	
10.3. Анализ личности по устной речи (295)	
10.4. Идентификация личности по почерку (299)	
10.5. Речь человека — продолжение его психологии (304)	
10.6. Язык и гендер (313)	
10.7. Автороведческая экспертиза (317)	
10.8. Психоллингвистика допроса (327)	
10.9. Судебно-психологическая экспертиза продуктов речевой деятельности (335)	
10.10. Ложь в речи (340)	
10.11. Детектор лжи (345)	
10.12. Частные проблемы судебной лингвистической экспертизы (350)	
Тема 11. Прикладные аспекты психоллингвистики.....	357
11.1. Автоматический анализ текста (357)	
11.2. Машинный перевод (361)	
11.3. Речевое воздействие (363)	
11.4. Устное воздействие (365)	
11.5. Язык и идеология (369)	
11.6. Языковое воздействие в сфере рекламы (373)	
11.7. Сетевой маркетинг (375)	
11.8. Нейролингвистическое программирование (379)	
11.9. Речь суггестора (386)	
11.10. Нетрадиционные учения (387)	
11.11. Воздействие текстов массовой культуры (392)	
11.12. Воздействие текстов художественной литературы (393)	
Некоторые учёные, имена которых упоминаются в учебнике.....	396
Образец тестовых заданий по психоллингвистике	401
Конспективное изложение курса	405
Литература	411

К читателю

Психолингвистика – наука относительно молодая, однако уже прочно завоевавшая научное пространство не только благодаря своей междисциплинарности, но и новизне подходов, и, самое главное, результативности исследований.

Предметом психолингвистики являются процессы производства и восприятия речи, а также освоения речи детьми. Рассматривая производство речи, она описывает, как языковая система и правила построения высказываний позволяют человеку выражать свои мысли, как образы сознания можно зафиксировать с помощью языковых знаков. Описывая процесс восприятия речи, психолингвистика анализирует не только сам этот процесс, но и результат понимания человеком речи. Говоря о детской речи, психолингвистика отмечает, что ребёнка практически никто специально не обучает правилам использования языка, но он в состоянии овладеть этим сложнейшим инструментом мышления за достаточно короткий срок. Психолингвистика описывает, как включённость в совместную деятельность со взрослыми позволяет ребёнку освоить языковую и неязыковую «картину мира» и сформировать собственное языковое сознание.

Ознакомившись с курсом психолингвистики, читатель сможет прояснить для себя многие проблемы, связанные с языком и мышлением, понять, почему язык оказывается мощным средством управления речевым и неречевым поведением человека.

В учебнике много примеров, в том числе и на английском языке, для тех, кто владеет им или хочет его изучить. Перевод в большинстве случаев наш.

Книга рассчитана на тех, кто уже знаком с основами лингвистики и психологии. Вместе с тем она написана так, чтобы читатель смог самостоятельно разобраться в обсуждаемых проблемах.

Добро пожаловать в мир психолингвистики!

Валерий Белянин
psyling@gmail.com
psyling@mail.ru
www.psyling.com

Тема 1

ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА О РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: объект науки, предмет науки, знак, производство речи, восприятие речи, речевая деятельность, языковая система, языковой материал.

1.1. Объект и предмет психолингвистики

Объект науки – это совокупность индивидуальных объектов, которые она изучает, предмет науки – это абстрактная система объектов или система некоторых абстрактных объектов. Объект науки – это то, что она изучает, предмет – это взгляд на изучаемый объект. У разных наук может быть один общий объект, но они могут различаться предметом, т.е. иметь разный подход к анализу этого объекта. Так, человек является объектом изучения и для медицины, и для психологии, но для медицины важен биологический аспект организма человека, а для психологии – его внутренний мир.

Язык может быть объектом исследования лингвистики, семиотики, литературоведения, антропологии и даже программирования. Обращается к языку и психолингвистика. У этих дисциплин общий объект – язык и речь человека, используемые им для разных целей и в разных ситуациях. Но эти дисциплины применяют различные методы и способы анализа одного и того же материала. Предметом лингвистики являются система языковых знаков и принципы устройства знаковой системы. Она выделяет уровни языка – фонетический, морфологический, синтаксический, стилистический, – которые участвуют в организации речи человека. Сама же речь, её производство и восприятие не входят в предмет лингвистических исследований. Семиотика будет анализировать знаки языка в их семантическом (содержательном), синтаксическом (линейном) и прагматическом (пользовательском) аспектах в самом общем виде. Предметом литературоведения будет анализ язык (текста) в целях

создания художественной образности текстов с позиций поэтики, эстетики. Литературоведение будет искать в тексте художественный замысел, языковые средства выражения образного отображения мира. Антропология, объектом которой тоже является человек, при рассмотрении общения будет описывать роль языка в разных общественных системах на разных этапах развития общества. Программирование будет искать формальные основания грамматики в целях построения алгоритмов языковых структур.

В отличие от лингвистики и литературоведения психолингвистику интересует процесс функционирования знаковой системы, а именно процесс создания и восприятия знаков языка людьми. Её в меньшей степени привлекает описание самих правил языка, ей более важно, как эти правила действуют в реальной речевой деятельности. Тем самым психолингвистика по объекту совпадает с лингвистикой и литературоведением, а по предмету различается с ними. Психолингвистика тут ближе и по используемым методам к психологии, которая, как известно, изучает порождение, функционирование и строение механизма отражения реальности. Только для психолингвистики эта реальность предстает отражённой и зафиксированной в языковых знаках и в речевом мышлении человека.

Следует отметить, что даже в рамках психолингвистики имеются разные подходы к пониманию её предмета – речевой деятельности. Так, трансформационно-генеративная грамматика Н. Хомского предполагает, что человек строит речь по правилам комбинаторики. Бихевиоризм анализирует речь в модели «стимул–реакция». Отечественная теория речевой деятельности исходит из активности говорящего. На самом же деле ни одна модель не является полной и не исчерпывает всех свойств такого сложного объекта, как язык.

1.2. Определения психолингвистики

Термин «психолингвистика» впервые употребил американский исследователь Н. Пронко в большой статье, озаглавленной «Язык и психолингвистика», которая была опубликована в США в 1946 г. Но вошел в научный обиход этот термин лишь в 1953 г. на междуниверситетском исследовательском семинаре в г. Блумингтоне (штат Индиана, США), организованном известными американскими пси-

хологами Дж. Кэрроллом и Чарльзом Осгудом, а также лингвистом и этнографом Томасом Сибееком. Годом позже в США была опубликована коллективная монография под этим названием, и термин «психолингвистика», получив определённое содержание, стал обозначать формирующуюся новую научную теорию.

Термин «психолингвистика» более чем удачен. Он образован по продуктивной для научного языка модели, отражая стремление науки к интеграции и подчеркивая комплексность этой дисциплины. Термин «психолингвистика» (psycholinguistics [sīkō-līn-gwīstīks]) состоит из двух частей: *психо* – общая часть со словом *психология* (ψυχή [психе] означает по-гречески душа) и *лингвистика* (слово образовано от латинского *lingua* [лингва] – язык).

В настоящее время существует достаточно большое количество определений психолингвистики. Самое первое определение дал в 1954 г. основатель американской психолингвистики Чарльз Осгуд:

Психолингвистика изучает те процессы, в которых интенции говорящих преобразуются в сигналы принятого в данной культуре кода, и эти сигналы преобразуются в интерпретации слушающих. Другими словами, психолингвистика имеет дело с процессами кодирования и декодирования, поскольку они соотносят состояние сообщений с состоянием участников коммуникации.

При таком подходе предметом психолингвистики могут быть процессы производства и восприятия речи в их соотносённости с физиологическим и психическим состоянием участников коммуникации. Тут предполагается процессы речи соотносить не с системой языка, а с человеком, с его психикой.

Другое определение, данное также Ч. Осгудом, звучит следующим образом: «Психолингвистика занимается в широком смысле соотношением структуры сообщений и характеристик человеческих индивидов, производящих и получающих эти сообщения, т.е. психолингвистика есть наука о процессах кодирования и декодирования в индивидуальных участниках коммуникации».

С. Эрвин-Трипп и Д. Слобин в своё время кратко определили психолингвистику как «науку об усвоении и использовании струк-

туры языка». Европейские исследователи дают сходные определения. Так, П. Фресс пишет: «Психолингвистика есть учение об отношениях между нашими экспрессивными и коммуникативными потребностями и средствами, которые нам предоставляет язык». Т. Слама-Казаку, рассматривая предмет психолингвистики, обращает внимание на ситуацию, в которой появляется речь, и предлагает такую формулировку: «Предметом психолингвистики является влияние ситуации общения на сообщения», что предполагает анализ контекста, в котором происходит речевое взаимодействие, а также целей общения.

Основателю отечественной психолингвистики А.А. Леонтьеву принадлежит несколько определений психолингвистики. Первое из них обобщало понимание психолингвистики другими учеными: «Психолингвистика – это наука, предметом которой является отношение между системой языка... и языковой способностью». Другое его определение было таким:

Предметом психолингвистики является речевая деятельность как целое и закономерности ее комплексного моделирования.

Именно поэтому в отечественной науке в качестве синонима термину «психолингвистика» нередко употребляется словосочетание «теория речевой деятельности». А.А. Леонтьев [1989] также писал:

Предметом психолингвистики является структура процессов речевого производства и речевосприятия в их соотношении со структурой языка (любого или определенного национального). Психолингвистические исследования направлены на анализ языковой способности человека в её отношении к речевой деятельности, с одной стороны, и к системе языка – с другой.

Сходным образом оценивала предмет психолингвистики Е.С. Куклякова: «В психолингвистике... в фокусе постоянно находится связь между содержанием, мотивом и формой речевой деятельности, с одной стороны, и между структурой и элементами языка, использованными в речевом высказывании, с другой».

А.А. Леонтьев также писал: «Целью психолингвистики является рассмотрение особенностей работы ... механизмов порождения и восприятия речи в связи с функциями речевой деятельности в обществе и с развитием личности» [1996]. А.А. Леонтьев также предложил такое достаточно краткое определение:

Психолингвистика – это наука, изучающая процессы речеобразования, а также восприятия и формирования речи в их соотносённости с системой языка.

В этом определении отмечается, что у психолингвистики есть три предметные области:

- 1) **производство** речи (в индивидуальном речевом акте);
- 2) **восприятие** речи (в индивидуальном речевом акте);
- 3) **формирование** речи (в процессе становления личности ребёнка).

И в каждом случае предполагается, что психолингвистика обращается к тем сторонам этих видов речевой деятельности, которые обусловлены системой языка.

В Большом энциклопедическом словаре сказано очень коротко:

Психолингвистика – это наука о закономерностях порождения и восприятия речевых высказываний.

Понимание предмета любой науки не является чем-то статичным, с увеличением наших знаний о мире углубляются и представления о сути явлений. Так, к числу более поздних определений предмета психолингвистики, даваемых А.А. Леонтьевым, относится следующее:

Предметом психолингвистики является соотношение личности со структурой и функциями речевой деятельности, с одной стороны, и языком как главной «образующей» образа мира человека, с другой.

Это определение психолингвистики разделяется большинством отечественных учёных. В нём постулируется, что психолингвистика

должна изучать человеческое измерение языка и речи, и роль языка в структурировании мира.

В энциклопедии Британика о психолингвистике говорится:

Психолингвистика – это изучение психологических аспектов языка. Частью этой дисциплины являются экспериментальные исследования кратковременной и долговременной памяти, стратегий восприятия и восприятия речи, основанные на лингвистических моделях.

По приведённым выше определениям можно проследить эволюцию взглядов на предмет психолингвистики (что естественно для любой развивающейся науки). Обобщенно говоря, это выглядит следующим образом.

Вначале предмет психолингвистики трактовался как отношение интенций (речевых намерений) или состояний говорящего и слушающего (языковой способности) к структуре сообщений. Психолингвистика рассматривала процесс и механизм кодирования (и соответственно декодирования) сообщений при помощи системы языка. При этом «состояния» участников коммуникации понимались как состояния сознания, а процесс коммуникации рассматривался как процесс передачи информации от одного индивида к другому.

Впоследствии появилась идея речевой деятельности, причём не только как двучленной системы (**языковая способность – язык**), а как трёхчленной системы (**языковая способность – речевая деятельность – язык**). При этом речевая деятельность стала пониматься не как простой процесс кодирования или декодирования заранее данного содержания, а как процесс, в котором это содержание формируется. Параллельно расширилось и углубилось понимание языковой способности: она стала соотноситься не только с сознанием, но с целостной личностью человека. Претерпела изменение и трактовка речевой деятельности: её стали рассматривать под углом зрения общения. Само общение рассматривается теперь не просто как передача информации от одного индивида к другому, а как процесс внутренней саморегуляции социума (общества, социальной группы).

Тем самым изменилась не только трактовка языковой способности и речевой деятельности, но и трактовка самого понятия языка. Если раньше язык понимался как система средств кодирования

или декодирования, то теперь язык трактуется (в психолингвистике) как система ориентиров, необходимая для деятельности человека в окружающем его предметном и социальном мире. Важен (для отечественной психолингвистики особенно) и вопрос об «образе мира» человека, который получает своё обозначение с помощью знаков языка.

Ещё раз отметим различие между психологическим и психолингвистическим подходом. Психология акцентирует своё внимание на особенностях психических функций сознания в ходе порождения, понимания и формирования речи, а психолингвистика, кроме того, старается учитывать и способы языкового выражения этих функций в речевой деятельности и речевом поведении людей.

Не давая своего определения психолингвистики, предоставим возможность читателю самому выбрать наиболее понятное ему, а ещё лучше – составить собственное представление о психолингвистике после усвоения всего курса этой замечательной науки.

1.3. Предпосылки появления психолингвистики

Подобно большинству наук (в значении английского science – точные науки, а не humanities – гуманитарные науки), психолингвистика возникла не столько как теоретическая дисциплина, сколько как ориентированная на практику система взглядов. Это было обусловлено существовавшими в 40-х и 50-х годах XX в. проблемами, которые могли быть решены только на основании междисциплинарного подхода и, в частности, использования знаний как из области психологии, так и лингвистики.

Обучение иностранным языкам. В условиях массовой послевоенной миграции населения возникла необходимость обучения иностранным языкам различных групп населения. При этом перед преподавателями встал ряд вопросов:

✓ С какого возраста можно обучать детей иностранному языку? Как сделать учащегося билингом в максимально короткие сроки?

✓ Какова оптимальная организация языкового материала в учебнике иностранного языка в зависимости от возраста учащегося и этапа обучения (степени его знакомства с изучаемым языком)?

✓ Как освоить чужую культуру? Каково соотношение языковых знаний и реальных действий? Каковы механизмы аккультурации (усвоения чужой культуры) и окультурации (овладение своей родной культурой)?

✓ Происходит ли в сознании при изучении структур нового языка перевод на родной язык или формируются новые структуры мышления? Насколько знание языка зависит от того, на каком языке человек мыслит? Продолжает ли человек при изучении иностранного языка мыслить на родном или он начинает мыслить на новом для него языке? (Мы рассмотрим вопрос о том, мыслит ли человек на языке или с помощью языка, позднее.)

Ответить на эти вопросы преподаватели иностранного языка (а это были лингвисты и педагоги) не могли – для этого требовалось привлечение психологических знаний.

Обучение родному языку. При обучении родному языку также не до конца было ясно, как происходит усвоение правил употребления языка, если взрослые не формулируют их для детей (и вообще, на первый взгляд, не обучают детей языку). Возникали проблемы и с обучением умственно отсталых детей, глухонемых и слепоглухонемых. Тут также требовалась помощь психолога, знакомого с лингвистикой.

Восстановление речи при нарушениях. Другим набором причин появления психолингвистики была необходимость восстановления речи при её нарушениях; например, при получении травмы (в частности, на войне) человек нередко сохранял способность ориентироваться в окружающей среде, но не мог говорить (порождать правильные речевые высказывания) или не понимал обращённой к нему речи. Тут необходима была помощь не только нейрохирурга, но и лингвиста, который знал бы, как строится речь и какие механизмы управляют её функционированием. Так появилась потребность в нейролингвистике как разделе психолингвистики. Отметим, что основателем нейролингвистики считается отечественный учёный А.Р. Лурия, который впервые употребил сам термин на русском языке в 1968 г.

Передача информации. Следующей причиной появления и развития психолингвистики в 40-е и 50-е годы была необходимость

передачи информации на большие расстояния по каналам связи с помощью технических средств. Дело в том, что связисты нередко получали искажённые сообщения, в которых были пропущены отдельные буквы или одни буквы заменены другими. Это происходило из-за ошибок самих связистов и из-за помех в каналах связи. Военных (среди них были инженерные лингвисты) заинтересовала проблема определения уровня помех, который бы тем не менее позволял понять искажённое сообщение. Поэтому они занялись проблемами кодирования и декодирования сообщения в связи со структурой языка и психологией понимания информации человеком.

Стимулировали исследования психолингвистического плана и работы по шифровке и дешифровке речевых сообщений.

Судебная психология. Междисциплинарный подход к языку оказался также востребованным и судебными психологами в тех случаях, когда органы правосудия ставили перед ними задачи идентификации (диагностики) личности по речи (при необходимости, допустим, определить пол, возраст или образование автора анонимного текста).

1.4. Междисциплинарность психолингвистики

По справедливому замечанию А.А. Леонтьева, термин «психолингвистика» – это удобный «ярлык» для очень разных теорий и конкретных экспериментальных исследований в области языкознания. «В широком понимании предмета психолингвистики заключается и множество её проблем: эта дисциплина не существует как жёсткая парадигма, ряд её положений достаточно размыт», – писал он в 1967 г. К сожалению, такое положение сохраняется и поныне, особенно в отечественной психолингвистике. Круг проблем, которыми занимается эта дисциплина, достаточно широк и порой включает в себя совершенно разнородный материал.

Философия. В рамках психолингвистики есть исследования, ориентированные на философские аспекты языкознания и психологии. К их числу относятся работы по проблемам взаимодействия языка и сознания, языка и мышления.

Сознание – основной уровень отражения действительности и средство саморегуляции человека.

Сознание также определяется как совокупность образов, которые предстают перед субъектом в его «внутреннем опыте» и превосходят его практическую деятельность. Образы сознания имеют разную природу. Во-первых, они связаны со значением, объективным, не зависящим от данного человека, но существующим для большой группы людей, – то, что связано со словами типа (1). Кроме того, образы сознания связаны со смыслом (то, что имеет отношение к данному человеку) – (2). И конечно, образы сознания связаны с чувственной тканью отражаемого объекта (перцептивные образы, размер, запах, цвет, боль и др.).

(1) *жизнь, природа, общество, совесть, бог*

(2) *мать, дом, моя собака, мой нос*

Сознание регулирует в целом деятельность человека. Когда же говорят о конкретных ситуациях деятельности, то тут отмечают, что человек активизирует свою познавательную деятельность, которая обслуживается мышлением.

Мышление – наиболее обобщённая и опосредованная форма психического отражения, устанавливающая связи и отношения между познаваемыми предметами.

Достаточно распространена такая классификация мышления: наглядно-действенное (например, решение практической задачи или физическое преобразование ситуации); наглядно-образное (представление ситуации или воображение невероятной ситуации); словесно-логическое (характеризуется использованием понятий, логических конструкций). Иными словами, мышление не однородно. Только словесно-логическое мышление функционирует на базе языковых средств и включает в себя различные компоненты, которые в разной степени и форме связаны с языком.

Немало работ психолингвистического плана посвящено в целом проблемам знаковости мышления. К примеру, книга немецкого исследователя Лео Вайсгерберга называется «Родной язык и формирование духа». Работа эта написана в рамках философии

языка, но широко цитируется в работах по психолингвистике. Вайсгербер пишет о специфике языкового знака и говорит, что знак:

«а) фиксирует одно мгновение в потоке событий, выделяет его из других и придаёт ему тем самым новую определённую;

б) делает возможным и облегчает произвольное воспроизведение этого переживания;

в) помогает установить связь между разными переживаниями и ведёт таким образом от связи с конкретным переживанием к обобщению множества явлений».

Такое понимание знака широко распространено в психолингвистике.

Следует отметить, что в рамках философского направления имеются и работы по проблемам становления человеческого сознания в онтогенезе (в сознании отдельного человека). Что касается проблемы филогенеза языка (когда выдвигаются гипотезы о происхождении языка в первобытном обществе), то Парижское общество ещё в 1865 г. запретило рассмотрение любых гипотез о происхождении языка как «бесполезных» и «непродуктивных».

Лингвопсихология. В отличие от психолингвистики лингвопсихология – исследование предмета психологии (человеческой ментальности, эмоций, сознаний, перцепции) лингвистическими методами, через призму быденного языка. Однако лингвопсихология не стремится к собственно психологическим научным результатам, её задача состоит в том, чтобы методами контрастивной лексической семантики выяснить, какова семантика терминов, относящихся к сфере человеческой духовности.

Герменевтика. Близка психолингвистике и герменевтика как наука о понимании текстов. Существование и восприятие речевого текста рассматриваются в ней в контексте человеческого истолкования действительности. В психолингвистике, как и в герменевтике, принят постулат о множественности интерпретаций текста (каждый читатель понимает текст по-своему).

При этом психолингвистика не только постулирует это положение (как делает, к примеру, НЛП – нейролингвистическое программирование), но и объясняет причины разного результата восприятия речевых высказываний в зависимости от их структуры,

семантики, условий предъявления и характеристик реципиента [Г.И. Богин].

Культурология. В психолингвистике есть ряд проблем, затрагивающих области, смежные с культурологией и национальной психологией. В частности, общим положением является утверждение, что расхождения в языковых картинах мира обусловлены не только структурой языка, но и различным видением мира носителями этого языка, которые, в свою очередь, обусловлены различными условиями жизни (социальным устройством, географией, историей, традициями и пр.). Как писал Вайсгербер, «в языке заложен опыт народа, всё, что кажется важным его представителям».

Этнопсихолингвистика. Национально-культурные особенности речевой коммуникации могут изучаться как минимум в двух аспектах. Во-первых, анализируется в целом национально-культурная специфика человеческой деятельности, причём учитываются процессы языка, мышления, памяти и общения, а также соотношение этих процессов при производстве и восприятии речи. Это близко этнопсихологии. Во-вторых, описываются процессы и средства речевого общения, обладающие национально-культурной спецификой. Этот круг проблем частично описывается гипотезой лингвистической отнесенности Сепира–Уорфа (о ней речь пойдёт дальше).

Неречевое поведение не является предметом изучения ни в лингвистике, ни в психолингвистике – это, скорее, область этнографии. Но поскольку неречевое и речевое поведение неразрывно связаны в реальном общении, то и невербальное поведение входит в сферу интересов этнопсихолингвистики как раздела психолингвистики. Этнопсихолингвистика описывает особенности той или иной культуры в её языковом проявлении, а также язык жестов, мимики и телодвижений, существующих в том или ином этносе, используемый наравне или вместо элементов языка как системы речевых знаков.

Социолингвистика. Психолингвистика, анализируя выбор человеком той или иной языковой структуры для передачи того или иного коммуникативного замысла, не может не учитывать социального контекста, в котором происходит общение.

Общение людей протекает в определённых социальных условиях: люди играют определённые социальные роли, в общении преследуют определённые коммуникативные цели социального плана. Всё это оказывает влияние на формирование коммуникативного замысла и на формирование структуры сообщений. Ярким примером может быть выбор регистра общения. В частности, в русском языке это проявляется в выборе местоимения *ты* (как показателя неформального общения) или *вы* (как показателя формального общения).

Одним из объектов изучения социолингвистики является билингвизм. Психолингвистика тоже обращается к этому явлению, только в его индивидуально-психологическом аспекте (с учетом структурных особенностей языка, который выбирает говорящий).

Психолингвистика близка также **гендерной лингвистике**, изучающей различия в языке мужчин и женщин.

Когнитивная грамматика. Одним из разделов психолингвистики является когнитивная психология, цель которой состоит в том, чтобы «понять природу человеческого интеллекта и то, как он работает» [Андерсон, Дж.]. В рамках когнитивной психологии сделано немало исследований по репрезентации (представлению) знаний, основанных на языковом значении. Это, в свою очередь, привело к появлению когнитивной грамматики, которая представлена работами Р.У. Лангакера [1986] как концепция лингвистического описания, в основу которого положены представления о процессах когнитивной переработки информации. Её представители не признают грамматику автономной системой, а отводят ей служебную роль в процессах структурирования и символизации понятийного содержания. Лексические, морфологические и синтаксические единицы языка определяются как символические единицы, входящие относительно произвольно в различные языковые образования.

Достаточно наглядное представление о когнитивной грамматике даёт описание отношений между понятиями «категория» и «функция» в языке (по-другому это можно назвать исходным структурным значением и реализуемым структурным значением). Подобная концепция была высказана Леонардом Блумфилдом в его работе «Язык». Так, с точки зрения Л. Блумфилда, каждая лек-

сическая форма связана с грамматическими формами двойко. С одной стороны, лексическая форма, даже когда она взята сама по себе, абстрагированно, обнаруживает значимую грамматическую структуру. С другой стороны, лексическая форма в любом конкретном высказывании, являясь особой языковой формой, всегда сопровождается той или иной грамматической формой. Она выступает в определённой функции, и контексты, в которых преимущественно данная лексическая форма встречается, составляют в совокупности её грамматическую функцию. Лексические формы, выполняющие какие-либо общие функции, принадлежат к одному формальному классу. На основе различных функций могут возникать частично совпадающие формальные классы.

К примеру, выполнение функции действующего лица характерно как для субстантивных выражений, так и для инфинитивных словосочетаний (3). Здесь Блумфилд называет функцией действующего лица субъектную функцию, тем самым подчеркивая её «именной» характер. Известно, что функциональная потенция «быть субъектом предложения» исходно заложена в категории имени существительного. Глагольная же единица (в данном случае инфинитив), исполняя функцию, свойственную имени, как бы «надевает» на себя новую – именную форму – поверх своей исходной, глагольной. Таким образом, получается композиционная категория Глагол–Имя, или VerbNoun в нотации КАТЕГОРИЯ.

(3) *to scold the boys would be foolish* – *бранить мальчиков было бы глупо*

Когнитивная лингвистика ставит перед собой задачу выявить возможности разной (в зависимости от языка) категоризации определённых перцептуально или концептуально заданных ситуаций.

Многие исследователи считают современный этап развития психолингвистики когнитивным, а саму психолингвистику – разделом когнитивистики, которая изучает познавательные процессы.

Очень тесно психолингвистика как психологическая наука связана с **общей психологией**, а также с **психологией личности**.

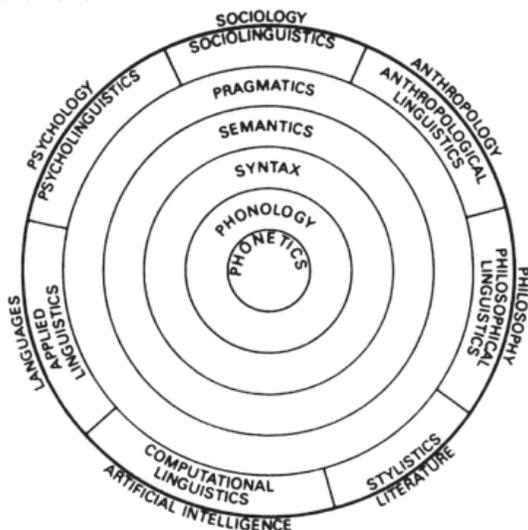
Поскольку психолингвистика изучает общение, ещё одной весьма близкой ей психологической дисциплиной является **социальная психология** (и соответственно психология общения как её часть). Кроме того, поскольку формирование и развитие языковой способ-

ности и речевой деятельности тоже входит в объем психолингвистики, она самым тесным образом связана с **психологией развития** (детской и возрастной психологией).

В целом же многие приёмы и методы исследований, используемые в психолингвистике, заимствованы из психологии – именно поэтому психолингвистика нередко считается подразделом не лингвистики, а психологии. Характерно, однако, что во многих научных библиотеках книги по психолингвистике находятся в разделах как лингвистики, так и психологии.

Психолингвистика и компьютерные науки. В последние годы наметился значительный интерес к психолингвистике со стороны специалистов по программному обеспечению. Появление систем распознавания голоса, систем генерирования речевых сообщений (в телефонии), а также возможность использования экспертных систем потребовали от психолингвистики более формализованного представления результатов анализа языка и речи. Жёсткие (однозначные) формулировки являются тут основой для создания систем распознавания и производства сообщений с помощью такой неспециализированной системы знаков, какой является язык.

Связь наук лингвистического цикла может быть представлена следующей схемой.

1.5. Разделы психолингвистики

Психолингвистика не представляет собой единой дисциплины уже в силу того, что она находится на стыке психологии и лингвистики. Она разбита на ряд достаточно самостоятельных разделов, одни из которых опираются на данные лингвистического анализа, однако рассматривает их как промежуточные (требующие дальнейшего анализа), другие связаны с решением собственно психологических задач (изучение восприятия, памяти, мышления). По словам А.А. Леонтьева, «разделение труда» между лингвистом и психологом в исследовании речевой деятельности таково: лингвист изучает то, ЧТО усваивается; психолог изучает психологические корреляты лингвистической модели и процессы, происходящие в сознании человека при усвоении, восприятии или продуцировании лингвистических моделей, т.е. то, КАК говорящие в действительности конструируют и понимают предложения.

В этой связи в психолингвистике можно выделить два направления: более лингвистическое и более психологическое.

Лингвистическая ориентация в психолингвистике. В психолингвистике существует достаточно много работ более лингвистического характера, нежели психологического. В частности, в американской психолингвистике преобладают работы по анализу трансформаций грамматического плана, которые человек осуществляет при порождении и восприятии речи.

Фоносемантика. Немало лингвистически ориентированных работ посвящено в психолингвистике исследованию значения формы слова.

Считается, что в большинстве случаев качество звуков человеческой речи никак не связано со значением слова или со значением слов, в которые входят те или иные звуки или словосочетания. Между тем практически во всех языках существуют звукоподражательные слова (правда, в количественном исчислении не много), звуковая форма которых так или иначе связана с их смыслом (4).

(4) *крякать, шипеть, шуришать, flip-flop [флип-флон]* – (англ. – шлёпанцы)

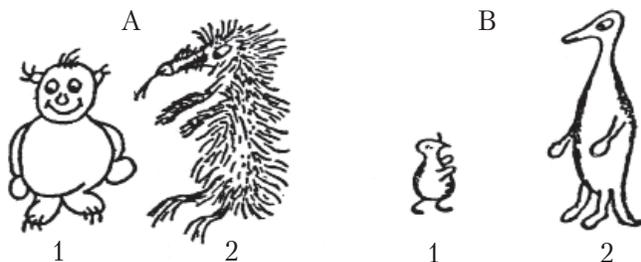
Фоносемантика изучает эмоциональное содержание звуков языка в их отношении или безотносительно к значению слова.

Фоносемантика (другое название – психофонетика), в отличие от звукового символизма требует привлечения данных опроса испытуемых. К примеру, экспериментальные данные (полученные А.П. Журавлёвым) показывают, что звукам (в терминологии исследователя «звукобуквам») русского языка носители языка могут приписывать определённые цветовые значения (5). Следовательно, если иметь набор характеристик для каждой звукобуквы, то можно спрогнозировать благозвучие того слова, из которых оно состоит. Конечно, для этого должны быть учтены правила чтения (9) и приняты во внимание показатели частотности звуков в данном языке (более редкие звуки должны иметь бóльший вес). Соответственно, могут быть составлены списки слов или словосочетаний более благозвучных (6) и менее благозвучных (7). Однако следует помнить, что это лишь оценка фонетического звучания слова, но не его смысла, и неблагозвучные выражения могут нести позитивное содержание (8).

- (5) *а* – красная, *я* – ярко-красная, *о* – белая, *ё* – жёлто-зелёная, *у* – сине-зеленая, *ю* – сиреневатая, *э* – зеленоватая, *е* – зелёная, *ы* – тёмно-коричневая, *и* – синяя.
- (6) *Ласточка, котёнок, милёнок.*
- (7) *Пищевые концентраты.*
- (8) *Изменим жизнь к лучшему. (Филипп)*
- (9) *сч* = [щ], *ться* = [ца], *код* = [кот], *его* = [ево], молоко = [малако], часы = [чисы], солнце = [сонцэ]

В 1986 г. И.Н. Горелов провёл большой эксперимент. Он попросил художника нарисовать псевдоживотных, которым присвоил некоторые имена на основе псевдослов (10), и попросил читателей еженедельной газеты «Неделя» угадать, какое псевдоживотное носит какое псевдоимя. Степень согласованности ответов испытуемых была очень высокой: читатели газеты присылали в основном одинаковые ответы (A1-2, A2-1, B1-1, B2-2).

(10)

1) ЖАВАГУРА 2) МАМЛЫНА

1) ПЛЮК 2) ЛИАР

Психосемантика. Большое место в психолингвистических исследованиях лингвистического плана занимает проблема семантики слова. Возникла даже особая наука – психосемантика.

Психосемантика (от греч. *semantikos* – обозначающий) – область психологии и психолингвистики, изучающая генезис, структуру и функционирование индивидуального или общественного сознания, и его ведущей образующей – значения.

Психосемантика строится на положении, что язык удваивает наш мир. Отечественный психолог А.Р. Лурия писал об этом так: «Человек имеет двойной мир, в который входит и мир непосредственно отражаемых предметов, и мир образов, объектов, отношений и качеств, которые обозначаются словами». Таким образом, слово – особая форма отражения действительности. Человек может произвольно называть образы независимо от их реального наличия, может произвольно управлять этим «вторым миром». В работах В.Ф. Петренко это положение развивается с применением методов математической психологии (приведенное выше определение принадлежит именно ему).

Психология грамматики

Психология грамматики изучает особенности восприятия и понимания высказываний в зависимости от их грамматической формы.

Важным тут является положение о перекодировке фразы при рецепции. Утверждается, что кроме поверхностной структуры фраза имеет и глубинную структуру, и для понимания смысла необходимо «перевести» фразу из поверхностной структуры в глубинную. Пси-

холингвистические эксперименты выявили значительную трудность понимания синтаксически сложных фраз (в частности, оказалось, что для восприятия пассивных или отрицательных конструкций требуется больше времени, нежели активных или утвердительных).

Лингвистика текста. Психолингвистика тесно связана с лингвистикой текста. Если лингвистика текста рассматривает текст статически – как законченный продукт написания или говорения, то в психолингвистике текст рассматривается динамически – как продукт речевой деятельности. Психолингвистика, используя данные, полученные в рамках лингвистики текста, обращает преимущественное внимание на такие его характеристики, как цельность (завершенность замысла), скважность (наличие в нем смысловых пропусков), эмотивность (способность передавать эмоции), прецедентность (наличие в тексте отсылок к другим текстам). Иными словами, психолингвистика текста обращает внимание на то, как текст существует в сознании тех, кто его воспринимает.

Кроме того, отечественная психолингвистика подходит к тексту достаточно широко. В частности, она может рассматривать в качестве текста и рисунок, и фильм (как это сделал С. Эйзенштейн). Эксперименты могут показать, каким образом сопровождение текста зрительным рядом улучшает или ухудшает результат восприятия, помогает или мешает правильному пониманию «словесного текста».

Психостилистика. Среди текстов разных жанров выделяются художественные тексты, в которых содержание формируется при участии эстетической составляющей коммуникации. В последнее время параллельно психолингвистике текста развиваются психостилистика, психопоэтика и прикладной психоанализ художественной литературы [Д. Ранкур-Лаферьер] в качестве дисциплин о психологическом содержании художественного текста. Обращаясь к художественному тексту как к эмоциональной модели мира, описываемой поэтическим языком (языком в его эстетической функции), они позволяют представить содержание художественного текста в терминах психологии. Полученные тут данные могут использоваться в эстопсихологии [Э. Геннекен], в библиопсихологии [Н.А. Рубакин] и в библиотерапии [О.Л. Кабачек, Н.Л. Карпова], которые нацелены на описание и использование механизмов воздействия художественного текста на читателя.

Библиотерапия (от греч. *biblio* – книга) теоретико-прикладное направление, изучающее закономерности проявления, формирования и развития психики личности в процессе её читательской социализации.

Теория массовой коммуникации. В отечественной психолингвистике имеется раздел, связанный с массовой коммуникацией. Теория массовой коммуникации изучает восприятие текстов радио, эффективность телевидения, воздействие газетных текстов, влияние на сознание человека политических плакатов и лозунгов, а также рекламы. В последние годы знания, полученные психолингвистикой, активно используются в теории массовой коммуникации – в теории связей с общественностью (паблик рилейшенз).

При анализе языка СМИ можно также говорить и об идеологическом языке как объекте психолингвистики. Так, Татьяна Слама-Казаку, будучи румынкой по происхождению (а как известно, Румыния была в своё время тоталитарным государством), большое внимание уделяла именно этой проблеме. Мы подробно рассмотрим данный вопрос в обзоре прикладных аспектов психолингвистики.

Психолингвистика рекламы. В последние годы в рамках исследований по психологии восприятия проведено много работ, направленных на изучение процесса и результата восприятия рекламного текста.

Психология речи. Близка психолингвистике и нередко смешивается с ней психология речи. Она изучает проблемы устройства речевого аппарата (язык, язычок, горло, нёбо, нос), механизмы произнесения речи, её артикуляции, внятного проговаривания. В рамках психологии речи изучается и устройство слухового аппарата (ухо, улитка и пр.), а также механизм опознания и восприятия звуков речи. Кроме того, описывается патология речи при различных поражениях головного мозга. Речь при этом рассматривается преимущественно как результат движений системы дыхательных и жевательных органов. К примеру, для психологии речи важны прежде всего акустические различия между мужской и женской речью (в частности, полученные данные свидетельствуют о том, что мужские голоса имеют частотную область 80-150 герц, у женщин диапазон голоса шире – 120-400 герц).

Психолингвистика заимствует полученные психологией речи данные о нарушениях для создания более полной картины речевой деятельности (поскольку, как известно, патология помогает лучше понять норму).

1.6. Язык – речь – речевая деятельность

Принципиально важной для отечественной психолингвистики является работа Л.В. Щербы «О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании». В ней было предложено в качестве предмета психолингвистики рассматривать следующие три аспекта языка.

Речевая деятельность. Первый аспект – это речевая деятельность, под которой учёный понимал процессы говорения и понимания. При этом он отмечал, что процессы понимания, интерпретации знаков являются не менее активными, чем процессы произнесения звуков, говорения (так как мы понимаем то, что ранее никогда не слышали). Из этого, по мнению Щербы, следует, что «этот механизм, эта речевая организация человека никак не может равняться сумме речевого опыта (говорения и понимания) данного индивида, а должна быть какой-то своеобразной переработкой этого опыта».

Отметим в этой связи, что в современной методике преподавания русского языка как иностранного и иностранных языков выделяется четыре вида речевой деятельности: продуктивные – говорение и письмо и рецептивные – слушание (аудирование) и чтение.

Языковая система. Вторым аспектом языковых явлений Л.В. Щерба считал языковую систему – прежде всего словарь и грамматику. «Правильно составленные словарь и грамматика должны исчерпывать знание данного языка», – писал он. При этом он полагал, что языковая система проявляется в индивидуальных речевых системах.

Языковой материал. Третий аспект языковых явлений – языковой материал. Это «не деятельность отдельных индивидов, а со-

вокупность всего говоримого и понимаемого в определённой обстановке в ту или другую эпоху жизни данной общественной группы. На языке лингвистов это тексты, в представлении старого филолога это литература, рукописи, книги».

Отношение между этими тремя аспектами языковых явлений таково. Речевая деятельность создаёт языковой материал. Языковая система выводится лингвистами из языкового материала. Речевая деятельность производит языковой материал и несёт в себе также изменение языковой системы. Иными словами, при говорении мы создаём тексты, которые позволяют понять правила языка, и одновременно же наша речь изменяет язык. Тем самым все три аспекта языковых явлений тесно связаны друг с другом.

Л.В. Щерба также отмечал, что речевая деятельность обуславливается сложным **речевым механизмом человека**, или психофизиологической речевой организацией индивида. Эта речевая организация не равняется сумме речевого опыта (говорения и понимания), а является его своеобразной переработкой. Как продукт социальный она служит индивидуальным проявлением языковой системы (которая выводится из языкового материала). Индивидуальная языковая система связана с языковой системой, принадлежащей всему сообществу, через индивидуальную речевую систему (психофизиологическую речевую организацию, по Щербе). Поэтому представления отдельных индивидуумов о языковой системе несут на себе отпечаток личного речевого опыта (так, разными будут представления о языке у ребёнка и, к примеру, у человека, проведшего много лет в тюрьме, или у деревенского жителя и доктора филологических наук. – *В.Б.*).

Языковой механизм. Исследователь делал важное с психологической точки зрения разграничение, с одной стороны, механизма (речевой организации человека) и процесса (речевой деятельности), а также, с другой стороны, процесса (речевой деятельности) и продукта (языкового материала).

Отметим также, что согласно психолингвистическим представлениям речевая организация человека не является пассивным хранилищем сведений о языке. Это динамическая (подвижная) функциональная система. Существует постоянное взаимодействие

между процессом приобретения речевого опыта и его продуктом. Иными словами, получая новую информацию речевого плана, человек не только перерабатывает её, но и перестраивает свою систему речевого опыта в её определённых фрагментах. Это всё позволяет считать речевую организацию человека достаточно сложной самоорганизующейся системой (что, однако, не делает психолингвистику разделом синергетики). В центре внимания психолингвистики находится именно речевой механизм человека, а также особенности его становления и функционирования.

Важным для понимания сути речевой деятельности является положение о том, что речевая деятельность включена в другие виды деятельности человека и сама по себе самостоятельным видом деятельности не является. Человек говорит не для того, чтобы просто вызвать колебания воздуха, и пишет не для того, чтобы выстроить графические символы. Говорящий или пишущий всегда преследуют определённую цель, планируя, организуя и контролируя свою речевую деятельность. При этом – как очевидно из вышесказанного для психологов – речевая деятельность содержит все основные черты деятельности. В частности, и А.Н. Леонтьев, и А.А. Леонтьев постоянно отмечали, что речь – это скорее совокупность речевых действий, включённых в общую систему деятельности человека, нежели нечто самостоятельное.

Подводя итог сказанному, отметим, что такой широкий подход психолингвистики к речевой деятельности позволяет ей рассматривать человека говорящего во всей совокупности его проявлений в речи. Можно даже сказать, что предмет психолингвистики – это homo loquens: человек говорящий, языковая личность в целом.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- Когда появилась психолингвистика?
- Почему появилась психолингвистика?
- В чем различие между лингвистикой и психолингвистикой?
- Почему психолингвистика является междисциплинарной сферой знаний?

ТЕМА РЕФЕРАТОВ

- Язык и мышление.
- Речевая деятельность: структура и компоненты.
- Объект и предмет психолингвистики.
- Психолингвистика и смежные дисциплины.

ТЕМА КУРСОВЫХ РАБОТ

- Компьютерные системы распознавания речи.
- Представление языка в когнитивной грамматике.

Тема 2

ИЗ ИСТОРИИ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

|| КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: язык, деятельность, культура, мышление, сознание, психика.

Теоретические основания ряда исследований, проводимых в современной психолингвистике, можно обнаружить ещё в работах лингвистов XIX в. – В. Гумбольдта, А. Шлейхера, Х. Штейнталя, Г. Пауля, А.А. Потебни, И.А. Бодуэна де Куртенэ и других учёных, в чьих работах было заложено психологическое понимание языка и речевой деятельности человека. В середине XX в. решающий вклад в развитие этого направления внесли также Л.В. Щерба, Н.И. Жинкин, А.А. Леонтьев.

Эпохой зарождения психолингвистики считают 50-е годы, когда в Корнельском университете в США в 1951 г. собрались на межуниверситетскую конференцию лингвисты и психологи и объявили о создании комитета по лингвистике и психологии. В то время в лингвистике преобладал структурализм (язык рассматривался как система элементов), а в психологии – бихевиоризм (изучалось не сознание, а поведение). В дальнейшем психолингвистика продолжила своё развитие в рамках как этих школ, так и других направлений, ориентируясь на понимание законов использования языка в целом. И тут она не могла не использовать накопленные в общем языкознании идеи психологического толка. Коротко рассмотрим некоторые из них.

2.1. Язык – это деятельность человеческого духа

В языкознании XIX в. существовала «биологическая» концепция языка, в которой развивалось представление о языке как об организме. Так, в книге «Немецкий язык» Август Шлейхер писал: «Языки – эти образованные из звуков природные организмы, причем самые высшие из всех, – проявляют свои свойства природно-

го организма не только в том, что они классифицируются на роды, виды, подвиды и т.д., но и в том, что их рост происходит по определенным законам».

Метафорически уподобляя язык организму, Шлейхер полагал, что язык независим от воли индивидов. Язык – это нечто внешнее для человека, данное ему извне. Эту же мысль подчеркивал и известный немецкий философ и языковед Вильгельм Гумбольдт, выделяя антиномию (противоречие) объективного и субъективного в языке. Это противоречие языка он сформулировал так: «Являясь по отношению к познавательному субъективным, язык по отношению к человеку объективен». Он имел в виду, что язык дан человеку извне, но это не мешает использовать его как инструмент познания и организации своего субъективного опыта. При этом Гумбольдт писал: «Язык представляет собой непрерывную деятельность духа, стремящуюся превратить звук в выражение мысли».

О том, что язык – это деятельность, писал и Штейнталь (который в целом придерживался иного подхода), полагая, что язык является великим средством преобразования субъективного в объективное.

2.2. Язык отражает культуру народа

Гумбольдт указывал и на то, что язык – это часть культуры. По его мнению, язык есть главная деятельность не только человеческого, но и национального духа – духа народа в частности. В понятие «национальный дух народа» у Гумбольдта входит многое: психический склад народа, его образ мыслей, философия, наука, искусство и литература. Он полагал, что «дух народа» и язык его настолько тесно связаны друг с другом, что если существует одно, то другое можно вывести из него.

Пожалуй, Гумбольдт был первым, кто ввел понятие языкового сознания. Он писал: «Язык в своих взаимозависимых связях есть создание народного языкового сознания». Но поскольку язык развивается по законам духа, постольку он развивается и по законам человеческого сознания.

Современные исследователи [И.Н. Горелов и К.Ф. Седов] определяют языковое сознание следующим образом:

Языковое сознание – это слой сознания, который оперирует значимыми элементами конкретного национального языка (словами, словоформами, фразеологическими оборотами и т.п.).

Примерно в то же время в языкознании существовала концепция психологии народов, или народной психологии, выдвинутая Х. Штейнталем. Он рассматривал психологию народов как «объяснительную» для истории и других наук о человеке и его духовной деятельности. Издавая «Журнал психологии народов и языкознания», Штейнталь призывал к сотрудничеству всех, кто исследует исторические явления языка, религии, искусства и литературы, науки, быта и нравов, общественного и государственного устройства.

Эти исследования и сделали возможным появление этнопсихолингвистики как раздела психолингвистики, изучающей взаимосвязь языка и культуры.

2.3. Язык включает в себя психический компонент

Бодуэн де Куртенэ полагал, что «как сложное объективно психическое явление язык состоит из многих групп разнородных представлений:

1) Первый элемент – фонации. Группы представлений фонационных, представлений физиологических движений.

2) Второй элемент – психический. Это группы представлений аудиционных, представлений акустических результатов (последствий) вышешоименованных физиологических движений.

3) Третий элемент – церебрации. Это группы представлений исключительно церебрационных».

Исследователь писал: «Сущность человеческого языка исключительно психическая. Существование и развитие языка обусловлено чисто психическими законами. Нет и не может быть в речи человеческой или в языке ни одного явления, которое не было бы вместе с тем психическим».

При этом, по мнению Бодуэна де Куртенэ, «язык как психическое явление существует только в душах человеческих», только ин-

дивидуальный язык имеет реальное бытие, а общий национальный, племенной язык представляет собой фикцию, научную абстракцию, гипотетическую равнодействующую отдельных индивидуальных языковых мышлений.

Важными для психолингвистики являются мысли Штейнтала о предметном и языковом мышлении. Он считал, что в предметном мышлении мы имеем дело с представлениями о предметах и явлениях объективного мира. Содержанием представлений являются не сами предметы в их материи, а некоторая мысленная совокупность познанных признаков этих предметов.

Говоря о языковом мышлении, Штейнталь полагал, что в нем мы имеем дело с представлениями о представлениях, вычлененных из сферы предметного мышления. Наши понятия о предмете субъективны, а наш язык даёт им еще и произвольное наименование. Тем самым получаемое языковое обозначение – явление вдвойне субъективное.

По мнению Штейнтала, языкознание относится к числу психологических наук, поскольку речь – это духовная деятельность, подобно тому как к психологическим наукам относится и учение о мышлении и воле, т.е. учение о возникновении мыслей и волевых импульсов. Язык определяется им как «выражение осознанных внутренних, психологических и духовных движений, состояний и отношений посредством артикулируемых звуков». Всё его внимание было сосредоточено на индивидуальном акте речи – акте, по его мнению, целиком психическом. Всё, что есть психического в развитии представлений, совершается внутри отдельной психики по общим законам индивидуальной психологии. Штейнталь полагал, что «даже простые звуки, артикуляции обуславливаются духовным началом; как таковые, они могут быть подвергнуты чисто психологическому наблюдению».

Рассматривая язык как индивидуально-психическое образование, Штейнталь утверждал: «Мы должны ясно различать три момента, действующие при говорении: органическую механику, психическую механику и подлежащее выражению понятийное или мировоззренческое содержание. Цель речи есть представление и отображение содержания с помощью психической и органической механики. Мы можем представить себе органическую механику в виде органа, психическую механику в виде органиста, содержание – в виде композитора».

По мнению немецкого психолога Вильгельма Вундта, речь представляет собой вербализацию невербальной мысленной картины и основана не только на ассоциациях как на произвольном связывании слов, но и на апперцепции как на произвольном внимании.

Г. Пауль, выступая против «народной психологии», полагал, что всякое психическое взаимодействие совершается в недрах индивида, поэтому следует признать, что в действительности существует лишь индивидуальная психология, и никакая этнопсихология не может быть ей противопоставлена. В свою очередь, из этого, по мнению Пауля и других младограмматиков, следует, что в действительности в каждый данный момент в данной языковой общности насчитывается столько диалектов, сколько говорящих индивидов, причем каждый из этих диалектов обладает собственным историческим развитием и подвергается непрерывным изменениям. Индивидуальный язык можно изучать, по убеждению Пауля, только по его проявлениям, т.е. по отдельным актам речевой деятельности.

2.4. Язык – это условие мысли

Положение о том, что язык – это условие мысли, высказывали многие лингвисты XIX в. Так, А. Шлейхер писал, что язык есть «мышление, выраженное звуками», «язык имеет своей задачей создать звуковой образ представлений, понятий и существующих между ними отношений, он воплощает в звуках процесс мышления. Язык посредством имеющихся в его распоряжении точных и подвижных звуков может с фотографической точностью отобразить тончайшие нюансы мыслительного процесса», «язык – это воспринимаемый ухом симптом деятельности целого комплекса материальных отношений в построении мозга и речевых органов с их нервами, костями, мускулами и пр.».

Штейнталь утверждал, что слово и понятие, предложение и суждение, грамматические категории и логические категории не являются и не могут являться тождественными. Он ввел в теорию языка такие понятия, как «психологический субъект», «психологический предикат» (что примерно соответствует понятиям современного коммуникативного синтаксиса: «тема» – данное и «рема» – новое). Кроме того, он в противовес логическому представлению о едином

способе мышления для всего человечества отстаивал положение о различных типах мышления, каждому из которых соответствует своя логика.

По мнению Г. Пауля, все языковые средства хранятся в виде сложнейшего психического образования, состоящего из разнообразных сцеплений представлений. Эти хранимые в сознании представления обуславливают возможность повторного появления в сознании того, что уже в нем было, а отсюда и возможность понимания или произнесения того, что ранее уже понималось или произносилось. Из этого следует, по его мнению, что «всякая грамматическая категория возникает на основе психологической».

Большое внимание проблеме языка и мышления уделял А.А. Потебня. Опираясь на идеи Штейнталя, Потебня считал, что область языка далеко не совпадает с областью мысли, и при этом полагал, что мышление может существовать и без языка. В частности, он писал, что «сновидения большей частью слагаются из воспоминаний чувственных восприятий, нередко не сопровождаются ни громкою, ни беззвучною речью. Творческая мысль живописца, ваятеля (скульптора. – В.Б.), музыканта не выразима словом и совершается без него, хотя и предполагает значительную степень развития, которая даётся только языком. Глухонемой тоже постоянно мыслит – и притом не только образами, как художник, но и об отвлеченных предметах, – без звукового языка, хотя, по-видимому, никогда не достигает того совершенства умственной деятельности, какое возможно для говорящих. Наконец, в математике – науке, совершеннейшей по форме, – человек говорящий отказывается от слова и делает самые сложные соображения только при помощи условных знаков».

Потебня писал о том, что история человечества знает периоды, когда язык не был связан с мышлением: «В середине человеческого развития мысль может быть связана со словом, но в начале она, по-видимому, ещё не доросла до него, а на высокой степени отвлечённости покидает его как не удовлетворяющее её требованиям». Он имел в виду, что в первобытном обществе человек еще не мог пользоваться всеми возможностями, предоставленными языком как знаковой системой, а на высокой стадии развития общества язык должен быть очень специализированным, для того чтобы человек мог выразить тонкие смысловые нюансы.

Примером последнего соображения может служить расширение и углубление системы терминов языка, отражающее сложность современного промышленного и технологического производства, а также информационных технологий.

2.5. Язык ограничивает познание мира

Важным моментом теории Гумбольдта является то, что он считал язык «промежуточным миром» (нем. *Zwischenwelt* [цвишенвелът]). Этот «промежуточный мир» находится между народом и окружающим его объективным миром: «Каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг».

Человек, по словам Гумбольдта, оказывается в своем восприятии мира целиком подчиненным языку, который ведет этого слепца по истории как поводырь. Используя понятие деятельности, Гумбольдт писал, что практическая **деятельность** людей подчиняется языку как творцу существующего мира. Тем самым Гумбольдт полагал, что язык есть одновременно и знак, и отражение.

Идеи Гумбольдта о том, что язык определяет отношение человека к объективной действительности, преобразует внешний мир в собственность духа, легли в основу философского направления в языкознании, которое получило название неогумбольдтианства (Л. Витгенштейн, Л. Вайсгербер, Й. Трир, П. Хартман, Э. Касирер). Неогумбольдтианцы полагали, что понятия — это не отражение объективной действительности, но продукты символического познания, т.е. познания, обусловленного языковыми знаками, символами. Язык, согласно их взглядам, определяет мышление, превращает окружающий мир в идеи, «вербализует» их. При этом они утверждают, что язык ограничивает познавательные возможности сознания. «Границы моего сознания очерчены моим языком», — писал Витгенштейн.

2.6. Язык есть условие общения

В отношении речи Бодуэн де Куртенэ писал, что она основана на «общительном характере человека и его потребности воплощать

свои мысли в ощущаемые продукты собственного организма и сообщать их существам, ему подобным, то есть другим людям». Однако еще Гумбольдт писал о том, что «всякое понимание есть непонимание, а всякое согласие в мыслях – вместе несогласие».

Потебня, развивая гумбольдтовские идеи на русской почве, разумел под «непониманием» не только обязательное отклонение от мысли, идущей от сообщающего, а «понимание по-своему» как творческую работу слушающего, то новое, что он творчески привносит. Возбуждение извне – лишь повод для появления своих мыслей.

Окончательную определённую слова получают только в речи отдельного лица, но особенность общения состоит, по Гумбольдту, в том, что говорящий и слушающий воспринимают один и тот же предмет с разных сторон и вкладывают различное, индивидуальное содержание в одно и то же слово. Отсюда следует, что «никто не понимает слов совершенно в одном и том же смысле, и мелкие оттенки значений переливаются по всему пространству языка, как круги на воде при падении камня. Поэтому взаимное понимание между разговаривающими в то же время есть и недоразумение, и согласие в мыслях и чувствах – в то же время и разногласие».

Психический комплекс, по мнению Пауля, сложившийся в одной душе, не может служить основой для его возникновения в другой душе, каждая душа должна начинать все сначала – иначе говоря, в результате физиологических раздражений должны вновь появиться примитивные представления, а уже затем из отношений, в которые вступают эти примитивные представления, в душе индивида должны сложиться комплексы представлений.

При этом, как полагал Пауль, содержание представлений передаваться не может, и всё, что каждый человек знает о содержании представлений другого лица, основывается на выводах из его собственных представлений.

2.7. Язык регулирует деятельность человека

И тем не менее принято считать, что язык регулирует деятельность человека. Так, известный американский лингвист Л. Блумфилд, применяя бихевиористский подход (от англ. behaviour – поведение) к анализу речевого общения, полагал, что сфе-

ры жизнедеятельности человека – это потребности и действия по их удовлетворению. Сотрудничающие люди могут воздействовать друг на друга при помощи практических (т.е. неречевых) и речевых стимулов. Реагируют они на эти стимулы двояко: речевыми и неречевыми действиями. При этом речевые воздействия (стимулы) Блумфилд называл замещающими практические стимулы. Поэтому речевые стимулы и реакции коммуникантов имеют практический аспект. По Блумфилду, речь является средством решения практических задач и ее основная функция – регуляция деятельности человека. Он описывал это на таком примере.

Джек и Джил

Джек и Джил идут по тропинке. Джил голодна. Она видит яблоко на дереве. Она с помощью горла, языка и губ производит ряд звуков. Джек прыгает через изгородь, влезает на дерево, срывает яблоко, приносит его Джил и кладет ей в руку. Джил ест яблоко.

В этой ситуации Блумфилд предлагает делать различие между речевым актом и другими явлениями, которые он называет практическими действиями. «С этой точки зрения описанный случай состоит из трех частей со следующей временной последовательностью: А) Практические действия, предшествовавшие речевому акту; В) Речь; С) Практические действия, последовавшие за речевым актом».

Джил в качестве говорящего индивида может реагировать на стимулы не одним, а двумя способами:

$S \rightarrow R$ (практическая реакция, т.е. она сама может достать яблоко);

$s \rightarrow r$ (лингвистическая, или замещенная, реакция, т.е. произнесение фразы «Я голодна»).

Действия Джека могут вызываться двумя видами стимулов: практическими стимулами $S \rightarrow R$ (безречевая реакция) и лингвистическими (замещёнными) стимулами $S \rightarrow r \rightarrow s \rightarrow R$ (реакция, опосредованная услышанной речью).

Блумфилд отмечает интересный момент: «Нормального человека интересуют только S и R ; хотя он и пользуется речью и получает от этого значительные выгоды, он не обращает на неё внимания». Иными словами, ученый считает, что речь включена

в систему деятельностей человека, и человек не реагирует на нее как на речь – он реагирует на неё так же, как и на другие неречевые стимулы.

Указывая на то, что речь помогает мышлению, Блумфилд отмечает следующие ее свойства: способность передавать информацию, абстрактность, наличие речевого коллектива. Вместе с тем нельзя не отметить, что Блумфилд, определяя язык как особую форму поведения человека, сводил коммуникативную функцию языка к цепи стимулов и реакций, а социальную природу языка – к процессам одного порядка с биологическими процессами. Тем самым снимался вопрос о связи языка и мышления, о социальной природе языка. В соответствии с традициями бихевиоризма в объектную область исследования вводились только наблюдаемые, а не все реально существующие фрагменты процесса речевого общения. Оставалась также в стороне проблема языкового значения.

В целом же, согласно бихевиоризму, речь представляет собой поведение. Предполагается, что люди приучаются употреблять определенную речевую форму в некоторых повторяющихся ситуациях. Говоря в психологических терминах, возникает обусловленная вербальная реакция. Она подкрепляется взаимным пониманием людей и их адекватными действиями в ответ на обращенную к ним речь. Повторное возникновение подобной ситуации автоматически вызывает выработанную вербальную реакцию в скрытой или явной форме. А поскольку словесная реакция может служить побудительным стимулом для другой словесной реакции, возникает цепь рефлексорных актов. Именно эта цепь актов и используется людьми в общении между собой. Она и образует, согласно бихевиоризму, «вербальное поведение».

Бихевиористский подход к речи имеет своей целью выявление в сложных процессах речевого общения людей некоторых повторяющихся стереотипных форм. Немаловажно и то, что предполагается возможность их относительно простого описания. Большая часть работ в американской психолингвистике связана именно с возможностью представления сложного речевого материала в виде форм и формул. Вместе с тем всё больше современных исследователей обращаются не к стереотипным, а к продуктивным и творческим возможностям речи, «формулы» для которых еще только предстоит создать.

2.8. Московская психолингвистическая школа

Московская психолингвистическая школа представлена работами таких исследователей, как А.А. Леонтьев, Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Н.В. Уфимцева. В ней принят ряд постулатов (положений), определяющих её подход к анализу речевой деятельности. Назовём их, не раскрывая подробно.

Постулат первый. Единицей психолингвистического анализа является не «элемент», т.е. не статический коррелят той или иной языковой единицы в психике носителя языка, а элементарное речевое действие и речевая операция (в предельном случае – акт речевой деятельности).

Постулат второй. Эта единица психолингвистического анализа трактуется в деятельностной парадигме, т.е. исходное речевое событие характеризуется деятельностным фреймом (схемой). Иначе говоря, эта единица, эта минимальная «клеточка» речевой деятельности, должна нести в себе все основные признаки деятельности. Такими признаками являются:

а) предметность деятельности, которая заключается в том, что она направлена на окружающую человека действительность;

б) её целенаправленность, когда любой акт деятельности характеризуется конечной, а любое действие промежуточной целью, достижение которой, как правило, планируется субъектом заранее;

в) её мотивированность. Акт любой деятельности всегда полимотивирован, т.е. побуждается одновременно несколькими мотивами, слитыми в одно целое;

г) иерархическая («вертикальная») организация деятельности, включая иерархическую организацию ее единиц;

д) фазная («горизонтальная») организация деятельности.

Отечественная психолингвистика, и в частности московская школа, ориентируется прежде всего на описание процессов преобразования смысловой информации – рассматриваются процессы производства речи, её понимания и интерпретации. Кроме того, большое внимание уделяется анализу процессов становления и функционирования языкового сознания, под которым Е.Ф. Тарасов понимает следующее:

Языковое сознание – это система образов действительности, получающих свое языковое овнешнение в речевой деятельности человека как носителя сознания.

Важным тут является понятие речевой деятельности.

Речевая деятельность – это деятельность (поведение) человека, в той или иной мере опосредованная знаками языка.

Более узко под речевой деятельностью понимается такая деятельность, в которой языковый знак выступает в качестве «стимула-средства» (термин Л.С. Выготского), т.е. такая деятельность, в ходе которой мы формируем речевое высказывание и используем его для достижения некоторой заранее поставленной цели.

2.9. Петербургское направление в психолингвистике

История психолингвистических исследований в Петербурге (Ленинграде) восходит к классическим работам замечательных лингвистов, которыми формировалась мысль о необходимости разграничения языка как системы и речи как конкретного пространственно-временного процесса, а в последствии и соответствующих экспериментальных исследований.

Основы экспериментального изучения речи были заложены там Бодуэном де Куртене, Л.В. Щербой и его учениками в лаборатории экспериментальной фонетики СПбГУ – М.И. Матусевич, Л.Р. Зиндером, Л.В. Бондарко, Л.А. Вербицкой, Н.Д. Светозаровой, М.В. Гординой, А.С. Штерн и др. Отдельное место занимают работы С.Д. Каценельсона по проблемам языка и мышления и В.М. Павлова по проблемам языковой способности. Большую роль в развитии петербургской психолингвистики и формирования её как отдельного направления принадлежит Л.В. Сахарному и А.С. Штерн. Л.В. Сахарный первым стал читать сначала спецкурс, а потом и вошедший в обязательную учебную программу курс психолингвистики на базе кафедры общего языкознания Санкт-Петербургского государственного университета. Среди основных результатов научной

деятельности Л.В. Сахарного следует особо отметить разработку теории текстов-примитивов и анализа многоуровневой тема-рематической структуры текста.

На кафедре общего языкознания функционирует программа по психо- и нейролингвистике, открытая Т.В. Черниговской как дополнительная специализация для студентов филологического и медицинского факультетов. В работах К.А. Долинина изучаются проблемы стилистики и психолингвистических аспектов дискурса в целом. Л.А. Пиотровская изучает эмотивные аспекты речевого поведения, В.Б. Касевич – моделирование процесса восприятия речи.

В «когнитивно-психолого-лингвистическом» направлении работает В.Я. Шабес и его ученики. В начале 1960-х годов Л.А. Чистович и В.А. Кожевниковым в Институте физиологии им. И.П. Павлова РАН была создана лаборатория исследования речи, где поведение человека рассматривается в процессе речевой коммуникации как работа сложной информационной системы. В 1970–80-х годах в лаборатории речи проводились исследования речевых процессов – восприятия, порождения и речеобразования в целях развития систем автоматического распознавания и синтеза речи.

В 1991 г. в РГПУ им. А.И. Герцена была создана кафедра детской речи (руководитель – С.Н. Цейтлин). Основное направление научных исследований – изучение освоения ребёнком родного (русского) языка, в том числе изучение лингвистических причин детских слово- и формообразовательных инноваций и освоение им морфологических категорий, особенностей начального лексикона ребенка, спонтанного освоения правил письма, восприятие ребёнком книги и фольклора, освоение ребёнком личных местоимений и терминов родства, пространственных отношений и способов их языкового выражения.

В.В. Оппель и В.К. Орфинская в 1930–40-х годах одними из первых начали исследования афазии и алалии с точки зрения особенностей лингвистических процессов и организации коррекционной работы при этих расстройствах речи.

Особый интерес представляют исследования языковых функций, проводившиеся в Институте мозга человека Н.П. Бехтеревой, С.В. Медведевым и их сотрудниками с использованием позитронно-эмиссионной томографии. Там же изучается творческая деятельность с использованием вербального и невербального материала.

2.10. Современное состояние психолингвистики

На развитие современной психолингвистики большое влияние оказала американская психолингвистика, которая в своем развитии прошла четыре главных периода: формирования, лингвистический, когнитивный и когнитивно-междисциплинарный.

В начале своего развития психолингвистика ориентировалась в психологии на бихевиоризм, а в лингвистике – на структурализм.

Трансформационно-генеративная грамматика. Лингвистический период в психолингвистике связан с возникновением и бурным развитием трансформационно-генеративной, или порождающей, грамматики Н. Хомского. Считая, что язык – это «множество (конечное или бесконечное) предложений, каждое из которых имеет конечную длину и построено из конечного множества элементов», Хомский полагал, что «каждое предложение может быть представлено в форме конечной последовательности фонем (или букв)». В его грамматике существуют особого рода правила или операции (трансформационные), прилагаемые к синтаксической конструкции предложения как к единому целому. (Эти правила мы рассмотрим в главе о производстве речи.) Многие отечественные исследователи считают теорию Хомского формальным гипотетическим построением, данным в виде логического исчисления.

Языковая способность – это способность к порождению и восприятию речевых произведений.
--

Хомский различает языковую способность (*linguistic competence*), которая считается областью лингвистики, и языковую активность (*linguistic performance*), относимую к области психологии. Языковая способность рассматривается им как нечто такое, что составляет способность говорить на данном языке, а под языковой активностью понимаются те высказывания, которые производит носитель языка. Хомский также выдвинул тезис о врожденности языковых структур, предположив, что способность человека к освоению языка является врожденной.

Следуя главному положению трансформационно-генеративной грамматики о том, что в центре лингвистической теории должна на-

ходиться языковая способность, а не речевая деятельность, психолингвисты сконцентрировали усилия на изучении понимания языка и меньше внимания уделяли исследованиям по производству речи.

Когнитивные науки. Современный период развития психолингвистики совпадает с развитием когнитивных наук. Психолингвистика стала, по сути, частью этих когнитивных дисциплин, которые пытаются ответить на вопрос о характере знания, структуре ментальных представлений и их использовании в таких фундаментальных умственных процессах, как логика и принятие решений. Когнитивный период развития психолингвистики ознаменовался постепенным отходом от примата лингвистической теории, а также попыткой определить место языка среди прочих фундаментальных психических процессов.

Когнитивная психология – это область психологии, которая изучает, как люди получают информацию о мире, как эта информация представляется человеком, как она хранится в памяти и преобразуется в знания и как эти знания влияют на наше внимание и поведение.

Тем самым, когнитивный подход заключается в стремлении понять, каким образом человек расшифровывает информацию о действительности и организует её, чтобы принимать решения или решать насущные задачи.

Когнитивные характеристики языка, представленные в грамматических теориях, перестали занимать центральное место в психолингвистических исследованиях; за ними теперь признавалась лишь частичная роль в процессах использования и усвоения речи наряду с другими когнитивными и поведенческими модулями.

2.11. Организационные формы психолингвистики

В организационном плане психолингвистика оформлена следующим образом.

Сектор психолингвистики. Как самостоятельное структурное подразделение Института языкознания Российской Академии наук

Сектор психолингвистики основан в 1969 г. Его организатором и руководителем (до 1975 г.) был А.А. Леонтьев. С 1975 г. по настоящее время руководителем является Е.Ф. Тарасов. В Секторе работают Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, Р.М. Фрумкина, Н.В. Уфимцева и др. При секторе есть аспирантура (которую, в частности, закончил и автор данного учебника).

Основные направления в работе Сектора, которые развивались в рамках программы «Языковое сознание человека», были следующими: методология и теория исследования языкового сознания; функционирование языкового сознания в процессах производства и восприятия речи; функционирование языкового сознания в межкультурном общении; этнокультурная специфика русского языкового сознания; русский ассоциативный словарь; этнокультурная специфика языкового сознания народов России; теория диалога культур; коммуникативное пространство и сознания; структурные и динамические характеристики сознания при шизофрении; языковое сознание уникальной личности.

Сектор при определении содержания своей научной деятельности руководствуется принципом исследования четырех предметов в речевой деятельности человека: проблемы производства и восприятия речи, проблемы онтогенеза языка и речевого общения. С середины 1980-х гг. в центр интересов Сектора переместилась проблема функционирования знаний в речевых процессах, которая, впоследствии, получила название «проблема языкового сознания человека». Для изучения проблемы языкового сознания было сформировано представление о межкультурном общении как самой адекватной онтологии анализа языкового сознания, которая позволяет наиболее удобным способом (на границе этнических культур) выявлять и фиксировать этнокультурную специфику языкового сознания.

В результате этих усилий в сотрудничестве с Институтом русского языка РАН были созданы «Русский ассоциативный словарь» [2002], а также Бурятский, Белорусский, Болгарский, Украинский, Польский, Хакацкий, Якутский, Немецкий, Английский (американский вариант) ассоциативные словари.

Наиболее важные результаты научных исследований таковы: созданы методологические и теоретические предпосылки исследования языкового сознания; сформированы методики анализа этнокультурной специфики языкового сознания в межкультурном

общении; выявлена этнокультурная специфика русского языкового сознания; впервые в мировой русистике создан двухтомный «Русский ассоциативный словарь», зафиксировавший языковое сознание русских конца XX в. в форме вербально-ассоциативной сети; создано новое понимание механизмов овладения родным языком и иностранным языком; сформулированы новые рекомендации для обучения так называемых проблемных детей – с дефектами речи и слуха, а также детей с синдромом раннего детского аутизма.

Сектор является научно-организационным центром, который координировал психолингвистические исследования в СССР, а теперь в Российской Федерации. В рамках этой координационной деятельности Сектором организовано и проведено 15 Всесоюзных, Всероссийских и Международных симпозиумов по психолингвистике и теории коммуникации. Начиная с середины 1980-х годов все симпозиумы были посвящены проблеме языкового сознания. XVI симпозиум, состоится в 2009 г. Дважды в год издаются тематические сборники. С 2006 г. выходит журнал «Вопросы психолингвистики».

Международная организация прикладной психолингвистики.

Имеется международная организация прикладной психолингвистики (ISAPL – International Society of Applied Psycholinguistics) со штаб-квартирой в Португалии. Её президентом является румынская исследовательница Татьяна Слама-Казаку. Международные симпозиумы проводятся один раз в три года (следующий состоится в 2009 г.).

Международный журнал психолингвистики (International Journal of Psycholinguistics), издаваемый в Осаке (Япония), носит подзаголовок «Международный журнал человеческой коммуникации» (An International Journal of Human Communication). На его обложке обозначены темы, которые в нём затрагиваются: Речь, понимание и производство. Изучение иностранного языка. Перевод. Язык и образование. Билингвизм. Нарушения речи. Речевые технологии и модели человеческой коммуникации. Освоение языка. Невербальные аспекты коммуникации. Семиотика в психолингвистическом аспекте. Язык и власть. Анализ литературного текста. Средства массовой коммуникации.

В настоящее время психолингвистика преподаётся во многих вузах мира в циклах как лингвистических, так и психологических дисциплин.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- Почему можно говорить, что язык ограничивает понимание мира?
- Почему невозможно полное понимание другого человека?
- Какие три стороны языковых явлений выделяет психолингвистика? (по Л.В. Щербе)

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Идеи В. Гумбольдта и психолингвистика.
- Идеи И. Бодуэна де Куртенэ и психолингвистика.
- Идеи А.А. Потебни и психолингвистика.
- Московская психолингвистическая школа.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ

- Неогумбольдтианство в лингвистике и философии.
- Теория речевой деятельности: становление и основные положения.
- Когнитивная лингвистика и психолингвистика.

Тема 3

ОНТОГЕНЕЗ РЕЧИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: знак, символ, общение, гуление, свирель, лепет, звукоподражательные слова, словотворчество, сверхгенерализация, двусоставные предложения, сенсомоторный интеллект, концептуальная логика, интериоризация, неспециализированность мозга.

Овладение языком представляет собой процесс постижения мира в общении с людьми благодаря присвоению знаков языка и превращению их во внутренние символы мышления.

Теория усвоения языка (онтогенеза речи) является в настоящее время достаточно разработанной дисциплиной. Возникнув в рамках психолингвистики, она уже давно имеет особый, самостоятельный статус. И тем не менее мы рассмотрим основные положения этой проблематики в нашем курсе психолингвистики с сопутствующими курсами.

3.1. Язык животных в природе

Человеческая речь – лишь малая часть коммуникативных средств типа чириканья, шипения, рычания, мяуканья, фырканья, свиста, жужжания и им подобных, что встречаются в царстве животных. Говорить о языке животных можно только условно. У животных язык представляет собой не очень сложные системы сигнализации. Посредством сигналов разных модальностей – звуков, движений, поз, запахов, (изменения) цвета и др. – животные передают друг другу информацию о биологически значимых событиях и состояниях: сигналы тревоги, опасности, угрозы, покорности, «ухаживания» и ряд других. Помимо этого животные могут сообщать о наличии пищи, сигнализировать о своем состоянии или намерении.

Важнейшее отличие языка животных от языка человека – отсутствие семантической функции. Элементы языка животных не обозначают внешних предметов самих по себе, их абстрактных свойств и отношений – они всегда связаны с конкретной ситуацией и служат конкретным целям. В языке животных нет многих функций речи, например, отрицания, которое играет важную роль в речи людей. Животные не могут указывать на конкретное время произошедшего или будущего события, не могут строить сослагательных конструкций (*если бы*), не могут порождать комических высказываний и многого другого.

У животных и насекомых за каждым сигналом закреплено определённое значение. Комбинации сигналов, которые могли бы образовать более сложные структуры, у животных практически не встречаются. Даже элементарные двух-трёхсловные выражения, порождаемые двухлетними детьми, не имеют аналогов в коммуникации животных. Многие животные, выражая эмоциональные состояния, действуют по механизму эмоционального заражения, но никак не логически организованной информации.

Другое важное отличие языка животных от языка человека – генетическая фиксированность, в результате которой язык животных представляет собой закрытую систему с ограниченным набором сигналов. Конечно, количество таких сигналов может быть большим (к примеру, пчёлы используют для передачи информации не только движения, но и прикосновения). Но в целом каждая особь от рождения «знает» язык только своего вида и значение его сигналов. Генетически зафиксированы и элементы языка животных – они включают или тормозят соответствующие инстинктивные действия. Напротив, язык человека – открытая система: он не фиксирован генетически, непрерывно изменяется и развивается.

3.2. «Говорящие» животные

Те, кто имел дело с домашними животными, с большой готовностью отвергают «официально-научные» взгляды на язык животных. Владельцы кошек, собак и попугаев могут привести примеры того, как их питомцы смогли понять смысл довольно сложных языковых выражений, услышав их впервые. Некоторые даже утверж-

дают, что в общении с людьми домашние животные (прежде всего кошки и собаки) выработали своеобразные языковые сигналы, мало похожие на «естественные» для них. И всё же здесь можно говорить лишь об очень частичном и скорее пассивном усвоении некоторых фрагментов языка, чем о каком-либо владении им.

Возможность научить животных использовать человеческий язык привлекала людей давно. Подобные попытки научного плана были желанием ответить на вопрос о том, недостает ли животным интеллекта или особой языковой способности, присущей только людям.

Самым очевидным «кандидатом» на то, чтобы быть обученным человеческому языку, является шимпанзе, поскольку ее генетический код на 98,4% совпадает с человеческим.

Вики

В 1940-х годах американские зоологи Кэти и Кейт Хайес [Cathy and Keith Hayes] взяли в свою семью самку шимпанзе для совместного воспитания вместе со своим сыном. Через три года обезьяна Вики [Vicki the Speaking Chimp] научилась произносить только четыре английских слова (1–4).

	Английское слово	Транскрипция	Перевод
(1)	<i>tata</i>	[мама]	<i>мама</i>
(2)	<i>papa</i>	[папа]	<i>папа</i>
(3)	<i>up</i>	[ап]	<i>вверх</i>
(4)	<i>cup</i>	[кап]	<i>чашка</i>

Сара

В 1971 г. американский учёный Дэвид Премак [Premack] обучал обезьяну по имени Сара [Sarah] общению с помощью 130 магнитных карточек. Среди этих карточек были обозначения цвета (*красный, синий*), фруктов (*банан, персик*), действий (*мыть, резать, брать*) и некоторых функций (например, вопрос). Типичной фразой мог быть несколько искусственный вопрос (5), на который Сара отвечала достаточно осмысленно (отрицательно). Обезьяна смогла овладеть такого рода примитивным синтаксисом за достаточно короткий срок.

	Фраза для животного	Правильная фраза («перевод»)
(5)	<i>Question banana red</i>	<i>Is the banana red?</i>
Перевод	<i>Вопрос банан красный</i>	<i>Банан красного цвета?</i>

Лана

Американская семья приматологов Рамбо [Rambauhs] учила шимпанзе по имени Лана [Lana] простому искусственному языку, названному ими «еркиш» (Yerkish). В эксперименте использовались фигуры, представлявшие собой комбинации из девяти различных геометрических форм семи разных цветов, обозначающих объекты и действия. Лана должна была нажимать определённые клавиши на клавиатуре компьютера, чтобы создать нужные предложения (6). Лана порождала сотни подобных предложений, и это позволило учёным утверждать, что животные всё же обладают ограниченными способностями к языку.

(6) *Please machine give milk.* = *Пожалуйста, машина, дай молока.*

Элвар

В 1964 г. американская исследовательница Лилли [Lilly] предприняла попытку научить молодого самца дельфина по имени Элвар [Elvar] выдыхать воздух так, чтобы получаемые звуки имитировали звуки человеческого языка (7).

	Английское слово	Транскрипция	Перевод
(7)	<i>squirt</i>	<i>[скуирт]</i>	<i>струйка</i>

Феникс и Акекамаи

В 1979 г. Луисом Херманом [Herman] из Гавайского университета была разработана специальная программа для двух дельфинов. Феникса [Phoenix] учили пониманию звукового языка, Акекамаи [Akeakamai] – жестовому. Их научили 30 словам – именам объектов, действий и даже прилагательным. Дельфины научились приносить отдельные предметы, а также выполнять некоторые действия с ними. Это позволило утверждать, что дельфины могут усвоить порядок слов естественного языка (8–9).

	Фраза для животного	Правильная фраза («перевод»)
(8)	<i>pipe hoop fetch</i>	<i>Take the hoop to the pipe</i>
перевод	<i>труба обруча принести</i>	<i>Принеси обруч к трубе</i>
(9)	<i>hoop pipe fetch</i>	<i>Take the pipe to the hoop</i>
перевод	<i>обруч труба принести</i>	<i>Принеси трубу к обручу</i>

Вашо

В 1966 г. американские приматологи Ален и Беатрис Гарднер [Alen and Beatrice Gardner] попытались научить детёныша шимпанзе модифицированному американскому языку глухонемых. Через четыре года Вашо [Washoe the Signing Chimp] уже использовала 130 жестов и выдавала двух- (10) и трёхсложные (11) высказывания. Если к трём годам дети знают тысячи слов и владеют сложным синтаксисом, создавая достаточно сложные фразы (12), то Вашо осталась на уровне двухлетнего ребёнка.

	Фраза животного	Дословный перевод	Значение (в контексте эксперимента)
(10)	<i>Go sweet</i>	<i>Идём сладкое</i>	<i>Пойдём за клубникой</i>
(11)	<i>Open food drink</i>	<i>Открыть еда пить</i>	<i>Открыть <холодильник, где есть> еда <и дать> пить</i>

(12) *Я не знаю его имени.*

Была также сделана попытка обучить обезьяньего детёныша Вашо основам человеческой культуры и использованию инструментов; существовала даже идея создать целое сообщество подобных обезьян, владеющих языком глухонемых, которая, однако, не увенчалась успехом.

Коко

Горилла Коко (Koko the Signing Gorilla – сокращение от японского Nanabi-Ко – «дети фейерверка», поскольку она родилась в день независимости США в 1971 г.) использовала 375 жестов американского языка глухонемых. Её обучала профессор Стенфорд-

ского университета Франсис Пэттерсон [Francis Patterson]. Кoko известна тем, что создала ряд метафор (13–15), и, по словам дрессировщицы, могла шутить и даже обманывать. Однако для этого не приводилось достаточных подтверждений.

	Метафора животного	Дословный перевод	Значение
(13)	<i>eye-hat</i>	<i>глаза- шляпа</i>	<i>маска</i>
(14)	<i>white-tiger</i>	<i>белый-тигр</i>	<i>зебра</i>
(15)	<i>finger-necklace</i>	<i>палец-ожерелье</i>	<i>кольцо</i>

Чимпски

Американский исследователь Герберт Террас [Herbert Terrace] также учил шимпанзе модифицированному языку глухонемых (American Sign Language). Обезьяна смогла создавать двух-, трёх- и четырёхсловные предложения (16–20). Однако оказалось, что когда Ним создавал более длинные предложения, он в основном повторял жесты учителя, добавляя «слова» почти случайно до тех пор, пока не получал требуемое. Исследователь всё же сделал вывод, что шимпанзе способен освоить элементарные аспекты языка и отдельные слова. Это опровергало утверждение Хомского о том, что животные не могут научиться языку. (Шимпанзе было дано имя Nim

Chimpsky, где часть *chimp* означает «шимпанзе», пародирующее написание имени Ноама Хомского – *Noam Chomsky*.)

	Английская фраза	Дословный перевод
(16)	<i>more drink</i>	<i>ещё пить</i>
(17)	<i>tickle Nim</i>	<i>развлеки Нима</i>
(18)	<i>banana Nim eat</i>	<i>банан Ним ест</i>
(19)	<i>eat drink eat drink</i>	<i>есть пить есть пить</i>
(20)	<i>banana me eat banana</i>	<i>банан мне есть банан</i>

По мнению Хомского, животные не могут говорить в силу отсутствия у них особых языковых способностей (которые учёный отличал от собственно интеллектуальных). По мнению же известного французского психолога Жана Пиаже и ряда других учёных, у животных отсутствует общий интеллект, необходимый для овладения таким сложным явлением, как человеческий язык.

3.3. Дикие дети

Некоторых детей лишают человеческого общения с раннего возраста. Они могут быть потеряны в лесу, брошены или даже украдены животными. Иногда детей бросают из-за того, что у них слабые интеллектуальные способности или имеются физические недостатки. Некоторых детей, перед тем как бросить, избивают или травмируют.

Считается, что дети, оказавшиеся вне человеческого общества, практически не имеют шансов стать нормальными людьми. Но в истории есть примеры того, как дети, не воспитывавшиеся среди людей, всё-таки возвращались к нормальной жизни. Такие дети называются *wild children* (дикими детьми), *feral children* (нецивилизованными детьми), *mowgli children* (детьми-маугли).

Всем хорошо известен пример с Маугли – «человечьим детёнышем». Характерно, что повесть не имеет, по сути дела, конца: нам неизвестно, смог ли он включиться в жизнь человеческого общества, стать полноценным человеком. Но случай с Маугли – это, скорее,

литературная обработка Р. Кипплингом в «Книге джунглей» ряда документально подтверждённых фактов.

Царь Псамметих

Широко известен пример о царе Псамметихе в изложении Геродота. Историк писал, что однажды царь Египта, правивший в VII в. до н.э., захотел узнать, какой народ на земле самый древний. Он приказал пастуху взять двух новорожденных детей и отвезти их в удалённое место. Пастух должен был воспитывать детей в уединённой хижине. В присутствии детей никому не позволялось проносить ни единого слова. Каждый день пастух должно было приводить к детям коз, досыта поить их молоком и удовлетворять все их нужды. Прошло два года, и вот в один день пастух услышал от детей членораздельное слово. И это слово было *бекос* (или что-то на него похожее). Тогда детей привели к царю, и царь созвал мудрецов, чтобы те растолковали ему, в каком языке есть слово *бекос* и что оно означает. Один из мудрецов ответил, что такое слово есть у фригийцев (живших в то время в центральной Турции), и означает оно *хлеб*. На основании этого египтяне якобы вынуждены были признать, что фригийцы древнее, чем они сами.

Ахбар Великий

Среди других подобных довольно жестоких экспериментаторов называют Ахбара Великого – императора Индии и Джеймса IV Шотландского (1473–1513). Джеймс IV, услышав первые слова державшихся длительное время в заключении младенцев, заявил, что они говорят на чистом иврите.

В целом же в мифологии и художественной литературе дикие дети вырастают не только с нормальным человеческим интеллектом, но и также со здоровой дозой инстинктов выживания. Интеграция их в человеческое общество представляется достаточно лёгкой. В реальности же дикие дети часто оказываются умственно отсталыми, освоение человеческого языка для них является непреодолимой трудностью, им также не хватает многих социальных умений. В любом случае задача превращения дикого ребёнка в относительно полноценного члена человеческого общества обычно оказывается невыполнимой.

Виктор из Авейрона

Одним из самых известных науке случаев является случай с Виктором – Диким Мальчиком из Авейрона [Victor the Wild Boy of Aveyron]. В 1800 г. во Франции недалеко от деревни Сант-Сернан в провинции Авейрон был найден мальчик лет 11–12. Его назвали Виктором. Он не мог произнести ни одного человеческого звука, а только рычал по-звериному. Мальчик стал жить в семье мадам Герин, где его обучали человеческой речи и поведению среди людей. Но ребёнок так и не научился говорить, хотя мог читать специально написанные для него на карточках слова, а затем даже начал писать сам. Виктор умер в возрасте 28 лет.

Дженни

Ещё одного дикого ребёнка обнаружили 4 ноября 1970 г. в Лос-Анджелесе (США) в возрасте 13,5 лет. Дженни [Genie] родилась в апреле 1957 г., и она была четвёртым ребёнком в неблагополучной семье. Её мать была полуслепая из-за катаракты, а отец, будучи на 20 лет старше матери, страдал психической неуравновешенностью. Дженни нашли в запертой комнате, где её держал отец с полуторагодовалого возраста в течение 12 лет. Психологические тесты показали, что она находилась на том же этапе овладения языком, что и двухлетний малыш. И всё же несмотря на имевшееся повреждение мозга, Дженни смогла научиться использовать речь в тех же целях, что и другие дети, играть с детьми в игры, которые требовали использования языка, и даже обманывать. Она смогла наладить отношения со многими людьми, научилась шить и рисовать, обучилась языку жестов. Не освоив языка в целом, она смогла использовать лишь сочетания слов, напоминавшие очень простые языковые структуры (21). Иными словами, языковое развитие Дженни оставалось на довольно низком уровне и её речь так и не стала грамматически правильной, несмотря на то, что ей уделяли много внимания и заботы.

	Английская фраза	Дословный перевод
(21)	<i>Apple sauce buy store</i>	<i>яблочный соус магазин купить</i>

Изабелла

Другим диким ребёнком была Изабелла [Isabelle]. В 1938 г. к американской исследовательнице Мэри Мэнсон [Marie Manson] попала девочка, которая прожила со своей глухонемой матерью до 6,5 лет. И лишь через полтора года благодаря интенсивному обучению Изабелла смогла произносить первые слова, а затем и сложные по конструкции осмысленные предложения (22).

(22) *Что сказала мисс Мэнсон, когда вы сказали ей, что я подмела комнату?*

Элен Келлер

Но, пожалуй, самый необычный случай представляет история американки Элен Адамс Келлер (1880–1968) [Helen: the Famous Deaf and Blind Girl], которая, родившись нормальным здоровым ребёнком в городке штате Алабама, в возрасте одного года и семи месяцев после острого воспаления мозга и желудка лишилась зрения и слуха. Психолог Анна Мэйси обучала её языку, притрагиваясь к ней и поднося её руку к предметам. Благодаря же изобретателю телефона Александру Беллу, Элен научилась говорить (правда, высоким и монотонным голосом) и читать по азбуке Брайля для слепых. Впоследствии она даже написала книгу «История моей жизни» [«The Story of My Life», 1903].

В ней она, в частности, описывает, с каким удивлением она узнала, что вода в пруду, вода в стакане и вода с неба в виде дождя обозначается одним и тем же словом.

* * *

Такого рода примеры свидетельствуют, что ребёнок может стать человеком только в обществе ему подобных. Если же вернуться к древней легенде и к слову *бекос*, то следует сказать, что дети, естественно, не знали никакого языка, не то чтобы фригийского. Они просто пытались повторить те звуки, которые они слышали каждый день, но не от людей, а от коз и овец.

3.4. Критический период для освоения речи

Как отмечают многие авторы, освоение языка ребёнком протекает спонтанно, естественно и без видимых усилий с его стороны. Эти особенности становления языка и речи у детей связывают с процессами физиологического созревания центральной нервной системы и с определённой её пластичностью в этот период.

Факты, приведённые выше, свидетельствуют о том, что нормальное формирование систем, обеспечивающих освоение речи, требует своевременной их стимуляции речевыми сигналами. При недостаточности такой стимуляции (например, из-за нарушений слуха) процессы освоения речи задерживаются.

Возрастной период, на протяжении которого речь осваивается «без усилий», называют критическим периодом (Lenneberg's Critical Age Hypothesis; critical age for language acquisition). За пределами этого периода ребёнок, не имеющий опыта речевого общения, становится неспособным к обучению. Протяжённость критического периода считается по-разному – от рождения и до 3-11 лет, и от двух лет до периода полового созревания.

Один из способов оценки продолжительности этого периода – прослеживание вероятности и выраженности акцента при освоении второго языка в разном возрасте. Как показывают соответствующие наблюдения, вероятность акцента прогрессивно возрастает вплоть до 12-13-го года жизни. После 12 лет утрачивается также способность имитировать интонацию иностранного (ранее неизвестного) языка. Необходимо отметить, что в период до 12 лет укладывается также динамика основных показателей становления языка и речи – устраняются особенности индивидуальной артикуляции, осваивается правильное употребление антонимов, развивается понимание двусмысленных слов и идиом, имеющих как конкретный, так и социально-психологический смысл. В этот же возрастной период наблюдаются и отклонения в речевом развитии, связанные, в частности, с заиканием.

Итак, дети-маугли могут приспособиться к нормальной жизни, если они вернулись к людям после 6-7 лет изоляции, однако это должно произойти не позднее 12-13 лет. Этот возраст и считается в психолингвистике критическим для возможностей усвоения родного языка. При этом важны и период, в течение которого ребёнок

был лишён человеческого общения, и время, предшествовавшее такой депривации, и наличие всевозможных травм или умственной отсталости.

3.5. Освоение речи ребёнком

Совершенно очевидно, что только человеческое общество делает ребёнка говорящим. При этом, несмотря на определённую ограниченность умственных способностей ребёнка, он овладевает сложнейшей структурой родного языка за какие-нибудь три-четыре года. Более того, ребёнок, сталкиваясь с новым для него явлением родного языка, довольно скоро «подводит» его под известную ему грамматику практически без сознательной помощи со стороны родителей или при очень незначительной их помощи.

Ребёнок достаточно быстро становится полноправным членом своего языкового сообщества, способным производить и понимать бесконечное число новых для него, но тем не менее значимых предложений на языке, которым он овладел. Отметим попутно, что процесс освоения речи ребёнком принципиально отличается от процесса освоения второго языка взрослыми.

В целом же онтогенез языковой способности – это сложнейшее взаимодействие, с одной стороны, процесса общения взрослых и ребёнка, с другой – процесса развития предметной и познавательной деятельности ребёнка.

3.6. Доречевой этап

Язык – это система знаков и правил их сочетания. Основная функция языка – передавать информацию. Но слова имеют и форму – звуковую и письменную. Ребёнок начинает освоение языка с освоения звуковой формы. У всех нормально развивающихся детей существует определённая последовательность в освоении звуковой формы языка и в развитии предречевых реакций.

Освоение артикуляции звуков речи (произношения) – очень сложная задача, и хотя упражняться в произнесении звуков ребёнок начинает с полуторамесячного возраста, для овладения этим про-

цессом ему требуется почти три года. Гуление, свирель, лепет, модулированный лепет являются своего рода игрой и именно потому доставляют ребёнку удовольствие. Ребёнок упорно на протяжении многих минут может повторять один и тот же звук и таким образом словно тренироваться в артикуляции звуков речи.

Возраст ребёнка (в месяцах)	Название этапа	Голосовые реакции	Физическое развитие
0–1,5	Крик	Крик	Плачет, улыбается
1,5	Гуление	<i>а-аа, уу-у</i>	Поддерживает головку, лёжа на животе
2–3	Гуление	<i>г-у, ш-т, бу-у, зы</i>	Играет с погремушкой, которую взрослые кладут ему в руку
4	Свирель	<i>аль-ле-е-лы, агы-аы</i>	Сидит, поддерживаемый рукой взрослого
7–8,5	Лепет	<i>ба-ба, да, да</i> (слоги)	Удерживает себя в стоячем положении при поддержке взрослого
8,5–9,5	Модулированный лепет	Единицы типа <i>мама, папа, дада</i> с разнообразной интонацией	Удерживает предметы с помощью большого и указательного пальцев

Обычно при первых же проявлениях гуления мать начинает разговаривать с младенцем. Ребёнок подхватывает отдельные звуки и повторяет их, естественно, на свой манер. Такое подражание способствует быстрому развитию всё более сложных предречевых реакций.

Подчеркнём ещё раз, что у ребёнка отсутствует врождённое знание языка и поэтому его языковое развитие полностью зависит от взрослых.

Предречевые реакции будут плохо развиваться тогда, когда с ребёнком занимаются, но он не может слышать себя и взрослого. Например, если в комнате звучит громкая музыка, разговаривают между собой люди или шумят другие дети, ребёнок очень скоро

умолкает. Есть ещё одно условие: ребёнок должен хорошо видеть лицо и губы взрослого, разговаривающего с ним.

Эксперимент с маской

В одном из экспериментов по изучению развития ребёнка взрослые разговаривали с ребёнком, надев марлевую повязку (наподобие тех, которые носят врачи) на лицо, а также без такой маски. Оказалось, что если взрослый был в маске и ребёнок не видел «источника звука», он быстро переставал обращать внимание на то, что ему говорили.

Аналогичным образом, кстати, ведут себя и взрослые. Если в аудиторию вместо живого лектора поставить магнитофон, то звучащая речь не будет столь эффективна. Отметим также, что понимание иноязычной речи, если слушающий не видит губ говорящего (или, к примеру, говорит по телефону на неродном языке) значительно труднее, чем при прямом визуальном контакте.

Эксперимент с записью речи младенцев

Имеющиеся данные позволяют утверждать, что уже к 6 месяцам звуки, произносимые детьми, напоминают звуки их родного языка. Это было проверено в следующем психолингвистическом эксперименте. Испытуемым, которыми были носители разных языков (английского, немецкого, испанского, китайского), предъявляли магнитофонные записи крика, гуления, свирели и лепета детей, воспитывающихся в соответствующих языковых средах. Лишь при прослушивании магнитофонных записей шести-семи-месячных детей испытуемые смогли с большой степенью достоверности узнать звуки родного для них языка. Таким образом, был сделан вывод о том, что именно в этом возрасте звуки, производимые детьми, напоминают звуки родного языка их родителей (воспитателей).

К концу первого года жизни дети делают попытки повторять отдельные слова вслед за взрослыми. Известно, что девочки начинают говорить несколько раньше – на 8-9-м месяце, тогда как мальчики – на 11-12-м месяце жизни.

Дальнейшее развитие речи ребёнка выглядит так:

Возраст	Голосовые реакции	Физическое развитие
9,5 мес.– 1 год 6 мес.	Слова: <i>мама, папа, баба, дядя, тетя, ам-ам</i> (в значении «кушать») Звукоподражательные слова типа <i>ав-ав</i> (собака), <i>тик-так</i> (часы), <i>му-му</i> (корова)	Пытается встать
1 год 6 мес.– 1 год 8 мес.	Двусловные фразы (<i>Мама, дай!</i>) Повелительное наклонение глаголов	Может ходить
1 год 8 мес.– 1 год 9 мес.	Формы множественного числа	Самостоятельно спускается по ступенькам лестницы

В возрасте 10 месяцев ребёнок все существительные употребляет в именительном падеже в единственном числе. Попытки связать два слова во фразу (23) появляются позднее – в полтора года. Затем осваивается повелительное наклонение глаголов (24). Считается, что когда появляются формы множественного числа, начинается овладение грамматикой.

(23) *Мама, дай!*

(24) *Иди-иди! Дай-дай!*

Естественно, что разные дети по-разному продвигаются в своем языковом развитии. Это зависит как от их врождённых способностей, так и от того, в какой среде и с какой интенсивностью происходит овладение языком. Кроме того, считается, что языковое развитие детей-билингвов (находящихся под воздействием двух и более языков) происходит несколько медленнее.

3.7. Освоение звуковой формы

Усвоение ребёнком последовательности звуков в слове есть результат выработки системы условных связей. Ребёнок подражательным путем заимствует определённые звукосочетания из речи окружающих людей. При этом, осваивая язык, ребёнок осваивает сразу фонемы. К примеру, [p] может быть произнесено по-разному

му – грассирующе, резко или картаво. Но в русском языке эти различия не являются существенными для общения, потому что не ведут к образованию разных по смыслу слов или разных форм слова (различается лишь мягкое и твёрдое [р]). Характерно, что ребёнок не обращает внимания на различные варианты произнесения фонем, он очень быстро схватывает существенные признаки звуков своего языка.

Фонематический слух. Согласно исследованиям фонематический слух формируется в очень раннем возрасте. Сначала ребёнок учится отделять звуки окружающего мира (скрип двери, шум дождя, мяуканье кошки) от звуков обращённой к нему речи. Ребёнок активно ищет звуковое обозначение элементов окружающего мира, как бы ловит их из уст взрослых.

Промежуточная языковая система. Однако использует он заимствованные от взрослых средства по-своему. Можно утверждать, что дети образуют свою строго упорядоченную систему. Именно это демонстрируют образцы произношения ребёнка (25–28), записанные американской исследовательницей Элен Велтен [Velten] ещё в 1943 г.

	Слово взрослого		Перевод	Слово ребёнка	
	Английское слово	Транскрипция		Английское слово	Транскрипция
(25)	<i>bad</i>	<i>бэд</i>	плохой	<i>bat</i>	<i>бэт</i>
(26)	<i>cat</i>	<i>кэт</i>	кот, кошка	<i>dat</i>	<i>дэт</i>
(27)	<i>cup</i>	<i>кап</i>	чашка	<i>dup</i>	<i>дан</i>
(28)	<i>lamp</i>	<i>лэмп</i>	лампа	<i>бар</i>	<i>бан</i>

Оказалось, что у ребёнка другой принцип противопоставления глухих и звонких согласных: в начале слова произносятся только звонкие согласные [b] и [d], а в конце только глухие – [t] и [p]. Это значит, что для ребёнка на данном этапе развития существуют только два класса согласных фонем. Это принцип, которого нет в языке взрослых (в данном случае в английском), но это принцип.

Впоследствии звонкость станет контрастным признаком, что позволит ребёнку удвоить свой запас классов согласных. Ребёнок не мог заимствовать такое правило у взрослых. Причина не в том, что ребёнок не умеет произносить, скажем, звук [d] – он умеет его произносить, но считает, что он может стоять только в начале слова. Затем эта система корректируется, ребёнок «доводит» её до системы языка взрослого.

Наличие такого рода закономерностей позволяет говорить о том, что ребёнок в процессе освоения языка создает собственную промежуточную языковую систему языка.

Марина–Малина

Когда речь идёт о фонологии, ясно, что ребёнку даже обязательно уметь произносить звук, чтобы воспринимать необходимые контрасты.

Примером этого может служить такой разговор лингвиста с ребёнком на русском (29) и английском (30) языке:

<p>(29) – <i>Как тебя, девочка, зовут?</i> – <i>Малина.</i> – <i>Малина?</i> – <i>Нет, Малина.</i> – <i>Ну, я и говорю – Малина!</i> – <i>Малина, Малина!</i> – <i>Может быть, тебя Мариной зовут?</i> – <i>Да, Малина!</i></p>	<p>(30) <i>Recently a three year old child told me her name was Litha. I answered "Litha?"</i> – <i>No, Litha.</i> – <i>Oh, Lisa.</i> – <i>Yes, Litha.</i></p>
--	---

Совершенно ясно, что ребёнок различает [л] и [р] в русском и [θ] и [z] в английском соответственно. Именно поэтому он отвергает взрослую имитацию своего произношения как неправильную. Однако сам ещё не умеет выразить это различие в своём произношении.

Итак, сначала ребёнок овладевает чисто внешней (т.е., звуковой) структурой знака, которая впоследствии, в процессе оперирования знаками, приводит ребёнка к правильному функциональному его употреблению. В целом же говорить о сформированности артикуляционного аппарата, и, следовательно, произносительных навыков, можно только при достижении ребёнком шести лет.

3.8. Связь формы со смыслом

В лингвистике принято считать, что звуковая и графическая формы слова практически не связаны со смыслом слова. Исключения составляют некоторые звукоподражательные слова (31) и некоторые древние китайские иероглифы (32). Ребёнок же нередко считает, что звуковая форма слова имеет своё особое значение. При восприятии звукового облика морфемы ребёнок, формируя представление о предмете, создаёт для себя образную связь звучания с предметными отношениями. На основе такой образной связи ребёнок как бы «нащупывает» правильное произнесение нужного ему слова, руководствуясь некоторым обобщением, которое он сделал. Поэтому некоторые типично детские слова (33, 34) появляются как реакция на возможную эмоциональность звуковой формы. Иными словами, дети нередко обращают преимущественное внимание на вторую сторону знака – на его «чувственную природу».

(31) *шуришать, грохотать, свистеть, барабанить, тарыхтеть*

	Современные иероглифы	(32) Древние китайские иероглифы	Значение
1	雨		дождь
2	鳥		птица
3	龜		черепаха
4	象		слон
5	手		рука
6	耳		ухо
7	口		мышь
8	牛		рогатый скот
9	米		рис

	Детское слово	Значение
(33)	<i>мыха</i>	большая мышь
(34)	<i>лога</i>	большая ложка

Эксперимент с котом и китом

Вот какой опыт был проведен А.М. Шахнаровичем на материале русского языка для подтверждения этого наблюдения. Было взято два слова: *кит* и *кот*. Они обладают свойствами первого типа – обозначают определённые объекты реальности, определённых животных. Взрослые знают, что слово *кот* обозначает небольшое домашнее животное, а слово *кит* – морского исполина. Свойства первого типа – семантические – являются основными, определяющими оперирование этими **знаками**. Свойства второго типа, которыми обладают эти знаки, относятся к его языковой (знаковой) форме. Именно они проявились в большей степени в эксперименте с детьми. Это были маленькие дети, не знающие (как было предварительно установлено), что такое *кит*. Поэтому слово *кит* выступало для них только как совокупность признаков второго типа – признаков чисто внешних, звуковых.

На просьбу сравнить размеры животных (35) дети в абсолютном большинстве отвечали, что *кот* больше. Очевидно, что-то в этом слове, точнее в его звуковой оболочке, заставляло детей предположить, что *кит* – это что-то маленькое, меньше *kota*. Поскольку эти два слова различаются твёрдостью/мягкостью согласного и гласными звуками, допустимо предположить, что всё дело в гласных звуках. Звук *и* у детей ассоциируется с чем-то маленьким, а звук *о* – с большим.

(35) *Что больше, кит или кот?*

Этот факт говорит о том, что ребёнок ориентируется на внешние, звуковые свойства знаков. Получается, что ребёнок, развиваясь и ориентируясь в окружающей среде, стремится найти в звуковом образе слова буквальное отражение каких-то свойств предмета. Эти образные связи помогают ему воспринимать значение слова. Связь предмета (того, что обозначается звуковым знаком) и слова (знака) основывается на сходстве, которое ребёнок наблюдает между материальной оболочкой слова и чувственно воспринимаемыми признаками предметов.

Поэтому в речи ребёнка и наблюдается такое количество **звукоподражательных слов**. Эти слова существуют в речи ребёнка как отражение, имитация звуков окружающего мира и служат при этом для названия предметов и явлений (36–38). Звуки, ассоциирующиеся с предметом, отражаются в сознании в виде представлений и постигаются ребёнком так же, как и сами предметы. Слово-имя для ребёнка есть часть предмета, названного этим именем.

	Детское слово	Значение
(36)	<i>тик-так</i>	<i>часы</i>
(37)	<i>бибика</i>	<i>машина</i>
(38)	<i>ту-ту</i>	<i>поезд</i>

Двойное наименование

По словам Л.С. Выготского, дети отступают от звукоподражательных и образных, звукоизобразительных слов (39) в пользу слов, принятых в языке (41), и тогда на каком-то этапе языкового развития у них возникают двойные наименования (40). Постепенно в процессе общения ребёнок начинает использовать «взрослое» слово (41), в котором внимание к форме значительно меньше, и овладевает его функциональным употреблением.

(39)		(40)		(41)
<i>ав-ав</i>	→	<i>ав-ав-собака</i>	→	<i>собака</i>

3.9. Активный рост запаса слов

Когда ребёнок в состоянии сползать по ступенькам вперёд спиной (в возрасте около полутора лет), кажется, что он вот-вот заговорит, поскольку он понимает уже очень многое из того, что говорят ему. Словарь его пока невелик – от 3 до 50 слов, но он уже пытается общаться. В возрасте от 1 года 10 месяцев до двух лет, когда ребёнок прыгает на двух ногах, словарь его доходит до 300 слов. Имена существительные составляют в его речи 63%, глаголы – 23%, другие части речи – 14%, союзов в речи почти нет. Словарь очень быстро расширяется, новые слова появляются каждый день.

Первые 50 детских слов обычно включают обозначения вещей, на которые ребёнок может воздействовать (42). Но ведь существует гораздо больше предметов, которые могут существовать сами по себе (43), и очень много абстрактных понятий, которые предметы не обозначают (44). Естественно, что конкретные слова (41) не только частотнее в «домашнем языке» ребёнка, но и, в отличие от абстрактных существительных (44), обозначают предметы, не входящие в «ближний» круг деятельности ребёнка. Именно они (конкретные существительные) в первую очередь и составляют основу его расширяющегося словаря.

(42) *ложка, дверь, носки*

(43) *облако, волна*

(44) *констатация, пространство, увеличение, политика*

В возрасте двух лет у детей возникает период вопросов «Что это?». Они хотят знать, как зовут пробежавшего мимо мальчика, залаявшую где-то вдалеке собаку. Если взрослые не могут удовлетворить интерес ребёнка, то он порой сам придумывает имя. Это является показателем и одновременно следствием развития у маленьких детей более высоких степеней обобщения.

На протяжении первой половины второго года жизни ребёнок усваивает большое количество названий предметов и действий, но все они относятся пока к отдельным предметам и ещё не получают обобщающего значения. В возрасте около трёх лет, когда ребёнок может кататься на трёхколесном велосипеде, кажется, что он достиг своего пика прибавки лексикона: словарь расширяется очень быстро, достигая тысячи слов. При этом ребёнок понимает ещё до двух-трех сотен слов, хотя и не использует их в своей речи.

К шести годам ребёнок владеет порядка 10 000 слов. Простой арифметический подсчёт показывает, что в этом возрасте скорость овладения словами составляет 20 слов в день. В отличие от ребёнка, общительный шимпанзе Вашо освоил только 34 жеста за 21 месяц обучения и в общей сложности 160 жестов за четыре года. Конечно, никто не знает 450 000 слов, имеющихся в словаре Вебстера, и на этом фоне 10 000 слов ребёнка выглядят очень представительно даже по сравнению с количеством в 350 000 слов, известных эрудиту Роберту Броунингу.

Освоение слов ребёнком продвигается настолько быстро, что это невозможно подсчитать совершенно точно. Такого рода подсчеты подвержены случайностям выборки и всякого рода произвольным

стечениям обстоятельств. Но важно отметить, что пассивный словарь (recognition vocabulary, passive vocabulary) – словарь слов, которые ребёнок может понимать, всегда больше активного словаря – тех слов, которые ребёнок употребляет. Это же верно и в отношении взрослых.

В заключение отметим, что семантика в целом более сложная система, чем фонология или синтаксис. Семантика – это система, элементы которой (слова) мы добавляем в течение всей нашей жизни. К тому же значение слов может меняться со временем (как в силу объективных обстоятельств, так и в силу более углублённого понимания нами действительности). И в этом один из ресурсов развития человека как языковой личности и как личности в целом.

3.10. Овладение морфологией

Отечественный лингвист А.Н. Гвоздев выявил такую последовательность усвоения ребёнком грамматических форм русского языка: число существительных – уменьшительная форма существительных – категория повелительности – падежи – категория времени – лицо глагола. Здесь очевиден путь от менее абстрактных, конкретных форм к более абстрактным, путь от простого, формального выражения к сложному.

Конструирование слов. Овладение морфологическими элементами языка тоже имеет свою динамику на основе выделения суффиксов. К примеру, в случае (44 → 45) это суффикс *-ка*, который ребёнок замечает в других словах (46) и присоединяет его к словам, известным ему ранее. При этом развивается и специализируется (уточняется) и значение слова (*биби* – это и *машина*, и *ехать*, и *берегись*, а *бибика* – только *машина*). Таким образом, с момента освоения морфологического механизма языка начинается большой скачок в развитии словаря ребёнка. Обогащение словаря идёт не только за счёт отдельных слов, но и за счёт овладения конструированием слов.

	Детское слово	Значение
(44)	<i>биби</i>	<i>ехать, машина, берегись</i>
(45)	<i>бибика</i>	<i>машина</i>
(46)	<i>ложка, шапка, тарелка</i>	

Чувство грамматичности. Важно, что по мере развития ребёнка обнаруживает нормативное чувство правила: он научается определять, является ли высказывание правильным относительно некоторого языкового стандарта. То, что лингвисты называют «чувством грамматичности», связано и с таким явлением, как самокоррекция (47).

(47) *В реке было много рыбов... рыбей... много рыбы.*

Ваг-тест

Устойчивость и сформированность какого-либо языкового правила может быть проверена экспериментально, если заставить ребёнка применить это правило к заведомо незнакомому языковому материалу.

Так, американская исследовательница Джин Берко [Berco] в 1958 г. провела эксперимент, в ходе которого она показывала детям картинки с изображениями фантастических животных, которым присваивала в качестве названия несуществующие слова (квазислова – pseudowords). В таком ваг-тесте (wug-test) ребёнку показывали одну такую картинку и называли одно псевдоживотное псевдословом (48). Затем ему показывали картинку с изображением нескольких таких псевдозверей и также спрашивали, что он видит теперь (49), или просили завершить фразу (50). Как известно, в английском языке множественное число образуется чаще всего путём прибавления буквы s (которая имеет три звучания [z], [s], [z]). Маленькие дети не всегда были способны ответить на вопрос или отвечали неправильно (51). Но если ребёнок отвечал правильно (52 или 53), значит, он овладел способом выражения множественного числа, а не заучил несколько готовых слов в форме множественного числа.

(48)	<i>This is a wug.</i>	<i>Вот этот зверь называется ваг.</i>
(49)	<i>And what is this?</i>	<i>А это что?</i>
(50)	<i>Now there are two of them...</i>	<i>А вот теперь тут два...</i>
(51)	<i>Two wug.</i>	<i>Два ваг.</i>
(52)	<i>These are wugs.</i>	<i>Это вагу.</i>
(53)	<i>These are two wugs.</i>	<i>Это два вага.</i>

Овладение языком – это усвоение не только языковых единиц, но и правил их создания и употребления. Необходимо иметь своего рода ментальные правила для образования новых слов из старых. А чтобы усвоить эти правила, нужно всё время совершать мыслительную работу по их анализу, систематизации и обобщению. Получается, как образно писал С.Н. Цейтлин, что ребёнок в какой-то степени похож на лингвиста. Интуитивный, неосознанный характер этой деятельности не снижает её огромной ценности для становления ребенка как личности.

3.11. Ошибки в речи детей

В речи детей существуют ошибки, которые настолько распространены, что закономерно повторяются у всех правильно развивающихся детей.

В частности, наиболее частой ошибкой является построение глагольных форм по образцу одной, более лёгкой для ребёнка. Например, все русские дети в определённом возрасте неправильно употребляют глагольные формы (53). Но такие формы не изобретены ребёнком: он опознаёт в словах, которые говорят взрослые, некоторые модели и берёт их за образец. Объяснение тут простое: ребёнку проще использовать одну стандартную форму глагола, чем несколько (54). Нередко такое подражание происходит по образцу только что услышанной формы глагола (55).

(53) Детское слово	Правильный вариант	(54) Языковой образец
<i>*зажгал свет</i>	<i>зажгёт свет</i>	<i>вставал</i>
<i>вставаю</i>	<i>встаю</i>	<i>ломаю</i>
<i>лизаяю</i>	<i>лизю</i>	<i>засытаю</i>
<i>жеваюю</i>	<i>жую</i>	<i>хватаяю, плаваю</i>

(55) – *Игорь, вставай, я тебя давно бужу,* – говорит бабушка.
 – *Нет, я ещё *поспу,* – отвечает трёхлетний мальчик.

Сверхгенерализация. Наличие ошибок не подтверждает теорию, согласно которой говорящий действует по модели «стимул –

реакция». Замечено, что ребёнок может долгое время говорить правильно, а затем вдруг начинает образовывать слова неправильно, но по распространённой модели. Это явление называется сверхгенерализацией.

Сверхгенерализация – это распространение нового правила на старый языковой материал, подчиняющийся другим правилам.

Большое количество ошибок русский ребёнок делает, пытаясь постичь правила образования глагольных форм (56–59) и осваивая образование числа русских существительных. Он не знает ещё обо всех исключениях в морфологии и действует по аналогии.

	Правильный вариант	Детское слово	Языковой образец
(56)	<i>шла</i>	<i>*шѐла</i>	<i>пил – пила, ел – ела</i>
(57)	<i>тщи</i>	<i>*пени</i>	<i>тень – тени</i>
(58)	<i>двое салазок</i>	<i>два *салазка</i>	<i>два велосипеда</i>
(59)	<i>одна монета</i>	<i>одна *деньга</i>	<i>одна книга</i>

Типичной ошибкой русских детей является также употребление прошедшего времени глаголов только в женском роде (с окончанием на *-а*). Причем, так (60, 61) говорят и мальчики, поскольку они слышат эту форму от мам и бабушек, и, кроме того, произносить открытые слоги (которые оканчиваются на гласные) легче, чем закрытые (оканчивающиеся на согласные).

(60) *Я пошла.*

(61) *Я пошла.*

Ошибаются русские дети и в изменении имен существительных по падежам (62).

(62) – *Возьмём все *стулы и сделаем поезд*, – предлагает один малыш другому.

– *Нет*, – возражает тот, – *здесь мало *стулов*.

Образование творительного падежа также может происходить ошибочно путем присоединения к корню существительного окончания *-ом* независимо от рода существительного (63–65). Кроме того, в речи детей возникают ошибки в образовании сравнительной

степени имён прилагательных (66–69); встречаются даже образования сравнительной степени от имен существительных (70).

	Детское слово	Правильный вариант	Языковой образец
(63)	<i>*иголком</i>	<i>иголкой</i>	<i>ножом</i>
(64)	<i>с *кошком</i>	<i>с кошкой</i>	<i>с ножом</i>
(65)	<i>*ложком</i>	<i>ложкой</i>	<i>карандашом</i>
(66)	<i>*хорошее</i>	<i>лучше</i>	<i>смешнее</i>
(67)	<i>*плохее</i>	<i>хуже</i>	<i>сильнее</i>
(68)	<i>*высокое</i>	<i>выше</i>	<i>веселее</i>
(69)	<i>*короткое</i>	<i>короче</i>	<i>длиннее</i>

(70) – *А наш сад все равно *соснее (в нём больше сосен).*

Встречаются и ошибки в родовых окончаниях имен существительных (71–74).

	Детское слово	Правильный вариант
(71)	<i>*лошадиха</i>	<i>лошадь</i>
(72)	<i>*коров</i>	<i>бык</i>
(73)	<i>*людь</i>	<i>человек</i>
(74)	<i>*кош</i>	<i>кот</i>

Отметим в этой связи, что «детские анекдоты» отражают реальные процессы языкового становления ребёнка (75).

(75) *Гена и Чебурашка сидят на крыше.*

– *Гена, смотри, – говорит Чебурашка, – *человеки в яму упали.*

– *Не *человеки, а люди, – исправляет Гена.*

– *Ой, Гена, смотри, ещё один *людь в яму упал.*

Ошибки при усвоении языка – совершенно естественное явление. Ведь помимо системы и нормы существует ещё и узус (то, как принято – почему-то – говорить) и отклонения от нормы, и множество уникальных, единичных явлений – того, что Соссюр образно называл «лингвистической пылью».

Попутно отметим, что и иностранцы, изучающие русский язык, допускают подобные ошибки (76–78).

	Ошибка иностранца	Правильный вариант	Языковой образец
(76)	<i>*стулы</i>	<i>стулья</i>	<i>столы</i>
(77)	<i>*друзи</i>	<i>друзья</i>	<i>подруги</i>
(78)	<i>*окны</i>	<i>окна</i>	<i>машины</i>

Исправление ошибок. Ошибки, которые являются типичными, нужно обязательно поправлять. Если на них не обращать внимания, речь ребёнка надолго останется неправильной. Педагоги также советуют не пересказывать детские слова и фразы с ошибкой как анекдот в присутствии самих детей. Дети очень гордятся тем, что им удалось рассмешить взрослых, и они начинают говорить неправильно уже умышленно.

3.12. Детское словотворчество

Работы Н.О. Рыбникова, А.Н. Гвоздева, Т.Н. Ушаковой, Ч. Полдуина и других исследователей детской речи показали, что первые годы жизни ребёнка являются периодом усиленного словотворчества. При этом оказывается, что некоторые «новые» слова наблюдаются в речи почти у всех детей (79), другие же встречаются только у отдельных (80).

(79) **всехний, *всамделишний*

(80) – *Какой ты *диктун, папа!*

Т.Н. Ушакова выделила несколько принципов, по которым дети с трёх до шести лет образуют новые слова:

а) Часть какого-нибудь слова используется как целое слово. Возникают слова-осколки (81–84)

	Детское слово	Значение
(81)	<i>*пах</i>	<i>запах</i>
(82)	<i>*прыг</i>	<i>прыжок</i>
(83)	<i>*лепъ</i>	<i>то, что слеплено</i>

(84) – *Мы летили-лепили, и получилась *лепъ.*

б) Присоединение к корню слова «чужого» окончания – тоже очень распространённый способ создания ребёнком новых слов (85–92).

	Детское слово	Значение
(85)	<i>*правдун</i>	<i>говорящий правду</i>
(86)	<i>*пахнота</i>	<i>запах</i>
(87)	<i>*сухота</i>	<i>сухость</i>
(88)	<i>*иметель</i>	<i>тот, кто имеет что-либо</i>
(89)	<i>*пахнотчий</i>	<i>тот, кто имеет сильный запах</i>
(90)	<i>*умность</i>	<i>ум</i>
(91)	<i>*радование</i>	<i>радость</i>

(92) – *Пурга кончилась, остались только *пургинки* (правильно – *снежинки*).

в) Одно слово составляется из двух («синтетические слова»). При создании «синтетических» слов происходит сцепление тех частей слова, которые звучат сходно (93–97).

	Детское слово	Составные части
(93)	<i>*ворунишка</i>	<i>вор + врунишка</i>
(94)	<i>*вкуски</i>	<i>вкусные + куски</i>
(95)	<i>*колоток</i>	<i>молоток + колотить</i>
(96)	<i>*улицционер</i>	<i>улица + милиционер</i>
(97)	<i>*кружинки</i>	<i>кружиться + снежинки</i>

А.Н. Гвоздев, объясняя появление «слов-осколков», обратил внимание на то, что, начиная говорить, ребёнок сначала как бы вырывает из слова ударный слог. Вместо слова *молоко* ребёнок произносит только *ко*, позднее – *моко* и наконец *молоко*. Так в речи появляются «осколки слов». Аналогичным образом возникают и необычные словосочетания (98–99).

	Детское слово	Составные части
(98)	<i>*бабезьяна</i>	<i>бабушка обезьяны</i>
(99)	<i>Я – *мапина дочка</i>	<i>мамина и папина</i>

Итак, **словотворчество**, как и усвоение обычных слов родного языка, имеет в своей основе подражание тем речевым стереотипам, которые дают детям окружающие люди. Усваивая речевые шаблоны, дети пытаются понять правила использования приставок, суффиксов, окончаний. При этом они будто непреднамеренно создают новые слова – такие, которых в языке нет, но которые в принципе возможны. Детские неологизмы почти всегда строго соответствуют законам языка и грамматически почти всегда правильны (в смысле закономерны) – только сочетания неожиданны.

Таким образом, словотворчество – один из этапов, который проходит каждый ребёнок в освоении грамматики родного языка. В результате восприятия и использования множества слов, имеющих общие корневые и аффиксальные элементы, в мозгу ребёнка происходят аналитические процессы членения употребляемых слов на единицы, соответствующие тому, что в лингвистике называется морфемами. С возрастом детское словотворчество начинает угасать: к пяти годам ребёнок уже прочно усваивает обороты речи, используемые взрослыми.

Морфема – это такая единица, в которой за определённой фонетической формой (означающим) закреплено определённое содержание (означаемое), и которая не членится на более простые единицы того же рода.

Стратегии овладения родным языком. В психолингвистической литературе последних лет появляются работы, затрагивающие тему индивидуальных различий в речи и стратегий овладения языком. В частности, отмечается наличие как минимум двух стилей овладения языком. Одни дети изучают язык прежде всего для целей указания на предметы (*referential purposes*), другие – для целей выражения своих эмоций (*expressive purposes*). Первые чаще используют существительные, вторые – местоимения.

Говоря о местоимениях, отметим любопытный момент. Дело в том, что важным этапом в развитии самосознания ребенка является процесс осознания себя как субъекта, который появляется вместе с употреблением местоимения «я». У близнецов наблюдается запаздывание в сравнении с одиночнорожденными детьми в правильном использовании местоимения я. Предпочтительное употребление *мы* вместо *я* характерно для монозиготных близнецов не только тогда, когда один из партнёров говорит от имени пары, но и от себя лично.

В психолингвистической литературе описаны также случаи необычного использования языка некоторыми детьми. Так, один англоговорящий ребёнок в течение трёх месяцев выражал отрицание с помощью фонологических трансформаций, заключающихся в удвоении части слова (100–103).

	Детское слово	Транскрипция	Значение		
			наличие	отсутствие	другое
(100)	<i>wati</i>	<i>[vami]</i>	вода		
(101)	<i>watiti</i>	<i>[vamumu]</i>		нет воды	
(102)	<i>up</i>	<i>[an]</i>	вверх		
(103)	<i>upara</i>	<i>[anana]</i>			наверх или вниз

Любопытно, что в некоторых языках (или диалектах) также используются конструкции удвоения корня слова для выражения большей степени выраженности признака. К примеру, это явление встречается в языке суахили (104) и в английском языке в Доминиканской республике (105, 106).

	Слово	Транскрипция	Перевод	Удвоение	Транскрипция	Перевод
(104)	<i>kuzunguka</i>	<i>[кузунгука]</i>	<i>кружиться</i>	<i>kuzungukazunguka</i>	<i>[кузунгуказунгука]</i>	<i>испытывать головокружение</i>
(105)	<i>wake up!</i>	<i>[вэйк ап!]</i>	<i>Вставай!</i>	<i>Waiki-waiki</i>	<i>[вейкивейки]</i>	<i>Вставайте, будьте активнее!</i>
(106)	<i>cheap</i>	<i>[чин]</i>	<i>дешёвый</i>	<i>chipi-chipi</i>	<i>[чипичипи]</i>	<i>очень дешёвый</i>

Подобные факты свидетельствуют о том, что речевое развитие отдельных детей может характеризоваться уникальными особенностями. Однако в целом дети, не имеющие ярко выраженных физических недостатков, несмотря на индивидуальные различия, усваивают родной язык примерно в одно и то же время и даже вне зависимости от целенаправленных усилий родителей.

3.13. Овладение синтаксисом

Психолингвист из университета Беркли (Калифорния, США) Сьюзен Эрвин-Трипп однажды высказала необычное соображение: «Чтобы стать носителем языка, нужно выучить правила. То есть нужно научиться вести себя так, будто ты знаешь эти правила». Ребёнок очень умело делает вид, что он знает правила взрослого языка.

Однословные предложения. Так, сначала он говорит словами, которые обладают коммуникативной силой предложений, но являются однословными предложениями. Одно слово (107) может иметь несколько значений, которые определяются только по неречевому контексту.

	Детское слово	Значение
(107)	<i>Мама!</i>	<i>Мама, дай!</i>
		<i>Вот мама.</i>
		<i>Я хочу есть!</i>

Односоставные предложения. Затем начинается период двусоставных предложений. Ребёнок не просто соединяет слова в предложения случайным образом – в его речи появляются два функциональных класса слов. Первый класс – «опорные слова» (pivot words), или операторы. Этот список слов небольшой и сравнительно замкнутый. Второй класс – «открытый» (open-class words), он более широкий, многие слова этого класса до того были в речи ребёнка однословными предложениями. Для создания двусоставного предложения выбирается слово из «опорного» класса (оно является как бы семантической основой предложения), а значение варьируется

за счёт второго слова из «открытого» класса. Это может быть практически любое слово. Отметим, что порядок следования элементов может быть разным.

Двусоставные предложения (pivot-конструкции) используются в разных функциях – для просьбы (108, 109), для называния места (110); для описания события (111); для отрицания (112). Они также могут иметь очень ситуативные значения (113, 114), значение которых можно понять, только зная экстралингвистическую ситуацию.

	«Закрытый список»	«Открытый список»	
(108)	<i>Ещё</i>	<i>молока</i>	
	<i>More</i>	<i>milk</i>	
(109)	<i>Дай</i>	<i>часы</i>	
(110)	<i>Тоя</i>	<i>там</i>	
(111)	<i>Гусь</i>	<i>ту-ту</i>	
(112)	<i>Не</i>	<i>мокро</i>	
(113)	<i>Папа</i>	<i>бай-бай</i>	
(114)	<i>Баба</i>	<i>кресло</i>	

Опорных слов в речи ребёнка немного, но они имеют высокую частотность. Класс опорных слов расширяется медленно – каждый месяц добавляются лишь несколько опорных слов (115–118).

	Детская фраза	Транскрипция	Значение
(115)	<i>More page</i>	<i>[мо пэйдж]</i>	<i>Читай ещё!</i>
(116)	<i>More wet</i>	<i>[мо вет]</i>	<i>Ещё хочу ходить по луже</i>
(117)	<i>More car</i>	<i>[мо кар]</i>	<i>Давай еще кататься на машине</i>
(118)	<i>More high</i>	<i>[мо хай]</i>	<i>Там наверху есть ещё</i>

Совершенно очевидно, что родители не используют подобные конструкции, разговаривая с детьми. Более вероятно предположить, что ребёнок использует скудные языковые средства для создания новых предложений в рамках своей несложной, но уже структурированной системы.

Следующий этап развития синтаксиса – появление развитых синтаксических форм, которые могут выполнять разные функции: объединение (119); атрибуция (120); принадлежность (121); место-положение (122); отношение субъект-объект (123).

(119) *Я вижу чашку и стакан.*

(120) *Это праздничная шляпа.*

(121) *Это носки Кати.*

(122) *Свитер на стуле.*

(123) *Катя бросает мячик.*

Затем появляются иерархические конструкции. Ребёнок в одной фразе начинает говорить с группы сказуемого, а потом тут же меняет её на группу подлежащего-сказуемого (124–125).

(124) *Want this... Andrew *want this. = – Хочу это... Андрюша хочет это.*

(125) *Строит дом. Катя строит дом.*

Эти фразы не просто механические цепочки из трёх слов. Иногда ребёнок расширяет такие глагольные группы (126).

(126) *Встала... Кошка встала... Кошка встала... стол.*

Когда Л.В. Щерба писал об эксперименте в психолингвистике, он ввёл понятие отрицательного языкового материала как всякого речевого высказывания, которое не понимается или понимается с трудом, а потому не всегда достигает своей цели. По его мнению, ребёнок производит отрицательный языковой материал, но «научается» правильно говорить или просить что-нибудь именно по той причине, что его непонятные фразы не понимаются, а просьбы не выполняются.

Овладение синтаксисом связано и с овладением интонацией (от лат. *intono* – громко произношу).

Интонация – это совокупность элементов устной речи, в которые входит мелодика, ритм, темп, интенсивность, акцентный строй (в том числе логическое ударение), тембр, высота тона, паузация и др.

Эти элементы фонетически организуют речь и являются средством выражения различных, в том числе синтаксических, значений. Они также помогают приписать словам экспрессивную, эмоциональную окраску. Способность правильно использовать ин-

тонационные средства, с помощью которых можно передавать как основную, так и дополнительную информацию, также является показателем языкового развития личности.

Развитие синтаксиса детской речи связано с включённостью ребёнка в общение со взрослыми, которое обусловлено возможностью удовлетворения потребностей ребёнка. Именно это и стимулирует развитие речи. Наличие каких-либо ограничений в умственном и социальном развитии ребёнка накладывает ограничения и на его языковое развитие. Так, близнецовый «микроклимат» влияет на формирование психических функций у детей-близнецов. В частности, у монозиготных близнецов наблюдается отставание в освоении речевых навыков и возникновение интимного языка, понятного только им двоим, что приводит к задержке развития их интеллектуальной сферы.

3.14. Овладение значением слова

Психологический статус значения слова заключается в том, что оно находится между мыслью и формой слова. Психологическая структура значения определяется не столько тем, что означает слово по словарю, сколько тем, какова система соотношения слов в процессе их употребления, в речевой деятельности. Структура значения слова определяется и тем окружением, в которое оно попадает в речи, и тем, какое свойство объекта оно отражает.

Сначала ребёнок овладевает словом неосознанно и, конечно же, не может дать на первых порах определение слову, хотя уже и в состоянии выделить слово из потока речи. Но всякий раз, именуя какой-либо предмет или действие, ребёнок относит его к определённом классу предметов или действий и тем самым создаёт образ предмета.

Известно, что есть слова с преобладающим наглядным компонентом (127) и слова, где преобладает абстрактный компонент (128). Ребёнок во всех словах замечает лишь наглядный компонент (129, 130).

(127) *пудель, роза, кофемолка*

(128) *мысли, государство, сознание, животное, мебель, работа, смех, радость, доброта*

(129) *Завод* – это где большая труба.

(130) *Завод* – это где работает папа.

Л.Ф. Обухова пишет: «Когда ребенок конструирует новое понятие, пользуясь языком взрослых, то это понятие остается всецело детским, так как ребенок изменяет и ассимилирует его соответственно своей умственной структуре».

В этой связи также становится понятным, что одной из проблем правильного освоения значения слова является его многозначность – способность обозначать несколько разных предметов одновременно.

Птица, самолёт или дождь?

Так, европеец, изучающий язык племени банту, может оказаться в такой ситуации, когда туземец, показывая пальцем на небо, произносит неизвестное европейцу слово (131). Относится ли это слово к птице, самолету или хорошей погоде, или, наоборот, к надвигающемуся тропическому ливню, можно узнать, только если оказаться в других ситуациях (и, соответственно, прослушать другие контексты употребления этого же слова). Происходит своего рода герменевтическое проникновение в ситуацию.

(131) *ndege* [ндэге]

Проблема в том и состоит, что в реальности существует достаточно большое количество возможных интерпретаций одного и того же слова. И ребёнок оказывается почти в такой же ситуации, как и иностранец. Он слышит какие-то звуки и видит, что взрослые указывают на какие-то предметы. Но к чему конкретно относится то или иное слово, ему понять не просто.

Из сказанного ранее следует, что ребёнок с трудом даёт определение слова с абстрактным компонентом (128). Понять их значение из чисто статистического сравнения их употребления в контексте практически невозможно. Не менее сложно овладеть сравнительными прилагательными и наречиями, поскольку для этого необходимо обладать некоторыми ментальными эталонами сравнения. У ребёнка же имеются определённые умственные ограничения (*mental constraints*), обусловленные и его физическим развитием, и отсутствием жизненного опыта. Поэтому, несмотря на прогресс в языковом развитии, слово для трёхлетнего ребёнка продолжает оставаться конкретным. Если взрослый может дать достаточно раз-

вёрнутое определение любого слова (132), то «определение» ребёнка будет очень конкретным и ситуативным (133):

(132) Собака – это домашнее животное, которое относится к классу млекопитающих, живёт вместе с человеком, и ...

(133) Собака – она меня вот сюда укусила.

Дети также с трудом осваивают метафоричность и в целом переносные значения слов (134), задавая «несуразные» вопросы (135–137). Недаром так рада была Алиса – героиня «Алисы в стране чудес» (138), когда она увидела, как «на самом деле» происходит *выдворение из пределов* (139) (в другом переводе *подавление восстания* – 140).

(134) бить баклуши, валять дурака, разбазаривать время

(135) От кого отстают часы?

(136) А почему говорят, что люди на войне убивают друг друга. Они что, друзья?

(137) Куда идёт кино?

(138) Here one of the guinea-pigs cheered, and was immediately suppressed by the officers of the court. (As that is rather a hard word, I will just explain to you how it was done. They had a large canvass bag, which tied up at the mouth with strings: into this they slipped the guinea-pig, head first, and then sat upon it.)

'I'm glad I've seen that done,' thought Alice. 'I've so often read in the newspapers, at the end of trials, "There were some attempts at applause, which was immediately suppressed by the officers of the court," and I never understood what it meant till now.'

(139) Тут какая-то Морская Свинка зааплодировала и была немедленно выдворена судейскими чинами.

(Так как не все знают это слово, я вам расскажу, что оно значит. У них был большой брезентовый мешок. Они сунули туда Свинку вниз головой, на веревке опустили мешок за окно, немало подергали веревку, и Морская Свинка весело выскочила во двор.)

«Очень хорошо, что я увидела, как это делается, – подумала Алиса, – а то в газетах часто пишут: "выдворили из пределов", а я до сих пор не понимала, что это значит!»

(140) Тут одна из морских свинок восторженно зашумела и тотчас была подавлена стражниками. (Делалось это так: у стражников были большие холщевые мешки, отверстия которых стягивались верёвкой. В один из них они и сунули вниз головой морскую свинку, а затем на неё сели.)

«Я рада, что видела, как это делается, – подумала Аня. – Я так часто читала в газете после описания суда: были некоторые попытки выразить ободрение, но они были сразу же подавлены. До сих пор я не понимала, что это значит».

Многие дети считают, что любой *автомат* (даже по продаже шоколадок) может стрелять, раз он так называется, и на любой *машине* (даже стиральной) можно куда-нибудь уехать.

Аналогичным образом дети переделывают и тексты, заменяя абстрактные и незнакомые им слова на более конкретные и понятные им, хотя и не существующие в языке (138–142).

	Оригинал	Детская переделка
(141)	<i>Я Земля, я своих провожаю питомцев</i> (из песни)	<i>Я змея, я своих провожаю *питонцев</i>
(142)	<i>Хотят ли русские войны?</i> (из песни)	<i>Котятки русские больны</i>
(143)	<i>Следующая станция «Площадь восстания»</i>	<i>Следующая станция «Площадь с хвостами»</i>
(144)	<i>Что нежной страстью сама ко мне пылаешь</i> (из песни)	<i>... собакой не полаешь</i>
(145)	<i>Ты – моя надежда, Ты – мой идеал</i> (из песни)	<i>Ты – моя одежда, Ты – мой *одеал</i>

Подобные явления («переделки») встречаются и во взрослой речи – в рамках так называемой языковой игры – и являются не столько манифестацией задержки развития, сколько проявлением творческого отношения к речевой деятельности (146).

	Оригинал	Взрослая переделка
(146)	<i>Жизнь невозможно повернуть назад, и время ни на миг не остано- новишь</i> (из песни)	<i>Фарш невозможно повернуть назад, и мясо никогда не восста- новишь</i>

3.15. Детские словечки

Ранее мы отметили, что все дети проходят этап словотворчества, когда они придумывают «свои» слова на основе «взрослых» слов по имеющимся в языке моделям. Возможно даже придумывание собственного языка (как это описано у Льва Кассиля в книге «Кондуит и Швамбрания»). Но существуют ещё такие словечки,

которые являются как бы исконно детскими, и создают своего рода «детский язык» (так называемый *baby talk*). Это слова, обозначающие: состояния (147), действия (148), звуки (149–150) и предметы (151–152). Интересно, что подобные слова существуют на всех языках мира. Английские дети не обходятся без таких слов (153, 154), а в японском языке есть наравне с литературным названием *машины* (*jidosha* или *kuruma*) ещё и чисто детское (*bu-bu*).

	Детское слово	Значение
(147)	<i>бо-бо</i>	<i>больно</i>
(148)	<i>ням-ням</i>	<i>кушать, есть</i>
(149)	<i>тук-тук</i>	<i>о стуке в дверь</i>
(150)	<i>тик-так</i>	<i>часы</i>
(151)	<i>ляля</i>	<i>кукла</i>
(152)	<i>бяка</i>	<i>что-то плохое</i>
(153)	<i>bow-wow</i> (англ.) [<i>бау-вау</i>]	<i>собака</i>
(154)	<i>choo-cho</i> (англ.) [<i>чу-чу</i>]	<i>поезд</i>

Почему такие слова существуют в речи детей и, что любопытно, употребляются взрослыми? Объяснений тут несколько.

Во-первых, многие из этих слов звукоподражательные. Они близки реальным звукам природных и искусственных объектов: *гав-гав* – это очень похоже на реальный лай собаки, *би-би* – на сигнал автомобиля, а *динь-динь* – на звук колокольчика. Даже в нашем «взрослом» языке есть такие рифмующиеся малоосмысленные элементы, имитирующие звучание (155–157).

	Звукоподражательное слово	Значение
(155)	<i>трам-тарарам</i>	о шуме, грохоте
(156)	<i>дзинь-ля-ля</i>	о звоне (разбитой посуды)
(157)	<i>шурумбурум</i>	о заварушке, конфликте

Во-вторых, первые «детские» слова (158) построены по лёгкой для ребёнка форме: как правило, это согласный плюс гласный (159).

Повтор одного и того же слога (с небольшой модификацией) облегчает запоминание и использование такого словечка ребёнком. Уже несколько позднее появляются более сложные в фонетическом плане слова (160–161).

(158) *баба (о бабушке)*

(159) *мама, папа, дядя, тетя*

	Детское слово	Значение
(160)	<i>трик-трак</i>	имитация закрывающегося замка
(161)	<i>пиф-паф</i>	звук выстрела

В-третьих, такого рода словечки иногда обозначают табуированные слова из взрослой речи. Ведь некоторые взрослые (особенно женщины) не любят грубых слов, обозначающих, в частности, действия мочеиспускания или дефекации. Детские же словечки, обозначающие то же самое (162) звучат достаточно нежно (163). Даже по-японски произносят смягчённое сочетание звуков (164), когда высаживают ребёнка на горшок «по-маленькому».

(162) *пи-пи, ка-ка*

(163) *Ну-ка сделай пи-пи перед баиньки, а то мамочка ата-та сделает.*

(164) *shee-shee*

Что можно сказать о таком вроде бы неправильном языке? Нужно ли употреблять детские словечки в разговорах с детьми? Не лучше ли сразу приучать их к правильной речи? Думается, что нет ничего плохого в том, что дети до трёх лет используют такие словечки. Ведь по наблюдениям детских психологов даже ребёнок четырех лет, обращаясь к двухлетнему, говорит гораздо проще, нежели разговаривая со взрослым. Люди, желающие, чтобы их понимали, должны говорить на том лингвистическом уровне, который обеспечивает понимание со стороны слушателя. Кроме того, дети всего мира используют детские словечки, а это свидетельствует об универсальности явления.

В ряде стран, в частности в Канаде и США, взрослые относятся к таким особенностям своей речи достаточно спокойно, зато в Японии педагоги считают это неправильным. Дело в том, что некоторые взрослые чрезмерно используют в своей речи этот не совсем ещё правильный детский язык и детские словечки, сюсюкают с ребёнком.

На самом же деле и родительский язык, и всякие детские «неправильные» словечки – это промежуточный этап на пути освоения ребёнком такого сложного инструмента мышления и познания мира, каковым является язык. И «родительский язык», и детские словечки взрослых играют в когнитивном и языковом развитии ребёнка свою небольшую, но существенную роль.

3.16. Родительский язык

Понятно, что при ограниченном объёме речевых средств ребёнок не в состоянии стать полноценной личностью. Роль родителей в том, что ребёнок овладевает языком как средством фиксации знаний о мире и средством общения, достаточно велика. Но – удивительное дело – родители крайне редко поправляют грамматические ошибки детей (165). Если же это и происходит, то, как правило, со стороны родителей, обладающих высоким социо-экономическим статусом. Но и они в большинстве случаев поправляют детей только тогда, когда их высказывания не соответствуют действительности (166).

(165)	Ребёнок	<i>My mom are not boy, she girl.</i>	<i>Моя мама <они> не мальчик, она <пропущен глагол-связка> девочка.</i>
	Родитель	<i>That's right!</i>	<i>Правильно!</i>
(166)	Ребёнок	<i>Disney comes to our house on Tuesday!</i>	<i>Дисней придет к нам домой во вторник!</i>
	Родитель	<i>No, no. On Friday.</i>	<i>Нет, нет. В пятницу!</i>

Реагируя только на истинность высказывания ребёнка, родители редко исправляют аграмматичность его речи. В психолингвистической литературе эта проблема – отсутствия исправления грамматических ошибок – получила название проблемы негативных данных (negative evidence, absence of negative data).

Другая особенность общения взрослых с детьми состоит в том, что взрослые говорят с детьми иначе, нежели между собой. Так, спрашивая о возрасте (167) или об имени ребёнка (168), взрослый использует уменьшительные суффиксы или обращается к ребёнку с помощью объединительного *мы*. Так иногда делает врач, обращаясь

к пациенту (169), или девушка, обращаясь к юноше, который младше её, с иронией (170). Говоря с ребёнком, взрослый может присесть на корточки перед ребёнком (чтобы быть с ним на одном уровне) и разговаривать с ним достаточно высоким и словно не своим голосом. Такого рода язык называют родительским, или нянькиным, языком (*parentese talk*, *motherese talk*).

(167) *Сколько нам годиков?*

(168) *Как нас зовут?*

(169) *Что у нас болит?*

(170) *Какие мы сегодня нарядные!*

В речи, адресованной ребёнку (*child direct speech*), есть и свои особенности синтаксиса. В частности, используемые родителями фразы достаточно коротки и обладают простой структурой.

Иногда в речи взрослых можно услышать фразы, где есть и временное несоответствие (вместо *даёт* (в примере 171) лучше сказать *даст*) и использование имён собственных вместо местоимений (ср. 172). Кстати сказать, отсутствие личных местоимений в речи детей до двух лет как бы фиксируется на периферии языкового сознания взрослых, и они облегчают свою речь с ребёнком, чаще используя вместо местоимений имена собственные.

(171) *Сейчас мамочка даёт Вовочке помидорчик.*

(172) *Я сейчас дам тебе помидор.*

Говоря о лексике, отметим, что слова, которые употребляют взрослые в беседе с детьми, семантически более простые (173–175), чем те, которые взрослые могут употреблять в разговоре со взрослыми или тем более в письменной речи.

	В разговоре с детьми	В разговоре со взрослыми
(173)	<i>видеть</i>	<i>заметить, обнаружить</i>
(174)	<i>рассказать</i>	<i>пересказать</i>
(175)	<i>кушать</i>	<i>жевать, питаться</i>

Взрослый, обращаясь к ребёнку, скорее будет использовать простые слова и обороты (176), чем научную лексику и сложные конструкции (177).

(176) *Собачка хочет пить водичку.*

(177) *Собака набегалась в парке, и теперь ей нужно восстановить потерю жидкости в организме.*

Удивительное дело, но взрослые, говоря с детьми, как бы обращаются к семантическим примитивам. В одном случае они будут говорить менее детально (178, а не 179), в другом, наоборот, будут использовать родовые наименования (180) вместо видовых (181). Как взрослые угадывают, слово какого уровня абстракции надо использовать в общении с детьми, психолингвисты пока не знают.

(178) *Посмотри, какая собачка красивая.*

(179) *Взгляни, какая гладкая шерстка у фокстерьера.*

(180) *Посмотри, какая красивая красная чашечка.*

(181) *Чудо, что за расписная посуда.*

Кроме того, взрослые говорят с ребёнком о том, что происходит в непосредственной близости (182), а не об удалённых предметах и явлениях или об абстрактных (для детей) проблемах (183).

(182) *Вон бабочка на цветочек села.*

(183) *Опять ставка межбанковского кредита выросла.*

Слова, с которыми взрослые обращаются к детям, достаточно часто содержат уменьшительно-ласкательные суффиксы (184). Подобные слова есть и в английском «родительском» языке (185–187). Они содержат ярко выраженное эмоциональное значение и относятся лингвистами к разряду субъективно-оценочных. Дело в том, что ребёнок от двух до четырёх лет в своей игре и речи персонифицирует предметы и явления окружающего мира. Он как бы уподобляет предметы себе, выражая к ним доброе отношение. А взрослые помогают ему в этом, используя чаще именно те слова, которые соответствуют уровню его развития.

(184) *грибок, стульчик, машинка, кошечка*

	Слово общелитературного языка (англ.)	Транскрипция	Перевод	Слово «родительского языка» (англ.)	Транскрипция	Перевод
(185)	<i>bird</i>	[бэ́д]	<i>птица</i>	<i>birdy</i>	[бэ́ди]	<i>птичка</i>
(186)	<i>horse</i>	[хос]	<i>лошадь</i>	<i>horsie</i>	[хоси]	<i>лошадка</i>
(187)	<i>kitten</i>	[киттени]	<i>котенок</i>	<i>kitty</i>	[китти]	<i>котёночек</i>

Ещё одна особенность родительского языка состоит в том, что взрослые говорят с детьми медленнее, делают больше пауз и по-

вышают частоту тона голоса. Кроме того, они делают сильное логическое ударение на большем количестве слов, чем обычно. Такое преувеличенное произнесение помогает подчеркнуть важность говоримого и обратить внимание ребёнка на то, что взрослый считает нужным. Характерно, что делается это именно с помощью повышения громкости речи, а не с помощью, допустим, порядка слов, которым ребёнок пока не овладел.

Исследователи полагают, что мужчины (папы, дедушки и воспитатели) делают это в менее детской манере, чем женщины (мамы, бабушки, воспитательницы). Учёные отмечают это различие между родителями в развитии коммуникативных навыков у ребенка. К примеру, если ребёнок предлагает какую-нибудь тему, то по времени её больше будут поддерживать матери, чем отцы. Матери – более внимательные и понимающие коммуникаторы, обеспечивающие максимум комфортного общения для ребенка, зато отцы лучше готовят детей к общению с незнакомыми взрослыми. Родители тем самым как бы дополняют друг друга, и одновременно, сами того не замечая, учат ребёнка и языку, и речевому общению, внося вклад в социализацию его как личности.

Учёные отмечают в целом наличие определённых, принятых во многих культурах, моделей взаимодействия «мать – ребёнок». Однако то, что признаётся в западной науке в качестве необходимого этапа развития коммуникативных навыков ребёнка, в некоторых других культурах может отсутствовать. И несмотря на это, дети в тех культурах овладевают языком в те же сроки, что и в Западном сообществе. В ряде межкультурных исследований даже высказывается мысль о том, что недостаток заинтересованности и внимания по отношению к ребёнку может иметь положительные последствия для его языкового и коммуникативного развития.

3.17. Теории формирования языкового сознания в онтогенезе

Теория Блонского. Самая простая модель онтогенеза принадлежит отечественному педагогу П.П. Блонскому, который выделял четыре стадии процесса освоения слова: 1) за словом следует слово;

2) за действием следует слово; 3) за словом следует действие; 4) слово заменяет действие. Сходную теорию выдвигал и Л. Блумфилд.

Теория Пиаже. Обоснованный ответ на вопрос о соотношении биологического и социального дал французский психолог Жан Пиаже. Суть его гипотезы состоит в том, что «условия возникновения языка составляют часть более широкой совокупности (условий), подготовленной различными стадиями сенсомоторного интеллекта». Пиаже полагал, что ребёнок проходит в своем развитии два этапа. На стадии **сенсомоторной логики** у ребёнка развивается **сенсомоторный интеллект**, который помогает ему освоить некоторую логику — логику действий. Она позволяет ребёнку сформировать способность к генерализации действий. По Пиаже, второй этап развития — это переход от логики действий к **концептуальной логике**, что происходит на втором году жизни. На этой стадии развития интеллекта ребёнок начинает осваивать язык как семиотическое средство. Он имитирует жесты взрослых, начинает представлять схемы действий, и у него развивается семиотическая функция. Кроме того, Пиаже говорил о трёх стадиях умственного развития детей.

Первая стадия (дооперациональная) заканчивается примерно к 6 годам (у европейских детей). Умственная деятельность ребёнка в этом возрасте состоит в основном в установлении соответствий между опытом и действием: интерес его сводится к манипулированию предметами. У ребёнка на этой стадии нет понятия «обратимости» — ему недоступны некоторые фундаментальные понятия, лежащие в основе математики и физики (например, что при разбиении на группы общее число элементов не меняется или что масса и вес предмета при изменении его формы остаются неизменными). Естественно, на этой стадии возможности взрослых в объяснении понятий детям весьма ограничены.

Вторая стадия (конкретных операций) начинается с поступления ребёнка в школу. Теперь это не просто действия, а операции, т.е. приёмы, с помощью которых данные о реальном мире вводятся в сознание, преобразуясь в форму, подходящую для решения конкретной задачи. Операция отличается от простого действия или целенаправленного поведения двумя признаками: она может быть проделана мысленно, и она обратима. Иногда приобретённая на этой стадии наивная вера в обратимость заходит у ребёнка так далеко, что он полагает возможным восстановление сгоревшего листа бумаги, а не только соедине-

ние разобранного на части кубика. Ребёнок уже способен упорядочивать и классифицировать конкретные и знакомые ему по прошлому опыту предметы, но не способен описывать то, что вообще могло бы произойти. Он ещё не может анализировать ситуации, которые не видит непосредственно или с которыми он не встречался ранее. Иными словами, он ещё не имеет способности к экстраполяции.

Третья стадия (формальных операций) наступает примерно к 10–14 годам. На этой стадии ребёнок способен оперировать гипотетическими утверждениями, а не ограничен только конкретными предметами и своим предшествующим опытом. Именно на этом этапе он приобретает способность к формальному и аксиоматическому мышлению. Ещё на второй стадии – конкретных операций – ребёнок мог интуитивно усваивать некоторые идеи разных областей знания, однако не был способен понять законы науки, смысл обобщённых понятий.

Теория Хомского. Полагая, что ребёнок обладает врождёнными языковыми структурами, которые словно просыпаются, когда ребёнок слышит вокруг себя речь, Ноэм Хомский выдвинул теорию врожденных знаний.

Согласно концепции «врожденных знаний» ребёнок формулирует гипотезы относительно правил лингвистического описания языка, когда слышит произносимые взрослыми фразы («первичные лингвистические данные»). Далее, на основе этих гипотез он предсказывает лингвистическую структуру будущих предложений, сравнивает эти предсказания с реально появляющимися предложениями, отказывается от гипотез, не оправдавших себя, и развивает те, которые оказались приемлемыми.

Чтобы ребёнок мог всё это делать, у него должны быть, по словам Н. Хомского, «врождённое предрасположение выучить язык определённого типа» (не в смысле языковой типологии, а в смысле «человеческого типа» языка) и способность сравнивать конкретную систему с «первичными лингвистическими данными», или, что то же, «стратегия выбора приемлемой грамматики, сравнимой с первичными лингвистическими данными».

Проблема врождённых языковых способностей. Вопрос о том, является ли языковая способность человека врождённой и нейро-

физиологически отдельной от других когнитивных функций, продолжает оставаться в центре мультидисциплинарных дискуссий в течение десятилетия. Новейшие исследования показывают, что существуют нейроанатомические корреляты специфически речевых расстройств, и даже появилась надежда на возможность идентификации гена, прямо ассоциирующегося с языковыми и речевыми нарушениями.

Локализация речевых центров позволяет, в частности, находить медикаментозные средства лечения нарушений речи.

Неспециализированность мозга. Если школа Хомского постулирует врожденность языковой способности (которая иногда называется LAD – Language Acquisition Device), то отечественные учёные, анализируя развитие сознания ребёнка, говорят о высокой организованности мозга и его неспециализированности. Именно исходная неопределённость функционирования мозга, создаваемая отсутствием жёсткого генетического программирования, и открывает перед индивидуальным развитием огромные возможности.

«Человек с момента своего рождения, – писал философ Мегральян, – является носителем специфически человеческой биологии, сформированной предшествующим развитием человеческого филогенеза (развитием всего человечества. – В.Б.). Он прежде всего обнаруживает биологическую готовность в своем онтогенетическом становлении усваивать культурно-исторические достижения общества».

Взгляды А.Н. Леонтьева. Биологически унаследованные свойства психики являются, по мнению А.Н. Леонтьева, лишь одним, хотя и важнейшим, условием её формирования. Но не менее важный фактор развития сознания ребёнка, в том числе и сознания речевого, – это окружающий человека мир явлений и предметов, созданных трудом предыдущих поколений. А.Н. Леонтьев, в частности, писал, что «процесс овладения языком осуществляется в ходе развития реальных отношений субъекта к миру. Отношения же эти не зависят от субъекта, от его сознания, а определяются конкретно-историческими, социальными условиями, в которых он живёт, и тем, как складывается в этих условиях его жизнь».

Представления А.Р. Лурии. Важнейшими «образующими сознания», по мнению А.Р. Лурии, являются значения, поскольку именно «в значениях представлена преобразованная и свёрнутая в материи языка идеальная форма существования предметного мира, его свойств, связей и отношений, раскрытых совокупной общественной практикой». Ребёнок, усваивая значения, интериоризирует их, делает их внутренними символами своего мышления. Ребёнок, обучаясь принятым в данном обществе способам действия с социально-функционирующими предметами, усваивает познавательные нормы и эталоны, объективированные в этих процессах, и через деятельность с этими предметами формируются его психика и языковое сознание.

Л.С. Выготский о зоне ближайшего развития. Л.С. Выготский осуществил экспериментальные исследования отношения между обучением и развитием. Это изучение житейских и научных понятий, исследование усвоения родного и иностранного языков, устной и письменной речи, зоны ближайшего развития. Последнее понятие является особо важным.

Зона ближайшего развития – это расстояние между уровнем актуального развития ребенка и уровнем возможного развития, определяемым с помощью задач, решаемых под руководством взрослых.

Как пишет Л.С. Выготский, «зона ближайшего развития определяет функции, не созревшие ещё, но находящиеся в процессе созревания; функции, которые можно назвать не плодами развития, а почками развития, цветами развития. Уровень актуального развития характеризует успехи развития, итоги развития на вчерашний день, а зона ближайшего развития характеризует умственное развитие на завтрашний день».

Зона ближайшего развития – логическое следствие закона становления высших психических функций, которые формируются сначала в совместной деятельности, в сотрудничестве с другими людьми, постепенно становятся внутренними психическими процессами субъекта. Когда психический процесс формируется в совместной деятельности, он находится в зоне ближайшего развития;

после формирования он становится формой актуального развития субъекта.

Феномен зоны ближайшего развития свидетельствует о ведущей роли обучения в умственном развитии детей. «Обучение только тогда хорошо, – писал Л.С. Выготский, – когда оно идет впереди развития». Тогда оно пробуждает и вызывает к жизни много других функций, лежащих в зоне ближайшего развития.

Таким образом, согласно представлениям отечественных ученых, психическое развитие личности есть развитие социальное. Процесс социализации личности – это «присвоение» культуры данного общества. Он связан с овладением навыками практической деятельности и с присвоением социальных норм и ролей. Овладение языком является решающим в процессе развития и социализации личности. Поскольку язык социален по своему происхождению, он становится для каждого отдельного индивида носителем традиционного опыта, принадлежащего обществу. Язык вводит сознание ребёнка в рамки социального опыта коллектива и является средством фиксации результатов этой социализации.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- Опишите условия, при которых герой Р. Киплинга Маугли мог бы стать полноценным человеком.
- Какие этапы проходит в своём языковом развитии ребёнок?
- Почему существует корреляция между физическим развитием ребёнка и освоением языка?
- Что такое «промежуточная грамматика»?
- Что такое pivot-грамматика?
- Почему дети опускают ошибки?

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Язык животных.
- «Говорящие» животные.
- Дети-маугли.

- Основные этапы развития детской речи.
- Как ребёнок овладевает произношением.
- Как ребёнок осваивает грамматику.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ

- Моё языковое развитие (языковое развитие моего ребёнка, брата, сестры).
- Смешные детские слова и причины их появления.
- Звукоподражательные слова в детской речи.
- «Нянькин» язык — речь взрослых, разговаривающих с детьми.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

- Становление речи в онтогенезе.
- Прагматические аспекты общения взрослых с детьми.

Тема 4

ПРОИЗВОДСТВО РЕЧИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: производство речи, речевые ошибки, оговорки, стохастическая модель, анализ по непосредственно составляющим, трансформационная грамматика, внутренняя речь.

Процесс производства речи заключается в том, что говорящий по определённым правилам переводит свой замысел в речевые единицы конкретного языка.

4.1. Речевые ошибки

В силу того что процессы речепроизводства недоступны прямому наблюдению, о них можно судить только по их продуктам – промежуточным или конечным. Однако конечный продукт – текст или высказывание – может не соответствовать замыслу говорящего. Ведь в процессе говорения человек замедляет речь, останавливается, заменяет слово или даже меняет структуру фразы, поправляет себя и уточняет свою мысль. Поскольку естественная речь содержит немало такого рода сбоев, многие учёные полагают, что правила речепроизводства отражаются в речевых ошибках.

В психолингвистике накоплен огромный материал, связанный с ошибками в производстве и восприятии речи. Так, ещё в 1895 г. некто Мерингер, которого считают отцом проблемы речевых ошибок, опубликовал список из более чем 8000 ошибок в устной и письменной речи, а также ошибок, допускаемых при чтении.

К речевым **ошибкам** относят паузы (pauses) (они составляют до 40–50% речи), колебания (hesitations), исправления (corrections), повторы (repetitions) и замещения (substitutions), а также оговорки (slips of the tongue).

Что касается пауз, то в речи они занимают до 40–50%, причём более половины из них приходится на естественные границы грам-

матических отрезков (между синтагмами). Большинство речевых отрезков при этом не превышает объёма в шесть слов. При чтении бессистемных пауз меньше, и они определяются синтаксическими структурами читаемого текста.

Рассматривая **оговорки**, Виктория Фромкин делит их на четыре типа: подстановка (substitutions), перестановка (exchange), опущение (omission), добавление (addition). Эти типы, по её мнению, подтверждают наличие и психолингвистическую реальность фонем, слогов, слов и синтагм, что позволяет классифицировать их по уровням языка (фонетический, морфологический, семантический, синтаксический).

Подстановки. Оговорки на фонологическом уровне связаны преимущественно с подстановкой – заменой первых и последних звуков находящихся рядом слов. Среди подстановок различают предвосхищение звука (anticipation), который встречается в речи позднее (1, 2) и повторение звука (preservation), который был уже произнесён (3, 4). Перестановки, в частности замена одного слога на другой, встречаются ещё чаще (5, 6).

	Намерение		Результат	
(1)	<i>a reading list</i>		<i>a leading list</i>	
(2)		<i>молодой человек</i>		<i>челодой человек</i>
(3)	<i>well made</i>		<i>well wade</i>	
(4)		<i>молодой человек</i>		<i>молодой моловек</i>
(5)	<i>well made</i>		<i>mell wade</i>	
(6)		<i>молодой человек</i>		<i>челодой моловек</i>

К подстановкам относятся также оглушение или озвончение согласных, появление или пропадание фонологических признаков, характерных для определённого языка (например, назальности). К примеру, вместо словосочетания (7) может прозвучать (8) (или вместо 9-10), где перестановке подверглись различительные признаки (минус звонкий) в первом слове (*clear*) и (плюс звонкий) во втором слове (*blue*). Если же говорящий предполагал начать со звонкого согласного (11 или 13), а получился глухой (12 или 14), то

можно говорить о предвосхищении признака глухости (так называемое *voicelessness anticipation*, когда плюс *voice* становится минус).

	Намерение		Результат
(7)	<i>clear blue sky</i>	(8)	<i>glear plue sky</i>
(9)	<i>красивый букет</i>	(10)	<i>зрасивый пукет</i>
(11)	<i>He's a vile person</i>	(12)	<i>He's a file person</i>
(13)	<i>весёлая повесть</i>	(14)	<i>фесёлая повесть</i>

При этом каждая ошибка проявляется только в фонологически возможном для данного языка звуковом (фонологическом) контексте. Этот так называемый первый закон оговорок (*first law of tongue slips*) предполагает, что, допустим, теоретически возможная оговорка (15) невозможна в силу того, что сочетание *kt* нехарактерно для начала английского слова, а лишь возможно в середине (16).

(15) *ktill*

(16) *picked* [*пикт*]

Количественно подстановки представлены следующим образом.

	Намерение Intended words	Результат Outcome string	Название ошибки		Процент встречае- мости
(17)	<i>pitch and fork</i>	<i>fitch and pork</i>	exchange	замена	53%
(18)		<i>fitch and fork</i>	anticipation	предвос- хищение	27%
(19)		<i>pitch and pork</i>	perseveration	повтор	18%

Оговорки подчиняются закону структурного деления слова на слоги. В частности, начальный слог слова, которое говорящий намеревается произнести, меняется на начальный слог другого слова, с которым и происходит смешение; средние меняются на средние; последние – на последние. Иное невозможно. Так, возможны оговорки типа (1–6), но никогда не будет оговорки типа (20, 21). Иначе говоря, последние фонемы второго слова никогда не будут смешаны с начальными фонемами первого. Такого просто не бывает. Данная закономерность подтверждает, что слог является единицей планирования речи.

	Намерение		Результат	
(20)	<i>well made</i>		<i>wem lade</i>	
(21)		<i>молодой человек</i>		<i>веклодой молочел</i>

Перестановки. Перестановка может происходить в отношении слов, находящихся на достаточно большом расстоянии друг от друга (22, 23, 24).

	Намерение		Результат	
(22)	<i>He has a passion for outdoor tennis.</i>		<i>He has a tennis for outdoor passion.</i>	
	<i>Он питает пристрастие к теннису на открытом воздухе.</i>		<i>Он питает теннис к пристрастию на открытом воздухе.</i>	
(23)	<i>Нельзя ли у вокзала трамвай остановить?</i>		<i>Нельзя ли у трамвала вокзай остановить?</i>	
(24)	<i>My sister went to the Grand Canyon.</i>		<i>The Grand Canyon went to my sister.</i>	
	<i>Моя сестра поехала на Великий каньон.</i>		<i>Великий каньон поехал к моей сестре.</i>	

Характерно, что 87% ошибок происходит в одних и тех же частях речи. Повторы в 90% случаев приходится на служебные части речи вроде предлогов, союзов и местоимений. Исправлениям же при этом подвергаются в основном знаменательные части речи — существительные, глаголы, прилагательные и наречия.

Одной из особенностей оговорок является то, что минимальный контроль за правильностью речи всё же сохраняется даже при производстве совсем невразумительного высказывания. Так, даже при оговорке (25 – предвосхищение *m* и 26 – предвосхищение *k*) сохраняется правило английского языка, согласно которому перед гласным звуком неопределенный артикль *a* произносится как *an*.

(25) *AN eating marathon* > *A meeting arathon*

(26) *AN ice cream cone* > *A kice ream cone*

Сращения. Разновидностью подстановок являются сращения (blends). Основываясь на замене, они возникают как случайное соединение двух близкорасположенных слов (27–31).

	Намерение	Результат
(27)	<i>portmonet + montoe</i>	<i>portmanteau</i>
(28)	<i>портмоне + манто</i>	<i>портмонто</i>
(29)	<i>smoke + fog</i>	<i>smog</i>
(30)	<i>свежо + холодновато</i>	<i>свежоповато</i>
(31)	<i>It is separated + kept separately</i>	<i>This is kept separatedly</i>

На появление ошибок в речи влияют и экстралингвистические факторы. Так, человеку, начавшему говорить какую-либо фразу (32), может попасться на глаза, допустим, название книги (33) и он может вставить отдельные слова из него в свою речь. Возникает контаминация (34):

(32) Target: “*Are you trying to send me a message, Dog?*”

Цель: «*Ты хочешь сказать мне что-то, собачка?*»

(33) Situation: “*A Novel of Intrigue and Menace*”

Ситуация: *Книга с заголовком «Как меня интриговали и запугивали».*

(34) Output: “*Are you trying to send me a menace, Dog?*”

Выход: «*Ты хочешь запугать меня, собачка?*»

Описки. Описки, в отличие от орфографических ошибок, понимаются как нестандартные ошибки, возникающие при письме.

На принципе фонологического озвучивания пишущегося слова (принцип «как слышится, так и пишется») основано 20% описок (35). Значительно меньше ошибок, вызванных графическим сходством букв (36). Встречаются также пропуски (37), перестановки (38) и добавления (39) букв. Описки на морфемном уровне также содержат в себе пропуски (40) и добавления (41).

	Намерение	Результат
(35)	<i>their</i>	<i>there</i>
(36)	<i>theme</i>	<i>there</i>
(37)	<i>visual</i>	<i>vsual</i>
(38)	<i>closed</i>	<i>colsed</i>

(39)	<i>both</i>	<i>bothe</i>
(40)	<i>went to the room</i>	<i>went to room</i>
(41)	<i>saw the movement</i>	<i>saw the the movement</i>

Спунеризмы. Особо выделяются ошибки, основанные на замене двух сегментов слов. Они известны под названием «спунеризмов» (spoonerisms) – слова, образованного от имени декана одного из колледжей Оксфорда Вильяма Спунера. Он известен тем, что оставил после себя большое количество забавных примеров (42–46), перевести которые адекватно на другой язык ни буквально, ни дословно практически невозможно (ниже дан очень наш вольный перевод. – В.Б.).

	Намерение	Результат
(42)	<i>Our dear old queen.</i>	<i>Our queer old dean.</i>
	<i>Наша добрая старая королева.</i>	<i>Наша странная дряблая королева.</i>
(43)	<i>You have missed all my history lectures.</i>	<i>You have hissed all my mystery lectures.</i>
	<i>Вы пропустили мои лекции по истории.</i>	<i>Вы происторили мои лекции по прописке.</i>
(44)	<i>You have wasted the whole term.</i>	<i>You have tasted the whole worm.</i>
	<i>Вы прогуляли весь семестр.</i>	<i>Вы просеменили весь прогул.</i>
(45)	<i>He dealt a crushing blow.</i>	<i>He dealt a blushing crow.</i>
	<i>Он нанес сильное поражение.</i>	<i>Он нанес поразительное усиление.</i>
(46)	<i>Drink is the curse of the working class.</i>	<i>Work is the curse of the drinking class.</i>
	<i>Пьянка – проклятье рабочего люда.</i>	<i>Работа – проклятье пьющего люда.</i>

Малапропизмы. Среди ошибок иногда выделяют неправильное словоупотребление. Такого рода ошибка называется малапропизмами (malapropisms) от имени комической героини пьесы Шеридана

на «Соперники» (“The Rivals”) мадам Малапроп (Mrs. Malaprop), которая путала слова *аллигатор* (*alligator*) и *аллегория* (*allegory*).

Ошибки восприятия. Поскольку ряд исследователей пишут о зеркальности процесса порождения речи процессу её восприятия, в рамках проблемы речевых ошибок целесообразно рассмотреть и проблему ошибок восприятия речи.

Помимо описок, в речи встречаются ошибки при восприятии речи: ослышки, «овидки», «очитки».

Ослышки в речевой деятельности могут быть связаны с недослышкой как звуков в пределах одного слова (47), так и сочетаний звуков между словами и переразложением слов. При этом ослышки (48) и оговорки (49) часто лежат в основе шуток и анекдотов:

(47) *икра > игра*

(48) – *Ты кто такой? – Я писатель-прозаик. – Про каких таких заек?*

(49) Вопрос: *Как правильно: перЕпонная барабанка или перИпонная барабанка?* (Ответ: *барабанная перепонка*)

Ещё раз повторим, что в целом речевые ошибки подтверждают правомерность выделения таких уровней языка, как фонологический, морфологический, просодический, семантический, синтаксический, и доказывают тот факт, что при производстве речи человек оперирует единицами этих уровней.

Оговорки и психоанализ. Следует отметить, что достаточно часто оговорки понимаются в соответствии с идеями З. Фрейда, который в работе «Патопсихология обыденной жизни» [1901] высказал мнение о том, что они являются результатом подавленных мыслей. К примеру, студент, который сказал (50 – дан наш вольный перевод. – В.Б.) вместо запланированного (51) в разговоре с однокурсницей, мог произвести и «ошибку по Фрейду» (а ‘Freudian slip’). Сам Фрейд отмечал, что ошибочные действия (в частности, оговорки) встречаются особенно часто, когда человек устал, если у него болит голова или начинается мигрень. Очевидно, что Фрейд прав только в некоторых случаях (52), в основном же оговорки являются результатом сбоя в процессах производства речи, а их интерпретация должна быть основана на ментальных представлениях о структурах языка, а не только на попытках объяснения неосознанных процессов.

(50)	<i>Don't consider this an erection on my part.</i>	<i>Нет, ты не возбудила меня.</i>
(51)	<i>Don't consider this a rejection on my part.</i>	<i>Нет, ты не разбудила меня.</i>

(52) *Мой муж спросил доктора, какой диеты ему придерживаться, на это доктор ответил, что ему не нужна никакая диета, он может есть и пить все, что я хочу.*

4.2. Трудовая теория происхождения речи

В отношении происхождения речи в филогенезе (т.е. в процессе развития человечества) нет единого решения. Предполагается, что язык зародился более 50 тысяч лет назад, но никаких точных свидетельств этого не имеется. Еще раз скажем, что Парижское лингвистическое общество еще в 1865 г. запретило рассмотрение любых гипотез о происхождении языка, а президент Лондонского филологического общества в 1873 г. даже заявил: «Я считаю, что подобные вопросы не относятся к собственно филологическим».

Известно четыре гипотезы о происхождении языка:

- Теория гав-гав (Wow-Wow theory): первые слова были звукоподражательными.
- Теория ай-ой (Pooh-Pooh theory): ранние слова произошли от звуков, выражавших эмоции, боль и злость.
- Теория Ох-хе-хо (Yo-He-No theory): первые слова произошли от ворчаний, стенаний и вздохов.
- Теория динг-донг (Ding-Dong theory): первые слова были реакциями на окружающую среду.

Развивая диалектико-материалистический взгляд на психику, Ф. Энгельс писал: «Сначала труд, а затем и вместе с ним (! – В.Б.) членораздельная речь явились двумя самыми главными стимулами, под влияниями которых мозг обезьяны постепенно превратился в человеческий».

Согласно отечественной теории деятельности речь возникла в процессе труда, т.е. в процессе воздействия на предмет. При этом в коллективном труде действия отдельного человека могут не соответствовать ведущему мотиву деятельности.

А.Н. Леонтьев приводит такой пример из далёкого прошлого. Если, предположим, первобытным людям надо было поймать дикое животное (например, мамонта), то они должны были объединиться в группу. При этом во время охоты один из охотников, вместо того чтобы приманивать животное, должен был отпугивать его от себя, чтобы загнать в яму (по бокам которой стояли другие охотники). И делал он это с помощью речевых сигналов. Это было действие, противопоставленное по значению деятельности, но связанное с ней общим мотивом (смыслом). Тем самым, в результате использования речевых знаков человек получал возможность координировать действия членов трудового коллектива и даже более: человек мог уже не совершать трудовое (физическое) действие, а совершать только речевое.

Последствием речевое действие стало замещать физическое, реальное действие и выполнять функцию воздействия на другого человека. Именно функция воздействия, по мнению Е.Ф. Тарасова, и является основной для речи.

4.3. Модели производства речи

Модель – это конструирование объекта по существенным признакам.

В психолингвистике существует несколько моделей производства речи. Первоначально модели производства речи (speech generation, speech production) были по своей сути моделями последовательной обработки. Они предполагали, что человек переходит к каждой очередной ступени после завершения работы на предыдущем уровне. Лишь впоследствии появились модели параллельной переработки речевой информации. Они основывались на признании возможности одновременной переработки речи на многих уровнях.

Характерно, что сначала говорилось о сообщении, затем о грамматически правильном предложении, и лишь позднее – о высказывании. (Отметим попутно, что в отечественной психолингвистике термин «предложение», считается по своей сути лингвистическим, и предпочтение в психолингвистике отдается термину «высказыва-

ние». В последнее время всё чаще говорят о дискурсе как о речевом высказывании, предполагающем говорящего (автора), слушающего (адресата), а также наличие у первого намерения повлиять на другого с помощью речевых средств.

4.3.1. СТОХАСТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПРОИЗВОДСТВА РЕЧИ

Стохастическая модель была предложена в 1963 г. Дж. Миллером и Н. Хомским, которые исходили из того, что язык может быть описан как конечное число состояний. Они считали, что речь можно описывать как такую последовательность элементов, где появление каждого нового элемента речевой цепи зависит от наличия и вероятности появления предшествующих элементов.

К примеру, утверждалось, что «каждый пятый элемент имеет вероятность появления, зависимость от появления четырех предшествующих элементов». Это была попытка описать последовательность языковых элементов с помощью статистических процедур. Однако согласно этой теории, чтобы обучиться производить речь последовательно («слева направо»), ребенок должен прослушать огромное количество – 2^{100} – предложений на родном языке, прежде чем сам сможет производить высказывания. Критики этой теории отмечали, что для этого не хватит и десяти жизней.

Нередко, однако, математики и статистики пытаются моделировать речевые конструкции на основании применения закона Ципфа-Мандельбротта. Подобные исследования могут приносить результаты лишь на очень ограниченных речевых отрезках и, к сожалению, не позволяют создать универсальные модели речи.

4.3.2. МОДЕЛЬ НЕПОСРЕДСТВЕННО СОСТАВЛЯЮЩИХ

Метод анализа речи по непосредственно составляющим (constituent analysis) также связан с именами Миллера и Хомского. Предполагалось, что речь человека строится на базе ядерных предложений, которые, в свою очередь, состоят из непосредственно составляющих их элементов. Например, фраза (57) строится из ряда элементов (53-56):

(53) *(Вор) (был) (умён).*

(54) *(Вор) (был) (молод).*

(55) *(Судья) (был) (мрачен).*

(56) *(Судья) (сурово наказал) (вора).*

(57) *Умный молодой вор был сурово наказан мрачным судьей.*

В совокупности эти простые (ядерные) предложения и составляют сложное предложение. Предполагается, что порождение идёт слева направо и снизу вверх (60 → 59 → 58).

(58) *Мальчик бросил мячик.*

(59) *Он бросил это.*

(60) *Он действовал.*

Тем самым процесс порождения речи описывается с помощью так называемой операции деривации, т.е. последовательной подстановки на место более крупной единицы потока речи двух компонентов, из которых она состоит. Так, чтобы получить фразу (61), мы берём предложение как целое и заменяем его сочетанием «именная группа + группа сказуемого». Далее мы так же «разлагаем» каждую из этих групп на составные части (62 и 63) и далее (64):

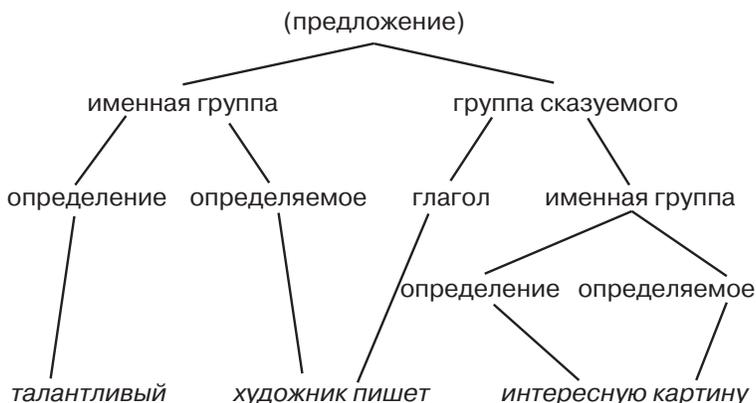
(61) *Талантливый художник пишет интересную картину.*

(62) *талантливый + художник;*

(63) *«пишет + (интересную картину)»*

(64) *«интересную + картину».*

То, что получается в результате этих последовательных подстановок (цепочка слов), называется «терминальной цепочкой». Происхождение каждой терминальной цепочки может быть изображено в виде математического графа – «дерева непосредственно составляющих».

4.3.3. ТРАНСФОРМАЦИОННО-ГЕНЕРАТИВНАЯ ГРАММАТИКА

Ноам Хомский, развивая идеи Зелига Харриса, предложил теорию, которая стала называться трансформационной (или трансформационно-генеративной) грамматикой и претендовала на целостную модель описания языка – порождающую грамматику языка. В соответствии с этой теорией язык – это не набор единиц языка и их классов, а механизм, создающий правильные фразы. Синтаксис Хомский определял как учение о принципах и способах построения предложений. «Грамматика языка L, – писал он, – представляет собой механизм, порождающий все грамматически правильные последовательности L и не порождающий ни одной грамматически неправильной». Так, бессвязный набор слов (65 или 66) запомнить труднее, чем осмысленную грамматически правильную фразу (67).

(65) *pie little blue mud make eye girl was*

кулич маленький голубой песок делать глаз девочка

(66) *The little pie with mud eyes was making a blue girl.*

Маленький кулич с песочными глазами делал голубую девочку.

(67) *The little girl with blue eyes was making a mud pie.*

Маленькая девочка с голубыми глазами делала кулич из песка.

Поток слышимых нами звуков становится осмысленным только тогда, когда мы «знаем» (пусть неосознанно) грамматику данного языка. По мнению Хомского, система правил существует как способность порождать и понимать бесконечное число предложений. При этом грамматически правильными могут быть и бессмысленные предложения (68), а бывают не правильные и по смыслу, и грамматически (69).

(68) *Colorless green ideas sleep furiously.*

Бесцветные зелёные идеи яростно спят.

(69) *Furiously sleep ideas colorless green.*

Яростно спят идеи бесцветные зелёные.

В рамках трансформационной теории существует представление о поверхностной и глубинной структуре предложений. Поверхностная структура – та, которую мы слышим или читаем. Глубинная структура предложения связана со смыслом. Бывают предложения, которые обладают разной поверхностной, но одинаковой глубинной

структурой (70 и 71), т.е. они при внешних различиях синонимичны. А бывают фразы, которые, обладая одной поверхностной структурой (72), имеют две разные глубинные семантические структуры (73 и 74), т.е. при внешней схожести обладают разным смыслом.

(70) *Полиция разогнала демонстрацию.*

(71) *Демонстрация разогнана полицией.*

(72) *Его арест.*

(73) *Он арестован.*

(74) *Он арестовал.*

Идея о глубинных структурах, выдвинутая Н. Хомским в атмосфере бихевиоризма 1960-х годов, была воспринята как сенсационная. Термин «глубинная структура» стал относиться ко всему, что было скрыто, не очевидно; и говорили даже о глубинных структурах зрительного восприятия, стихов, рассказов, мифов, музыкальных произведений.

Трансформационный анализ – это анализ синтаксических структур путём их преобразования из поверхностных в глубинные. Предполагается, что если, допустим, человек хочет создать предложение (75), в котором есть две глубинные структуры (75 и 78), то он производит ряд операций по переводу (трансформации) этих глубинных структур в поверхностные (76 и 77).

(75) *Мудрый человек честен.*

(76) *Человек честен.*

(77) *Человек мудр.*

К примеру, желая сказать фразу *Мудрый человек честен*, говорящий, по Хомскому, последовательно заменяет вторую группу подлежащего словом *который* (*человек, который мудр, честен*); опускает *который* (*человек мудр, честен*); переставляет *человек* и *мудр* (*мудр человек честен*); заменяет краткую форму прилагательного *мудр* полной *мудрый* – и таким образом получает необходимую ему поверхностную структуру (*Мудрый человек честен*).

Повторим, что глубинная структура формирует смысл предложения, а поверхностная – является звуковым или графическим воплощением этого смысла.

Аналогичным образом для того, чтобы построить пассивную конструкцию (79), надо знать, как устроена активная (78). Если типичное ядерное предложение имеет структуру: $N_1 - V_{\text{перех.}} - N_2_{\text{имен.}}$ (где N – существительное, V – переходный глагол), то пассивная

конструкция устроена иначе: N_2 именит. – V возвр. – N_1 творит. (где N – существительное, V – возвратный глагол). Это предложение уже не ядерное. Оно получено путём операции трансформации, которая Хомским названа операцией пассивизации (из ядерной активной структуры). К этому же ядерному предложению (78) можно применить операцию отрицания (80), возможна и вопросительная трансформация (81). Можно использовать одновременно несколько правил (82).

(78) *Рабочие строят дом.*

(79) *Дом строится рабочими.*

(80) *Рабочие не строят дом.*

(81) *Разве рабочие строят дом?*

(82) *Разве рабочие не строят дом?*

Генеративная грамматика содержит набор правил, позволяющих описать глубинную структуру предложения и создать на её основе множество синтаксически правильных поверхностных вариантов. Хомский вводит ряд правил перехода глубинной структуры в поверхностную (правила подстановки, перестановки, произвольного включения одних элементов, исключения других элементов), а также предлагает 26 правил трансформации (пассивизация, субституция, пермутация, негация, адъюнкция, эллипс и др.). Всё это в совокупности и представляет, согласно трансформационно-генеративной теории, врожденную способность к производству языка.

Вот как в книге «Аспекты теории синтаксиса» [1965] Хомский описывает последовательность порождения предложения: «База (базовые грамматические отношения. – В.Б.) порождает глубинные структуры. Глубинная структура подаётся в семантический компонент и получает семантическую интерпретацию; при помощи трансформационных правил она преобразуется в поверхностную структуру, которой далее даётся фонетическая интерпретация при помощи правил фонологического компонента».

Естественно, что чем сложнее грамматическая трансформация, тем больше времени требуется человеку на оперирование с ней. Естественно также, что для разных языков будут свои модели. Так русский, будучи более сложным языком, чем английский, потребует больше правил трансформации.

Кроме того, следует иметь в виду необратимость некоторых трансформаций. С. Пинкер приводит, в частности примеры (84), где

сделанная трансформация (83 → 84) не является истиной (поскольку не все плотины строятся бобрами – 85).

(83)	<i>Beavers build dams.</i>	<i>Бобры строят плотины.</i>
(84)	<i>Dams are built by beavers.</i>	<i>Плотины строятся бобрами.</i>
(85)	<i>Grand Cooly was built in 1941.</i>	<i>(Плотина) Гранд-Кули построена в 1941 году.</i>

Описанное выше и представляет согласно трансформационно-генеративной теории врожденную способность к производству языка. По Хомскому, ребёнок, слыша (воспринимая) «исходные языковые данные», анализирует их и вскрывает синтаксические структуры. «Чтобы овладеть языком, ребёнок, следовательно, должен обладать, во-первых, лингвистической теорией, которая задаёт форму грамматики любого возможного человеческого языка, и, во-вторых, стратегией выбора грамматики соответствующего вида, которая совместима с исходными языковыми данными».

Теория Хомского послужила стимулом к появлению огромного количества экспериментальных исследований и оказала решающее влияние на формирование американской психолингвистики. В отечественной науке эта теория подвергалась значительной критике, преимущественно в своей теоретической части. Но не принимался, по сути дела, сам формальный подход к языку, когда языковые факты объясняются аксиомами, которые формулирует сам исследователь.

4.3.4. ТЕОРИЯ УРОВНЕЙ ЯЗЫКА

Чарльз Осгуд описывал процесс человеческой коммуникации так, что он совпадал в основных моментах с описанием технической коммуникации, предложенной Клодом Шенноном и созданной в рамках математической теории информации. Однако при описании процесса порождения речи Осгуд выступает уже не как механицист, а скорее как психолог. В его книге «Психолингвистика» [1954] рассматриваются проблемы порождения и восприятия речи на базе так называемой теории уровней языка. Предлагая эту теорию, Чарльз Осгуд полагал, что в процессе речепроизводства (кодирования речи) существует четыре уровня.

1. *Мотивационный уровень* (motivational level). Единицей уровня мотивации является предложение в широком неграмматическом понимании. На этом уровне говорящим принимаются решения общего характера:

- а) говорить или не говорить;
- б) если говорить, то в какой форме – утверждение, вопрос, приказание;
- в) если форма выбрана, то какими средствами воспользоваться для ее выражения в предложении – например, выбрать активную или пассивную форму;
- г) что выделить логическим ударением, какие выбрать модели интонации.

2. *Семантический уровень* (semantic level). На этом уровне говорящий поочередно выделяет в предложении определённые последовательности слов – функциональные классы. Они соотносятся с классом непосредственно составляющих (традиционно выделяемым в американской дескриптивной лингвистике). А по Осгуду, любое предложение (86) может быть разбито на единицы кодирования. Причём эти единицы – не конкретные слова, а функционально-семантические классы (87–89).

(86) *Талантливый художник рисует интересную картину.*

(87) *талантливый художник*

(88) *рисует*

(89) *интересную картину*

Так, к примеру, представление о молодом человеке с рюкзаком за плечами – одна единица с точки зрения семантического уровня порождения речи. Она может заполняться разными словами, но это – единица функционального класса.

3. *Уровень последовательностей* (sequential level). На этом уровне единица – слово, но не как семантическая единица, а как фонетическое слово. В процессе кодирования на этом уровне последовательностей действуют следующие механизмы:

- а) распознавание звуковых последовательностей (backward-working skill modification);
- б) определение длины отрезков (length of junctures) так, чтобы интервалы между словами были больше, чем интервалы внутри слов даже на границе морфем;

- в) механизм грамматических последовательностей (grammatical sequencing mechanisms), которые имеют дело с «большими сегментами».

4. *Интеграционный уровень* (integrational level), где в качестве единицы выступает слог. На этом уровне действуют моторные механизмы кодирования и происходит звуковое оформление проработанного высказывания.

Предложенная модель была первой попыткой в общем виде представить себе процессы порождения речи.

4.3.5. МОДЕЛЬ Т-О-Т-Е

В книге «Планы и структура поведения» [1960] известные американские психологи Дж. Миллер, Е. Галантер и К. Прибрам писали, что человек, прежде чем преобразовать свою мысль в речь, составляет программу своего высказывания, создает «общую схему с пустыми ячейками». Они называют это «планом».

«У нас есть очень отчетливое предвосхищение того, – отмечали они, – что мы собираемся сказать, и наш выбор нужных слов зависит от чего-то гораздо большего, чем предшествующие элементы нашего высказывания. У нас есть план предложения, и когда мы формулируем его, мы имеем относительно ясное представление о том, что собираемся сказать. План предложения должен в общем определиться, по-видимому, до того, как можно выделить слова, которые мы собираемся высказать».

Иными словами, рассматривая процесс планирования речевого высказывания, учёные полагали, что говорящий имеет некоторый образ того, что он хочет сказать, и в процессе выполнения плана он стремится приблизиться к нему. (Этого не было в бихевиоризме.) При этом, по их мнению, в процессе реализации плана человек действует методом проб и ошибок. Иногда возникают несоответствия результата плану. Но тут включается механизм обратной связи, и человек движется к реализации плана от проб к операциям, от проб к результату. Именно поэтому модель получила название Т-О-Т-Е (test – operate – test – exit, т.е. проба – операция – проба – результат). В ней предполагается, что человек, производя высказывание, постоянно контролирует свою речь, осуществляя обратную связь в случае ошибочного действия, т.е. исправляя себя и говоря правильно.

Любопытно, что именно эту модель принимает нейролингвистическое программирование, однако, описывает процесс порождения речи лишь в одной его – феноменологической – ипостаси, что, разумеется, не раскрывает его глубинных основ.

4.3.6. МОДЕЛЬ Л.С. ВЫГОТСКОГО

В отечественной психолингвистике постулируется, что суть процесса производства речевого высказывания заключается в переходе от мысли к слову. Такое понимание процесса порождения было предложено Л.С. Выготским – основателем культурно-исторической теории в психологии. Важным в его теории было понятие внутренней речи.

Внутренняя речь, по Выготскому, является «особым внутренним планом речевого мышления, посредующим динамическое отношение между мыслью и словом».

Учёный полагал, что внутренняя речь обладает следующими свойствами:

- 1) она лишена фонации, т.е. произнесения звуков;
- 2) она предикативна (в ней опускаются подлежащие, и там присутствуют в основном одни сказуемые);
- 3) это сокращённая речь (речь без слов).

Рассматривая последнее свойство, Выготский отмечал следующие особенности семантики внутренней речи: преобладание смысла над словом; слитность значений слов (он называл это агглютинацией); несовпадение семантики внутренней речи со словесной семантикой.

Выготский полагал, что «переход от внутренней к внешней речи есть сложная динамическая трансформация – превращение предикативной и идиоматической речи в синтаксически расчлененную и понятную для других речь».

«Всякая мысль, – писал Выготский, – стремится соединить что-то с чем-то и имеет движение. Это течение и движение мысли не совпадает прямо и непосредственно с развертыванием речи. Единицы мысли и единицы речи не совпадают».

Учёный выделял три плана речевого мышления: мысль, внутреннюю речь, слово. «В живой драме речевого мышления движение

идет от мотива, порождающего какую-либо мысль, к оформлению самой мысли, к опосредованию ее во внутреннем слове, затем – в значениях внешних слов и, наконец, в словах». В этом высказывании Выготского, по сути, содержится его модель производства речи.

4.3.7. МОДЕЛЬ А.Р. ЛУРИИ

Л.С. Выготский не предлагал формализованную модель порождения речи, он предложил лишь общие психологические принципы. Его идеи развил другой советский психолог – А.Р. Лурия, который занимался нейропсихологией и, в частности, проблемой функционирования высших психофизиологических механизмов при локальных нарушениях мозга. Учёный разработал учение о динамической схеме высказывания. Эта динамическая схема являлась, по его представлению, частью этапа замысла высказывания.

Центральной проблемой формирования высказывания в модели Лурии является проблема перехода смысла в значение. Предполагается, что формирование речевого высказывания проходит ряд этапов.

1. *Этап первичной «семантической записи», или исходной схемы.* Семантическая запись имеет «характер свернутого речевого высказывания, которое в дальнейшем должно быть превращено в систему последовательно связанных друг с другом слов». Исходная схема, или «семантическая запись» высказывания, в обязательном порядке содержит в себе две части – тему и рему, они «и образуют исходную мысль, т.е. систему тех связей, которые потенциально должны фигурировать в будущем речевом высказывании». Превращение же исходной схемы, которая является симультанной, «в сукцессивно развертывающееся, последовательно организованное речевое высказывание осуществляется при помощи внутренней речи». Говоря иначе, имеющаяся в начале процесса порождения схема очень свернута и нерасчленена, и лишь потом она разворачивается (становится последовательным набором единиц).

2. *Внутренняя речь.* На этом этапе формирования речевого высказывания происходит перевод внутреннего смысла в «систему развернутых синтаксически организованных речевых значений». Симультанная схема «семантической записи» перекодируется в организованную структуру будущего развернутого синтаксического высказывания.

3. *Формирование развёрнутого речевого высказывания.* По мнению А.Р. Лурии, развёрнутое речевое высказывание, с одной стороны, включено в процесс общения и передачи информации, а с другой стороны, «в его состав входит не одно предложение, а целая цепь взаимосвязанных предложений».

Как важный для отечественной психолингвистики момент особо отметим мнение Лурии о том, что фразы или предложения, входящие в состав развёрнутого речевого высказывания, нельзя изучать вне зависимости от контекста, «практического или речевого». По его мнению, предложения, входящие в состав развёрнутого высказывания, имеют помимо референтного значения еще и социально-контекстное значение, формирующееся в общении. Именно поэтому «один лишь лингвистический анализ процесса формирования высказывания недостаточен и должен быть включён как частное звено в более широкий психологический (а может быть и социально-психологический) анализ, учитывающий ситуацию общения, мотивы говорящего, содержание информации, отношение к ней слушающего и т.д.». Это предполагает выход за пределы говоримого в отношения между говорящими, в социальные условия говорения, в так называемую экстралингвистику.

Все перечисленные особенности давали А.Р. Лурии основание рассматривать речевое высказывание как особый вид речевой деятельности, имеющий такую же психологическую структуру, как и любая другая форма психической деятельности. В свою очередь, это предполагает, что порождение развёрнутого речевого высказывания необходимо должно включать в свой состав не только создание исходной схемы, определяющей последовательность звеньев этого высказывания, но и «постоянный контроль за протеканием всплывающих компонентов высказывания, а в наиболее сложных случаях и сознательный выбор нужных речевых компонентов».

Таким образом, по мнению А.Р. Лурии, процесс порождения речевого высказывания не есть воплощение «готовой мысли в столь же готовую систему речевых формулировок и далее – в схему развёрнутого речевого высказывания. Речевое высказывание – это определённый вид деятельности со своим мотивом, исходной задачей или замыслом и контролем».

4.3.8. МОДЕЛЬ А.А. ЛЕОНТЬЕВА

А.А. Леонтьев, внесший огромный вклад в развитие отечественной психолингвистики, критически рассмотрел существовавшие модели производства речи и использовал теоретическую концепцию деятельности как общего понятия и теорию речевой деятельности в частности, опираясь при этом на идеи и Л.С. Выготского, и А.Р. Лурии. Он утверждал, что процесс производства речи необходимо рассматривать как сложное, поэтапно формируемое речевое действие, входящее составной частью в целостный акт деятельности.

А.А. Леонтьев предлагал следующую теорию порождения речи.

Первым этапом производства является внутреннее программирование высказывания. Внутренняя программа соответствует содержательному ядру будущего высказывания. Представляя собой иерархию пропозиций, она связана с его предикативностью и теморематическим членением ситуации. В основе внутреннего программирования лежит образ, имеющий личностный смысл. С единицами программирования производятся операции включения, перечисления и сочленения.

На этапе грамматико-семантической реализации выделяется ряд подэтапов:

- текстограмматический (перевод на объективный код),
- фенограмматический (линейное распределение кодовых единиц),
- подэтап синтаксического прогнозирования (приписывание элементам грамматических характеристик),
- синтаксический контроль (соотнесение прогноза с ситуацией).

Вслед за внутренним семантико-грамматическим программированием высказывания происходит его моторное программирование. Затем осуществляется выход речи – реализация.

На каждом этапе порождения речи действует механизм контроля за её осуществлением.

4.3.9. МОДЕЛЬ ЛЕВЕЛТА

Достаточно общепринятой в современной психолингвистике является модель производства речи, предложенная в 1989 г. Вилемом Левелтом.

Концептуализатор. Процесс производства речи начинается, по его мнению, с намерения, отбора информации, (которая должна быть выражена), упорядочения информации, увязывания со сказанным ранее. Эти ментальные процессы Левелт называет концептуализацией, а систему, которая позволяет это реализовывать, – концептуализатором. Продуктом концептуализации является доречевое сообщение (preverbal message). При этом для производства сообщения говорящий должен иметь доступ к нескольким типам информации. Во-первых, это процедурное знание (типа «если → то»). Во-вторых, это декларативное знание (типа «что содержит что»). В-третьих, ситуационное знание – информация о наличной ситуации, о собеседниках и об окружении, в контексте которого происходит говорение. Помимо этого говорящий должен следить за тем, что он сам и другие говорящие сказали в ходе взаимодействия.

Формулировщик. Следующим компонентом после концептуализатора является так называемый формулировщик. В качестве основной информации формулировщик использует доречевое сообщение, а в качестве результата выдает фонетический или артикуляторный план. Иными словами, формулировщик переводит некоторую концептуальную структуру в некоторую языковую структуру. Сначала происходит грамматическое кодирование сообщения, затем – фонологическое кодирование.

Лемма. Говоря об этом, Левелт вводит понятие леммы, под которой он понимает нефонологическую часть лексической информации слова. В лемму входит всё, кроме фонологического аспекта слова, – концептуальная информация и морфосинтаксические характеристики. Посредством процесса грамматического кодирования говорящий извлекает нужные леммы и располагает их в правильном порядке. Важно, что грамматическое кодирование, согласно Левелту, предполагает выбор подходящих лексических понятий и составление синтаксического каркаса. Всё это подготавливает формирование поверхностной структуры.

Артикулятор. На следующем этапе производства речи происходит извлечение фонологических форм для лемм, и говорящий строит артикуляторный план высказывания с помощью так называ-

емого артикулятора. Этот компонент механизма производства речи извлекает последовательные блоки внутренней речи из артикуляторного буфера и передаёт их на исполнение. Продуктом артикуляции является внешняя речь.

Мониторинг. Модель В. Левелта предполагает также и то, что говорящий является своим собственным слушателем. Имеющаяся у говорящего система понимания речи включает в себя как понимание внешней речи, так и доступ к своей внутренней речи (мониторинг). Эта система позволяет представлять входящую речь в её фонологическом, морфологическом, синтаксическом и семантическом аспектах.

Таким образом, в самом общем виде процесс производства речи заключается в том, что говорящий по определенным правилам переводит свой замысел в речевые единицы конкретного языка.

4.4. Языковая личность

В последние годы в лингвистике и психолингвистике активно используется понятие «языковая личность» (Ю.Н. Караулов).

Языковая личность – это многокомпонентный набор языковых способностей к созданию речевых произведений.

Эти языковые способности различаются:

- 1) степенью структурно-языковой сложности;
- 2) глубиной и точностью отражения действительности;
- 3) определённой степенью целевой направленности.

Вот какие структурные уровни языковой личности выделяет Ю.Н. Караулов.

Вербально-семантический уровень. Этот первый уровень (семантико-строевой, инвариантный) отражает степень владения обычным языком. Он представлен отдельными словами, стандартными словосочетаниями (90), простыми формульными фразами и т.д. Вербально-семантический уровень нейтрализации языковой личности представляет интерес для методики преподавания родного и иностранных языков, так как он создаёт предпосылку становления

и функционирования личности и является условием освоения системы языковых средств иностранного языка, который должен складываться как «вторичный» вербально-семантический пласт.

(90) *пойти в кино, выучить уроки*

Тезаурусный уровень. Второй уровень – тезаурусный представлен обобщёнными понятиями, крупными концептами, находящими выражение в генерализованных высказываниях, дефинициях, афоризмах, пословицах и поговорках, из которых каждая языковая личность выбирает те, которые отражают и определяют её жизненное кредо. Собственно языковая личность начинается именно с этого уровня, так как именно на этом уровне оказывается возможным индивидуальный выбор, личностное предпочтение. Этот уровень предполагает отражение языковой модели мира личности, её тезауруса, культуры.

Мотивационный уровень. Третий уровень – высший, мотивационный уровень устройства языковой личности представлен коммуникативно-деятельностными потребностями личности. Этот уровень включает в себя выявление, характеристику мотивов и целей, движущих развитием личности.

Согласно Серлу, язык общества неотделим от его образа жизни, а правила, управляющие языковым поведением, фактически являются семантическими. Отсюда можно сделать вывод о тождественности языковой личности и личности психологической. Чем больше языковая компетентность индивида, тем охотнее он обосновывает свое поведение языковыми правилами, тем полнее он живёт как личность.

В последнее время всё чаще наравне с понятием «языковая личность» используется термин «человек говорящий» (*homo loquens* по модели *homo sapiens*). Человек говорящий – термин более широкий по своему содержанию, чем термин «языковая личность» за счёт включения неязыковых (экстралингвистических) проявлений.

Говорящий человек – это языковая личность и экспрессивная личность в совокупности, т.е. в сочетании многокомпонентного набора языковых и неязыковых, в частности биологических, способностей.

Этот термин более широкий по своему содержанию, чем термин «языковая личность» за счёт включения неязыковых (экстралингвистических) проявлений личности.

Завершая этот краткий (и, конечно же, не полный) обзор теорий, отметим, что многие теории и модели речепроизводства близки и, в сущности, больше дополняют и уточняют друг друга, чем противоречат друг другу.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- В чем причины речевых ошибок?
- Какие типы оговорок Вы встречали в речи?
- В чем суть трансформационно-генеративной теории Хомского?
- В чем заключаются основные особенности внутренней речи (согласно теории Выготского)?
- Как Вы себе представляете процесс производства речи?

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Модели и механизмы производства речи.
- Трансформационно-генеративная грамматика Н. Хомского.
- Внутренняя речь как инструмент мышления (по Л.С. Выготскому).
- Модель речи В. Левелта.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ

- Типы оговорок в устной речи.
- Классификация и объяснение причин опечаток в письменном тексте.
- Ослышки при восприятии речи.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ

- Автокоммуникация в личном дневнике как тип внутренней речи.
- Функции пения: когда и зачем люди поют.
- Теория языковой личности.

Тема 5

ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: восприятие, восприятие формы, восприятие смысла, концепт, ментальный лексикон, понимание, личностный смысл, продуцент, реципиент.

Восприятие речи представляет собой процесс извлечения смысла, который находится за внешней формой речевых высказываний. Восприятие формы речи требует знания лингвистических закономерностей её построения.

5.1. Неосознаваемость восприятия речи

Когда человек читает книгу или слушает собеседника, то он не отдаёт себе отчёта в том, что он производит извлечение смысла из знаков или звуков. Незаметно для самого себя он переходит к смыслу воспринимаемой речи. «Наша речь сама по себе, – писал Л.В. Щерба ещё в 1912 г., – кажется нам настолько естественным явлением, настолько она срослась с вещами, к которым относится, что мы попросту не замечаем, что мы не можем её оторвать, отвлечь от вещей». По его мнению, это связано с тем, что при восприятии речи полученные ощущения и результаты не различаются сознанием как два отдельных по времени момента. Иначе говоря, мы не осознаём разницу между объективно данными ощущениями и результатом нашего восприятия. Эта способность не сосредоточиваться на языковой форме речи является базовой и, не будучи врождённой, развивается по мере нашего освоения мира и овладения грамматикой языка.

5.2. Уровневость восприятия речи

Если говорить о физиологической стороне восприятия, то следует отметить, что оно представлено достаточно сложной системой. Её функционирование обусловлено наличием динамической

последовательности звеньев, расположенных на разных уровнях нервной системы. В силу того что **смысловое** восприятие является психической функцией этого физиологического субстрата, оно также характеризуется уровневой структурой. При этом уровневость структуры восприятия речевого сообщения проявляется как в ступенчатости самого процесса, так и в последовательности (уровневости) обработки речевого сигнала.

Последнее обстоятельство вызвано уровневым характером построения речевых сообщений – они разворачиваются на уровнях фонетики (включая просодику и ударение), морфологии (строения слова), синтаксиса (строение фразы), порядка слов, интонации. К примеру, если объектом нашего восприятия являются изолированные звуки, то восприятие проходит на самом элементарном уровне распознавания и узнавания как элементарных психических актов. В результате многократных различений звуков в сознании человека формируется образ формы слова, на который человек опирается при восприятии новых элементов. Если же речь идёт о понимании смысла текста, то включаются механизмы рекурсии (обращение к ранее воспринятому) и прогноза (попытка предвосхитить поступающую информацию).

5.3. Осмысленность восприятия речи

Восприятие речи – одна из высших психических функций человека. Восприятие устной речи служит внутренней психической стороной такого вида речевой деятельности, как слушание (аудирование), а восприятие письменной – чтения. Будучи «опосредствованным по своему строению и социальным по своему генезу» (А.Р. Лурия), восприятие речи является смысловым, так как «нормально включает акт понимания, осмысления» (С.Л. Рубинштейн).

Глокая куздра

Отметим как достаточно важный момент, что на всех уровнях восприятия речи реципиент (от лат. *recipientis* – получающий) стремится приписать **смысл** языковым структурам. Так, даже фраза из псевдослов (придуманная Л.В. Щербой – 1) может быть истолкована как имеющая смысл на основании знаний о закономерностях сочетаний языковых элементов в речи и минимальных представлений о мире.

(1) *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка.*

Для человека, владеющего русским языком, все квазислова, из которых состоит это псевдопредложение (1), имеют морфологические и синтаксические признаки русских слов. Это позволяет понять общую структуру фразы как сообщение о том, что неким одушевлённым субъектом женского рода (по имени *куздра*) совершено два некоторых действия (*будланула* и *кудрячит*), причём одно из них однократно (на что указывает суффикс *-ну-*, имеющий, в частности, это значение), а другое продолжается. Объектами этого действия являются некоторые существа, одно из которых мужского рода (*бокр*), а другое является детёнышем (*бокрѣнок*, где на это указывает суффикс *-ѣнок*).

Если же попросить испытуемых «перевести» эту фразу, то можно получить разные варианты (2, 3, 4).

(2) *Дикая корова сильно боднула быка и ласкает телѣнка.*

(3) *Ловкая кошка быстро поймала мышь и выманивает мышонка.*

(4) *Слушая брата, громко вздохнула сестра, и рыдает сестрѣнка.*

Псевдослова

Аналогичным образом, тот, кто хоть немного знаком с грамматикой английского языка, сможет понять и несуществующие слова (pseudowords) (5-8) и даже вставить их во фразы (9-12).

(5) **snarkment* – *снаркальство*

(6) **snarkify* – *снаркалить*

(7) **snarkest* – *снаркальнейшая*

(8) **snarkfully* – *снаркально*

(9)	<i>Everyone agreed she was the _____ woman on the volleyball team.</i>	<i>snarkest</i>
	<i>Все согласились, что она была _____ женщиной в волейбольной команде</i>	<i>снаркальнейшая</i>
(10)	<i>At the conference, he delivered the opening speech _ _____</i>	<i>snarkfully</i>
	<i>На открытии конференции он выступил ____ ____</i>	<i>снаркально</i>
(11)	<i>His stock broker pleaded with him to _____ his investments.</i>	<i>snarkify</i>

	<i>Его брокер попросил его _____ своими инвестициями.</i>	<i>снаркалить</i>
(12)	<i>She referred to the _____ to write her report.</i>	<i>snarkment</i>
	<i>Она обратилась к _____ чтобы написать доклад.</i>	<i>снаркальству</i>

Хливкие шорьки

На том же принципе придания осмысленности восприятию основаны известные эксперименты с псевдопредложениями (pseudo-phrases) Льюиса Кэррола в его не совсем детской книжке «Приключения Алисы в стране чудес» (13 – перевод Д.Г. Орловской):

(13)	<i>Twas brillig, and the slithy toves Did gyre and gimbol in the wabe; All mimsy were the borogoves, And the mome raths outgrabe</i>	<i>Варькалось, Хливкие шорьки пырялись по наве И хрюкотались зелюки, Как мюмзики в мове</i>
------	--	---

Калуша

Аналогичным по сути является текст Л. Петрушевской (14), который также может вызвать у реципиентов смех.

(14) *Сяпала Калуша по напушке и увазила Бутявку. Увазила и во-лит:*

– Калушата, калушата! Бутявка!

Калушата присяпали и Бутявку стрямкали. Стрямкали и подудонились.

А Калуша волит:

– Калушата, калушата! Бутявок не трямяют! Бутявки – дюбые и зюмо некузявые!

Калушата Бутявку вычучили.

А Бутявка вздрезбезднулась, сопритюкнулась и за напушкой во-лит:

– Калушата подудонились! Калушата подудонились! Зюмо некузявые! Пуськи бятые!

Перевод такого текста на иностранный язык принципиально невозможен, а его объяснение потребовало бы привлечения большого количества сведений из области словообразования, звукового символизма, семантики, прагматики речевого общения.

Сатиация. Одним из феноменов, связанных с восприятием речи, является сатиация.

Сатиация – это потеря значения слова при многократном повторении его или внеситуативном употреблении.

Если слово встречается (или звучит) в тексте много раз (15), особенно в косвенных падежах, то смысл этого слова может для реципиента утратиться. Подобное наблюдается и при изучении слов иностранного языка, когда при многократном повторении иноязычного слова учащийся может «потерять» его значение и повторять его «механически».

(15) *ТРЕСКА – полезная рыба*

В ТРЕСКЕ много витаминов.

ТРЕСКУ можно готовить по-разному.

ТРЕСКОЙ можно кормить детей.

5.4. Восприятие букв и слов

Восприятие речи представляет собой проникновение в смысл, который лежит за знаковой формой речи.

Физиологически восприятие письменной речи осуществляется саккадическими (скачкообразными) движениями глаз с одного фрагмента на другой, при этом смысл осознаётся во время остановки движения глаз. Любопытно, что даже если слова содержат ошибки, но напоминают слова, знакомые реципиенту, они воспринимаются как знакомые (16–18). Такая закономерность была обнаружена в экспериментах ещё в конце XIX в., когда исследователи применяли тахистоскоп – прибор в форме ящика, у которого автоматически отодвигалась крышка на очень короткий промежуток времени, чтобы проверить, какое время необходимо испытуемому для опознания слова. Только в нескольких случаях: в 22% (для примера 17) и 14% (для примера 18) испытуемые распознавали искажение.

	Слово, предъявленное в тахистоскопе	Слово, воспринятое испытуемыми
(16)	<i>foyever</i>	<i>forever</i>
(17)	<i>tobxcco</i>	<i>tobacco</i>
(18)	<i>Shakesbeth Macpeare</i>	<i>Shakespeare Macbeth</i>

Или вот текст, который будет понят многими носителями соответствующего языка (19).

(19)	<i>Aoccdrnig to rscheearch at an Elingsh uinervtisy, it deosn't mtttaer in waht oredr the ltteers in a wrod are, the olny iprmoetnt tihng is taht the frist and lsat ltteer is at the rghit pclae. The rset can be a toatl mses and you can sitll raed it wouthit a porbelm. Tihs is bcuseae we do not raed ervey lteer by it slef but the wrod as a wlohe.</i>	<i>По результатам исследования одного английского университета, не имеют значения, в каком порядке расположены буквы в слове. Главное, чтобы паравя и последняя буква были на месте. Остальные буквы могут следовать в любом беспорядке, всё равно текст читается без проблем. Психионий этого является то, что мы не читаем каждую букву по отдельности, а всё слово целиком.</i>
------	---	--

Сочетания букв. Многочисленные эксперименты с двух- (20) и трёхбуквенными сочетаниями (21) показали, что испытуемые воспринимают сочетания букв значительно быстрее, чем буквы, из которых оно состоит, порознь.

(20) *ie, re, th, st, er, te, of*

(21) *ent, ing, dis, ant, ion, ate, pro*

Аналогично некоторые сочетания букв, особенно в длинных словах, представлялись испытуемым как знакомые (несмотря на то, что они таковыми не были), и воспринимались быстрее. Такого рода эксперименты подтвердили гипотезу о том, что знакомые слова опознаются как целостные элементы, а не побуквенно.

Эксперимент с предъявлением букв. В экспериментах, когда испытуемым предъявлялись слова на 10 миллисекунд (10/1000, т.е. одна сотая секунды, сокращ. мсек) было обнаружено, что способность опознавать буквы зависела не столько от количества букв,

сколько от того, в какой мере последовательность букв приближалась к значимой в смысловом отношении последовательности, и в частности к слову. Если испытуемому предъявлялось на 10 мсек несколько не связанных между собой букв, то он мог опознать 3 или 4 буквы, если эти буквы составляли слово, тогда он мог опознать до двух слов (каждое из 3–4 букв); если же эти слова были синтаксически связанными, то он мог уловить до четырёх слов. Поскольку 10 мсек это значительно меньше времени, чем нужно для одного скачкообразного (саккадического) движения глаз (22), то можно утверждать, что при чтении мы оперируем своего рода кадрами (а *single frame of perception*). Такие особенности восприятия являются проявлением способности человека оперировать некоторыми обобщёнными образами (гештальтами).

(22)	Количество саккадических движений глаз	Затрачиваемое время, мсек
	2	25
	5	35
	10	45

Эффект Струпа. В том случае, если значение слова конкурирует с его графической формой, возникает затруднение при чтении.

Эффект Струпа (*Stroop effect*) является одним из наиболее ярких примеров, иллюстрирующих явление интерференции. Эксперимент Дж. Струпа (1935) состоял из нескольких серий. В одной серии испытуемым предъявлялись разные слова, написанные обычными чёрными буквами. В другой – слова, обозначающие названия цвета, но написанные буквами, имеющими не тот цвет (например, слово *жёлтый* было написано зелёными чернилами, а слово *красный* – синими). В третьей серии испытуемым просто предъявлялись карточки (квадраты) разного цвета и давалась инструкция: «Не читая слов, назовите цвет, которым эти слова написаны». Экспериментатора интересовало время между предъявлением карточки и ответом испытуемого.

Эксперимент показал, что если название цвета написано не тем цветом, который обозначает слово, то для его опознания требуется больше времени, чем просто для называния того же цвета шрифта,

которым напечатаны бессмысленные символы, или для чтения того же слова, напечатанного шрифтом чёрного цвета. Иными словами, испытуемые не испытывали затруднений, отвечая на вопрос, каким цветом изображены самые обычные слова, если они были написаны цветными фломастерами. Но если слово *чёрный* было написано красным цветом или слово *зелёный* – синим, то они воспринимались значительно медленнее и с большим количеством ошибок, чем написанные привычно. Исследователи сделали вывод: инструкция «не читайте слов» оказалась невыполнимой. Кроме того, в ходе эксперимента выяснилось, что для называния ста цветов словесного теста требовалось в 2 раза больше времени, чем для называния цветов ста цветных пятен.

По мнению исследователя, так происходит потому, что слова являются символом, т.е. выступают объектом внимания сознания и начинают отвлекать испытуемых от основной задачи. В результате основное задание (называние цвета) выполняется медленнее обычного. Иными словами, задержка при восприятии слова была вызвана тем, что в сознании реципиента активизируются сразу два «логогена», один из которых связан с его значением, другой – с графикой. Это также подтверждает постоянное стремление человека к осмысленному восприятию.

Эксперимент с разными по размеру буквами. В экспериментах других исследователей оказалось, что слово, написанное разными по размеру буквами (24), также будет более трудным для восприятия.

	<i>Слово</i>	<i>Время оценки слова как понятного, мсек</i>
(23)	snapshot	60,4
(24)	SNAPSHOT	64,8
(25)	SnapSHot	74,9

Восприятие многозначного слова. Восприятие слова определяется помимо прочего его непосредственной дистрибуцией и многозначностью (26–28).

(26) *The python caught the mouse.* *Питон поймал мышь.*

(27) *John caught the mouse.* *Джон поймал мышь.*

(28) *John caught the ball.* *Джон поймал мяч.*

Слово *поймал* в этих предложениях будет понято реципиентом по-разному. В (26) оно может быть синонимично *съел*, что неприемлемо к (27). Иной смысл будет приписан ему в (28). Характерно, что в одном из африканских языков глагол *поймать* будет обозначаться разными глаголами в зависимости от того, что является объектом действия, которое оно обозначает (29–30).

(29) *Поймать верёвку*

(30) *Поймать кокос*

При понимании многозначного слова несколько его смыслов конкурируют между собой до тех пор, пока слово не получает своего определенного контекстуального значения.

Контекст можно определить как обладающую смысловой завершенностью устную или письменную речь, позволяющую выяснить смысл и значение отдельных входящих в её состав фрагментов – слов, выражений или отрывков текста.

Для отдельного высказывания, слова или словосочетания, входящих в состав целостного текста, контекстом являются другие (предшествующие или последующие высказывания) или весь текст в целом. Отсюда выражение «понять по контексту». Для целостного отдельного текста контекстом могут выступать все другие тексты этого же автора или другие тексты на эту тему (своего рода парадигма). К примеру, для отдельного научного текста контекстом является корпус других научных текстов по данной специальности; для художественного произведения – другие художественные тексты, сама особенность художественного мышления и пр.

Для понимания закономерностей восприятия двусмысленных фраз и роли в этом контекста было проведено очень большое количество экспериментов.

Эксперимент с жучками. В одном из экспериментов испытуемым предъявлялся на мониторе компьютера текст, где было многозначное слово *жучки*, имеющее два значения (31 и 32). В тексте (33) же оно имело только один смысл (31):

(31) *Жучок – это насекомое.*

(32) *Жучок – это приборчик для прослушивания.*

(33)	<i>Rumor had it that, for years, the government building had been plagued with problems. The man was not surprised when he found several spiders, roaches, and other <u>bugs</u> in the corner of his room.</i>	<i>В народе говорили, что правительственные здания напизгованы проблемами. Человек не удивился, когда обнаружил несколько паучков, тараканчиков и разных <u>жучков</u> в углу своего кабинета.</i>
------	---	--

Одним испытуемым в момент пословного предъявления им текста на мониторе (в верхней его части) предъявлялось слово, контекстуально соответствующее смыслу текста (*муравьи*). Другой группе – контекстуально не соответствующее (*шпион*, или *швея*) значению данного многозначного слова во фразе (33). Каждый раз испытуемые должны были нажимать соответствующую клавишу на клавиатуре как только они понимали значение предъявленного отдельно слова (немедленное предъявление – 34). Другим испытуемым также предъявляли эти слова, но уже после того, как им были предъявлены оба предложения полностью (отсроченное предъявление – 35). Оказалось, что в момент восприятия многозначного слова оно воспринимается как несущее два смысла и лишь только после восприятия определяющего контекста оказывается несущим нужный смысл. Это хорошо видно по времени реакции: в первом случае разница в скорости восприятия слов составляет $715 - 708 = 7$ мсек, что не много, во втором $894 - 795 = 99$ мсек, что представляет существенное различие.

		Тип слова					
Условия предъявления		Контекстуально соответствующее		Контекстуально несоответствующее		Несоотносимое	
		<i>ant</i>	<i>муравей</i>	<i>spy</i>	<i>шпион</i>	<i>sew</i>	<i>швея</i>
(34)	Немедленное	708 мсек		715 мсек		746 мсек	
(35)	Отсроченное	795 мсек		894 мсек		848 мсек	

Подобное явление может быть объяснено тем, что в процессе восприятия речи разные значения одного и того же слова вступают в своего рода соревнование (lexical competition between lexical

hypotheses), в результате которого побеждает контекстуально более правильное значение.

Слова и семантические пространства. Ещё одной особенностью восприятия слов является их соотнесённость с другими словами того же семантического пространства.

(36) *A canary can sing.* *Канарейка может петь.*

(37) *A canary can fly.* *Канарейка может летать.*

(38) *A canary has skin.* *У канарейки есть кожа.*

Самым очевидным свойством канарейки является ее способность петь (36). Присущая канарейке способность летать (37) определяется её принадлежностью к классу птиц. Наличие же кожи (38) связано с её принадлежностью к классу живых существ. Иными словами, семантическое расстояние между *пением* и *полётом* будет меньше, чем между *пением* и наличием кожи. Исходя из этого, восприятие (38) будет более трудным в силу того, что слово *канарейка* в языковом сознании носителя языка отстоит дальше от класса животных и ближе к классу птиц.

Попутно отметим, что не всегда биологическая классификация соответствует наивной картине мира (39-41).

(39) *Курица – не совсем типичная птица, потому что не летает.*

(40) *Кит – это рыба, потому что плавает в воде.*

(41) *Арбуз – это фрукт, только большой.*

В одном из экспериментов в тахистоскопе предъявлялись пары слов одномоментно. Они быстрее опознавались как осмысленные в том случае, если были близки между собой ассоциативно (42, 43), и медленнее, если были далеки (44, 45).

(42)	<i>bread</i>	<i>butter</i>	Ассоциативно близки	<i>хлеб</i>	<i>масло</i>
(43)	<i>nurse</i>	<i>doctor</i>		<i>медсестра</i>	<i>врач</i>
(44)	<i>nurse</i>	<i>butter</i>	Ассоциативно далеки	<i>медсестра</i>	<i>масло</i>
(45)	<i>bread</i>	<i>doctor</i>		<i>хлеб</i>	<i>врач</i>

Это свидетельствует о психолингвистической реальности ассоциативных связей слов в языковом сознании человека.

Ментальный лексикон. К числу интенсивно разрабатываемых проблем психолингвистики относится проблема так называемого ментального лексикона (*mental lexicon*).

Ментальный лексикон – это совокупность знаний человека о словах, их значениях и взаимосвязи между собой.

Ментальный лексикон устроен по правилам, которые отражают фонологические, орфографические, морфологические и семантические характеристики слов. Предполагается, что поиск слова в ментальном лексиконе зависит не только от этих внутренних характеристик слова, но и от внешних, таких как частота слова и влияние контекста. Психолингвисты пытаются найти ответы на вопросы о том, как осуществляется лексический доступ к словарной статье в ментальном лексиконе (lexical access) и как происходит опознавание слова (word recognition).

Начиная с 1970-х годов в центре дискуссий о роли языка в развитии понятийного аппарата и познавательных процессов оказалась проблема функционирования слов, именующих не отдельные сущности, а классы и категории. Этому способствовала популярность работ американского психолога Элеоноры Рош о структуре обобщающих категорий типа «птицы», «мебель», «овоци». Как известно, обобщение (категоризация) – одна из наиболее фундаментальных мыслительных операций. Поэтому сама проблема обобщения и категоризации существовала в науке со времен Аристотеля и трактовалась в зависимости от тех или иных конкретных задач как философская и логическая, а также как психологическая и даже психофизиологическая задача. Формирование способности к обобщению у ребёнка всегда считалось важнейшей задачей среди тех, кто изучал психологию развития и обучения.

Рош впервые предложила отказаться от рассмотрения совокупности членов категории как множества равноправных объектов, охватываемых обобщающим именем. В науках о человеке именно равноправие членов категории считалось самоочевидным и никем не оспаривалось. (К примеру, все предметы мебели как бы равны, поскольку они являются предметами для обстановки, и все птицы тоже как бы равны, поскольку они летают везде.) Э. Рош попыталась показать, что эта традиция не соответствует психологической реальности и представила категорию как структуру, в которой существуют отношения между центром и периферией. Центр образуют типичные представители данной категории, и чем дальше от центра, тем меньше типичность.

Основной акцент Рош и её последователи сделали на описании культурно зависимых особенностей психологических и языковых структур, в соответствии с которыми в одной культуре, говоря, допустим, о *фруктах*, представляют себе прежде всего *яблоко* или *грушу*, в других – *апельсин* или *банан*.

Благодаря трудам Рош в очередной раз выяснилась сложность отношений типа *мебель* – *стол*. Ещё в 1930-е годы советский психолог Л.С. Выготский писал, что употребление ребенком слова *мебель* не может служить доказательством того, что ребёнок овладел процессом обобщения во всей его полноте. Задолго до Рош сходными проблемами занимался также американский психолог Дж. Брунер и его школа. В конце 1950-х годов было показано, что развитие познавательной деятельности ребёнка зависит от того, насколько успешно он использует слова в качестве знаков, обобщающих и замещающих единичные реальные объекты. В 1990-е годы Брунер подчёркивал, что знаковое опосредование формируется не в лаборатории, а в контексте социальной жизни, где создание смыслов определяется культурой, а не природой.

Когнитивная семантика. Важным источником когнитивной лингвистики является лингвистическая семантика. Иногда когнитивную лингвистику даже определяют как «сверхглубинную семантику» и рассматривают как развитие семантических идей, поскольку в ней предпринята попытка увидеть за категориями языковой семантики (прежде всего грамматической) некоторые более общие понятийные категории, которые являются результатом освоения мира человеческим познанием.

Когнитивная грамматика исходит из тезиса о невозможности описания языка без учета когнитивных процессов; анализ грамматических единиц обязательно связан со ссылкой на их семантическое содержание. При таком подходе грамматику естественного языка также можно определить как систему представления знаний, в которой каждая отдельная грамматическая категория будет соотнесена с некоторым аспектом когнитивной обработки информации [А.В. Кравченко].

К примеру, языковое выражение будущего времени может быть расценено как выражение футуральности, относящееся к периферии поля реальности [Л.В. Бондарко]. При этом нулевая степень

фактивности высказываний предоставляет свободу для использования самых различных оттенков отношения к будущему: чаяние и опасение, желательность / нежелательность наступления события, волевое стремление способствовать / препятствовать наступлению события, личное долженствование, тонкая градация оценок вероятности наступления того или иного события и т.п.

Таким образом, с точки зрения эволюции и современного статуса будущего времени в языке его следует рассматривать одновременно и как грамматическую, и как когнитивную категорию [С. Фляйшман]. Поскольку будущее характеризуется признаком неактуальности, а неактуальные события предвидятся и предсказываются на основе знаний, размышлений и оценки со стороны говорящего, вполне обоснованно утверждение, что «в будущее время входит не только семантика компонентов его формы, но и прагматика высказывания» [Фичи Джусти].

В наиболее явном виде путь от лингвистической семантики к когнитивной грамматике представлен работами американских лингвистов Л. Талми и Р. Лангакера [Лэнекера]. Например, Талми ввел в рассмотрение ряд концептуальных суперкатегорий, к которым могут быть сведены самые разнообразные грамматические явления. Так, для описания смысловых отношений в различных парах (46-51) им была предложена универсальная понятийная схема, названная «динамикой сил». Дело в том, что во вроде бы синонимичных парах предложений представлены различные реализации общей ситуации. Когнитивный анализ этих фраз предполагает выделение двух основных компонентов: агониста, который может иметь тенденцию либо к сохранению исходного состояния, либо к его изменению, и противостоящего ему антагониста. В зависимости от баланса их сил изменение (третья категория в рассматриваемых примерах) может либо происходить, либо не происходить.

(46) *Мяч катился по траве.*

(47) *Мяч продолжал катиться по траве.*

(48) *Она вежлива с ним.*

(49) *Она корректна с ним.*

(50) *Ей пришлось сходить в театр.*

(51) *Ей удалось сходить в театр.*

Конкретные ситуации могут относиться к физическому (46-47), психологическому (48-49) или социальному (50-51) взаимодей-

ствию и описываться множеством разнообразных языковых средств. Вводя когнитивно-семантическую категорию «динамика сил», Леонард Талми полагает, что она позволяет обобщить ряд традиционных грамматических категорий, в том числе модальность и каузацию (причинность). Вот как он объясняет с помощью этой категории приведённые выше языковые описания некоторых ситуаций.

В примере (46) агонист имеет тенденцию к изменению состояния (движение), и при этом никакого антагониста в рассмотрение ситуации тут не вводится. В то же время в (47) сообщается о том, что тенденция к движению оказывается сильнее противодействия антагониста (в данном случае это сила трения). В (48) об антагонисте тоже ничего не говорится, зато в (49) сообщается о том, что возможная тенденция к изменению (желанию быть невежливой) успешно преодолена. В (50) говорится о том, как была преодолена тенденция к покою, а в (51) – о том, как взяла верх над какими-то обстоятельствами тенденция к изменению.

Когнитивный подход к семантике, базируясь на результатах лингвистического анализа, позволяет приблизиться к описанию механизмов порождения и понимания речи человеком.

Тезаурус. Хорошее представление о ментальном лексиконе даёт тезаурус (от греч. *θησαυρός* — сокровище). В прошлом термин «тезаурус» обозначались по преимуществу словари, с максимальной полнотой представлявшие лексику языка с примерами её употребления в текстах. В современной лингвистике он определяется несколько иначе.

Тезаурус – особая разновидность словарей общей или специальной лексики, в которых указаны семантические отношения (синонимы, антонимы, паронимы, гипонимы, гиперонимы и т.п.) между лексическими единицами.

В отличие от толкового словаря тезаурус позволяет выявить смысл не только с помощью определения, но и посредством соотношения слова с другими понятиями и их группами. Благодаря этому тезаурусы, особенно в электронном формате, могут использоваться в системах искусственного интеллекта, являются одним из действенных инструментов для описания отдельных предметных областей.

Первым тезаурусом в современном смысле слова стал английский Тезаурус Роже [Roget Thesaurus]. Роже предлагал делить окружающий нас мир по следующим восьми категориям:

1	abstract relations	абстрактные отношения
2	space	пространство
3	physics	физика
4	matter	материя
5	sensation	чувства
6	intellect	интеллект
7	volition	волеизъявление
8	affections	аффекты

В тезаурусе Роже элементы имеют следующие пометы:

partition	разделы
head	темы
parag	параграфы темы (по частям речи)
group	группы
segm	сегменты
adj, adv, n, v, int	коллокации по частям речи
w	слова
source	источники
ref	класс ссылок, изоморфный head (по теме), но называемый по номерам
reltype	тип отношения между темами (синонимы, антонимы)

А вот как выглядит основной список групп, подгрупп, отделов и разделов в «Идеографическом словаре русского языка» О.С. Баранова [2007].

	Группы		Подгруппы		Отделы	Разделы			
1	явление	1	явление	1	явление	1	4		
				2	связь	5	8		
				3	принадлежность	9	14		
		2	логические отношения	4	логические отношения	15	16		
				5	обусловленность	17	22		
		3	система	6	необходимость	23	27		
				7	согласованность	28	30		
				8	система	31	35		
2	форма (существования)	4	форма (существования)	9	форма (существования)	36	38		
				10	характеристика	39	44		
				11	общность	45	48		
		5	множественность	12	множественность	49	50		
				13	величина	51	53		
				14	изменение величины	54	57		
		6	расположение	15	расположение	58	62		
				16	пространство	63	65		
				17	движение в пространстве	66	67		
				18	фигуры	68	71		
		3	природа	7	природа	19	действительность	72	75
						20	процесс	76	79
21	время					80	82		
22	воздействие					83	87		
8	материя			23	материя	88			
				24	материальное тело	89	91		
				25	механическое взаимодействие	92	93		
				26	механическое движение	94	95		
				27	предмет	96	100		
9	вещество			28	микромир	101	102		
				29	химические явления	103	104		

	Группы		Подгруппы		Отделы	Разделы	
				30	вещество	105	110
		10	вселенная	31	вселенная	111	113
				32	земля	114	118
4	живая природа	11	организованность	33	организованность	119	124
				34	действие	125	126
				35	качество (чего)	127	133
				36	целость	134	137
		12	информация	37	информация	138	139
				38	истинность	140	142
				39	доступ к информации	143	147
		13	живая природа	40	живая природа	148	152
				41	растения	153	155
		14	животные	42	животные	156	159
43	нервная система			160	163		
44	ощущения			164	167		
5	человек	15	человеческий организм	45	человеческий организм	168	172
				46	питание человека	173	175
				47	здоровье	176	179
				48	спорт	180	181
		16	психика	49	психика	182	186
				50	эмоции	187	192
				51	искусство	193	197
				52	мышление	198	201
				53	представления	202	205
6	жизнь человека	17	жизнь человека	54	личность	206	209
				55	жизнь человека	210	213
				56	обстоятельства	214	216
				57	отрицательные обстоятельства	217	222

	Группы		Подгруппы		Отделы	Разделы		
		18	деятельность человека	58	действия человека	223	227	
					59	деятельность человека	228	230
					60	достижение цели	231	236
					61	успешность	237	240
		19	быт	62	быт	241	245	
					63	передвижение	246	247
					64	транспорт	248	251
7	общество	20	общество	65	общество	252	257	
				66	организация	258	262	
				67	общение	263	266	
				68	антагонизм в обществе	267	271	
		21	нормы	69	этика	272	275	
				70	нормы	276	279	
				71	соблюдение норм	280	283	
		22	культура	72	культура	284	287	
				73	естественный язык	288	290	
				74	речь	291	294	
23	экономика	75	труд	295	297			
		76	экономика	298	302			
8	цивилизация	24	техника	77	цивилизация	303	304	
				78	техника	305	306	
				79	материалы	307	310	
				80	технология	311	314	
		25	техническое устройство	81	техническое устройство	315	319	
				82	машины	320	321	
				83	информационные устройства	322	323	

Можно говорить не только об общезыковом тезаурусе, но и тезаурусе текста или о тезаурусе жанров текстов, о тезаурусе какого-либо описания вида человеческой деятельности.

В психолингвистике тезаурус определяется так:

Тезаурус – это открытая и подвижная система значений, хранящаяся в памяти индивида и организованная по принципу от общего к частному внутри определенной сферы употребления.

Предполагается, что наш ментальный лексикон устроен и по принципу тезауруса.

5.5. Восприятие предложений

По мнению Н. Хомского, одной из важнейших особенностей языковой компетенции человека является способность понимания многозначных фраз – таких, которые имеют одну внешнюю форму выражения смысла (поверхностную структуру), но два различных толкования (разные глубинные структуры). Задача слушателя (читателя) состоит при этом в опознании того, какая из двух глубинных структур (52 или 53) имеется в виду, когда говорится фраза с двумя возможными смыслами (54).

(52)	<i>Visiting relatives can be a nuisance.</i>	<i>Посещение родственников утомительно.</i>
(53)	<i>Visiting relatives are a nuisance.</i>	<i>Когда нас посещают родственники, это утомительно.</i>
(54)	<i>Visiting relatives is a nuisance.</i>	<i>Когда мы посещаем родственников, это утомительно.</i>

Аналогичным образом фраза (55) также может иметь два смысла (или две глубинные структуры, по Хомскому). Задача реципиента понять, какой из двух смыслов, (56) или (57), реализован в определённом контексте. Как правило, это становится ясно из предыдущего или последующего текста. Однако сама по себе от-

дельно стоящая неоднозначная фраза без контекста правильно понята быть не может.

(55) *Убийства бандитов были ужасны.*

(56) *Когда бандиты убивали, это было ужасно.*

(57) *Когда убивали бандитов, это было ужасно.*

Виды многозначных фраз. В целом многозначные предложения могут быть нескольких типов в зависимости от своей синтаксической организации (58-62):

	Тип многозначности	Пример	Возможные значения	
(58)	Однозначное предложение	<i>Jack likes soccer.</i>	<i>Джек любит футбол.</i>	X
(59)	Глобально многозначное	<i>Flying planes can be dangerous.</i>	<i>Летающие самолеты могут быть опасны.</i>	<i>Летать самолетами может быть опасно.</i>
(60)	Лёгкое многозначное предложение	<i>Студенты из Тюмени поехали в Москву.</i>	<i>Студенты, которые жили в Тюмени, поехали в Москву.</i>	<i>Студенты, которые были в Тюмени, поехали в Москву.</i>
(61)	Лёгкое многозначное предложение	<i>John knows Bill loves Mary.</i>	<i>Джон знает Билл ... любит Мэри (?)</i>	<i>Джон знает, что Билл любит Мэри.</i>
(62)	Трудное временно многозначное	<i>The horse raced past the barn fell.</i>	<i>Лошадь пробежала мимо амбара ... упала (?)</i>	<i>Лошадь, которая бежала мимо амбара, упала.</i>

Что касается временно многозначных предложений (*temporarily ambiguous sentences*) (61), то они кажутся таковыми лишь до определённого места при чтении. Затем многозначность снимается, как только реципиент решает, какое из возможных значений оно имеет. Такого рода предложения называются *garden path sentences* (тропинки в саду, обманки).

Возможна также (и нередко встречается в речи) семантическая неоднозначность. К примеру, одно слово в предложении (63) может иметь несколько значений (64, 65) или вырванная из контекста

письменная фраза (66) не несёт на себе следов логического ударения, которое есть в устной речи (67-69) (а оно, в свою очередь, связано с актуальным членением).

	Исходная фраза		Возможные значения
(63)	<i>Цыплята готовы к обеду.</i>	(64)	<i>Цыплята (живые) готовы <u>поесть</u>.</i>
		(65)	<i>Цыплята (жареные) уже приготовлены к <u>съедению</u>.</i>
(66)	<i>Он решил жениться на норвежке.</i>	(67)	<i>Он (<u>всё-таки</u>) решил жениться на норвежке.</i>
		(68)	<i>Он решил жениться (именно) <u>на норвежке</u>.</i>
		(69)	<i><u>Он</u> (а не кто-то другой) решил жениться на норвежке.</i>

Языковая форма фразы. Одна из важнейших закономерностей восприятия речи заключается в том, что для реципиента не всегда важно, в какой синтаксической форме предъявляется фраза. Главное для него – это смысл, стоящий за ней. Так, в эксперименте на узнавание (recognition test) испытуемым сначала предъявлялись небольшие тексты, а затем разные фразы, и их просили сказать, встречали ли они уже эти фразы ранее. При этом, если сначала им предъявлялась фраза типа (70), то испытуемые с трудом отличали её от предъявленной им позднее фразы, которая была построена как пассивная синтаксическая конструкция (71).

(70)	<i>Mr. Smith ordered the coffee.</i>	<i>Мистер Смит заказал кофе.</i>
(71)	<i>The coffee was ordered by Mr. Smith.</i>	<i>Мистером Смитом было заказано кофе.</i>

В другом же случае, когда испытуемые сначала читали фразу (72), а затем (73), они могли различить их, поскольку они отвечали на разные вопросы. И в этом случае различие между активной и пассивной конструкцией оказывалось значимым.

	Фразы		Вопросы	
(72)	<i>It was Mr. Smith who ordered the coffee.</i>	<i>Кофе заказал мистер Смит.</i>	<i>Who ordered the coffee?</i>	<i>Кто заказал кофе?</i>
(73)	<i>It was the coffee that Mr. Smith ordered.</i>	<i>Мистер Смит заказал кофе.</i>	<i>What did Mr. Smith order?</i>	<i>Что заказал мистер Смит?</i>

Различие между этими фразами заключается не только в том, что они отвечают на различные вопросы (о мистере Смите – 72 или о кофе – 73), сколько о том, что они фиксируют разные ситуации (74, 75). Именно в виде привязки к ситуации эти фразы и хранятся в памяти после завершения восприятия.

(74) *Мистер Смит выбирает, что бы ему заказать, и заказал кофе (а не чай).*

(75) *За столом было много людей, и среди них был мистер Смит, который заказал кофе.*

Данные подобных экспериментов свидетельствуют о том, что испытуемые при восприятии фраз обращаются к неречевой ситуации, которая зафиксирована в них, и именно от неё зависит запоминание речевой информации.

Конечно, бывает, что одно слово представляет собой целое предложение (76), или когда внутри одного сложного слова (как правило, глагола) выстраивается целое предложение (77). Но это не снимает самой проблемы восприятия речи. Может быть, даже наоборот, делает её решение ещё сложнее.

(76) *Пожар!*

(77) *Ninakupenda* (слово на языке суахили из группы африканских языков банту, где *ni* – префикс единственного числа первого лица, *na* – показатель настоящего времени глагола, *ku* – обращенность ко второму лицу, *penda* – корневая морфема, имеющая значение *любить*).

5.6. Соотнесение речи с действительностью

Итак, воспринимая речь, человек соотносит сказанное с действительностью и со своими знаниями о ней. Например, встречая синтаксически многозначную фразу (78), реципиент понимает её правильно (79) за счёт знания о физических законах реального

мира (сказать можно всё, что угодно (80), но будет ли это отражать верно действительность?).

	Пример		Возможные значения
(78)	<i>Карандаш уронили на стол, и он сломался.</i>	(79)	<i>Карандаш сломался от падения на стол.</i>
		(80)	<i>Карандаш сломал стол (?)</i>

Реципиент будет каждый раз при помощи мыслительных операций перестраивать своё неправильное понимание, стремясь, насколько это возможно, к единственно правильному варианту.

Мальчик и собака

К примеру, фраза (81) может быть понята скорее всего как (82), а не как (83), и маловероятно, что как (84).

(81)	The boy chased the dog with a car.	Мальчик преследует собаку в автомобиле.
(82)	The boy is in a car.	Мальчик в автомобиле.
(83)	The dog is in a car.	Собака в автомобиле.
(84)	A cartoon where a dog is riding a car and the boy is running after it.	Карикатура, на которой собака едет в автомобиле и мальчик бежит за ней.

Фраза (85) скорее будет понята как (86), чем как (87):

(85)	<i>The boy chased the dog with a bone.</i>	<i>Мальчик преследует собаку с костью.</i>
(86)	<i>The dog has a bone.</i>	<i>Кость находится у собаки.</i>
(87)	<i>The boy has a large cow bone and is chasing the dog.</i>	<i>Мальчик с большой коровьей костью преследует собаку.</i>

Совершенно очевидно, что носители языка связывают машину скорее с мальчиком (82), нежели с собакой (83), а кость скорее с со-

бакой (86), нежели с мальчиком (87). На карикатурах, конечно же, собаки могут водить машину, а мальчики могут бегать за собаками, которые держат игрушечные машины в пасти, и т.д. И тем не менее наиболее разумными будут именно первые предположения в обоих примерах (83) и (86).

Фраза же (88) может быть понята двояко: и как (89), и как (90) в силу того, что исходное предложение (88) допускает два вполне правдоподобных толкования:

(88)	<i>The boy chased the dog with a stick.</i>	<i>Мальчик преследует собаку с палкой.</i>
(89)	<i>The boy has a stick in his hand.</i>	<i>У мальчика в руке находится палка.</i>
(90)	<i>The dog has a stick in its mouth.</i>	<i>У собаки в пасти находится палка.</i>

Тем самым носитель языка при восприятии и интерпретации речи выбирает наиболее вероятное толкование, которое соотносится с его представлением о действительности. Как писал ван Дейк, мы понимаем текст только тогда, когда понимаем ситуацию, о которой идёт речь.

Другая важная закономерность восприятия состоит в том, что, воспринимая речь, реципиенты в состоянии описать затекстовую ситуацию более подробно, чем можно было бы сделать на основании чисто формального анализа фраз. Отметим попутно, что тут происходит опора не на контекст (совокупность высказываний, которые помогают понять смысл данного выражения), а на затекст, т.е. действительность.

Джейн и грузовичок

К примеру, прочитав текст о Джейн (91), испытуемые могут дать такие ответы на вопросы, которые не могут быть получены путем формального анализа речи.

(91)	<i>Jane heard the jingling of the ice cream truck. She ran to get her piggy bank and started to shake it. Finally some money came out.</i>	<i>Джейн услышала мелодию, которую издавал грузовичок с мороженым. Она побежала доставать свою свинью-копилку и начала трясти её. Наконец деньги вывалились.</i>
------	--	--

В частности, они могут ответить на вопросы (92-97):

(92)	<i>How old is Jane?</i>	<i>Сколько лет Джейн?</i>
(93)	<i>Why did she get the money?</i>	<i>Зачем она стала доставать деньги?</i>
(94)	<i>Did she get the money?</i>	<i>Она достала деньги?</i>
(95)	<i>Did she turn her piggy bank upside down?</i>	<i>Переворачивала ли она свою копилку?</i>
(96)	<i>Was the money that came out in the form of coins or bills?</i>	<i>Деньги были в форме монет или банкнот?</i>
(97)	<i>How big was piggy bank?</i>	<i>Какой величины была копилка?</i>

Этой информации нет в вышеприведённом тексте, она извлекается из сознания читателя в процессе восприятия речевого материала. Читатели будут немало удивлены, если они узнают, что (98-100):

(98)	<i>Jane was 87.</i>	<i>Джейн было 87 лет.</i>
(99)	<i>Jane owned a piggy bank the size of a car.</i>	<i>Её копилка была величиной с автомобиль.</i>
(100)	<i>Jane shook out a handful of thousand bill dollar in order to make an offer to purchase the truck.</i>	<i>Джейн вытрясла пригоршню тысячедолларовых банкнот для того, чтобы купить грузовичок.</i>

Дело в том, что наш обыденный опыт подсказывает нам, как всё могло быть в реальности (101-103):

(101)	<i>Jane was 8-12.</i>	<i>Джейн было 8-12 лет.</i>
(102)	<i>Piggy bank was a little box for coins.</i>	<i>Копилка представляла собой небольшую коробочку для монет.</i>
(103)	<i>Jane got some coins.</i>	<i>Джейн достала несколько монет.</i>

Скვაжины между фразами. Особую проблему восприятия речи составляют фразы, между которыми имеются «скважины». В отличие от фразы (104), части которой соединены союзом «и», между фразами (105) существует разрыв (он обозначен пунктуационно точкой, а устно – паузой), который должен быть восполнен знаниями реципиента. В частности, необходимо знать, что больной человек не может полностью выполнять свои служебные обязанности, и ему лучше отправиться к врачу или домой.

(104) *Мэри Браун почувствовала себя плохо и поэтому ушла домой.*

(105) *Мэри Браун почувствовала себя плохо. Она ушла домой.*

Аналогично связь между (106) и (107) будет восстановлена на основании знания о возможных способах убийства (в частности, с помощью ножа):

(106)	<i>John was murdered yesterday.</i>	<i>Вчера убили Джона.</i>
(107)	<i>The knife lay nearby.</i>	<i>Нож лежал рядом.</i>

Большей активности потребует установление связи между фразами (108) и (109), так как не совсем ясно, что имеется в виду под местоимением *это*.

(108)	<i>I ran two miles.</i>	<i>Я пробежал две мили.</i>
(109)	<i>It did me good.</i>	<i>Это было здорово.</i>

Тем самым восприятие речи является не просто опознанием языковых знаков и приписыванием им смысла, сколько соотношением языковых знаков, которые организованы в морфологическом и синтаксическом отношении, с представлениями реципиента о действительности.

5.7. Механизм эквивалентных замен

Действие механизма эквивалентных замен состоит в том, что в самом процессе восприятия речи реципиент заменяет слова и словосочетания (сложные знаки) более простыми сигналами или наглядными образами. Это является своего рода необходи-

мостью в силу того, что возникающий в сознании знак отражает первичный знак не прямо, а косвенно или «превращенно», и его **понимание** человеком происходит путём своеобразного перевода с «языка слов» на «язык образов» и «язык мысли». В самом же сознании образу могут соответствовать разные слова, отличные от тех, что даны в восприятии, а лишь сопряжённые с ними по смыслу.

Инструкция в лифте

К примеру, восприятие фразы, представляющей собой инструкцию (110) или объявление (112), вызовет активность реципиента по перекодировке её из одного стиля в другой (111) и переструктуризацию, где субъектом будем сам воспринимающий (113):

(110) *При загорании сигнала «Лифт перегружен» необходимо частично разгрузить кабину.*

(111) *Если загорелась красная лампочка, кому-то надо выйти из лифта.*

(112) *В нашем парке осуществляется прокат лодок.*

(113) *Мы можем на лодке по пруду покататься.*

Иными словами, человек, прочитавший такой текст (110) поймёт его гораздо легче, как только он сможет сделать его для себя более доступным по форме. Именно в таком – упрощённом виде (111) – он и запомнит его.

Обед в Версале

Нет необходимости доказывать, что воспринимаемая речь, читатель соотносит предъявляемые ему знаковые образования с имеющимися у него образами сознания (114 – пример И.И. Гливенко [1929]).

(114) *После семейного обеда в Версале, после переезда в дождливую ночь через площадь Согласия и бульвар Со, Луи и Рене с чувством удовлетворения сели в пустой вагон на левобережной станции.*

Если какие-то языковые элементы не связаны с соответствующими образами сознания, то реципиент будет заменять их схожими (в вышеприведённом примере 114 он, допустим, представит себе русский железнодорожный вагон, а не французский, какой-то бульвар, а не бульвар Со) и т.д.

5.8. Механизм апперцепции

К одним из проявлений активности реципиента относится действие механизма апперцепции.

Апперцепция – это зависимость восприятия от прошлого опыта.

Именно прошлый опыт окажет влияние на то, как реципиент поймёт фразу (115 – пример И.А. Зимней). Оно может быть различным, в частности, после увиденного недавно уличного происшествия (116) или после посещения Германии (117).

(115) *Расскажите мне [абаварии].*

(116) *Расскажите мне об аварии.*

(117) *Расскажите мне о Баварии.*

5.9. Механизм вероятностного прогнозирования

Итак, совершенно очевидно, что процесс восприятия речи не относится к пассивным процессам, и при восприятии речи реципиент проявляет активность. В частности, он опирается на свой прошлый опыт (как речевой, так и неречевой), производит эквивалентные замены в соответствии с правилами языка, а также осуществляет вероятностное прогнозирование.

Последнее проявляется в том, что в процессе восприятия речи он не просто пассивно ждёт того, что ему скажет продуцент, а сам прогнозирует, выдвигает свою «встречную» гипотезу о том, что он может услышать в следующий момент или прочитать на следующей странице или строчке.

Такого рода особенность восприятия связана с действием психологического механизма вероятностного прогнозирования, который является частью общепсихологических механизмов процесса восприятия.

Вероятностное прогнозирование – это предвосхищение будущего, основанное на вероятностной структуре прошлого опыта и информации об имеющейся ситуации.

По словам Дж. Миллера, «слушатель начинает с предположения о сигнале на входе. На основе этого предположения он порождает внутренний сигнал, сравниваемый с воспринимаемым. Первая

попытка, возможно, будет ошибочной; если так, то делается поправка и используется в качестве основы для следующих попыток, которые могут быть точнее».

Возникающая таким образом «нервная модель обстановки» [П.К. Анохин] оказывается под воздействием «модели будущего» [Н.И. Бернштейн]. В отличие от модели «прошедшего-настоящего», модель будущего имеет вероятностный характер. В любой фазе экстраполяции прошлого и настоящего на будущее мозг в состоянии лишь наметить для предстоящего момента своего рода таблицу вероятностей возможных исходов. Выдвигаются, естественно, наиболее вероятные гипотезы, которые либо подтверждаются, либо отвергаются в процессе сличения гипотезы и входящего сигнала.

Выдвижение гипотезы сопровождается актуализацией всего семантического поля, составляющие которого выступают в качестве эталонов в процессе сличения. «Моделирование будущего» возможно только путём экстраполяции того, что выбирается мозгом из информации в текущей ситуации, из «свежих следов», непосредственно предшествующих восприятию, из всего прежнего опыта индивида, из активных проб и ощупываний, обозначаемых как «ориентировочная реакция» [С.И. Бернштейн]. Конечно, чем сложнее структура речевого сигнала, тем менее зависит восприятие от точности физической характеристики отдельных элементов или частей целого и тем более оно будет обуславливаться вероятностной оценкой всего сигнала.

В традиционной методике обучения иностранным языкам именно поэтому существует представление, что при обучении следует уделять внимание прежде всего формальному прогнозированию, а смысловое угадывание разовьётся у учащегося по мере его знакомства со смысловыми связями, имеющимися в иноязычных текстах.

То, насколько успешно человек будет угадывать каждый следующий элемент, зависит от самой гипотезы, которая может быть как верной, так и неверной, и тем самым от человека, который её выдвигает. К примеру, завершая фразу (118 – пример Р.М. Фрумкиной), большинство испытуемых восстанавливают её нормально (119), но есть испытуемые, которые предлагают странные ответы (120). Подобные варианты даются людьми, у которых нарушено действие механизма вероятностного прогнозирования (в частности, при шизофрении). Правда, можно считать, что у них особая логика,

но в любом случае эта логика не является результатом понимания сущности явления, а будет скорее результатом вербальной актуализации латентных (случайных) связей между явлениями действительности.

(118) *Из леса вышла старушка с ... на плечах.*

(119) *с вязанкой хвороста, с корзиной*

(120) *с погонами*

В норме же продолжение фразы (её вероятностный прогноз развития) будет зависеть от следующих параметров:

- лингвистические закономерности развёртывания предложений,
- актуальное членение фразы (соотнесения данного и нового, или в других терминах – темы и ремы),
- знания реципиента о затекстовой действительности,
- направленность интересов личности (как общих, так и актуальных).

Одинокий старик

Если группе испытуемых предложить первое предложение из рассказа А. Гайдара «Горячий камень» (121 – пример В.П. Глухова), то теоретически мы можем получить столько же продолжений, сколько у нас будет испытуемых. Причём если её завершение с лингвистической точки зрения будет представлять просто разное актуальное членение, то с психолингвистической точки зрения это будет определяться не только синтаксическим «потенциалом» исходной фразы, но и личностными смыслами, и читательским опытом испытуемых. Иными словами, мы получим разные продолжения в зависимости от того, на какую часть стимульной фразы обратит внимание испытуемый (121-133):

(121) *Жил на селе одинокий старик.*

(122) *Жил на селе одинокий старик в доме, что на отшибе.*

(123) *Жил на селе одинокий старик. Жил он не много, ни мало, а 83 года.*

(124) *Жил на селе одинокий старик. На селе он жил с первого дня своего рождения.*

(125) *Жил на селе одинокий старик. Он любил своё село.*

(126) *Жил на селе одинокий старик. Он любил ходить в лес за грибами.*

- (127) Жил на селе одинокий старик. Одиноким он был потому, что жена его была убита...
- (128) Жил на селе одинокий старик. И не с кем ему было разделить свою старость.
- (129) Жил на селе одинокий старик. И решил завести он кота.
- (130) Жил на селе одинокий старик. И решил он обзавестись семьей.
- (131) Жил на селе одинокий старик. Старик был слаб и нуждался в постоянном уходе.
- (132) Жил на селе одинокий старик. И пришла к нему в гости смерть.
- (133) Жил на селе одинокий старик. Было ему скучно и он решил жениться на хозяйственной старушке.

Тем самым прогнозирование при восприятии речи являясь функцией языковых закономерностей речи, будет определяться воспринимающим человеком.

Эффект обманутого ожидания. В целом же, при восприятии речи определяющим является знания общезыковых законов и закономерностей функционирования единиц языка в речи. Так, если фраза начинается как (134), то естественным будет ожидание продолжения (135). Появление же алогичного продолжения (136) будет нарушением законов сочетания языковых знаков и, в соответствии с эффектом обманутого ожидания, вызовет у реципиента смеховой эффект.

(134) Шёл дождь,

(135) и было холодно.

(136) Шёл дождь и два студента – один в пальто, другой в аптеку.

5.10. Понимание речи

Восприятие речи включает в себя рецепцию слышимых или видимых элементов языка, установление их взаимосвязи и формирование представления об их значении.

Восприятие разворачивается на двух ступенях – собственно восприятие и понимание. При этом, понимание представляет собой

расшифровку общего смысла, который стоит за непосредственно воспринимаемым речевым потоком.

Понимание – это процесс превращения воспринимаемой речи в лежащий за ней смысл.

Смысл фразы (137) может быть разным в зависимости от того, в каком неречевом контексте, кем и кому она высказана – матерью ребенку (138), в комнате, где зимой открыта форточка (139), девушкой в парке (140) или взрослым, играющим с детьми в игру «холодно-горячо» (141). И во всех случаях языковые знаки являются предикатом к действительности, к разным ситуациям.

(137) *Холодно!*

(138) *Оденься теплее.*

(139) *Закрой окно!*

(140) *Ты не можешь дать мне свой пиджак?*

(141) *Не там ищешь!*

В ходе понимания реципиент устанавливает между словами **смысловые** связи, которые составляют в совокупности смысловое содержание данного высказывания. В результате осмысления слушатель может прийти к пониманию или непониманию смыслового содержания высказывания. Важно отметить, что само понимание психологически характеризуется разной глубиной, разным качеством.

Уровни понимания. Исследователь И.А. Зимняя предполагает наличие следующих уровней понимания текста и речи.

Начальный, самый общий уровень понимания свидетельствует о понимании только основного предмета высказывания – того, О ЧЁМ идёт речь. Находящийся на этом уровне понимания слушатель может только сказать, о чём ему говорили, но не может воспроизвести содержание сказанного. Смысловое содержание услышанного служит как бы фоном, на котором реципиент может определить основной предмет высказывания. Примером может служить лекция в вузе для студентов пятого курса, на которую случайно попал первокурсник или пятиклассник.

Второй уровень (понимания смыслового содержания) определяется пониманием всего хода изложения мысли продуцирующей, её развития, аргументации. Этот уровень характеризуется понимани-

ем не только того, о чём говорилось, но и того, ЧТО было сказано. Если, например, студент хорошо подготовлен к экзамену, то на консультации для него многое будет знакомо, он лишь уяснит некоторые непонятные ему ранее моменты.

Высший уровень понимания определяется пониманием не только того, о чём и что было сказано, но самое главное – пониманием того, ЗАЧЕМ это говорилось и КАКИМИ языковыми средствами это было сделано. Такое проникновение в смысловое содержание говоримого позволяет слушателю понять мотивы, побуждающие говорящего говорить так, а не иначе, понять многое из того, что подразумевает говорящий, внутреннюю логику его высказывания. Этот уровень понимания включает и оценку языковых средств выражения мысли, использованных говорящим.

Естественно, что один и тот же человек может находиться на разных уровнях понимания (допустим, при прослушивании разных лекций или чтении разных книг). В то же время в процесс слушания одной и той же речи часто вовлекаются люди, находящиеся на разных уровнях понимания (например, дети и взрослые).

Воспроизведение информации. Восприятие связано с таким процессом памяти, как воспроизведение информации.

Воспроизведение – один из процессов памяти, при котором актуализируются известные по прошлому опыту мысли, образы, чувства, движения.

В отличие от узнавания воспроизведение осуществляется в отсутствие объектов, вызвавших когда-то соответствующие следы памяти.

Избирательность понимания. Существенной особенностью восприятия является его избирательный характер. Это проявляется уже в процессе произвольного воспроизведения, так как оно осуществляется в связи с потребностями человека, направлением его деятельности, конкретными переживаниями. Особенно чёткой избирательностью характеризуется произвольное воспроизведение. В зависимости от задачи человек не только определяет то, что нужно вспомнить, но и стремится воспроизвести требуемое более полно или, наоборот, выборочно, в прежней или иной последова-

тельности. Отметим, однако, что воспроизведение почти никогда не является фотографически точной передачей воспринятого. Оно обычно связано с большей или меньшей перестройкой последнего, которая зависит от того, каковы задачи деятельности, как человек понимает помнит и переживает воспроизводимое.

Избирательность восприятия речи определяется важностью, релевантностью того речевого материала, который попадает в поле внимания индивида. Избирательность направляет встречный поиск со стороны индивида, помогает ему выбрать наиболее значимые для него объекты или стороны объекта (142). Избирательность также является проявлением активности реципиента, в значительной степени определяя характер интерпретации воспринятого.

(142) Укого чего болит, тот о том и говорит.

Скорочтение. Существуют некоторые диапазоны скоростей чтения: низкая скорость чтения – 200 слов в минуту, средняя – 250–300, быстрая – 300–450, и сверхбыстрая – 650 слов в минуту.

Есть набор методических приёмов, позволяющих ускорить технические показатели чтения. Это называется динамическим чтением, скорочтением, техникой быстрого чтения. К числу основных приёмов относятся: вертикальное чтение с удержанием глаз посередине страницы (для этого на тренировочных страницах прочерчивают линию), расширение зон бокового зрения (можно тренироваться с помощью таблиц Шульте), сокращение проговаривания слов (предлагается зажимать во рту карандаш или выстукивать рукой с участием локтевого сустава определённый ритм). Скорость чтения зависит от сложности воспринимаемого материала и целей чтения.

Напомним, что лёгкость усвоения и понимания текста (читабельность) является функцией от нескольких переменных: длины слов, абстрактности лексики, частотности лексики, длины предложений.

Очевидно, что реципиент может ставить перед собой разные задачи, в том числе и в отношении глубины понимания текста. Если читатель стремится к получению эстетического удовольствия от текста, он будет читать внимательно, прибегая к технике углубленного, медленного чтения. Если необходимо всего лишь ознакомиться с предметом текста, получить общее впечатление о тексте, то тут целесообразно читать как можно быстрее. В целом, овладение навыками скорочтения является велением времени.

5.11. Значение и смысл

Особенности, связанные с субъективным характером восприятия речи, могут быть описаны с помощью психологических понятий «значение» и «смысл». Согласно А.Н. Леонтьеву, значение – это то, что открывается в предмете и явлении объективно: в системе объективных связей, отношений, взаимодействий. Значение отражается, фиксируется в языке и приобретает благодаря этому устойчивость. Человек живёт в мире значений, которые открыты для него в каждом слове другими людьми. Но сам он не в состоянии усвоить все значения всех слов или даже некоторые значения в их полном объёме.

Значение предшествует наиболее развитой его форме – понятию – и выступает в единстве с **личностным смыслом** и чувственной тканью, образуя структуру индивидуального сознания.

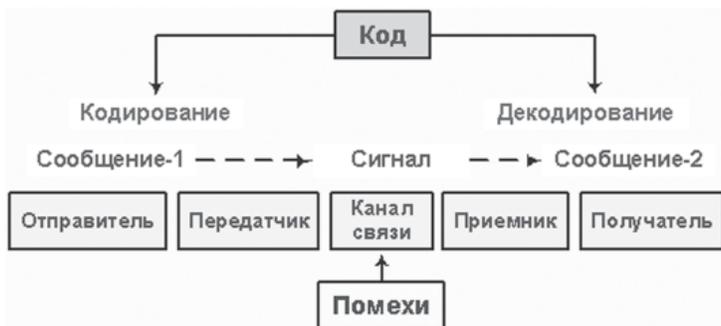
Личностный смысл – это переживание субъективной значимости предмета, действия или события, оказавшегося в поле действия ведущего мотива.

Это одна из главных образующих сознания, осознаваемая как «значение для меня».

5.12. Модели восприятия речи

В психолингвистике имеется несколько моделей восприятия речи.

Модель Осгуда. Один из первых разделов коллективной монографии «Психолингвистика-54», изданной Ч. Осгудом называется «Три подхода к языковому поведению». Там приводятся общие рассуждения о человеческой коммуникации как таковой, опирающиеся на модели, взятые из общей теории связи. Примером этой схемы коммуникации может служить передача информации с помощью азбуки Морзе, когда телеграфист отстукивает сигналы телеграфным ключом. В самом общем виде это может быть представлено такой схемой:

Такой подход в начале 50-х годов XX в. был связан с развитием научно-технического прогресса, когда после Второй мировой войны начала активно развиваться вычислительная техника, обсуждались проблемы мыслящих роботов, машинного перевода. Возникла своеобразная «кибернетическая эйфория», когда казалось, что до решения всех проблем рукой подать. Взяв эту модель в качестве исходной, Осгуд построил схему человеческой коммуникации на базе этой технической схемы:

- 1) имеется некоторый отправитель,
- 2) у отправителя имеется некоторое сообщение-1;
- 3) отправитель, чтобы передать это сообщение, использует передатчик;
- 4) этот передатчик преобразовывает (кодирует) сообщение в сигнал
- 5) и передает по каналу связи;
- 6) это преобразование в сигнал происходит с использованием определённого кода;
- 7) пройдя по каналу связи, сигнал поступает в приёмник;
- 8) около приёмника находится получатель;
- 9) получатель с помощью кода преобразует (декодирует) сигнал в сообщение-2;
- 10) при этом в канале связи могут возникнуть помехи (шум), которые искажают сообщение. Поэтому сообщение-1 и сообщение-2 могут отличаться друг от друга иногда настолько, что становится непонятно, о чем идет речь.

Несмотря на то что данная модель была разработана для понимания сути коммуникации, опосредованной техническими средствами, она отражает и общие закономерности обычной коммуникации.

Модель Чистович. В отечественной психолингвистике имеется модель восприятия, предложенная ещё в 60-е годы XX в. исследовательницей Л.А. Чистович. Она представляет процесс распознавания человеком слышимой речи следующим образом.

Звуки речи записываются в памяти как набор характеристик по их признакам: гласные записываются с маркерами, обозначающими степень ударности. После восприятия ударного слога намечается условная граница слова, и человек находит подходящее слово. Если решение принимается, отмечаются границы отрезка, включённого в слово, и сокращается словарь последующих выборов. Таким образом, отрезки сообщения, более крупные, чем слоги, приобретают новый акустический параметр – ритмику.

Чистович делала допущение, что в нервной системе образованы специальные схемы (блоки) для обнаружения таких явлений, как шум с максимумом энергии в определенном участке спектра, толчок (взрыв), пауза, формантный переход с определёнными свойствами и т.д. При перцепции речевого сигнала указанные схемы вырабатывают символы, обозначающие акустические явления.

В целом распознающая система обладает памятью, и поэтому вопрос о процедурах принятия решений связан с вопросом об объёме оперативной памяти. Поскольку объём её ограничен, следует ожидать, что существует оптимальная длительность фразы, при которой разборчивость будет максимальной. При больших же длительностях фразы в условиях искажений должны наблюдаться пропуски, связанные с нехваткой времени на текущий просмотр и установление символа. Тем самым если фраза длинная, то образ слова утрачивается, и тогда решение о неузнанной части фразы может приниматься только «по догадке», на основании одних лингвистических вероятностей, без ограничения признаками слова, а следовательно, с большой вероятностью ошибки.

Значительную роль в восприятии отдельных сегментов, по мнению исследовательницы, играет контекст. Поэтому принятие решений о слове и фразе происходит на более высоком уровне, чем принятие решений о фонеме и слоге, и на принципиально других основах.

В целом же современная психология и психолингвистика еще не выработали однозначного представления о единице, механизмах и структуре речевого восприятия. Во многих экспериментах получают несовпадающие результаты, что можно объяснить существен-

ной сложностью самой проблемы, а также трудностями разработки адекватных методов исследования.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- Как протекает процесс восприятия речи?
- Может ли восприятие речи быть бессмысленным?
- Как человек распознает разные смыслы неоднозначных фраз?
- Что такое глубинная структура фразы?
- Почему речь не запоминается нами точно в той форме, в которой она была предъявлена?
- В чем заключается активность читателя или слушателя при восприятии речи?

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Как человек понимает речь.
- Вероятностное прогнозирование при восприятии речи.
- Как научиться читать быстрее (методы и приёмы скорочтения).

ТЕМЫ КУРСОВЫХ

- Восприятие двусмысленных фраз.
- Психолингвистические особенности восприятия парадоксов.
- Восприятие и понимание текстов с абстрактным содержанием.

Тема 6

ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: слово, высказывание, текст, контекст, затекст, подтекст, гипертекст, семантика, связность, цельность, языковое сознание, продуцент, реципиент, образ мира, проекция текста.

Текст как сложное семантическое образование обладает такими психолингвистическими характеристиками, отсутствующими у слова, словосочетания или фразы, как цельность, связность, эмотивность, креолизованность, прецедентность, скважность. В тексте сохраняются следы невербального поведения участников коммуникации, и он обладает большой степенью интерпретативности.

6.1. Слово – высказывание – текст

Традиционно объектами лингвистики являются слово, словосочетание и структурные модели предложения. Слово представляет собой основную структурно-семантическую единицу языка, которая служит для именованя предметов, явлений и их свойств. Словосочетание также служит средством номинации предметов, явлений, процессов, качеств. То, что в одном языке выражается одним словом, может быть выражено в другом языке словосочетанием, и наоборот. Поэтому различие между словом и словосочетанием в ряде случаев (1, 2) условно.

	слово	словосочетание
(1)	<i>railroad</i>	<i>железная дорога</i>
(2)	<i>порох</i>	<i>gun powder</i>

В лингвистике принято говорить о предложениях как единицах языка. В психолингвистике чаще говорят не о предложении, а о высказывании, которое, являясь единицей речевого общения, соотносено с ситуацией и ориентировано на участников речи. Высказывание как единица речевого общения учитывает коммуникативную ситуацию, в нём излагается позиция говорящего с учётом знаний и возможной реакции собеседника.

Совершенно очевидно, что мы говорим обычно не разрозненными словами и не отдельными фразами; все носители языка говорят только развернутыми высказываниями и даже текстами, и наша речь включена в деятельность более высокого порядка, нежели просто речевое общение (ради общения). Сами же по себе языковые знаки проявляются только будучи текстово связанными, они могут иметь смысл только как связанные единицы, когда они образуют тексты и передают их содержание. Иными словами, если мы хотим понять, что есть то или иное слово, и как оно соотносится со своим значением, следует обязательно принять во внимание, что слова в реальном общении включены в предложения, тексты и ситуации. При этом семантика слов в тексте (их значение) может значительно отличаться от семантики изолированных слов, поскольку только в тексте слово получает свое основное значение и осмысление. Даже отдельная фраза может быть не понята, если она даётся без контекста.

Контекст – это левое и правое окружение фразы, которое придает ей однозначное толкование.

Различают левый и правый контексты. Так, в самом простом случае фраза (3) не будет понята, если не известно, что это ответ на вопрос (4), т.е. если не известен левый контекст (предыдущая часть диалога).

(3) *Джон сказал, клубничное.*

(4) *Какое она любит мороженое?*

Тем самым обращение к семантике текста при анализе речевого общения – закономерно и необходимо, поскольку основано на всеобщей связи и взаимодействии языковых единиц в процессе их функционирования. Результатом такого взаимодействия языковых единиц является то обстоятельство, что при определении содержательной стороны языковых единиц одного уровня требуется обращение к единицам более высокого уровня, вплоть до текста. А текст

в данном случае становится предельной (высшей) единицей общения на знаковом уровне. Всё это делает необходимым при определении смысла речи учитывать сферу употребления, функционирования языковых единиц, т.е. текст.

За интересом учёных к тексту скрывается интерес к проблемам языкового сознания. Вот как понимается этот термин в отечественной психолингвистике:

Языковое сознание представляет собой внутренний процесс планирования и регуляции внешней деятельности с помощью языковых знаков.

За интересом к языковым знакам, и, соответственно, к тексту стоит и интерес к языковой личности и образу мира человека, поскольку в каждом тексте проявляется языковая личность, владеющая системой языка.

Образ мира – это отображение в психике индивида предметного мира, опосредованное предметными значениями и соответствующими когнитивными схемами и поддающееся сознательной рефлексии.

Определения текста. В лингвистике насчитывается более трёхсот определений текста. Среди них есть такие, которые не показывают существенной разницы между текстом и словом, между текстом и предложением: «Текст – это определенная последовательность языковых компонентов, которая носит линейный и ограниченный характер». Совершенно очевидно, что и слово – это «последовательность языковых компонентов», и предложение тоже «носит линейный и ограниченный характер».

Среди определений текста имеются и семантически неполнозначные, например: «Текст – это эмпирическое явление, обладающее единой значимостью. Мы создаем его, когда говорим или пишем». Несмотря на то что подчеркивается семантическое единство текста, в этом определении нет указания на функцию текста обеспечивать структуриацию человеческой деятельности.

Одно из самых удачных, на наш взгляд, определений текста принадлежит И.Р. Гальперину.

Текст – это произведение речетворческого процесса, обладающее завершённостью, объективированное в виде письменного документа, произведение, состоящее из названия (заголовка) и ряда особых единиц (сверхфразовых единств), объединённых разными типами лексической, грамматической, логической, стилистической связи, имеющее определённую направленность и прагматическую установку.

Отметим, что под сверхфразовыми единствами в лингвистике нередко понимаются части тексты, примерно соответствующие абзацу. В этом определении также отмечаются целостность текста, связность его элементов и функциональная направленность (правда, предполагается, что текст существует только в письменной форме).

6.2. Виды текста

Типы текстов по видам речевой деятельности. Речевые тексты очень разнообразны, поэтому различными могут быть направления их классификации. Например, в лингвистике выделяются тексты письменные и устные; монологические и диалогические

Типы текстов по жанрам. В лингвистике также традиционно выделяются тексты разных стилей и жанров: официально-деловой, научный, публицистический, художественный, религиозный, разговорный.

Внутри каждого жанра выделяются свои подтипы. Например, художественные тексты могут быть детективами, дамскими романами, философской прозой и др.; научные – статьями, патентами, диссертациями и др.

Типы текстов по содержанию. В стилистике выделяют следующие смысловые типы текстов: тексты-описания, тексты-повествования, тексты-рассуждения. В тексте-описании говорится об одновременных признаках (5), в повествовании – о последовательных действиях (6), в рассуждении – о причинах свойств или явлений (7), это преимущественно научные тексты.

- (5) *Тиха украинская ночь. / Прозрачно небо. / Звёзды блещут. / Своей дремоты превозмочь / Не хочет воздух. / Чуть трепещут / Сребристых тополей листья. / Луна спокойно с высоты / Над Белой Церковью сияет / И пышных гетманов сады / И старый замок озаряет. (А.С. Пушкин «Полтава»)*
- (6) *Маргарита поднялась на метр вверх и ударила по люстре. Две лампочки разорвало, и во все стороны полетели подвески. Крики в скважине прекратились, на лестнице послышался топот. Маргарита выплыла в окно, оказалась снаружи окна, размахнулась несильно и молотком ударила в стекло. Оно всхлипнуло, и по облицованной мрамором стене каскадом побежали вниз осколки. Маргарита поехала к следующему окну. (М. Булаков «Мастер и Маргарита»).*
- (7) *Мы знаем хорошие произведения литературы с несовершенной или даже плохой композицией. Но хорошего произведения с плохим языком быть не может. Из негодного леса нельзя выстроить хорошего дома... (К. Федин)*

Типология текстов, релевантная для перевода. Типологий можно построить очень много в зависимости от основания типологии и от целей. Рассмотрим типологию текстов, релевантную для перевода, предложенную Бенедетто Кроче.

Функция языка	описание	выражение	обращение
Параметр языка	логический	эстетический	диалогический
Тип текста	ориентированный на содержание	ориентированный на форму	ориентированный на обращение

Среди текстов, ориентированных на содержание, выделяют следующие: сообщения и комментарии прессы, репортажи, коммерческая корреспонденция, спецификации товаров, инструкции по эксплуатации технических приборов, патентные описания, официальные документы, учебная и специальная литература всех видов, исследования, отчеты, специальные тексты гуманитарных, естественных и технических наук.

К текстам, ориентированным на форму, можно отнести почти всю художественную литературу (как высокохудожественную, так и развлекательную), а также поэзию, и юмор, и сатиру (которые при переводе особенно сложны).

Среди текстов, ориентированных на обращение, можно выделить политические тексты (в которых есть и пропаганда, и демагогия), риторические тексты, религиозные (прежде всего «миссионерские» тексты-проповеди) и религиозные писания в целом. К ним же относится и реклама, перевод которой на другой язык требует учёта его функционирования в другой этнокультурной среде и тоже должен возбудить у слушателя или читателя желание приобрести рекламируемый товар.

К. Райс добавляет к описанным выше типам текстов аудиомедиаальные тексты как тексты, зафиксированные в письменной форме, но поступающие к получателю через неязыковую среду в речевой (радиосообщения, радиоочерки и радиопьесы), визуальной или песенной форме.

Первичные и вторичные тексты. Некоторые исследователи [А.Л. Никифоров] выделяют первичные тексты (которые являются оригинальными исследованиями) и вторичные (в них может отражаться установка автора на изложение уже известного). К числу последних могут быть отнесены и мифы.

Тексты-примитивы. Психолингвистический анализ текстов позволяет выделить среди текстов такие, которые представляются «странными» с точки зрения классической лингвистики текста. Л.В. Сахарный [1991] называл их текстами-примитивами.

Тексты-примитивы – это текстовые структуры небольших размеров с полным (или почти полным) отсутствием привычных для нормы специальных средств связности.

Выделяются следующие виды текстов-примитивов (по сфере распространения в коммуникативных ситуациях):

Детская речь (8) (около 1,5–2 лет):

(8) *Кисель пецька (Кисель на печке).*

Речь больных с моторной афазией (9) (так называемый «телеграфный стиль»):

(9) *Вот... вот... фронт... вот... наступление... вот... пуля... вот... ничего... вот... больница... операция... вот... речь... речь... речь...*

Текстами-примитивами будут и реплики на малознакомом иностранном языке (10), и в диалогах разговорной речи на родном (11-13), реклама и рекламные слоганы (14), вывески (15), заглавия книг, спектаклей, кинофильмов (16). Сюда же относятся планы, наброски, черновики, дневниковые записи (17), предметные рубрики в традиционных предметных каталогах и предметных указателях (18) и наборы ключевых слов к документам в автоматизированных информационно-поисковых системах (19), а также реакции в свободном ассоциативном эксперименте (20):

(10) *Я... Красная площадь...*

(11) – *Скажите, чья рубашка?*

(12) – *Чехословакия.*

(13) – *Улица Горького, как пройти?*

(14) *Аэрофлот – скорость, надёжность, комфорт*

(15) *Гастроном; Дом книги; Овощи, фрукты*

(16) *Гамлет; Мёртвые души; Преступление и наказание; Люди, годы, жизнь; Структурализм: за и против*

(17) *Станица – Терек – за водой – невеста – черкес на том берегу – она назначает ему свидание – он хочет увезти её – тревога – бабы убивают молодого человека – берут его в плен – отсылают в крепость – обмен – побег – девушка с черкесом (А.С. Пушкин)*

(18) *Цветная металлургия – Стандарты – Указатели; Гербы городские Украины – История*

(19) *Сырье – Экспорт – Африканские страны*

(20) *Друг – парта.*

Генезис текстов-примитивов различен: у маленьких детей механизм тонкого синтаксирования еще не сформирован, у больных с афазией он уже разрушен, планы и черновики пишутся для себя и потому не требуют тонкой синтаксической отделки (это как бы овнешнение внутренней речи), информационно-поисковые языки специально конструируются как языки с примитивным синтаксисом и т.д. В целом же тексты-примитивы, несмотря на «экзотичность» их структуры с точки

зрения нормоцентрической лингвистики представляют собой вполне естественные результаты работы механизма порождения речи. В них реализуются все основные характеристики текста, которые и позволяют осуществить акт коммуникации.

Сложность создания типологии. Сложность типологии текстов отражается, к примеру, в том, что в Национальном корпусе русского языка в разделе «Нехудожественные тексты» в подразделе «Тип текста» сказано, что при обозначении типа широко используется самоидентификация текста. А дальше приводится список типов (который является в принципе открытым) и даётся в окне поиска в алфавитном порядке (при этом включается также помета «тип не определён»): автобиография, акт, дневник, договор, документ, закон, заметка, заявление, инструкция, информационное сообщение, кодекс, комментарий, листовка, обзор, объявление, отзыв, отчёт, очерк, письмо, постановление, проповедь, путеводитель, резюме, реклама, рекомендация, рецензия, рецепт, сочинение, справочник, статья, учебник, характеристика, хроника, эссе.

Сама типология, которая построена по случайному принципу (первая буква слова, обозначающая тип текста), свидетельствует как о неразработанности типологии, так и о сложности отнесения того или иного текста к определённому типу.

6.3. Включённость текста в неречевую деятельность

При психолингвистическом анализе речи существенно её понимание как средства структуриации деятельности коммуникантов. Текст как основная единица коммуникации включен в отношения между говорящими, он структурирует деятельность, регулирует и планирует отношения между говорящими. А общение коммуникантов, в свою очередь, представляет собой контекст для высказываний, объединённых в текст. Именно в общении текст получает свое осмысление (в более общей трактовке – значение), и именно на основе общения он может быть понят и проинтерпретирован адекватно замыслу автора.

В том случае, если слушающий не включён в деятельность, которую текст описывает (и структурирует), говорящий должен дать

гораздо более подробное описание этой деятельности. Под структурой деятельности можно понимать описание её средствами языка. С одной стороны, текст должен быть достаточно полным в плане отражения деятельности, предшествующей его появлению. С другой стороны, он заведомо может быть отчуждён от этой деятельности (например, написан много лет назад), и только на основе его знаковой формы читатель должен быть в состоянии восстановить последовательность событий и ход рассуждений участников деятельности. Это предъявляет к тексту требование объективности.

Текст может и не отражать реальных событий. Так, в художественном тексте изображаются средствами языка несуществующие миры, которые являются плодом авторских представлений о действительности или сочетаний в реальности несочетаемого. В этом случае когнитивная и эмоциональная структуризация «возможного мира» подчиняется закономерностям авторского сознания — причём, не только языкового.

6.4. Производство текста

К модели производства текста приложима трёхфазная структура деятельности – ориентировка, исполнение, контроль.

Ориентировка представляет собой интеллектуально-мыслительную активность по осмыслению проблемной ситуации общения и предмета коммуникации.

На фазе ориентировки у продуцента (автора текста) возникает коммуникативное намерение в виде замысла текста. Этот замысел служит мотивом производства текста, он диктует содержание и структуру запланированной коммуникативно-познавательной программы развёрнутых высказываний.

Включённость автора в ту или иную жизненную ситуацию предполагает её осмысление (автором) на основе определённого к ней отношения. В тексте это проявляется в определённой интерпретации реального положения дел под углом зрения автора текста:

- представление последовательности событий иначе, чем это было в реальности;

- пропуск некоторых событий;
- привнесение аргументации (в том числе рационализации);
- комментирование событий, в том числе и в завуалированной форме.

Практически в любом тексте присутствуют интеллектуальные и эмоциональные оценки.

Отметим, что текст, представляя собой сложный знак, предполагает охват очень большого количества факторов внешней среды, и поэтому в силу своей неоднозначности он подлежит интерпретации (перетолкованию) со стороны реципиента.

Поскольку предметом текстовой деятельности является не смысловая информация вообще, а та смысловая информация, которая объединена замыслом и позицией говорящего, важное место на этапе замысла в модели порождения текста занимает учёт как полноты описания ситуации, так и оптимальной семантической наполненности текста, его неперегруженности.

Фаза реализации текста заключается в материализации замысла общения с привлечением языковых средств.

Для текста специфическими языковыми средствами будут средства межфразовой связности (не столько формальные, сколько семантические) и показатели цельности (в частности, сигналы начала и конца).

Поскольку замысел текста существует в сознании автора в свернутом виде, он может полностью не осознаваться автором. Здесь действует та же закономерность, что и в отношении высказывания: мысль оформляется в тексте. Замысел заведомо не совпадает с реализацией.

Фаза контроля при производстве текста предполагает как отработку самого замысла текста (на этапе планирования), так и коррекцию вербализации замысла.

При этом особую роль играет тот факт, что текст должен быть целостным, поскольку ассоциативность мышления может превратить текст в набор связанных между собой высказываний, не составляющих единое семантическое образование.

Для описания процесса построения и восприятия текста используют концепты, или способы представления семантических данных. Основные из них – это сценарий (Р. Шенк) и фрейм (Ч. Филлмор).

Сценарий – это набор объединенных временными и причинными связями понятий низшего уровня, описывающий упорядоченную во времени последовательность стереотипных событий (последовательность событий, связанных с посещением врача, магазина, ресторана и т.д.).

Фрейм представляет собой единицу сценария.

Фрейм – это пакет информации, хранимый памятью или создаваемый в ней по мере надобности из содержащихся в памяти компонентов.

6.5. Затекст – текст – подтекст

Отражение в тексте действительности предполагает наличие **затекста** – фрагмента действительности, описанного в тексте. Затекст присутствует в тексте неявно, как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его автору. Как правило, затекст – это реальные события. Подчеркнём, что в художественном тексте затекст обычно является вымышленным (в реальности не существовало ни Воланда, ни Родиона Романовича, ни Чацкого, ни Гамлета).

Подтекст – это скрытая информация, извлекаемая из текста благодаря ассоциативности его единиц и их способности к приращению смыслов.

Научная литература подтекстом, как правило, не обладает, поскольку информативность научного текста требует определённости в выражении мысли и полноты аргументов. Псевдонаучный текст, наоборот, характеризуется размытостью формулировок, метафоричностью, неологизмами, отсылками к якобы авторитетам или к якобы известным всем положениям.

Подтекст в художественном тексте основан на принципиальной невозможности текста включить в себя в полной мере личностное отношение автора ко всем описываемым аспектам действительности. Художественный текст достаточно часто лишь намекает и отсылает к тем или иным оценкам.

Подтекст может быть и не заметен в том случае, если читатель не опознает имеющиеся в тексте сигналы как отсылающие к неявным оценкам автора.

6.6. Гипертекст

Термин «гипертекст» был введён Тедом Нельсоном в 1965 г.

Гипертекст – это текст, который разветвляется или выполняет действия по запросу.

Часто гипертекстовая информация представляется в виде набора связанных узлов. Читатели могут осваивать информацию, перемещаясь от одного узла к другому. Простейший пример гипертекста – любой словарь или энциклопедия, где каждая статья имеет сноски и отсылки к другим статьям. Другим изобретателем этого термина считается Дуг Энгельбарт, изобретатель компьютерной мыши. В компьютерной терминологии гипертекст – размеченный текст, содержащий в себе ссылки на внешние ресурсы. Примером гипертекста могут служить документы на HTML (**гипертекстовом** языке разметки), размещённые в Интернете. Язык HTML был изобретён Тимом Бернерсом-Ли, ему же принадлежит идея применения гипертекста и гиперссылок во Всемирной паутине.

Это же понятие существует и в литературоведении, где гипертекст – такая форма организации текстового материала, при которой его единицы представлены не в линейной последовательности, а как система явно указанных возможных переходов, связей между ними (определение М.М. Субботина). Следуя этим связям, можно читать материал в любом порядке, образуя разные линейные тексты. Отдельные учёные считают первым гипертекстом цитирование в Библии с помощью специальных обозначений входящих в неё книг, стихов и строк. Гипертекстовость (гиперлитература) – новое

свойство (характеристика) литературного прозаического произведения, для которого характерны черты гипертекста (внутренние корреляционные ссылки, отсутствие линейного повествования). Используется для создания эффекта игры, свойственного постмодернистской литературе. При этом количество значений изначального текста расширяется благодаря распределению читательского внимания по сюжетной линии.

Среди произведений, которые характеризуются гипертекстовостью, – роман-лексикон М. Павича «Хазарский словарь», а также электронное гиперлитературное произведение М. Джойса «Полдень».

6.7. Восприятие текста

Для восприятия текста характерны в принципе те же закономерности, что и для восприятия высказывания. При восприятии текста также действует механизм вероятностного прогнозирования, у автора имеются пресуппозиции, читатель понимает текст на основе апперцепции и т.д.

Вместе с тем восприятие текста гораздо сложнее восприятия одиночного высказывания. При восприятии текст как бы монтируется в сознании читателя из последовательно сменяющих друг друга отрезков, относительно законченных в смысловом отношении. Затем происходит сопоставление элементов текста. После этого в процессе осознания структуры содержания текста как целого возможна перестройка их первоначального соотношения.

Параллельно происходит осознание некоторого общего смысла (концепта) текста, который в значительной степени формируется в процессе опознания его возможного подтекста. Завершающим этапом восприятия является включение содержания текста в смысловое поле реципиента.

Пример переструктуризации содержания – чтение детектива, когда читатель может переосмыслить первоначальные представления о роли персонажей в описанных событиях.

Отечественный библиопсихолог Н.А. Рубакин писал о том, что у читателя возникает **проекция текста**, которая может содержать в себе элементы смысла, отсутствовавшие в авторском замысле.

В отношении восприятия (и принятия) смысла художественного текста справедливой представляется гипотеза, высказанная ещё в 1892 г. Эмилем Геннекенем.

«Почитатели произведения обладают душевной организацией, аналогичной организации художника, и если последняя благодаря анализу уже известна, то будет законно приписать почитателям произведения те самые способности, те недостатки, крайности и вообще все те выдающиеся черты, которые входят в состав организации художника». Иными словами, предполагается, что читатель по своим психологическим характеристикам похож на писателя, книги которого ему нравятся.

6.8. Пересказ текста

Чрезвычайно активному и творческому процессу порождения речи, как бы противостоит восприятие речи, где активность реципиента значительно ниже. Однако существует своего рода промежуточный вид речевой деятельности – репродукция, воспроизведение, пересказ. Закономерности репродукции особенно хорошо видны на примерах пересказа текста как развёрнутого высказывания.

Существует несколько градаций репродукции.

1) Повторение текста.

Нередко нам приходится просто читать вслух (например, ребенку перед сном), читать наизусть (стихи), переписывать (допустим, своё заявление, если там сделана ошибка), перепечатывать текст (или набирать его на компьютере – раньше эти функции выполняли машинистки и наборщики). Сюда же относится включение в текст цитат или повторение за кем-либо (клятв, молитв, присяги по образцу). Тут активность репродукцианта минимальна.

Ошибки в речи наборщика. В одном из экспериментов машинистке диктовались осмысленные тексты и тексты, состоящие из набора слова, не связанных по смыслу между собой. При том что обычно машинистка не вникает в суть диктуемого текста, оказалось, что набор неосмысленного текста занимает гораздо больше времени, т.е. психолингвистически он более труден.

2) Творческое воспроизведение.

Иногда от репродуциента требуется творческий подход к воспроизводимому тексту. Например, при исполнении музыкального произведения требуется вариация (в джазе) или при художественном чтении, в том числе и автором, требуется правильное интонирование, возможна перестановка акцентов и др.

3) Толкование, комментирование.

С течением времени тексты становятся сложнее понимать людям, живущим в другое время. Поэтому даже канонические тексты непонятны сегодня и требуют комментирования. При этом воспроизведение самого текста обязательно.

4) Не дословная передача, а приблизительная.

Пересказывая чью-либо речь, мы всегда изменяем и сокращаем её. Недаром она называется в лингвистике «косвенная речь», а не прямая. Тут изложение своими словами вносит ряд изменений в структуру и, конечно, в языковую реализацию чужой речи.

Сюда же относится изложение и конспектирование как сокращенная запись большого текста в собственных целях. При этом, разумеется, дословные цитаты допустимы. Отметим, что включение цитаты в другой контекст может значительно исказить смысл цитаты. Кроме того, при пересказе используются иные языковые средства, нежели те, что были в оригинале. Естественно, что сюда же может быть отнесена так называемая «подготовленная речь», например, лекция.

5) Перевод может считаться еще одним видом репродукции. Будучи обусловленным наличием многоязычия в мире, он оказывается средством перетолкования знаков одного языка на знаки другого. Дословный перевод в принципе невозможен.

С одной стороны, перевод похож на производство текста (на языке перевода), но зависимость от исходного текста делает его минимально творческим (если только это не художественный пе-

ревод). Что касается литературного перевода, то мы не будем рассматривать его, а отошлём к работам по переводоведению.

Проблеме пересказа текста посвящено немало психолингвистических экспериментов. Оказывается, что рассказывая прочитанный текст, реципиенты (репродукциенты) практически всегда подвергают исходный текст трансформациям.

Некоторые типы изменений встречаются постоянно во всех пересказах: к ним относятся замены слов, пропуски и добавления информации. Наиболее частым трансформациям подвергается глагольная группа, пропуски затрагивают в основном наречия, прилагательные и предложные конструкции. В 50% случаев опускается информация о том, «где», «когда» и «как» совершалось действие.

Добавления в пересказах касаются причин поступков персонажей, развития информации о выполнении цели, добавляются утверждения о внутренней реакции. В 50% случаев пассивный залог заменяется на активный или предложение перестраивается так, что внутренняя реакция превращается в активное действие.

А.А. Смирнов называет следующие формы возможных изменений в воспоминаниях: 1) обобщение или «сгущение» того, что в подлиннике дано в конкретной, развернутой, детализированной форме; 2) конкретизация и детализация того, что дано в более общем, сжатом виде; 3) замена одного содержания другим, равнозначным по смыслу, а также по степени обобщённости и детализации; 4) смещение или перемещение отдельных частей подлинника; 5) объединение того, что дано отдельно от другого, и разъединение того, что в оригинале связано между собой; 6) дополнения, выходящие за пределы подлинника; 7) искажение смыслового содержания оригинала в целом, равно как и его отдельных частей.

Анализ пересказа помогает обнаружить эмоционально окрашенные, лично значимые знания индивида – они проявляются в подробном описании мотивов и поступков персонажей пересказываемого текста. Адекватное, близкое к оригиналу воспроизведение текстов зависит от принятия реципиентом точки зрения автора, от её соответствия его собственным ценностям и установкам. В то же время от того, кто пересказывает текст, могут требовать дословного пересказа (например, от школьника, информатора, переводчика). В этих случаях любая произвольность приводит к неправильному пониманию оригинала.

Но, конечно же, понимание в каждом включает в себя анализ, оценку и сравнение. Поэтому память, даже натренированная, никогда не сохраняет поступающую информацию «как она есть», на неё оказывают влияние предшествующие знания, личностные мотивы и то, на чем было сфокусировано внимание в момент перцепции.

Два взгляда на ценность жизни

К примеру, если испытуемым предъявить текст, насыщенный абстрактной лексикой (21), то неизбежно получатся совершенно разные пересказы. Приведём примеры последовательных пересказов этого текста четырьмя разными людьми, каждый из которых пересказывает текст другому, а тот, в свою очередь, следующему.

(21) *Существует два взгляда на сущность жизни: одни говорят, что жизнь – это благо, другие – что зло. Правильнее было бы придерживаться середины, потому как ниспосылаемые нам несчастья всегда меньше того зла, которого нам желают в душе другие люди, а получаемые нами блага всегда меньше того, что мы желаем себе сами. Это и делает жизнь справедливой, вернее, до известной степени выносимой.*

Пересказывая этот текст, испытуемые производили ряд трансформаций: добавляли элементы (22–25), заменяли один элемент на другой (26), пропускали элементы (27), комментировали текст (27).

(22)	Трансформация	В оригинальном тексте	В пересказе испытуемых
(23)	Добавление с заменой	<i>правильнее было бы</i>	<i>на самом деле правильное было бы</i>
			<i>на самом деле</i>
			<i>два мира – хороший и плохой</i>
			<i>несчастье называют благом</i>
			<i>люди меньше желают блага</i>

(24)	Добавление простое		<i>такое мнение</i>
			<i>что жизнь это зло</i>
			<i>испытывают люди</i>
			<i>блага в жизни, которые нам жизнь даёт</i>
			<i>блага намного лучше</i>
(25)	Добавление ситуационное		<i>а дальше Артур сказал, что</i>
(26)	Замена лексико-семантическая	<i>ниспосылаемые</i>	<i>посылаемые</i>
		<i>выносимой</i>	<i>сносной</i>
		<i>сущность жизни</i>	<i>сущность мира</i>
(27)	Пропуск	<i>всегда</i>	∅
		<i>до известной степени</i>	∅
		<i>ниспосылаемые нам</i>	∅
(28)	Комментарий		<i>Дальше все было так запутано</i>
			<i>Я поняла так, своими словами</i>
			<i>Примерно такой текст. Я не запомнила</i>
			<i>что я услышала</i>
			<i>Я рассказываю то, что я услышала.</i>

Текст уменьшается, его выводная часть сглаживается, вносятся элементы, которые там отсутствовали, даются комментарии к услышанному.

Настроение реципиента, его желания и предшествующие знания также организуют процессы запоминания и воспроизведения и влияют на них. Поэтому так важно видеть в пересказе различия

между тем, что соответствует исходному тексту или реальному ходу вещей, и тем, что является его интерпретацией.

6.9. Пошаговость восприятия

При понимании текста реципиенту необходимо объединить несколько высказываний в одно смысловое целое. При этом так называемая пошаговость восприятия языкового материала предполагает как последовательную обработку поступающей информации, так и интеграцию смысла текста (29–32).

(29) *Чёрные живые глаза пристально смотрели на неё.*

(30) *Казалось, сейчас разомкнутся губы и с них слетит весёлая шутка, уже играющая на открытом и приветливом лице.*

(31) *Кто автор этой замечательной картины?*

(32) *Прикреплённая к позолоченной раме табличка свидетельствовала, что портрет Чингиннато Баруцци написан Карлом Брюлловым.*

По словам отечественного психолога Н.И. Жинкина, «в этом тексте между первыми тремя предложениями настолько глубокие скажины, что не так легко связать их по смыслу. И только в четвёртом предложении указано всё необходимое для того, чтобы связать вместе все четыре предложения. Но и четвёртое предложение, отдельно взятое, тоже малопонятно».

В то же время это один достаточно понятный и целостный текст. По мнению Жинкина, «текстовый смысл – это интеграция лексических значений двух смежных предложений текста. Если интеграция не возникает, берётся следующее смежное предложение, и так до того момента, когда возникает смысловая связь этих предложений». Тем самым исследователь утверждал, что смысл (текста) рождается лишь на пересечении как минимум двух высказываний.

Сопровождение текста рисунком. Если текст сопровождается рисунком, то тут тоже возможна своего рода пошаговость восприятия. Если текст представляет собой инструкцию к пользованию каким-либо прибором, то анализ схематического изображения этого прибора может быть единственным средством истолкования смысла

ла (естественно, сам предмет тоже «подсказывает» правильную расшифровку смысла деятельности).

Если это текст рекламы (33), то нередко сам текст может быть понятен только при анализе рисунка, поскольку анализ одного лишь рисунка (34) может дать частичное и неверное понимание рекламы (35–37), но не даёт понимания всего рекламного текста (38).

(33) *Осторожность никогда не бывает излишней.*

(34) *На рисунке девушка и юноша на велосипеде-тандеме, и девушка надевает на юношу шлем.*

(35) *В Москве можно ездить на велосипеде, и это призыв использовать велосипеды.*

(36) *В Москве надо надевать шлемы, когда едешь на велосипеде.*

(37) *В Москве есть тандемы (велосипеды для двоих), и это реклама тандемов.*

(38) *Форма шлема напоминает средство для предохранения при половом контакте, которое имиджево и рекламируется.*

6.10. Многозначность текста

Текст о Спайке

Нижеприведённый текст (39) может иметь два варианта толкования / понимания, которые представлены как разные переводы. Один из них будет более очевидным, чем другой. Так, на первый взгляд кажется, что текст описывает некоего заключённого, находящегося под стражей (40). Однако возможно и иное толкование того же самого текста (41), пусть не каждого отдельного высказывания, но общего его смысла.

(39) <i>Spike slowly got up from the mat, planning his escape.</i>	(40) <i>Спайк поднялся с подстилки, планируя свой побег.</i>	(41) <i>Спайк поднялся с мата, планируя своё освобождение.</i>
<i>He hesitated a moment and thought.</i>	<i>Он колебался лишь мгновение.</i>	<i>Он колебался лишь мгновение.</i>
<i>Things were not going well.</i>	<i>Все должно было пройти нормально.</i>	<i>Все должно было пройти нормально.</i>

<i>What bothered him most was being held, especially since the charge against him had been weak.</i>	<i>Что больше всего беспокоило его, так это то, что его держали. Держали при том, что обвинение против него было слабым.</i>	<i>Что больше всего беспокоило его, так это то, что его удерживали. Удерживали при том, что выпад против него был слабым.</i>
<i>He considered his present situation.</i>	<i>Он поразмышлял над теперешней ситуацией.</i>	<i>Он поразмышлял над теперешней ситуацией.</i>
<i>The lock that held him was strong but he thought he could break it.</i>	<i>Замок, удерживавший его, был сильным, но он полагал, что сломает его.</i>	<i>Болевой захват, удерживавший его, был сильным, но он полагал, что сможет разомкнуть его.</i>
<i>He knew, however, that his timing would have to be perfect.</i>	<i>Он знал, что уложится во времени.</i>	<i>Он знал, что отсчет времени позволит ему вырваться.</i>
<i>Spike was aware that it was because of his early roughness that he had been penalized so severely – much too severely from his point of view.</i>	<i>Спайк отдавал себе отчёт в том, что это его грубость привела к такому суровому наказанию – слишком суровому, с его точки зрения.</i>	<i>Спайк отдавал себе отчёт в том, что это его грубый просчёт привел к такому суровому проигрышу – слишком суровому, с его точки зрения.</i>
<i>The situation was becoming frustrating; the pressure had been grinding on him for too long.</i>	<i>Ситуация становилась напряжённой. Давление на него продолжалось слишком долго.</i>	<i>Ситуация становилась отчаянной. Он был прижат к полу уже слишком долго.</i>
<i>He was being ridden unmercifully.</i>	<i>С ним обходились безжалостно.</i>	<i>На него давили слишком безжалостно.</i>
<i>Spike was getting angry now.</i>	<i>Спайк начинал сердиться.</i>	<i>Спайк начинал сердиться.</i>
<i>He felt he was ready to make his move.</i>	<i>Он почувствовал, что готов начать двигаться.</i>	<i>Он почувствовал, что готов сделать свое движение.</i>
<i>He knew that his success or failure would depend on what he did in the next few seconds.</i>	<i>Он знал, что его успех или неудача будет зависеть от того, что он совершит в следующие несколько секунд.</i>	<i>Он знал, что его успех или неудача будет зависеть от того, что он совершит в следующие несколько мгновений.</i>

Такого рода многозначность может быть «снята» (исправлена), если текст имеет правильный заголовок, который будет направлять внимание читателя в нужном (автору) направлении.

Эксперимент с непонятным текстом

Так, в одном из экспериментов испытуемым предъявлялся текст (42) сначала без заголовка, а затем с заголовком. Результаты понимания различались значительно.

<i>(42) The procedure is actually quite simple.</i>	<i>Процедура на самом деле достаточно проста.</i>
<i>First you arrange things into different groups depending on their makeup.</i>	<i>Сначала надо организовать вещи в различные группы, в зависимости от их внешнего вида.</i>
<i>Of course, one pile may be sufficient depending on how much there is to do.</i>	<i>Конечно, одной стопки может хватить в зависимости от того, насколько много предстоит сделать всего.</i>
<i>If you have to go somewhere else due to lack of facilities that is the next step, otherwise you are pretty well set.</i>	<i>Если вам надо направиться куда-либо ещё, а возможностей мало, то для этого надо предпринять следующий шаг, а так Вы вполне можете уложиться.</i>
<i>It is important not to overdo any particular endeavor.</i>	<i>Важно не сделать никакого лишнего конкретного действия.</i>
<i>That is, it is better to do few things at once than too many.</i>	<i>Иными словами, лучше сделать сразу лишь немного, чем слишком много.</i>
<i>In the short run this may not seem important, but complications from doing too many can easily arise.</i>	<i>В конечном итоге это может показаться неважным, но из-за того, что Вы захотите сделать сразу слишком много, у Вас могут возникнуть трудности.</i>
<i>A mistake can be expensive as well.</i>	<i>За ошибку можно дорого заплатить.</i>
<i>The manipulation of the appropriate mechanism should be self-explanatory, and we need not dwell on it here.</i>	<i>Обращение с соответствующим механизмом может быть достаточно понятным, и мы не будем тут вдаваться в подробности.</i>
<i>At first the whole procedure will seem complicated.</i>	<i>Лишь сначала вся процедура может показаться сложной.</i>
<i>Soon, however, it will become just another facet of life.</i>	<i>Вскоре, однако, это станет ещё одной гранью жизни.</i>

В эксперименте этот текст поражал среднего взрослого слушателя (он предъявлялся на слух) своей полной бессмысленностью. При том что все слова в нём знакомы, а грамматические конструкции просты. И тем не менее реципиентам требовалось много времени на понимание того, что же все-таки это всё значит. В чём причина этого? Ответ лежит на поверхности. Если исключить удачную догадку, то определить, о чём этот текст, действительно трудно объективно. Практически невозможно определить, что стоит за отдельными простыми словами (типа *вещи* или *возможности*). Не менее сложно установить связь между идеями (например, непонятно, почему если мы что-то сделаем очень много, то будут трудности).

Подобные проблемы снимутся, как только мы узнаем тему текста, то, чему он всё-таки посвящен. Текст описывает ... процесс стирки одежды. Если, зная это, перечитать текст, он перестанет быть непонятным. *Вещи* станут соотноситься с одеждой, *возможности* будут отнесены к стиральной и сушильной машине. Станет понятно, что *сделать слишком много* – это значит перегрузить машину, а *трудности* тут – это то, что машина может сломаться. Все эти уточнения станут возможны благодаря тому, что большинство людей знакомы с так (про)странно описанной тут процедурой стирки белья.

Этот текст предъявлялся в эксперименте разным испытуемым в разных формах: без заголовка (43) и с заголовком «Стирка одежды», который озвучивался до чтения всего текста (44), а также с заголовком, который сообщался после того, как испытуемые текст прослушали (45). Во всех трёх случаях испытуемых просили пересказать текст после прослушивания, что является достаточно распространённой процедурой в экспериментах по проверке памяти. Испытуемых также просили оценить сложность текста для понимания.

Результаты эксперимента показали, что и субъективно, и объективно оценивавшаяся степень понимания текста была значительно выше в тех группах испытуемых, где заголовок давался перед прочтением текста. Испытуемые же, которым заголовок предъявлялся после того, как они прослушали текст, оказывались в трудной ситуации, когда им надо было этот текст пересказать.

		Условия предъявления текста		
		(43) без заголовка	(44) заголовков до прочтения	(45) заголовок после прочтения
	Оценка сложности текста для понимания (даваемая испытуемым)	2,29	4,50	2,12
	Оценка степени понимания (даваемая экспериментатором)	2,82	5,83	2,65

Тем самым знание темы текста (в данном случае стирка одежды) позволяет слушателю понять (соотнести с действительностью) те фрагменты информации, которые были выражены достаточно общими словами (*направиться куда-либо при наличии скудных возможностей, организовать вещи в различные группы* и др.). Справедливости ради следует сказать, что этот экспериментальный текст был составлен так именно с целью затруднить восприятие. Конечно, такого рода тексты встречаются достаточно редко (преимущественно в философской литературе, где они отражают высокий уровень абстрактности мышления, и в эзотерической литературе, где они могут преследовать цель расшатывания сознания адептов).

Неоднозначные фразы. Итак, текст даёт возможность осуществить однозначную трактовку любой многозначной фразы, имеющейся в нём. Например, фраза (46) может иметь два значения: (47) и (48). Но в тексте (49 и 50) читатель даже не заметит этой двусмысленности, поскольку она как бы исчезнет.

(46) *The mayor ordered the police to stop drinking. Мэр приказал полиции прекратить пьянство.*

(47) *Мэр приказал полиции остановить пьянство.*

(48) *Мэр приказал полицейским прекратить пьянствовать.*

<p>(49) <i>Night after night, the city had been torn apart by drunken brawls. Drunken driving was such a problem that any driving was dangerous. The churches banded together to oppose the free beer being given away at all the local pubs. A committee of concerned citizens demanded a meeting with the mayor. Their appeal was favourably received. The police chief was called to city hall.</i></p> <p><i>The mayor ordered the police to stop drinking.</i></p>	<p><i>Ночь за ночью город разрывался на части пьяными драками. Пьянство за рулём стало такой проблемой, что водить машину стало опасным. Представители разных конфессий объединились для борьбы со свободной продажей пива в местных барах. Комитет обеспокоенных граждан потребовал встречи с мэром. Их обращение было поддержано многими. Шефа полиции вызвали в городской совет.</i></p> <p><i>Мэр приказал полиции прекратить пьянство.</i></p>
<p>(50) <i>The city council was adamant. The police force must do everything it can to win back the respect of the people. They had bought new faster cars, dressed the men in impressive new uniforms. They even increased the policemen's salaries. But still the citizens jeered at them and refused to obey. Perhaps the police force would have a better image if they behaved better.</i></p> <p><i>The mayor ordered the police to stop drinking.</i></p>	<p><i>Городской совет был твёрд. Полиция должна сделать все, что в её силах для того, чтобы восстановить уважение граждан. Они купили новые более быстрые машины, одели полицейских в более привлекательные новые униформы. Зарплату полицейским повысили. Но граждане по-прежнему подшучивали над ними, отказываясь повиноваться. Очевидно, полицейские имели бы лучший имидж, если бы вели себя лучше.</i></p> <p><i>Мэр приказал полиции прекратить пьянство.</i></p>

Тем самым, неся в себе многозначность, текст одновременно должен быть построен так, чтобы быть понятым однозначно.

Экзамен по философии

Однако неоднозначные тексты постоянно попадают, даже в качестве официальных документов (51).

(51) *Вопрос: Нужно ли пересдавать экзамен по философии, если ранее был сдан кандидатский экзамен по диалектическому и историческому материализму?*

Ответ: В соответствии с Положением о подготовке научно-педагогических и научных кадров в системе послевузовского профессионального образования в Российской Федерации передача ранее сданного кандидатского экзамена

по диалектическому и историческому материализму не предусмотрено.

Если читатели могут дать ответ на вопросы, которые имплицитно содержались в нём (52–54), значит, они умеют понимать юридические тексты.

(52) *Можно ли пересдавать ранее сданный экзамен?*

(53) *Нужно ли пересдавать ранее сданный экзамен?*

(54) *Засчитывается ли ранее сданный экзамен?*

6.11. Свойства текста

Текст, представляя собой сложное семантическое образование, имеет ряд характеристик: цельность, связность, эмотивность, креолизованность, прецедентность, скважность. При этом в тексте имеются следы неречевого поведения коммуникантов. Рассмотрим эти его свойства более подробно.

Цельность. Поставив определённую цель, говорящий старается достичь её наилучшим образом, наилучшим способом. Для этого нужно реализовать в тексте общий замысел, который говорящий может осознавать не очень четко, а всего лишь смутно чувствовать. Но такой замысел обязательно существует, и именно он обеспечивает такое принципиальное, важнейшее свойство текста, как его цельность.

Замысел охватывает текст в целом – от его начала и до конца, оказывает свое воздействие на его структурные свойства. Смысловые связи не только проникают в структуру предложения, но и соединяют предложения между собой. Тем самым происходит смысловая интеграция порядка предложений, в основе которой лежит соответствие замысла текста и его формы. Это то, что представляет собой его целостность, которая проявляется в описании (и соответственно упоминании) одного и того же предмета речи и в грамматическом единообразии текста (в частности, выражающегося в нарративных глагольных формах настоящего времени, при том, что действие описывает прошлое – 55).

(55) *Подходит он ко мне и говорит, и тут я понимаю, что...*

При том что цельность текста – явление прежде всего смысловое, можно выделить внешние признаки целостного текста, опреде-

ленные языковые и речевые границы завершенности. В частности, это выражается в наличии в тексте определённых формул начала и конца. К начальным сигналам текста относятся название (56), указание на тип документа (57), обращение (58) и различные этикетные фразы.

(56) *Дубровский*

(57) *Доверенность*

(58) *Дамы и господа!*

Сигналы завершения текста – это различные речевые формулы (59), подпись автора (допустим, в конце доверенности) или метатекстовые указатели финала (60).

(59) *Благодарю за внимание!*

(60) *Продолжение следует. Конец фильма.*

Психолингвистика полагает, что текст является целостным, если его можно уменьшить в объёме без ущерба для многих элементов. Цельность текста должна сохраняться при его компрессии, т.е. сжатию. Если каждый раз при сокращении текст сохраняет своё «смысловое тождество», а пропадают только маргинальные, случайные элементы, то такой текст цельный. (Когда говорится о компрессии текста, то, как правило, предполагается, что это следует делать на основе психолингвистического эксперимента с участием испытуемых.)

Существует точка зрения [Ю.А. Сорокин], что цельность текста является относительной его характеристикой – она зависит и от того, насколько цельным считает текст читатель. Если читатель соглашается с тем, что тот или иной текст целен, текст может считаться таковым. Невидение цельности текста реципиентом не позволяет считать текст цельным.

Нецельные тексты. Примером нецелостного текста может быть задача, которую задаёт герой романа Гашека «Приключения бравого солдата Швейка» (61). В нём явно не хватает информации. И только если мы знаем контекст его употребления (симуляция идиотизма главным героем), мы можем решить, что цель, которую ставил автор перед собой, выполнена.

(61) *Однако мне тоже хочется, господа, задать вам одну загадку. Стоит четырёхэтажный дом, на каждом этаже по восьми окон, на крыше два слуховых окна и две трубы,*

в каждом этаже по два квартиранта. А теперь скажите, господа, в каком году умерла у швейцара его бабушка?

Связность. К важным категориям текста относится связность. Если цельность текста – парадигматический феномен, то связность текста – синтагматический феномен [Л.В. Сахарный]. Текст является связным, если он представляет собой законченную последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора.

Связность (или когезия) бывает двух типов: формальная (или эксплицитная) и семантическая. **Формальная** связность — это связь, которая выражена в языке; она основана на наличии элементов связности в поверхностной структуре текста. К типам эксплицитной связности относятся повтор (62), согласование предложений по грамматическим категориям (63), связь при помощи местоимений (64), замена предыдущего слова на синоним (65), антоним и др. (66).

(62) *Индия – большая страна. В Индии живёт почти миллиард человек.*

(63) *В комнату вошёл человек. Вошедший был бледен.*

(64) *Девочка лежит. Она читает книгу.*

(65) *Вчера ко мне заходил друг. Когда мой приятель ушёл, я лёг спать.*

(66) *Он был голодный и злой. Наелся и сразу успокоился.*

При рассмотрении формальной связности могут возникать проблемы семантической интерпретации близости элементов. Так, при восприятии некоторых предложений (67) они могут показаться связными только для тех, кто обладает определённой затекстовой информацией (68).

(67) *Наполеон проиграл войну. Но узник острова Святой Елены не сдавался.*

(68) *Наполеон был сослан на остров Святой Елены.*

Аналогичным образом попытки формального толкования связности некоторых фраз и, в частности, атрибуции дейктических элементов (указательных слов) не могут быть предприняты без учета семантики составляющих их элементов. Совершенно очевидно, что одно и то же местоимение (*он*) в одном случае относится к человеку (69), а во втором (70) к животному. Обратное было бы абсурдно.

(69) *Вчера я был с моим псом у ветеринара. Он сделал ему прививку.*

(70) *Вчера я был с моим псом у ветеринара. Он его укусил.*

Смысловая (или имплицитная) связность – это связь на основе общего содержания смежных фраз, которая осуществляется без внешне выраженных средств связности. Такая связь восстанавливается потому, что описываемые объекты находятся рядоположенно в пространстве (71), благодаря наличию у реципиента здравого смысла (72), наличию общих пресуппозиций – знаний о предмете речи (73). Так, в последнем случае (73) необходимо знать, что такое *флажок Королевского общества спасения на водах*, сколько он стоит, какие преимущества он даёт, а также находится ли Бирмингем на берегу моря или океана. Лишь наличие этих знаний сделает возможным понимание текста адекватным его замыслу.

(71) *Он надел очки. Глаза стали лучше видеть.*

(72) – *Не захватишь ли меня на Гавайи?*

– *Я что, миллионер?*

(73) – *Вы не купите флажок Королевского общества спасения на водах?*

– *Мы с сестрой обычно проводим отпуск в Бирмингеме.*

Такого рода связность между фразами одного текста не может быть описана исключительно лингвистическими средствами. И причин тут много: для понимания речи необходимо привлечение сведений из области культуры, технологии, знание в целом предметного мира и мира человеческих отношений. Включение такой информации в лингвистику размывает её предмет и потребует обращения к носителям этих знаний, что более характерно для психолингвистики.

В психолингвистике считается, что реконструкция связности, основанной на личностных ассоциациях автора текста (74), не может быть предпринята на основе лишь гипотезы исследователя о смысле текста. Психолингвисту требуется обращение к реципиентам, в сознании которых текст только и обретает своё существование, превращаясь в проекцию текста.

(74) *Вкруг бадьи моего колодца / Вьюнок обвился. / У соседа воды напьюсь.*

Наличие несвязных текстов (в частности, относящихся к жанру «театра абсурда» или игровых «нескладушек» – 75) позволяет гово-

речь о нескольких психолингвистических проблемах, связанных с текстом. С одной стороны, существуют правила, которые не должны быть нарушены при построении текста, с другой стороны – такого рода нарушения могут нести особый смысл, быть самостоятельной целью при создании текста. Попутно заметим, что нарушения связности в тексте могут свидетельствовать и о дезорганизации психических и когнитивных процессов личности (в частности, о шизофрении).

(75) Баба борозду пахала, / Конь сломал себе ногу, / Летит бык на эрплане. / Я щекотки не боюсь.

6.12. Ошибки в тексте

Для преподавания иностранных языков важно знание о цельности и связности как категориях текста. Так, очевидно, что для обучения при составлении и отборе текстов необходимо иметь дело с «правильными» текстами. Чем лучше текст организован, тем больше он помогает восприятию. Если соблюдаются определённые правила объединения предложений и абзацев в единое целое, если абзацы оформляются чётко, если есть соответствующие средства связности, которые организуют текст, то такой текст более удобен для восприятия, чем текст неорганизованный.

Ошибки учащихся. Как полагал ещё А.И. Фигуровский [1958], не следует пользоваться в учебных целях текстом, если тема слабо намечена или недостаточно развита. Единству и замкнутости содержания должна соответствовать структурность текста, т.е. определённое начало текста, отчётливая связь с начальным предложением следующих за ним предложений (или компонентов), а также согласованность частей сложных предложений и, наконец, структурное выражение законченности всего текста при завершении фабулы. Ошибки учащихся в интерпретации текста (в частности, при его пересказе) зависят также и от дефектов предъявленного им сокращённого текста. Возможные при пересказе текста ошибки и нелогичности, которые носят структурный характер, могут быть не языковыми, а ошибками в логике построения предъявленного текста. Эти положения следует учитывать в практике преподавания иностранного языка.

Ошибки автора. Большинство читателей уверено, что текст верно отражает действительность. Но иногда в тексте может содержаться намеренная ложь, а иногда ошибка, случайная неточность (76).

(76) *Плачет где-то иволга, Схоронясь в дупло. / Только мне не плачется, На душе светло* [С. Есенин].

В этом хрестоматийном тексте содержится фактографическая неточность: иволга живёт в искусно устроенных высоко над землёй гнёздах, поэтому она не может *хорониться* в дупле. В другом художественном тексте (которые мы не привыкли проверять на истинность) также допущена ошибка в отношении живого мира, поскольку ласточки питаются исключительно насекомыми, а также бабочками и жуками, которых ловят на лету (77), а буревики бывают только белого цвета (78).

(77) *Травка зеленеет, Солнышко блестит / Ласточка с весною В сени к нам летит. ... / Дам тебе я зёрен, А ты песню спой, / Что из стран далёких Принесла с собой...* [А.Н. Плещеев]

(78) *Над седой равниной моря гордо реет буревики, чёрной молнии подобный* (М. Горький).

Такого рода доверие со стороны и редактора, и рядового читателя к тексту может быть названо закрытостью текста [Ю.А. Сорокин], или защищённостью.

Закрытость текста – это наличие в тексте элементов, содержание (или истинность) которых скрыто от читателя.

Это содержание может быть обнаружено читателем, а может быть и не обнаружено.

Таких примеров можно привести много, причём даже из текстов, знакомых носителям русского языка и культуры с детства (когда критичность значительно снижена).

(79) *Попрыгунья-стрекоза Лето красное пропела...* (из басни И.А. Крылова «Стрекоза и муравей»).

(80) *«Ты всё пела – это дело, Так пойдёшь же попляши»* (слова Муравья оттуда же).

На первый взгляд ничего неправильного в приведённых суждениях (79–80) нет. Вместе с тем известно, что многие сюжеты для басен И.А. Крылов заимствовал у Лафонтена, который, в свою очередь, брал их у Эзопа. Так вот, у Лафонтена басня носит назва-

ние “La cigale et la fourmie” (где слово *la cigale* – женского рода, так же как, и *la fourmie*, что можно перевести как «Кузнечика и муравьица»). Л.С. Выготский пишет по этому поводу: «Крылов в басне «Стрекоза и муравей» заменил лафонтеновского кузнечика стрекозой, придав ей неприложимый к ней эпитет “попрыгунья”. По-французски кузнечик женского рода и поэтому вполне годится для того, чтобы в его образе воплотить женское легкомыслие и беззаботность. Но по-русски в переводе «Кузнечик и муравей» этот смысловой оттенок в изображении ветрености неизбежно пропадет, поэтому у Крылова... кузнечик оказался стрекозой, сохранив тем не менее все признаки кузнечика (*попрыгунья, пела*), хотя стрекоза не прыгает и не поёт». По мнению Л.С. Выготского, у Крылова «грамматический род возобладал над реальным значением», поскольку «неадекватная передача всей полноты смысла требовала неременного сохранения и грамматической категории женского рода для героини басни».

Возможно, если бы Крылов перевёл «кузнечик» как «цикада», эта противоречивость снялась бы. Но Крылов переделав источник, допустил ошибку, приписал стрекозе способность петь (хотя это скорее можно сказать о цикаде), а читатель этого не замечает.

6.13. Дискурс

В ряде исследований наравне с термином «текст» используется термин «дискурс». В 1960–1970-е годы дискурс понимался как связанная и согласованная последовательность предложений или речевых актов. С позиций современных подходов понятие дискурса шире.

Дискурс – это сложное коммуникативное явление, включающее, кроме текста, еще и экстралингвистические факторы (знания о мире, мнения, установки, цели адресата), необходимые для понимания текста.

Иными словами, под дискурсом в самом общем виде понимается компонент (продукт) системы речевого взаимодействия. Понятие «дискурс» характеризуется параметрами завершенности,

цельности, связности и др. (т.е. всеми свойствами текста), оно рассматривается одновременно и как процесс (с учетом воздействия социокультурных, экстралингвистических и коммуникативно-ситуативных факторов), и как результат в виде фиксированного текста.

Г.А. Орлов рассматривает дискурс как категорию (естественной) речи, материализуемой в виде устного или письменного речевого произведения, относительно завершённого в смысловом и структурном отношении, длина которого потенциально вариативна: от синтагматической цепи свыше отдельного высказывания (предложения) до содержательно цельного произведения (рассказа, беседы, описания, инструкции, лекции и т.п.).

По мнению Эмиля Бенвениста, существенной чертой дискурса, понимаемого им в широком смысле, является соотнесение дискурса с конкретными участниками акта, т.е. говорящим и слушающим, а также с коммуникативным намерением говорящего каким-либо образом воздействовать на слушателя.

Структуру разговорного дискурса составляет ряд этапов (вступление в речевой контакт, выдвижение инициальной темы разговора и ее ратификация, смена ролей в ходе коммуникативного акта, смена темы разговора, выход из коммуникативного акта), каждый из которых обусловлен комплексом внешних и внутренних факторов.

Дискурс, по В.Г. Борботько, есть текст, но такой, который состоит из коммуникативных единиц языка – предложений и их объединений в более крупные единства, находящиеся в непрерывной смысловой связи, что позволяет воспринимать его как цельное образование. Борботько подчеркивает тот факт, что текст как языковой материал не всегда представляет собой связную речь, т.е. дискурс. Текст – более общее понятие, чем дискурс. Дискурс всегда является текстом, но обратное не верно. Не всякий текст является дискурсом. Дискурс – частный случай текста. Согласно ван Дейку, дискурс – это существенная составляющая социокультурного взаимодействия, характерные черты которого – интересы, цели и стили.

Тем самым понятие дискурса опирается на следующие характеристики – это:

- 1) связный текст в совокупности с экстралингвистическими – прагматическими, социокультурными, психологическими и другими факторами;
- 2) текст, взятый в событийном аспекте;

- 3) речь, рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах);
- 4) текст, имеющий «множественные смыслы»;
- 5) передаваемый со вторичными коммуникативными целями и имеющий соответствующую этим целям внутреннюю организацию, причем связанный с иными культурными факторами, нежели те, которые относятся к собственно языку;
- 6) «динамически развёртывающийся контекст».

В лингвистических работах имеется описание дискурса лингвистической экспертизы, дискурса юридических текстов и др.

Вот, к примеру, как описывается дискурс лингвистической экспертизы в качестве компонент специфической системы речевого взаимодействия. Схема речевого взаимодействия в дискурсе экспертизы строится по принципу «стимул – реакция» (с последовательной сменой «собеседников»). Этот принцип реализуется и в отношениях коммуникантов, и в отношениях продуктов их взаимодействия (текстов). Такие отношения могут быть представлены в виде «цепочки» с разными субъектами взаимодействия (автор текста – истец – юрист – лингвист) и соответствующими текстовыми продуктами (спорный текст – исковое заявление – запрос на экспертизу – экспертиза). Каждый последующий элемент второй цепочки является одновременно и реакцией на предыдущий, и стимулом для следующего элемента.

Дискурсный анализ (или дискурс-анализ) – это изучение языка, используемого членами некоторого языкового сообщества. В ходе такого анализа рассматривается как форма языка, так и его функция, как разговорная речь, так и письменные тексты, идентифицируются лингвистические особенности понимания различных текстов и типов устной речи. Анализ письменных текстов может включать в себя изучение развития темы и связи (сцепки) между предложениями, тогда как анализ разговорной речи может сосредотачиваться и на этих аспектах, и на практиках пошагового взаимодействия, открывающих и закрывающих последовательностей социальных взаимодействий или структуры нарратива.

Дискурсный анализ использует подходы нескольких научных дисциплин – психолингвистики, социолингвистики, антропологии, социологии и социальной психологии.

6.14. Нарратив

Близким понятию текста является понятие нарратива.

Нарратив – рассказ, бытующий в повседневном общении преимущественно в устной форме. Обычно это рассказ от первого лица, в котором есть личное впечатление автора о чём-то.

Согласно В. Лабову [1972 г.], минимальным нарративом является «последовательность двух связанных или независимых предложений, которые объединены временной последовательностью». По содержанию нарратив представляет собой передачу прошлого опыта. Нарратив-рассказ обладает рядом отличительных признаков, которые включают определённую семантическую структуру, событийность, обусловленность коммуникативной ситуацией такой, какой её видит рассказчик. К ней относятся: адресованность слушателю (или вымышленному адресату), мораль и оценочные комментарии, целенаправленное структурное оформление истории в процессе изложения. Хороший нарратив состоит из шести компонентов: краткое изложение сути, ориентация (указание на контекст, описание серии событий, оценка (с точки зрения нарратора), заключение, завершение нарратива.

Способность к нарративу появляется у детей в возрасте около двух лет, но формируется к четырём, когда у них постепенно развивается способность к структурированию рассказа, описанию последовательности событий и передаче оценок событий.

Нарративы различаются в разных культурах. Так, в китайской в нарративе преобладает дидактика и указание на моральные стандарты, в то время как в американской культуре нарратив рассматривается скорее как развлечение и самоутверждение.

В любом случае анализ нарративов позволяет лучше понять процессы социализации, аккультурации и становления языкового сознания.

В завершение дадим схематичное описанное вышеизложенного.

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- Как можно определить текст?
- Какие функции выполняет текст в человеческой деятельности?
- Надо ли в обучении использовать только «правильные» тексты?
- Почему в тексте есть «скважины»? Что будет представлять собой текст, в котором нет «скважин»?
- Может ли текст восприниматься точно так, как был задуман автором?

- Насколько правомерно говорить о «сотворчестве» читателя и автора текста?

ЗАДАНИЯ

- Прочитайте текст, приведённый ниже (пример О.К. Тихомирова), и запишите своё впечатление от него у себя в тетради. Обратите особое внимание на образные средства, сравнения, метафоры. Этот текст – не оригинал, а перевод, сделанный любителем. Ваша задача: обнаружить языковые, стилистические неточности или такие моменты, которые, на ваш взгляд, по-русски выражены неверно.

Клод Ферри

ЗОЛОТОИСКАТЕЛИ

Лодка была медленно подхвачена бурным потоком. Река несла лодку, как будто и лодка, и пассажиры не имели ни весла, ни каких-либо возможностей противостоять этому всесильному потоку. Во время крутых спусков берега проносились мимо испуганных путешественников со страшной скоростью. Прибрежные камни и редкие деревья мелькали, сливались в пёструю ленту, вызывающую головокружение. На подъёмах движение реки замедлялось, она как бы оседала, темнела. Река была подобна живому существу – так же легко и радостно спускалась с горы и так же, как тяжело нагруженный путник, поднимающийся в гору, становилась ленивой и неузнаваемой на редких, затяжных, высоких подъёмах. Мальчики приходили в себя, оторопело смотрели друг на друга, но не успевали они даже вдоволь посмеяться над своим испуганным видом, как поток вновь срывался с завоёванной вершины и опять начиналось стремительное мелькание, томительное ожидание следующей передышки.

- Если вы не заметили никаких грубых ошибок, перечитайте текст. Если во второй раз не заметили, попытайтесь пересказать текст. Если вы не смогли понять после четвёртого прочтения текста, что с ним «не так», то напишите письмо автору данного учебника по электронной почте.
- Запишите одной фразой содержание мультфильма, который все смотрели («Ёжик в тумане», «Жил-был пёс», «Ну, погоди» или другого), и сравните с описанием, сделанным вашим знакомым.

Попробуйте понять причины расхождений (выбор разных языковых конструкций, разное строение текста, обращение к тому или иному фрагменту текста, акцент на разных сторонах смысла или содержания, использование лично отмеченных оборотов, привнесение личных моментов).

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Текст как высшая единица речемыслительной деятельности.
- Пресуппозиции в тексте.
- Прецедентность в тексте.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

- Фреймовый подход к анализу текста.
- Речевая организация рекламного текста.
- Пересказ и интерпретация текста.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

- Гипертекст и способы его организации.
- Речевая организация диалога.
- Пересказ текста как вид речевой деятельности.

Тема 7

ЭКСПЕРИМЕНТ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эксперимент, испытуемый, ассоциативный эксперимент, стимул, реакция, ассоциативное поле, семантическое расстояние, коннотативное значение, методика дополнения, семантический дифференциал, шкалирование.

7.1. Роль эксперимента в психолингвистике

Д. Кэмпбэлл даёт следующее определение психологического эксперимента:

Экспериментом называется та часть исследования, которая заключается в том, что исследователь осуществляет манипулирование переменными и наблюдает эффекты, производимые этим воздействием на другие переменные.

Вопрос о необходимости эксперимента для лингвистики впервые поставил в 1938 г. Л.В. Щерба в упоминавшейся уже статье «О тройном аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании». Учёный полагал, что «выводить языковую систему, то есть словарь и грамматику», можно из «соответственных текстов, то есть из соответственного языкового материала». По его мнению, совершенно очевидно, что никакого иного метода не существует и не может существовать в применении к мёртвым языкам. Он полагал, что мёртвыми языки становятся тогда, когда они перестают служить орудием общения и мышления внутри человеческого коллектива, перестают развиваться и приспособляться к выражению новых понятий и их оттенков, и вследствие этого в них прекращается то, что может быть названо языкотворческим процессом.

Дело должно обстоять несколько иначе, считал он, в отношении живых языков. По мнению Щербы, «большинство лингвистов обыкновенно и к живым языкам подходит, однако, так же, как и к

мёртвым, т.е. накапливает языковой материал, иначе говоря, записывает тексты, а потом обрабатывает по принципам мёртвых языков». Щерба полагал, «что при этом получаются мёртвые словари и грамматики». По его мнению, «исследователь живых языков должен поступать иначе».

«Исследователь, – писал Щерба, – тоже должен исходить из так или иначе понятого языкового материала. Но, построив из фактов этого материала некоторую отвлечённую систему, необходимо проверять её на новых фактах, т.е. смотреть, отвечают ли выводимые из неё факты действительности. Таким образом, в языкознание вводится принцип эксперимента. Сделав какое-либо предположение о смысле того или иного слова, той или иной формы, о том или ином правиле словообразования или формообразования и т.п., следует пробовать, можно ли сказать ряд разнообразных фраз (который можно бесконечно множить), применяя это правило».

Щерба утверждал также, что эксперимент может иметь как положительный, так и отрицательный результат. Отрицательные результаты указывают или на неверность постулированного правила, или на необходимость каких-то его ограничений, или на то, что правила уже больше нет, а есть только факты словаря.

Приводя примеры правильных (1–3) и неправильных (4) предложений, Щерба утверждал, что исследователь языка должен обращаться с вопросом о правильности или неправильности языкового материала к носителю языка, не полагаясь только на свою интуицию. При этом он считал, что такого рода эксперимент уже проводится в природе, когда ребёнок учится говорить или когда взрослый человек изучает иностранный язык, или при патологии, когда происходит распад речи.

(1) *Никакой торговли не было в городе.*

(2) *Никакой торговли в городе не было.*

(3) *В городе не было никакой торговли.*

(4) **Никакой торговли не в городе не было.*

Упомянул исследователь и об ошибках писателей, полагая, что «ляпсусы» связаны с плохим чувством языка. Примечательно, что в это же время Фрейд писал об оговорках и ослышках, трактуя это в парадигме психоанализа.

При этом под экспериментом в языкознании Щерба подразумевал: 1) интроспекцию, самонаблюдение и 2) постановку собственно

эксперимента. Щерба писал о принципе эксперимента как о важном моменте, который позволяет глубже проникнуть в понимание речевой деятельности человека. Поскольку писал он это в 30-е годы XX в., когда в советском языкознании шла борьба мнений, учёный, опасаясь обвинений в индивидуализме, доказывал методическую правильность предлагаемого им метода. Так, в дополнение к сказанному Щерба добавлял: «С весьма распространенной боязнью, что при таком методе будет исследоваться “индивидуальная речевая система”, а не языковая система, надо покончить раз и навсегда. Ведь индивидуальная речевая система является лишь конкретным проявлением языковой системы».

Даже если следовать узкому пониманию роли эксперимента в языкознании как проверки положений нормативной языковой системы фактами живого языка, следует признать вслед за учёным, что лингвистическое знание даёт возможность понимания человеческого сознания.

Отечественный психолингвист Л.В. Сахарный отмечал, что у сторонников традиционных методов лингвистического анализа имеется ряд возражений в отношении эксперимента. Обычно они сводятся к следующему:

1. Материалы экспериментов очень интересны, но мало ли что могут сказать испытуемые по заданию экспериментатора? Как доказать, что в эксперименте выявляются действительно языковые правила?

2. В эксперименте создаются заведомо искусственные ситуации, что для естественного функционирования языка и речи не характерно.

3. В спонтанной речи иногда проявляется то, что никаким экспериментом организовать не удастся, т.е. возможности экспериментальных методик достаточно ограничены.

Л.В. Сахарный считал, что на эти вопросы можно ответить следующим образом:

1. Вопрос в том, что изучается в эксперименте — язык или речь? Традиционная лингвистика признаёт, что иначе чем через речь, на язык выйти нельзя. Но если изучать язык через спонтанные тексты, почему нельзя изучать его через тексты, полученные в экспериментах? (Напомним, что в лингвистике язык понимается как система, а речь — как её реализация.)

2. Хотя ситуации в эксперименте бывают искусственными, принципиальные особенности речевой деятельности, выявляемые в эксперименте, характерны для неё и в других, не экспериментальных ситуациях. Провести четкую грань между типичными и нетипичными, естественными и искусственными ситуациями нельзя.

3. Эксперимент не является единственно возможным методом психолингвистического исследования. Психолингвистика не отрицает ни материала, ни метода наблюдения, которыми располагает традиционная лингвистика. Психолингвистика этот материал использует, но под несколько иным углом зрения, в более широком контексте и материала, и методов.

Как особенность метаязыка отечественной психолингвистики можно отметить, что в ней используется понятие «испытуемый», а не «информант».

Информант (от лат. *informatio* – разъяснение, изложение) – это субъект, включённый в эксперимент и информирующий экспериментатора о его ходе, об особенностях своего взаимодействия с объектом.

Иными словами, психолингвистика принимает факт субъективной интерпретации носителем языка языкового материала не как фактор помехи, а как факт, подлежащий научному анализу.

Испытуемый в психолингвистике – это субъект, который, будучи носителем языка, одновременно является и экспертом в области его употребления, и при этом косвенно сообщает экспериментатору информацию о фрагментах своего языкового сознания.

Важной особенностью психолингвистики является обращение к значению слова – к его семантике (от греч. *semantikos* – обозначающий). В лингвистике анализ семантики связан прежде всего с изучением лексического значения слов и выражений, изменения их значений, изучением оборотов речи или грамматических форм.

Психолингвистика различает объективную и субъективную семантику. Первая является семантической системой значений языка, вторая представляется как ассоциативная система, существующая в

мозгу индивида. Предполагается при этом, что слова связаны в сознании индивида и образуют своего рода поле.

Семантическое поле – это совокупность слов, относящихся к описанию одного круга явлений, а также значение слова вместе с его ассоциациями.

В связи с этим семантические признаки подразделяются на относящиеся к области ассоциаций (субъективные) и принадлежащие семантическим компонентам лексики, взятой в абстрактно-логическом (объективном) плане.

Одной из попыток экспериментально определить субъективные семантические поля и связи внутри них является метод ассоциативного эксперимента. Перейдём к рассмотрению его сути.

7.2. Ассоциативный эксперимент

Ассоциативный эксперимент (associative experiment) является наиболее разработанной техникой психолингвистического анализа семантики.

7.2.1. ПРОЦЕДУРА АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Процедура проведения ассоциативного эксперимента такова. Для массового эксперимента испытуемых собирают в одном помещении, инструктируют их и мотивируют их деятельность. После этого раздают стимульный материал в виде анкет, содержащих список слов-стимулов. Затем протекает собственно эксперимент, в ходе которого испытуемые в течение 10–15 минут рядом с каждым словом-стимулом анкеты пишут одно слово-реакцию, которое первым пришло в голову после прочтения слова-стимула. После этого заполненные анкеты собираются (надо проверить, указан ли пол и возраст автора) и испытуемым выражается благодарность за их участие в эксперименте.

Обычно каждому испытуемому даётся 100 слов и 7–10 минут на ответы. Нередко экспериментатор диктует стимулы. Вот какая инструкция может даваться.

Инструкция для испытуемого

«Уважаемые коллеги! Наша Академия Наук обращается к Вам с просьбой принять участие в ассоциативном эксперименте, который преследует научные цели. В ходе этого эксперимента изучаются закономерности существования и функционирования нашего родного языка.

Сейчас Вы получите список слов, Вы должны будете последовательно читать слово за словом и писать рядом с каждым словом первое слово, которое придет Вам в голову. При этом Вы должны писать предельно быстро, не раздумывая, быстрота Ваших реакций является обязательным условием работы в эксперименте.

Эксперимент длится 10–15 минут, поэтому нужно работать очень быстро.

Заранее благодарим Вас за участие».

Как известно, при проведении любого эксперимента часть испытуемых либо не справляются с заданием, либо делают его с ошибками. Критериями для выбраковки анкет с результатами ассоциативного эксперимента могут быть следующие:

- 1) если отсутствуют реакции более чем на 25% стимулов;
- 2) если они содержат много слов-реакций не на содержание слова-стимула, а на его форму (5–7).

(5) *рот – кот*

(6) *вода – года*

(7) *дверь – Тверь*

Большинство реакций, приводящихся в ассоциативных словарях, получено от студентов университетов и колледжей в возрасте 17–25 лет, для которых язык стимулов является родным.

7.2.2. РАЗНОВИДНОСТИ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Существует несколько разновидностей ассоциативного эксперимента.

1. *Свободный ассоциативный эксперимент.* Испытуемым не ставится никаких ограничений на реакции.

2. *Направленный ассоциативный эксперимент.* Испытуемому предлагается давать ассоциации определенного грамматического или семантического класса (например, подобрать прилагательное к существительному).

3. *Цепочечный ассоциативный эксперимент.* Испытуемым предлагается реагировать на стимул несколькими ассоциациями: например, дать в течение 20 секунд 10 реакций.

Существуют специальные словари ассоциативных норм. К числу общеизвестных относится словарь Дж. Диза. На русском языке первым словарем такого рода был «Словарь ассоциативных норм русского языка» под ред. А.А. Леонтьева [1977].

В настоящее время наиболее полным словарем на русском языке является «Русский ассоциативный словарь», который составили Ю.Н. Караулов, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов, Н.В. Уфимцева, Г.А. Черкасова [1994–2002]. Он включает в себя: т. 1. Прямой словарь: от стимула к реакции; т. 2. Обратный словарь: от реакции к стимулу; тома 3–6 представляют собой также прямые и обратные словари двух других списков слов. В этом словаре 1277 стимулов, что немного меньше количества слов, которые употребляются говорящими в обыденной речи (1500–3000); в качестве ответов зафиксировано 12 600 разных слов, а всего — более миллиона реакций.

Структура словарной статьи в «Русском ассоциативном словаре» такова: сначала даётся заглавное слово, затем реакции, располагающиеся в порядке убывания частоты (указана цифрой). Внутри групп реакции следуют в алфавитном порядке (8):

(8) ЛЕС... *поле, деревья 11, осень, большой, береза 7* и т.д.

В конце каждой статьи даны цифры (9):

(9) ЛЕС... *549 + 186 + 0 + 119.*

Первая цифра указывает общее количество реакций на данный стимул, вторая — количество разных реакций, третья — количество испытуемых, которые оставили данный стимул без ответа, т.е. количество отказов. Четвёртая — количество единичных ответов, т.е. реакций, которые были даны только один раз и частота которых равна, соответственно, единице.

В Институте языкознания РАН ведутся работы по созданию общеславянского тезауруса, который предназначен для анализа языкового сознания носителей современных славянских языков. Он позволяет выявить в сознании современных славян общие и специфические черты. Список стимулов для создания этого тезауруса (10) насчитывает 110 слов.

- (10) *гость девочка больной лес город деревня день голос дочь мать дядя муж жена разговор река утро хлеб вечер бабушка земля вода огонь помогать ребёнок дело человек народ время деньги памятник гора встреча друг враг ночь слово дом мужчина женщина мальчик дурак умный война голова глаза руки палец рот лицо жизнь смерть жить работа родина свет (в значении освещённость) любовь начало сила добро зло справедливость дверь бог вспоминать путь счастье ветер успеть хотеть кричать надеяться обещать есть (в значении кушать) пить терять искать говорить хорошо плохо слабый много быстро ходить ненавидеть красивый свободный старый новый молодой радость чистый большой маленький родной белый красный стол зелёный чёрный богатый весёлый семья вечность стыд глупый обман жадный вместе душа думать*

7.2.4. ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ОТВЕТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Существует много способов интерпретации результатов ассоциативного эксперимента. Не вдаваясь в дискуссию, опишем некоторые из них.

При анализе ответов ассоциативного эксперимента выделяют прежде всего синтагматические (11) и парадигматические (12) ассоциации:

(11) *небо – голубое, машина – едет, курить – плохо*

(12) *стол – стул, отец – мать*

Синтагматическими ассоциациями называются ассоциации, грамматический класс которых отличен от грамматического класса слова-стимула. Парадигматические ассоциации представляют собой слова-реакции того же грамматического класса, что и слова-стимулы.

Реакции подчиняются принципу «минимального контраста», согласно которому чем меньше отличаются слова-стимулы от слов-реакций по составу семантических компонентов, тем более высока вероятность актуализации слова-реакции в ассоциативном процессе. Иными словами, люди склонны давать в качестве реакций слова, близкие по смыслу стимулам. Этот принцип объясняет, почему по

характеру ассоциаций можно восстановить семантический состав слова-стимула: множество ассоциаций, выданных на слово, содержит ряд признаков, аналогичных содержащимся в слове-стимуле (13). Поэтому носитель языка по **реакциям** может достаточно легко восстанавливать **стимул** (в случае (13) это – *каникулы*).

(13) *летние 11; лето 10; отдых 6; короткие, скоро, ура 4; безделье, в Простоквашино, начались, школа*

Считается, что парадигматические ассоциации отражают языковые отношения, а синтагматические – речевые. Выделяют также родо-видовые отношения (14), реакции, имеющие фонетическое сходство со стимулом (15), клишированные (16) и личные (17):

(14) *животное – кошка, стол – мебель*

(15) *дом – том, мышка – книжка*

(16) *мастер – золотые руки, гость – каменный*

(17) *мужчина – я должен*

7.2.4. ЗНАЧЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ АССОЦИАТИВНОГО ЭКСПЕРИМЕНТА

Ассоциативный эксперимент широко известен и активно используется в психолингвистике, психологии, социологии, психиатрии.

Результаты ассоциативного эксперимента могут быть использованы, прежде всего, в разных областях лингвистики. В частности, в силу того, что он обычно проводится на большом количестве испытуемых, можно построить таблицу частотного распределения слов-реакций на каждое слово-стимул. При этом можно будет вычислить семантическую близость (**семантическое расстояние**) между разными словами. Мерой семантической близости пары слов признается степень совпадения распределения ответов, т.е. сходство данных на них ассоциаций. Величина эта фигурирует в работах разных авторов под разными названиями: «коэффициент пересечения», «коэффициент ассоциации», «мера перекрытия».

Определение семантического расстояния между словами может помочь решить одну из возможных для лингвистики проблем – синонимии. Так, если надо определить степень сходства между словами, которые имеют близкое значение (18), то можно опросить разных людей и каждый представит себе это сходство по-разному. Так, для кого-то *работа* будет похожа на *дело*, а для кого-то на *труд*.

А можно также предложить испытуемым дать реакции на каждое из этих слов (лучше предъявлять их вразбивку – в списке с другими словами), а затем посмотреть, какое количество реакций совпадает. При этом может оказаться, что некоторые пары слов «ближе» друг к другу, чем другие. (Данные эксперимента показали, что ближе всех находятся элементы пары *работа – труд*, далее следовала пара *дело – работа*, а потом *труд – дело*.) Так, опрос большого количества испытуемых с помощью ассоциативного эксперимента покажет меру семантической близости между этими словами.

(18) *работа, труд, дело*

Иногда такого рода данные совпадают с результатами дистрибутивно-статистического анализа текстов, когда исследователи не обращаются к эксперименту, а проводят самостоятельный подсчёт совместной встречаемости словосочетаний (так называемой дистрибуции). Ассоциативный эксперимент позволяет выяснить, как устроены фрагменты языкового сознания у носителей языка (а не только у тех, кто участвовал в эксперименте).

В своё время Дж. Диз пытался реконструировать семантический состав слова на основе ассоциативного эксперимента. Матрицы семантических **расстояний** вторичных ассоциаций на слово-стимул (т.е. ассоциации на ассоциации) он подвергал процедуре факторного анализа. Выделенные факторы получали содержательную интерпретацию и выступали как семантические составляющие значения. А.А. Леонтьев, комментируя результаты Диза, полагал, что они ясно показывают саму возможность выделить на основе формальной обработки данных ассоциативного эксперимента факторы, которые можно интерпретировать содержательно как семантические компоненты слов. А значит, ассоциативный эксперимент может служить способом получения как лингвистического, так и психологического знания.

Именно потому, что в ходе ассоциативного эксперимента испытуемому предлагается реагировать на то или иное слово первым пришедшим в голову словом или словосочетанием, можно получить очень интересные результаты (19):

(19) *Студент* (652 человека) – *институт* 44, *вечный* 41, *студентка* 39, *бедный* 34, *заочник* 28, *весёлый* 20, *молодой, хороший* 18, *плохой* 16, *стипендия* 14, *экзамен* 11, *абитуриент, мученик, преподаватель* 10, *вечное ощущение голода*,

вино, голод, голоден, прекрасные времена, психоз, пять лет отдыха – двадцать минут позора 1.

Ассоциативный эксперимент показывает наличие в значении слова психологического компонента и поэтому даёт возможность построить семантическую структуру слова. Он служит ценным материалом для изучения психологических эквивалентов того, что в лингвистике называется семантическим полем, и вскрывает объективно существующие в психике носителя языка семантические связи слов. Здесь следует отметить, что главным преимуществом ассоциативного эксперимента является его простота, удобство применения, поскольку он может проводиться с большой группой испытуемых одновременно. Испытуемые работают со значением в «режиме употребления», что позволяет выделять и некоторые неосознаваемые компоненты значения.

Так, по результатам эксперимента оказывается, что в слове *экзамен* в сознании носителей русского языка (и соответственно культуры) присутствуют и такие психологические оттенки этого слова, как *трудный, страх, страшный, тяжёлый* (20). В лингвистических же словарях он отсутствует.

(20) *ЭКЗАМЕН* (626 человек): *трудный 87, сдавать 48, сдать 35, сессия 26, зачет 21, билет 18, скоро 17, по математике 13, на аттестат зрелости, страх 10, страшный 8, тяжёлый 6.*

Особенность ассоциативных реакций на слово заключается в том, что испытуемые могут быть чувствительны к фонологическому и синтаксическому уровню слова-стимула. Отметим, что некоторые фонетические ассоциации могут рассматриваться и как смысловые (21). Обычно они даются испытуемыми, которые не желают сотрудничать с экспериментаторами или находятся в состоянии усталости (например, в конце длительного эксперимента), а также умственно отсталыми испытуемыми.

(21) *мама – рама, дом – дым, гость – кость*

Большая часть ассоциаций обусловлена речевыми штампами, клише. При этом ассоциации также отражают различные аспекты родной культуры испытуемого (22) и текстовые реминисценции (23).

(22) *площадь – Красная*

(23) *мастер – Маргарита*

Важно отметить, что план вербальных ассоциаций не изоморфен полностью плану предметных отношений. Так, например, в экспериментах 30-х годов Карвоски и Доркуса показано, что цвета ассоциируются иначе, чем слова, их обозначающие (наравне со словами-наименованиями цвета испытуемым предъявлялись карточки разного цвета).

Особое значение ассоциативный эксперимент имеет для психологов, поскольку является одним из старейших приёмов экспериментальной психологии. Джордж Миллер очень живо описывает историю возникновения этого приёма.

Сэр Френсис Гальтон, английский учёный и двоюродный брат Чарльза Дарвина, первым попробовал провести ассоциативный эксперимент в 1879 г. Он выбрал 75 слов, написал каждое из них на отдельной карточке и не прикасался к ним несколько дней. Затем он брал карточки по одной и смотрел на них. Он засекал время по хронометру, начиная с того момента, когда его глаза останавливались на слове, и кончая моментом, когда прочитанное слово вызывало у него две различные мысли. Он записал эти мысли для каждого слова из списка, но отказался публиковать результаты. «Они обнажают, – писал Гальтон, – сущность человеческой мысли с такой удивительной отчетливостью и достоверностью, которые вряд ли удастся сохранить, если опубликовать их и сделать достоянием мира».

В настоящее время подобный приём известен как методика свободных ассоциаций Кента-Розанова. В ней в качестве раздражителей используется набор из 100 слов. Речевые реакции на эти слова стандартизированы на большом количестве психически здоровых лиц, и определен удельный вес нестандартных речевых реакций. Эти данные позволяют определить степень эксцентричности, необычности мышления конкретных **испытуемых**.

Ассоциативное **поле** у каждого человека своё и по составу наименований, и по силе связей между ними. Актуализация той или иной связи в ответе не случайна и может зависеть даже от ситуации (24). Несомненно влияние уровня образования человека на устройство его ментального лексикона. Так, ассоциативные эксперименты на материале русского и эстонского языков выявили, что лица с высшим техническим образованием дают чаще парадигматические ассоциации, а с гуманитарным – синтагматические.

(24) друг – Мишка

Ассоциации и личность испытуемого. На характере ассоциаций сказываются и возраст, и географические условия, и профессия человека. По данным А.А. Леонтьева разные реакции на один и тот же стимул давали житель Ярославля (25) и Душанбе (26), дирижёр (27), медсестра (28) и строитель (29).

(25) *кисть – рябины*

(26) *кисть – винограда*

(27) *кисть – плавная, кисть – мягкая*

(28) *кисть – ампутация*

(29) *кисть – волосаяная*

Ассоциации и культура. По данным А.А. Залевской, ассоциации зависят и от культурно-исторических традиций народа – русского (30), узбекского (31), французского (32). В целом же принадлежность к определённому народу, одной культуре делает «центр» ассоциативного поля достаточно стабильным, а связи в том или ином языке – регулярно повторяемыми (33–36).

(30) *хлеб – соль*

(31) *хлеб – чай*

(32) *хлеб – вино*

(33) *поэт – Пушкин*

(34) *число – три*

(35) *фрукт – яблоко*

(36) *друг – товарищ, друг – враг, друг – верный*

Ассоциации и стандарты. Показательные данные были получены при сопоставлении ассоциаций в исторической перспективе. Так, когда сравнили ассоциации на одни и те же стимулы, то оказалось, что три самые частые реакции на слово-стимул в 1910 г. в среднем составляли примерно 46% всех ответов, а в 1954-м – уже около 60% всех ответов, т.е. самые частые реакции стали гораздо более частыми. Это значит, что в результате стандартного образования, распространения телевидения и других средств массовой коммуникации стереотипность реакций увеличилась, люди стали думать более одинаково.

7.3. Метод семантического дифференциала

7.3.1. СУТЬ МЕТОДИКИ

Метод семантического дифференциала (semantic differential – от греч. σηματικός – обозначающий и лат. differentia – разность) принадлежит к методам психолингвистики и экспериментальной психосемантики. Он служит для построения субъективных семантических пространств и относится к методам шкалирования. Методы шкалирования используются в психологии в целях получения количественных показателей для оценки отношения к определенным объектам. В качестве объекта при этом могут выступать как физические, так и социальные процессы). В психолингвистике в качестве объектов исследования могут выступать слова. Эта процедура имеет акроним – СД.

Семантический дифференциал – это метод количественного (и одновременно качественного) индексирования значения слова с помощью двухполюсных шкал, на каждой из которых имеется градация с парой антонимических прилагательных.

Процедура эксперимента с помощью этой методики заключается в следующем. Испытуемому предъявляется слово, и они должны отметить цифру, которая соответствует их представлению о слове. На каждой шкале или градация от +3 до –3, или просто 7 делений (37):

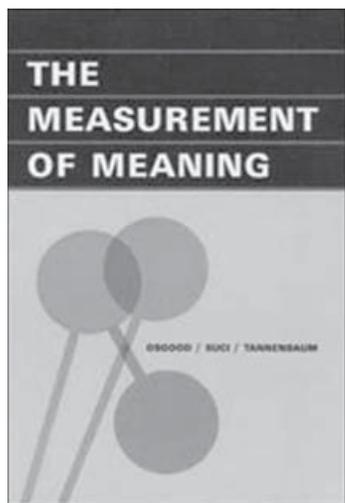
(37)

1	хороший	+ 3
2	скорее хороший, чем нейтральный	+ 2
3	скорее нейтральный, чем хороший	+ 1
4	нейтральный	0
5	скорее нейтральный, чем плохой	– 1
6	скорее плохой, чем нейтральный	– 2
7	плохой	– 3

Инструкция к тесту. Испытуемым предъявляется следующая инструкция:

«Вам следует оценить значения записанных слов, используя для этого антонимичные признаки вашей анкеты. Ваша задача – приписать каждому слову те признаки, которые, по вашему мнению, могут характеризовать значение этого слова. Сначала Вы читаете первое слово вашего списка и последовательно просматриваете признаковые пары анкеты, выписывая рядом с данным словом те признаки, которые соответствуют его значению. Оценив таким образом первое слово, вы переходите ко второму, затем – к третьему слову и т.д. до тех пор, пока не оцените все слова. Не отвлекайтесь, работайте только самостоятельно».

Семантический дифференциал Осгуда. Чарльз Осгуд впервые предложил эту процедуру в 1952 г., проводя исследования, связанные с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов, изучая массовую коммуникацию и рекламу. Он пытался получить от испытуемых оценки понятий из самых разных понятийных классов (например: *пламя, мать, ураган, радость*, прося оценить эти слова с точки зрения того, насколько они добрые или злые, сильные или слабые, большие или маленькие и др. Математическая

обработка результатов эксперимента показала, что по некоторым шкалам оценки в значительной степени совпадали между собой. При этом оказалось, что совпадающие шкалы могут быть объединены в три группы – так называемые факторы, которым Ч. Осгуд приписал следующие названия: оценка, сила и активность. Каждый из этих факторов включал в себя четыре признака (представлявших собой четыре пары антонимичных прилагательных (38).

Бланк для проведения эксперимента по методике семантического

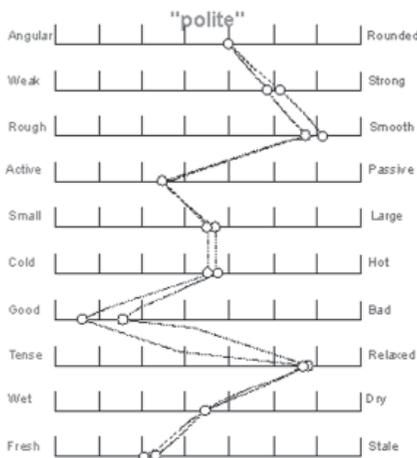
дифференциала может выглядеть следующим образом (без левого столбца, где дано название фактора):

(38)

названия факторов		+3	+2	+1	0	-1	-2	-3	
оценка	весёлый								грустный
	хороший								плохой
	полный								пустой
	светлый								тёмный
сила	длинный								короткий
	большой								малый
	сильный								слабый
	сложный								простой
ориентированная активность	новый								старый
	тёплый								холодный
	быстрый								медленный
	активный								пассивный

Если мы попросим испытуемых оценить, допустим, слово *мать* и слово *отец*, то *отец* может оказаться таким же «хорошим», как и мать, но он будет «сильнее» *матери*, зато *мать* – «теплее». Эти слова оказываются как бы в разных точках семантического пространства. Разумеется, каждый испытуемый будет фиксировать свой личный опыт. Но в среднем при большом числе испытуемых будет получена общественно закреплённая оценка явления, которое обозначено данным словом. Разница в оценках и покажет семантическую дифференциацию (различие) слов.

Общее количество баллов, приписанных какому-либо языковому объекту, суммируется,

при этом, значения могут представлять собой дробные величины, поскольку общая сумма баллов, проставленных по какой-либо шкале слову, будет делиться на количество испытуемых (39–41).

$$(39) \text{ мать} = \text{сильный} (-2, -3, -1, -2, -3, -2, -2, -3) = 18 : 8 = -2,25$$

$$(40) \text{ мать} = \text{новый} (-3, -3, -1, 0, +2, -3, -3, -3) = -14 : 8 = -1,75$$

$$(41) \text{ мать} = \text{тёплый} (+3, +2, +3, +3, +3, +2, +3, -2) = 17 : 8 = +2,13$$

Есть разновидность методики семантического дифференциала, когда экспериментатор сам даёт свои названия шкал для слов, которые просит оценить. При этом появляются новые факторы, специфические именно для определённых понятийных классов. Шкалы могут иметь разную размерность, их может быть разное количество. Но в целом они сохраняют свою преимущество с вариантом, предложенным Осгудом.

В целом методика семантического дифференциала является комбинацией метода контролируемых ассоциаций и процедур шкалирования. Измеряемые объекты (понятия, изображения, персонажи и т.д.) оцениваются по ряду биполярных градуальных (трех-, пяти-, семибалльных) шкал, полюса которых обычно задаются вербально. Наряду с вербальными разработаны невербальные семантические дифференциалы, где в качестве полюсов шкал используются графические образы.

Сам переход от описания объектов с помощью признаков, заданных шкалами, к описанию объектов с помощью факторов, являющихся смысловыми инвариантами, связан с потерей информации об объектах. Иными словами, перевод нерасчленённых эмоционально окрашенных оценок в жесткие шкалы – это всегда огрубление. Оно обусловлено тем, что из содержания шкалы в факторе отображается только та информация, которая инвариантна всей совокупности шкал, входящих в фактор.

Этим инвариантом оказываются эмоциональный тон или образное переживание, лежащее в основе **коннотативного значения**. С точки зрения психологии, коннотативное значение генетически более ранняя форма значения, в которой отношение и эмоциональное отношение, личностный смысл и чувственная ткань еще слабо дифференцированы. Именно поэтому методика семантического диф-

ференциала позволяет оценить не значение как знание об объекте, а коннотативное значение (connotative meaning), связанное с личностным смыслом, социальными установками, стереотипами и другими эмоционально насыщенными, слабо структурированными и мало осознаваемыми формами обобщения (pragmatic meaning).

Выдвинув свой метод, Осгуд обосновал его наличием синестезии.

Синестезия – это психологический феномен, состоящий в возникновении ощущения одной модальности под воздействием раздражителя другой модальности.

Примером синестезии может быть переживание цветового образа в ответ на музыкальную фразу (в цветомузыке Александра Скрябина, или в картинах (полотнах) М.К. Чюрлёниса).

Механизмы синестезии признаются основой метафорических переносов в образных словосочетаниях (42). Говоря языком физиологии (и пересказывая А.Р. Лурию), физиологические механизмы синестезии, обеспечивающие кроссмодальные переходы, заданы тем, что стимуляция некоторой модальности поступает не только в специфические для неё проекционные зоны сознания, но по коллатералям – боковым ответвлениям аксонов – и в неспецифические для неё проекционные зоны других модальностей. На основе одной модальности в восприятии тем самым конструируется целостный интермодальный образ. Иными словами, сигналы, которые должны поступать в одни зоны мозга, поступают также и в другие. Синестезию можно рассматривать как универсальную форму доязыковой категоризации, обеспечивающую обобщения на уровне организма.

(42) *бархатный голос, кислая физиономия, крепкое слово, тёмная личность, весёленький ситчик, светлый ум*

7.3.2. ПРИМЕНЕНИЯ МЕТОДИКИ

Методика семантического дифференциала (СД) получила широкое применение в теории массовой коммуникации и в рекламном деле (для выбора самых «хороших», «положительных» слов из ряда синонимов). Кроме того, методика СД применяется в исследова-

ниях, связанных с восприятием и поведением человека, с анализом социальных установок и личностных смыслов. Его используют в психологии, психиатрии, психодиагностике (в том числе для профессионального отбора при приёме на работу – в отечественной компьютерной системе «Профессор-кадры»).

Для лингвистики эта методика интересна тем, что она показала совершенно новые аспекты значения слов. Лингвисты давно различают слова экспрессивно нейтральные (43) и экспрессивно окрашенные (44). Однако эксперименты по измерению значений показали, что в некотором смысле экспрессивно окрашены все слова (не только *батя*, но и *отец*, не только *очи*, но и *глаза*), так как человек оценивает все явления, с которыми он сталкивается, а потому неизбежно окрашены все слова, «пропускающиеся» через его сознание и опыт.

(43) *отец, глаза, есть, ударить*

(44) *папа, батя, очи, гляделки, жрать, врезать*

СД в социологии. Применение методики СД в социологии позволило превратить ее в инструмент исследования форм массового сознания. К примеру, слова *Сталин* и *Гитлер* при шкалировании Ч. Осгудом в 50-е годы получили у американцев одинаковые оценки по ряду предложенных шкал и тем самым оказались схожими по своему психологическому наполнению. Это, в свою очередь, позволило говорить, что в сознании испытуемых эти два понятия были близки между собой.

Метод семантического дифференциала часто используется в социологии и в социальной психологии именно потому, что он позволяет быстро получить оценку изучаемого явления, к примеру, при изучении системы авто- и гетеростереотипов. З.В. Сикевич предлагает следующую инструкцию и шкалы (45):

Инструкция. «Ниже приведены противоположные по смыслу пары слов, с помощью которых Вы можете определить, насколько характерны данные качества для 1) типичного русского и 2) типичного американца. Чем ближе к правому или левому слову, тем более выражен данный признак. Зачеркните соответствующую цифру».

(45)

общительный	7	6	5	4	3	2	1	замкнутый
нравственный	7	6	5	4	3	2	1	безнравственный
храбрый	7	6	5	4	3	2	1	трусливый
активный	7	6	5	4	3	2	1	пассивный
трудолюбивый	7	6	5	4	3	2	1	ленивый
щедрый	7	6	5	4	3	2	1	скупой
богатый	7	6	5	4	3	2	1	бедный
оптимист	7	6	5	4	3	2	1	пессимист
патриот	7	6	5	4	3	2	1	не патриот
свободный	7	6	5	4	3	2	1	не свободный

Высчитывается средний балл по каждой паре признаков. Процедура подсчёта баллов заключается в следующем:

1) число отметивших тот или иной балл умножается на значение этого балла;

2) суммируются промежуточные результаты;

3) конечный результат делится на общее количество испытуемых.

Средний балл по каждой паре признаков отражает положительную/нейтральную/отрицательную оценку испытуемого по отношению к тому или иному качеству.

Установление авторства текста. Методика СД используется порой и в целях получения экспертных оценок. К примеру, испытуемых могут попросить оценить какие-либо тексты не по признакам якобы объективно присущих им, а по некоторым обобщённым показателям, которые основаны скорее на интуиции, чем на знании. Так, в эксперименте В.И. Батова и Ю.А. Сорокина [1973] для установления авторства текстов использовались следующие шкалы (45):

(45)

	+3	+2	+1	0	-1	-2	-3	
энергичный								вялый
упорядоченный								хаотичный

	+3	+2	+1	0	-1	-2	-3	
сочный								сухой
привычный								непривычный
интересный								скучный
пристрастный								беспристрастный
яркий								бледный
индивидуальный								безликий
эмоциональный								рациональный
высокопарный								простой
элегантный								неряшливый

На основании ответов испытуемых (они выступили как эксперты) удалось выдвинуть гипотезу о том, что текст, у которого предполагалось наличие нескольких авторов, написан именно Салтыковым-Щедриным, поскольку он получил очень схожие оценки с другим текстом, который – как было точно известно – был написан именно им.

Недостатки методики СД. У рассмотренной методики есть и недостатки. В частности, одно и то же обозначение шкалы может иметь как прямой смысл, так и переносный. Например, если имеется шкала *высокий – низкий*, то слово *столб* или *гриб* будет оцениваться по этой шкале на основе буквального понимания слов *высокий* и *низкий*, а слова типа *леди* или *грех* – на основе метафорического понимания слов *высокий* и *низкий*. Иными словами, в одно и то же значение шкалы один и тот же испытуемый может вкладывать разный смысл.

За одной и той же оценкой может стоять разное содержание. Или, к примеру, испытуемые, которые дают нейтральную оценку (или ноль) могут иметь много разных оснований для этого (непонимание шкалы, нежелание отвечать, непригодность данной шкалы или же нейтральность показателя). К тому же, для разных испытуемых характерны разные тактики ответов: кто-то оценивает разнополосными оценками, кто-то «работает» преимущественно в отрицательном или положительном секторе. Кстати, это составляет и большую проблему в социологии, где может стоять отдельно проблема анализа причин ухода от ответа (выбор шкалы «затрудняюсь ответить»).

Однако несмотря на эти недостатки методика семантического дифференциала широко используется и в психолингвистике, и в

психосемантике (В.Ф. Петренко, О.В. Митина), и в социологии, и в экспериментальной эстетике (Л.Я. Дорфман).

7.4. Методика дополнения

Одной из очень распространенных психолингвистических методик в свое время была методика дополнения (МД), или методика восстановления, методика завершения (close procedure). Впервые она была использована американским исследователем Уильямом Тейлором в 1953 г.

Сущность методики восстановления состоит в деформации речевого сообщения и последующем его предъявлении испытуемым для восстановления. Условием, обеспечивающим возможность восстановления разрушенного сообщения, служит принцип избыточности речевого сообщения, обеспечивающий даже при наличии помех (какими являются пропуски элементов текста) более или менее адекватное понимание как устной, так и письменной речи.

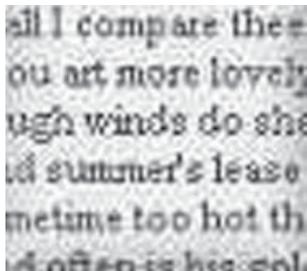
Процедура эксперимента заключается в следующем. Во фразе или в тексте пропускается каждое второе, шестое, n-ное слово. Каждое пропущенное слово заменяется пропуском (пробелом) одинаковой длины. Испытуемому предлагается восстановить сообщение, т.е. вставить пропущенные слова (46).

(46) *Индеец надел взял сел в и отправился в*

Считается, что термин «close» образован как сокращение термина «closure» (завершение), используемого в гештальтпсихологии для объяснения явления, при котором наблюдатель при восприятии предмета, предъявляемого ему в неполном или неотчётливом виде, способен завершить, дополнить в воображении образ этого предмета.

Сама идея этой методики возникла потому, что использование технических средств коммуникации (в частности, телефона и телеграфа) влекло за собой пропуск букв или замену их другими. Люди, обеспечивавшие передачу информации, задумались о допустимых границах разрушения текста. Они стали проводить эксперименты по вставке случайных букв в случайные позиции, по случайной замене одних букв другими как с указанием места пропуска, так и без. Пропускался каждый первый знак сообщения; каждый срединный, каждый последний; каждый последний знак предложения или

каждое первое, срединное и последнее слово фразы одновременно. Эталонной была признана методика, в которой пропускается каждое пятое слово. Именно она позволила получить данные о том, как происходит восприятие и понимание текста в том случае, если часть информации отсутствует или трудна для понимания.

Зависимость восстановления от возраста испытуемых.

Эксперименты также показали, что существуют возрастные различия между испытуемыми, восстанавливающими повреждённый текст. Так, низкопредсказуемые слова более успешно и быстро восстанавливают пожилые люди. Кроме того, оказалось, что зашумлённые слова (слова в белом шуме – см. определение) без контекста более успешно восстанавливают молодые испытуемые, чем пожилые. Пожилые же более успешно восстанавливают зашумлённые слова, если они звучат во фразах, т.е. на основе понимания контекста. Это позволяет предположить, что ориентация на контекст, в котором имеется плохо слышимое слово, является для пожилого человека своего рода компенсаторным механизмом и служит для более успешной адаптации сенсорных процессов в старости.

Белый шум – шум, лишённый высотной и тембровой определенности, объективно характеризующийся статистически неизменным во времени непрерывным, равноамплитудным во всем используемом диапазоне частот спектром.

Осгуд отмечал, что степень правильности восстановления разрушенного текста является показателем читабельности текста, т.е. того, насколько данное сообщение трудно для конкретного получателя.

Это будет справедливо и для текста на иностранном языке. Если получатель владеет языком отправителя, для него легко понять сообщение и заполнить пропуски. Если же заполнение пробелов для него представляет сложность, то ему будет трудно и понять это сообщение и в его полном виде. Иными словами, можно попросить испытуемых ответить на вопросы по смыслу иноязычного текста, а можно попросить

их восстановить повреждённый (этот же) текст. Результаты будут одинаковыми: количество правильных ответов в обоих случаях совпадет.

Зависимость восстановления от материала. Результаты экспериментов на материале английского языка по этой методике показали, что испытуемые с большей легкостью восстанавливают текст, повреждённый в «лёгкой» форме (когда пропускаются артикли, союзы, местоимения, вспомогательные глаголы), чем в «трудной» форме (когда пропускаются существительные, глаголы и наречия).

Восстановление поврежденного текста будет более успешным в конце, нежели в начале, и будет определяться названием текста, непосредственным контекстом, синтаксической организацией фраз, общей темой текста.

Разные испытуемые используют различные стратегии восстановления исходного текста: кто-то ориентируется преимущественно на непосредственное окружение пропущенного слова, кто-то – на более широкий контекст. С другой стороны, более успешно повреждённый текст будет восстановлен теми испытуемыми, которые больше знают об описываемом в тексте фрагменте действительности (например, вертолетостроении) и более знакомы с жанром экспериментального текста.

Эксперимент с научной фантастикой. В одном из наших экспериментов испытуемым предъявлялся разрушенный текст научно-фантастической тематики. Параллельно им же предъявлялся психодиагностический опросник. Те испытуемые, которые успешно восстановили этот текст, оказались и по психологическому профилю похожими на писателей научной фантастики (у них был такой же сниженный уровень социализованности, и такой же повышенный уровень тревожности). Были и различия, в частности, оказалось, читатели оказались склонными к ипохондричности, а писатели – к стеничности.

МД и ассоциативный эксперимент. Эксперименты показывают, что лица, дающие в свободном ассоциативном эксперименте большое количество редких ассоциаций, менее правильно восстанавливают повреждённый текст. Кроме того, тексты, написанные этими испытуемыми, указывают на их повышенную тревожность.

Таким образом, данные экспериментов по методике дополнения позволяют не только сделать выводы в отношении текстов и механизма их восприятия, но и диагностировать речевое и неречевое поведение испытуемых.

7.5. Методика заканчивания предложения

Близка вышеописанной и методика заканчивания (завершения) предложений (sentence completion). Она заключается в том, что информантам предлагается либо устно, либо письменно закончить начатые экспериментатором предложения. Одно и то же начало предложения (47) получает разные продолжения (48–50):

(47) *Директором ...*

(48) *Директором коллектив школы был доволен.*

(49) *Директором неградивый инженер был уволен.*

(50) *Директором был назначен совсем молодой человек.*

Такие эксперименты служат лучшему пониманию механизмов синтаксической организации речи и допустимых вариантов языковых конструкций.

В психологии этот эксперимент используется в качестве проективной методики (51–52), когда основное внимание уделяется анализу содержания высказывания (и в меньшей степени форме).

(51) *Я люблю ...*

(52) *Мой начальник – ...*

7.6. Методы косвенного исследования семантики

К числу методов косвенного исследования семантики относятся и такие, когда испытуемых просят высказаться относительно истинности или ложности некоторого суждения.

Подобные эксперименты проводятся следующим образом. Испытуемому предъявляется предложение и засекается (хронометрируется) время между предъявлением суждения (допустим, на мониторе компьютера) и ответом испытуемого. Ответ испытуемого (допустим, нажатие клавиши на клавиатуре) сигнализирует о завершении процесса понимания. Для того чтобы испытуемый не имитировал понимание, периодически задаются смысловые вопросы по предъявляемому материалу.

Эксперимент, в ходе которого испытуемому предъявляются языковые элементы, о которых он должен высказаться (например,

как об имеющих значение или не имеющих его — когда предъявляются псевдослова), называется lexical-decision task – задание на принятие решения о понимании значения слова.

Эксперименты показывают, что семантическое **расстояние** между объектами зависит от уровней семантической организации, к которой принадлежат исследуемые объекты. Например, вынесение суждения относительно истинности утверждения (53) требует меньше времени, чем относительно утверждения (54), так как верификация последнего требует промежуточного шага в констатации того, что канарейки, входя в разряд птиц, входят в класс животных.

(53) *Канарейки – птицы.*

(54) *Канарейки – животные.*

Таким образом, семантическое расстояние объектов разного уровня общности определяется как планом их содержания, так и планом их обобщенности.

7.7. Градуальное шкалирование

В ходе эксперимента по градуальному шкалированию испытуемым предлагается расположить ряд слов одной семантической группы «по порядку». Основная задача этой методики заключается в том, чтобы использовать представления носителей языка о возможном расположении слов в семантическом пространстве, которое не даётся в словаре.

Градуирование слов со значением размера. В эксперименте В.Я. Шабеса 36 слов со значением «размер» были расположены 103 испытуемыми (именно это объясняет дробность показателей) следующим образом (55):

(55)

Ранг	Слово	Место на шкале	Ранг	Слово	Место на шкале
1	<i>микроскопический</i>	1,32	19	<i>порядочных размеров</i>	20,31
2	<i>чуточный</i>	3,34	20	<i>крупный</i>	20,92
3	<i>крошечный</i>	4,53	21	<i>значительных размеров</i>	21,78
4	<i>крохотный</i>	4,59	22	<i>солидных размеров</i>	22,37
5	<i>малюсенький</i>	4,95	23	<i>здоровый</i>	22,84
6	<i>махонький</i>	5,61	24	<i>громоздкий</i>	23,35
7	<i>карликовый</i>	6,69	25	<i>внушительных размеров</i>	23,86
8	<i>кукольный</i>	8,53	26	<i>здоровенный</i>	25,45
9	<i>миниатюрный</i>	8,96	27	<i>огромный</i>	26,82
10	<i>игрушечный</i>	9,41	28	<i>громадный</i>	28,39
11	<i>маленький</i>	10,71	29	<i>гигантский</i>	30,94
12	<i>мелкий</i>	10,84	30	<i>грандиозный</i>	31,06
13	<i>малый</i>	12,53	31	<i>неохватный</i>	31,18
14	<i>небольшой</i>	13,88	32	<i>исполинский</i>	32,69
15	<i>нормального размера</i>	15,31	33	<i>неизмеримый</i>	32,73
16	<i>немаленький</i>	16,69	34	<i>колоссальный</i>	33,20
17	<i>немалый</i>	17,82	35	<i>циклопический</i>	34,18
18	<i>большой</i>	19,02	36	<i>чудовищного размера</i>	34,49

Соответственно, если известно место слова на определённой семантической шкале, можно измерить и семантическое расстояние между словами на этой же шкале (56–59):

	Слова, между которыми надо определить расстояние	Расстояние
(56)	<i>небольшой</i> / <i>немаленький</i>	2,81
(57)	<i>небольшой</i> / <i>большой</i>	5,14
(58)	<i>крохотный</i> / <i>громадный</i>	23,80
(59)	<i>микроскопический</i> / <i>чудовищного размера</i>	33,17

Градуирование слов со значением признака. Таким же образом испытуемых можно попросить расположить слова любой семантической группы (60 – пример В.Я. Шабеса):

(60) *паскудный, омерзительный, пакостный, мерзостный, мерзкий, отвратительный, гнусный, паршивый, гадкий, нестерпимый, невыносимый, несносный, невозможный, дрянной, никудышный, скверный, дурной, худой, плохой, аховый, нехороший, нормальный, неплохой, важный, ладный, хороший, добрый, славный, отменный, мировой, распрекрасный, отличный, прекрасный, замечательный, превосходный, идеальный, великолепный.*

Результаты подобных экспериментов позволяют создавать «градуальные словари», представляющие практическую ценность (в частности, для составления рекламных текстов).

7.8. Методика определения грамматической правильности

В этом же направлении работают экспериментаторы, использующие методику определения грамматической правильности или приемлемости предложения (grammatical judgments). Это примерно то, о чем писал в своё время Л.В. Щерба.

Информанты, которые, по сути, выступают в роли экспертов, должны сказать, насколько данное предложение грамматически правильно или употребимо. При этом они могут использовать шкалы оценок. Например, предложение (61) может иметь более высокую оценку употребимости, чем (62).

(61) *Иван пришел домой пьяный.*

(62) *Иван пришел домой пьяным.*

Наличие такого рода оценок, отражающих разные варианты фраз, позволяют собрать статистически достоверный материал в отношении допустимых – с точки зрения носителей языка, а не только лингвиста – высказываний.

7.9. Опросник

Опросник (questionnaire) представляет собой набор некоторых предложений, напечатанных на бумаге или представленных на мо-

ниторе компьютера. Информанты, как правило, не ограничены во времени. Информанты, получая опросники, должны прочитать эти предложения и ответить на определённые вопросы. Например, сказать, можно ли говорить так на том или ином языке или что, по их мнению, значит то или иное выражение (63), которое может быть понято неоднозначно, (64 – раннее закрытие, или 65 – позднее закрытие).

Оказалось, что англоговорящие информанты выбирают первый вариант (64) – так называемое раннее закрытие, а испаноговорящие (65) – позднее закрытие. Такие эксперименты могут быть и пилотажными, т.е. направленными на отбор материала для дальнейших экспериментов.

(63) *Somebody shot the servant of the actress who was on the balcony.* – *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе.*

(64) *На балконе стояла актриса.*

(65) *На балконе стояла служанка.*

7.10. Методика прямого толкования слова

Толкование слова есть синонимический текст-перифраза, передающий ту же информацию, что и толкуемое слово. Р. Якобсон писал: «Для нас, лингвистов и просто носителей языка, значением любого знака является его перевод в другой знак, особенно в такой, в котором оно более полно развернуто». Лингвистика располагает огромным опытом составления толковых словарей, в которых толкование (дефиниция) есть не что иное, как перифраза к толкуемому слову. Однако процедура перифразы редко используется в лексикографических целях, поскольку составление словарных дефиниций считается прерогативой учёных-лексикографов, опирающихся на свои знания, языковой опыт и интуицию.

Методика прямого толкования слова представляет собой описание содержания и объёма значения слова. Однако в психолингвистике – это не поиск лексико-семантического варианта, как в лексикологии. Вопрос «Что есть X?» – это обращение к обыденному сознанию рядового носителя языка.

Толкование слов *вечерник* и *дневник*. В серии экспериментов Л.В. Сахарного была предпринята попытка понять, насколько в языковом сознании представлена внутренняя форма слова. Для этого испытуемых попросили дать определения самым простым словам. Если в определениях присутствовал корень толкуемого слова, то предполагалось, что внутренняя форма сохраняет свое влияние. Оказалось, что при толковании слова *вечерник* испытуемые-школьники в 96% ответов используют слова *вечер*, *вечерний* и т.п., а при толковании слова *дневник* используют аналогичные слова (*день*, *ежедневный*) только в 25% ответов. Это чётко показало значительно меньшую степень актуальности осознания внутренней формы и, следовательно, большую степень идиоматизации слова *дневник* по сравнению со словом *вечерник*.

Тем самым были показаны возможности использования структуры толкований, данных испытуемыми, для выявления степени актуальности осознания ими внутренней формы толкуемых слов. Такие явления можно измерить с помощью специальных коэффициентов идиоматизации. Результаты измерений будут отражать реальную сложную картину соотношения лексического значения и внутренней формы того или иного слова в сознании носителей языка.

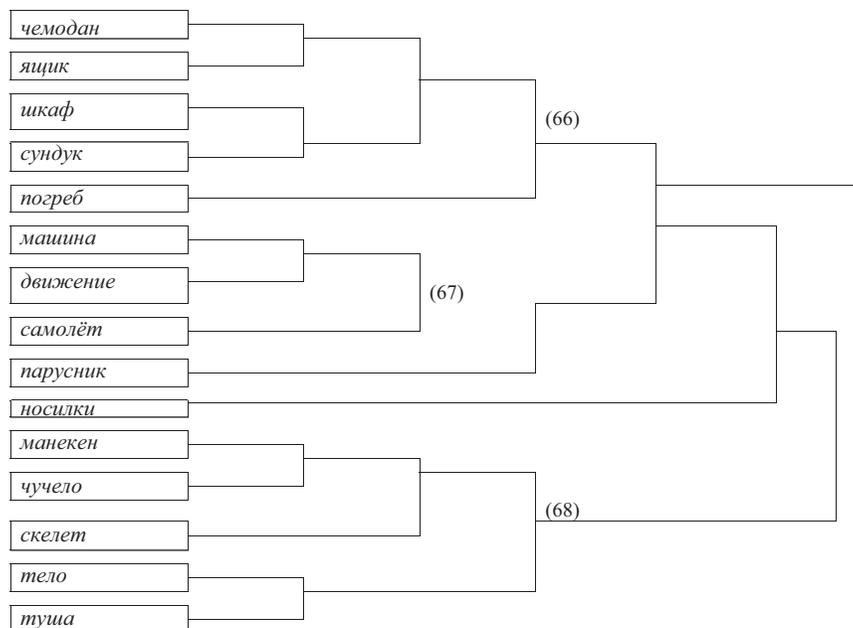
7.11. Классификация

В психолингвистике распространены в целом методики, связанные с построением разного рода классификаций. Результаты этих экспериментов раскрывают когнитивные процессы: как человек выделяет признаки, обобщает их, формируя определённые группы, классы. Ещё в конце 60-х годов XX в. Дж. Миллер выдвинул гипотезу о том, что формы классификации материала соответствуют внутренним семантическим связям этого материала и, следовательно, структура может быть выражена в самой процедуре классификации.

Испытуемым предлагают классифицировать – разбить на группы – материал (например, несколько слов). Ни количество групп, которые может образовать испытуемый, ни количество слов в каждой группе не ограничиваются. Результаты эксперимента отражаются в матрице, где учтены все объединения. Понятно, что некоторые

слова объединяются между собой испытываемыми чаще, чем другие. Количество отнесений разных слов в один класс служит мерой семантического сходства каждой пары объектов. Затем экспериментатором производится процедура так называемого кластер-анализа, когда объекты объединяются в последовательные группы. Вначале объединяются слова, которые семантически ближе всего друг к другу, затем эти пары вновь объединяются с теми парами, что стоят ближе к ним, и т.д. Появляются ряды кластеров, организующие материал на разных уровнях семантической близости. В результате получается своеобразное дерево кластеризации. Чем ближе сходство слов, тем короче ветви дерева, соединяющие эти слова.

Например, в экспериментах В.Ф. Петренко были выделены такие кластеры, как средства для хранения вещей (66), средства транспортировки (67), тело и его модели (68). Приведем фрагмент дерева классификации:

При большом количестве испытываемых и большом наборе слов кластер-анализ позволяет дополнительно выявить важные семантические закономерности.

Используемые в психолингвистике эксперименты можно разбить на следующие группы в соответствии с изучаемым объектом.

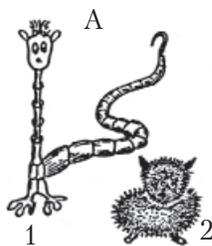
Звук	Слово	Фраза	Текст
	семантический дифференциал	опросник	семантический дифференциал
	классификация		классификация
	градуальное шкалирование		
	ассоциативный эксперимент		
	принятие решения о значении		
		методика дополнения	

ВОПРОСЫ ДЛЯ КОНТРОЛЯ

- Зачем нужен эксперимент в психолингвистике?
- Почему нельзя строить теорию на данных, полученных от одного испытуемого?
- Назовите основные типы экспериментов в психолингвистике.
- Чем различаются разные типы ассоциативного эксперимента?
- Что можно выявить с помощью методики семантического дифференциала?
- Для чего могут пригодиться данные результатов эксперимента с градуальным шкалированием?

ЗАДАНИЯ

- Определите, какому псевдоживотному соответствует какое псевдоназвание

1) МУРХ 2) МУОРА

1) МАНУХА 2) КУЗДРА

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Процедура и интерпретация результатов ассоциативного эксперимента.
- Принципы классификации ассоциаций.
- Методика семантического дифференциала.
- Как звук связан со смыслом (фоносемантика).
- Методика дополнения как психологическая и психолингвистическая процедура.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

- Культурные различия в ассоциативном эксперименте.
- Закономерности восстановления разрушенного текста.
- Кроссворд как система ассоциаций.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

- Методы экспериментальной эстетики.
- Экспериментальные методы психосемантики.

Тема 8

ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

||| КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: гипотеза лингвистической относительности, лакуна, перевод, культурный шок, лингвистический шок, билингвизм.

8.1. Язык и культура

Различают материальную и духовную сферы культуры. К материальной культуре относят технику, материальные ценности – то, что создаёт цивилизацию. К духовной культуре относятся наука, искусство и литература, философия, просвещение, а также традиции, обычаи, бытовая культура, повседневное общение, привычки людей, нормы общения, мимические и жестовые коды, национальные картины мира. Духовная культура отражает специфику восприятия окружающей реальности, национальные особенности мышления представителей того или иного этноса.

Национальные особенности мышления и поведения фиксируются в знаках языка и тем самым отражаются в нём. Язык же, в свою очередь, влияет на понимание мира. В этнопсихолингвистике проблема взаимоотношения языка и культуры связана с так называемой гипотезой лингвистической относительности, разработанной Э. Сэпиром и Б. Уорфом. Рассмотрим её.

8.2. Гипотеза лингвистической относительности

Гипотеза лингвистической относительности (linguistic relativity hypothesis) была выдвинута в 30-х годах Бенджамином Ли Уорфом на основе идей Эдварда Сепира. Она заключается в том, что структура языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира.

Эдвард Сепир писал о влиянии языка на мышление: «Люди живут не только в объективном мире вещей и не только в мире обще-

ственной деятельности, как это обычно полагают; они в значительной мере находятся под влиянием того конкретного языка, который является средством общения для данного общества. «Реальный мир» в значительной степени бессознательно строится на основе языковых норм данной группы. Мы видим, слышим и воспринимаем так или иначе те или другие явления главным образом благодаря тому, что языковые нормы нашего общества предполагают данную форму выражения».

Иными словами, характер познания действительности, согласно гипотезе Сепира-Уорфа, зависит от языка, на котором мыслит познающий субъект. Люди членят мир, организуют его в понятия и распределяют значения так, а не иначе, поскольку являются участниками некоторого соглашения, имеющего силу только для данного языка. Познание, согласно этой гипотезе, не имеет объективного, общезначимого характера.

Уорф приписывает языку функцию упорядочения по отношению к хаосу явлений объективной действительности, способность создавать стройную, для каждого языка иную картину мира. За этим следовал вывод о том, что язык обладает способностью ограничивать познание человека: «Мы расчленяем природу в направлении, подсказанном нашим родным языком. Мы выделяем в мире явлений те или иные категории и типы совсем не потому, что они (эти категории и типы) самоочевидны; напротив, мир предстает перед нами как калейдоскопический поток впечатлений, который должен быть организован нашим сознанием, а это значит — в основном языковой системой, хранящейся в нашем сознании».

Существуют различные варианты гипотезы Сепира-Уорфа.

Сильный вариант, который выражен в самой гипотезе, предполагает, что язык оказывает влияние на мышление людей, на их мировоззрение, на их поведение. К примеру, в русском языке для обозначения внешне разных действий (1, 2) используется один и тот же глагол. А в языке индейцев племени навахо используются совершенно разные глаголы, так как понятие действия у них неразрывно связано с теми типами объектов, на которые оно направлено.

Наличие такого рода случаев позволяет исследователям сделать вывод о том, что совершенно правильно **переводить** с одного языка на другой невозможно, поскольку, по мнению Б.Л. Уорфа, слов, тождественных в разных языках по семантическим признакам, вообще нет.

(1) *взять веревку*

(2) *взять мяч*

Существует также **слабый вариант** гипотезы лингвистической относительности. Его сторонники полагают, что различия в языке действительно существуют, но они преодолеваются в речи путём описания, синонимии, различных уточнений.

Например, в русском языке имеются глаголы движения *идти* и *ехать*, которые в английском языке представлены одним глаголом *to go*. Однако в речи возможно уточнение (3, 4), которое устраним имеющееся противоречие и облегчит взаимопонимание.

(3) *to go on foot (двигаться пешком)*

(4) *to go by bus (ехать на автобусе)*

8.3. Национально-культурная специфика слова

Культура фиксируется в слове, в словосочетании, в понятии. Существует две точки зрения по вопросу о том, как в слове проявляется культура.

Согласно лингвистическим представлениям культурный компонент значения слова – это его экстралингвистическое содержание. В лингвистике предполагается, что оно прямо и непосредственно отражает обслуживаемую языком национальную культуру. При этом семантические доли, в которых фиксируется лексический фон – ореол всевозможных непонятных представлений носителей культуры, – якобы входят в значение слова.

В отечественной психолингвистике несколько иное представление о фоновых знаниях. Тут предполагается, что фоновые знания существуют не в форме семантических долей слов и словосочетаний (которые описываются лингвистом), а в форме многочисленных логических импликаций и пресуппозиций. Фоновое знание не является языковым, оно – пресуппозициональное (знание, которое лежит за словом); это принадлежность глубинного уровня сознания, внутренняя идеальная модель внешнего материального мира или его фрагмента.

Таким образом, в психолингвистике разводятся два уровня сознания: языковое и неязыковое. Языковое – это вербальное, логически осознаваемое и эксплицитное (внешне выраженное), неязы-

ковое – невербальное, смысловое, неосознаваемое и имплицитное (внешне невыраженное). Именно неязыковое сознание и отражает национально-культурную специфику той среды, в которой существуют слова. Национально-культурная специфика слова в словаре отдельно, как правило, не отражается, так как эти семантические компоненты относятся к разряду периферийных для значения и присутствуют имплицитно (неявно).

Ранее мы описывали ассоциативный эксперимент и отмечали, что в среднем ассоциативные связи достаточно устойчивы. Они фиксируются в ассоциативных словарях «ассоциативных норм» и отражают наиболее частые ассоциации, типические (в ограниченных временных или социокультурных рамках) для носителей данного языка.

Ассоциативные устойчивые связи между словами и словосочетаниями, существующие в нашем сознании, образуют воспроизводимые в эксперименте цепочки, которые иногда называют «ментальным тезаурусом». Связи эти многообразны, и их наличие применительно к родному языку не осознается. Трудности, возникающие при изучении неродного языка, в значительной мере как раз и связаны с тем, что соответствующие связи приходится создавать, а они, как правило, вступают в противоречие с «ментальным тезаурусом» родного языка. Ярче всего это видно в лексике на уровне сочетаемости слов (5) и в грамматике на уровне бессознательно усвоенных в детском возрасте моделей словообразования и управления (своего рода «ментальная грамматика»).

(5) *сильный дождь* – *heavy rain* (буквально в переводе с английского: *тяжёлый дождь*)

(6) *no way* (буквально в переводе с английского: *нет пути*) – *ни за что, невозможно*

Помимо владения родным языком, которое, строго говоря, принадлежит не столько сфере знаний, сколько сфере умений, мы, как оказалось, располагаем весьма нетривиальными, хотя и неосознанными знаниями о самом языке. Так, было показано (на русском материале Р.М. Фрумкиной, на английском – Андервудом и Шульцем), что человек с большой точностью может упорядочить по частоте буквы алфавита родного языка, разместить большую группу слов на шкале «частый – редкий». Получается, что в нашем сознании отражены свойства не только слов, но и неосмысленных буквосочетаний, или даже триграмм (7). В частности, для родного

языка человек с большой надежностью может оценить относительные частоты встречаемости триграмм в тексте, их трудность для произнесения, степень их связанности с полнозначными словами языка (так называемую «порождающую силу»). Понятно, что такого рода лингвистическое знание приходит с опытом использования данного языка, с опытом овладения языковым материалом.

(7) *упр, ова*

8.4. Лакуны

В рамках культурологического направления в психолингвистике рассматривается проблема межкультурной коммуникации, как общения представителей разных народов друг с другом.

Одним из аспектов межкультурной коммуникации является проблема понимания реципиентом одной культуры текстов, созданных в рамках другой культуры. Такие тексты являются для них инокультурными текстами. Инокультурные тексты характеризуются тем, что они не могут быть поняты реципиентами, относящимися к другой культуре без потери некоторой части смысла. Это не означает, что представители разных культур не смогут понять друг друга. Просто им потребуются дополнительные языковые средства и знания для установления взаимопонимания.

В каждой лингвокультурной общности существуют базовые элементы национальной специфики. Если они затрудняют **понимание** некоторых фрагментов текстов инокультурным реципиентам, то их можно считать **лакунами**. Есть и другие наименования понятия «лакуна» (gap): случайные пробелы в речевых моделях (random holes in patterns); темное место в тексте; этноэйдма; близко к нему лингвистическое понятие «безэквивалентная лексика».

Языковые лакуны. К числу языковых лакун относятся лексические, грамматические, стилистические. Лексические лакуны можно переводить достаточно легко описательно (8), иногда отсылкой, в худшем случае транслитерацией (а в научном или деловом тексте иностранное слово может даваться в скобках). К числу грамматических лакун (по отношению к русскому) относится английский определенный артикль в сочетании с существительным во множественном числе, который мо-

жет обозначать название племени индейцев (9). Примером стилистической лакуны может служить пассивный залог в английском языке, который стилистически нейтрален, в отличие от страдательного залога в русском языке, принадлежащего книжному стилю.

(8) *nogopелец* = *person whose property was destroyed by fire*

(9) *the Creecks* = *индейцы племени ручья*

Речевые лакуны. К числу национально-специфических (лакунизированных) особенностей речи в отечественной психолингвистике относят: способ заполнения пауз, способ разложения слова при необходимости его точно транслировать собеседнику (10), этикетные характеристики актов общения, ролевые особенности общения, и даже номенклатуру текстовых стереотипов. Это так называемые *речевые лакуны*. Например, у жителей Афганистана принято трижды спрашивать собеседника о здоровье (11–14), а в Китае после еды спрашивают, не устал ли человек (14), и т.д.

(10) «*Фортуна*»; – *Фёдор, Ольга, Роман, Тимофей, Ульяна, Александр* – «*Фортуна*». Valeri – V as in *victory*, A as in *apple*, L as in *love*, E as in *eagle*, R as in *rabbit*, I as in *icecream*. Valeri.

	Транслитерация	Перевод
(11)	<i>Hub-astied?</i>	<i>Как-хорошо?</i>
(12)	<i>Chetur-astied?</i>	<i>Как здоровье?</i>
(13)	<i>Sihati shumо hub?</i>	<i>Как самочувствие?</i>
(14)	<i>Lei-bu-lei?</i>	<i>Устал-не-устал?</i>

Основными признаками лакуны можно считать: непонятность, непривычность (экзотичность), чуждость (незнакомость).

Процесс раскрытия значения национально-специфического слова называется в отечественной психолингвистике заполнением лакун. К числу способов заполнения лакун относятся: толкование, перевод морфологическим путем, дословный перевод, детальное комментирование. К примеру, название романа (15) может быть переведено лингвистически точно, но не понятно с культурологической точки зрения (16), либо не совсем точно с языковой точки зрения, но более общо и более понятно читателям, для которых перевод и предназначен (17).

(15)	« <i>The Gin Game</i> »	(16)	« <i>Игра в джин</i> »
		(17)	« <i>Игра в карты</i> »

Ошибки при переводе. Хорошо известен пример ошибочного перевода в монографии Фрейда о Леонардо да Винчи, где он разбирал фантазию Леонардо о стервятнике, посещавшем его в младенчестве, открывавшем его рот своим хвостом и бьющим его этим хвостом по губам. В своих рассуждениях Фрейд разбирает аспекты значения символа *стервятник*, но в действительности в оригинальном тексте, который использовал Фрейд, речь шла о ките, а слово *kit* было ошибочно переведено с египетского как *стервятник*. В данном случае это не имело значения для его выводов, но пример показателен с точки зрения проблем, которые могут возникнуть.

Аналогично, *хрустальные башмачки* были неправильно переведены на русский в сказке о Золушке, когда в действительности должны были быть *бархатные башмачки*.

Понимание чужой культуры. Поскольку при переводе часть смысла как бы теряется, некоторые исследователи даже утверждают, что понимание чужой культуры через текст в принципе невозможно. Однако это явное преувеличение. Действительно, степень полноты понимания зависит от размеров культурологической дистанции между культурами, а также от знаний реципиентов, их потребностей и целей восприятия текста. Воспринимая текст, принадлежащий чужой культуре, реципиент интерпретирует его в образах и понятиях своей культуры. Это обуславливает относительность и градуальность понимания явлений чужой культуры. Лакуны, отражающие специфику той или иной лингвокультурной общности, как правило, редко, но препятствуют взаимопониманию носителей различных культур.

В процессе межкультурной коммуникации «образы» культур, несущих в себе инвариантную и варианты составляющие, сопоставляются и либо принимаются, либо отторгаются. Отметим, что в связи со все увеличивающейся миграцией и, следовательно, преобладанием многокультурности (*policulturality, multiculturalism*) условием нормального развития общества является принцип терпимости (*tolerance*). Иными словами, практика межкультурного общения свидетельствует не только о наличии различных способов видения

мира, но и о необходимости преодоления барьеров, создаваемых национально-специфическими различиями контактирующих культур в целях лучшего взаимопонимания и мирного сосуществования.

8.5. Речевое поведение

На стыке психолингвистики и этнопсихологии находится проблема изучения речевого поведения разных народов. Наблюдения показывают, что северные народы – например норвежцы, шведы, финны – говорят тише и менее эмоционально, чем южные – в частности, испанцы и итальянцы. Многие южные народы – грузины, цыгане, турки, арабы, высокорослые этнические группы негроидной расы – в большинстве своём говорят громче итальянцев и испанцев. Некоторые восточные народы – японцы, вьетнамцы, бирманцы, индусы – общаются негромко.

Здесь, вероятно, наряду с другими факторами немаловажную роль играют место жительства и связанные с ним климатические условия. Однако по-разному, с точки зрения громкости, говорят и народы соседствующие, живущие на одной географической широте, – немцы, французы, англичане.

Речевое поведение представителя другой культуры может стать причиной конфликта. К примеру, в эфиопской культуре принято, что чем больше говорящий уважает слушающего, тем тише он говорит. Это может быть воспринято представителем западной культуры как неумение общаться или даже как неуважение к собеседнику.

Жестикуляция. Отдельную сложность представляет проблема жестов. Самым известным примером тут может быть сопровождение жестом движения головы из стороны в сторону представителями болгарской и албанской культуры при согласии. И наоборот, не соглашаясь, они кивают головой. Общение их с представителями всех других культур будет вызывать определенные сложности, только если они не договорятся о том, как интерпретировать эти жесты (в болгарской или в европейской традиции). Если во многих странах жест покручивания пальцем у виска значит «сумасшедший», то в Аргентине и Перу означает «я думаю». Таких примеров различия между культурами можно привести очень много. Однако это скорее область антропологии или культурологии, чем психолингвистики.

Этнография речи. Близка в этом отношении психолингвистике такая дисциплина, как этнография речи. Она представляет собой теорию и метод анализа языкового употребления в социокультурном контексте (изложена в 60-х годах в работах Д. Хаймза и Дж.Дж. Гамперца и развита в работах А. Сикурела). В отличие от теорий порождающей трансформационной грамматики она признаёт возможность понять роль речи как источника этнографической информации по результатам анализа дискурса. Высказывание исследуется тут преимущественно в связи с речевым (коммуникативным) событием, в рамках которого оно порождается. В этнографии речи подчёркивается культурная обусловленность любых речевых событий (например, проповедь, судебное заседание, телефонный разговор). Устанавливаются правила языкового употребления путём присутствующего наблюдения (соучастие в речевом событии), анализа спонтанных данных, интервьюирования носителей данного языка как родного.

8.6. Билингвизм

Слово «билингвизм» происходит от частички *bi*, что значит по-латыни *двойной, двоякий*, и слова *lingua* – *язык*.

Билингвизм – это способность владеть двумя или более языками. Билингв – человек, который может общаться как минимум на двух языках.

Наряду с билингвизмом встречается и знание более чем двух языков. Это называется многоязычием (или мультилингвизмом, полилингвизмом).

Многоязычие – это более общее обозначение для владения несколькими языками, и этот термин встречается наравне с термином «билингвизм». Многоязычие бывает двух видов – *национальное* (употребление нескольких языков в определенной социальной общности) и *индивидуальное* (употребление индивидуумом нескольких языков, каждый из которых выбирается в соответствии с определённой коммуникативной ситуацией).

К примеру, в Люксембурге основной местный язык – летцебургийский, а официальными языками являются французский и немецкий.

В Бельгии три государственных языка – нидерландский, французский и немецкий, в Нидерландах – английский и немецкий; на острове св. Мартина (территория Франции и Голландии) – французский, английский, голландский, итальянский, китайский; на Украине – украинский и русский; в Канаде – английский и французский (который, правда, жителям Франции не всегда понятен). Жители этих стран являются билингвами или полилингвами.

Иногда в психолингвистической литературе встречается обозначение Я1 – первый язык и Я2 – второй язык. Следует, однако, иметь в виду, что хронологически второй язык может со временем вытеснить первый. И в этой связи иногда говорят, что один из языков двуязычного индивида является доминантным, т.е. основным.

Естественный и искусственный билингвизм. Различают естественный (бытовой) и искусственный (учебный) билингвизм. При этом отмечается, что естественный билингвизм возникает в соответствующем языковом окружении (в котором присутствует и радио, и телевидение) и благодаря обильной речевой практике. При естественном билингвизме осознания специфики языковой системы может не происходить. А при искусственном билингвизме второй язык необходимо учить, прилагая волевые усилия и используя специальные методы и приёмы.

Вместе с тем возможна такая ситуация, когда иностранный язык изучается и спонтанно, и с преподавателем одновременно (на курсах так называемого включенного обучения в стране изучаемого языка). Гораздо реже встречается исключительно самостоятельное овладение иностранным языком (для этого необходима очень хорошая память и навыки лингвистического мышления). При этом человек может владеть как письменным языком (если он не живет в стране изучаемого языка) или только устным (если он живет там, или, к примеру, эмигрировал).

Выделяется несколько типов билингвизма в зависимости от критериев, которые кладутся в основу классификации.

Ранний и поздний билингвизм. По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают билингвизм ранний и поздний. Ранний билингвизм обусловлен жизнью в двуязычной культуре с детства, при позднем билингвизме изучение второго языка происходит в старшем возрасте уже после освоения одного языка.

Рецептивный, репродуктивный и продуктивный билингвизм.

Различают также билингвизм по количеству осуществляемых действий. Рецептный (воспринимающий) билингвизм существует тогда, когда человек довольствуется приблизительным пониманием иноязычной речи. Сам человек при этом почти не говорит и не пишет. Репродуктивный (воспроизводящий) билингвизм позволяет билингу не только воспринимать тексты иностранного языка, но и воспроизводить (пересказывать) прочитанное или услышанное. Продуктивный (производящий) билингвизм позволяет билингу не только понимать и воспроизводить иноязычные тексты, но и производить их. Говоря иначе, при продуктивном билингвизме человек может более или менее свободно говорить и писать на другом языке.

Одной из целей изучения иностранного языка может быть рецептный билингвизм. К примеру, некоторым людям бывает достаточно читать иноязычные книги, но нет необходимости разговаривать. Это полностью применимо к так называемым мёртвым языкам – латыни, древнегреческому и др. Но чаще цель, которую ставят при изучении и преподавании иностранного языка, – это продуктивный билингвизм.

Исследователи проблемы усвоения иностранного языка взрослыми отмечают, что усвоение языка в полном объеме возможно, лишь если оно начнётся до 12–14 лет. Взрослым гораздо сложнее изучить иностранный язык в силу ряда обстоятельств. К тому же изучение иностранного языка по достижении возраста семи лет не позволит избавиться от акцента.

Полиглоты. Конечно же, всегда существуют люди, обладающие исключительными способностями, в том числе так называемые полиглоты – люди, которые могут общаться (в пределах ограниченного круга тем, естественно) на нескольких языках. У полиглотов хорошо развита вербальная и ассоциативная память – они часто используют приёмы мнемотехники для запоминания новых слов.

8.7. Ошибки при использовании иностранного языка

Считается, что в основе билингвизма лежат те же речевые механизмы, с помощью которых осуществляется общение на родном языке, – только при билингвизме они позволяют человеку использовать две языковые системы. Иными словами, между процессами

овладения родным и иностранным языком больше сходства, чем различий. Механизмы речевой деятельности на родном и иностранном языках одни и те же, поскольку обучаемые проходят аналогичные стадии речевого развития, допускают сходные типы ошибок.

Как писал Р. Якобсон, «переключение с одного языкового кода на другой возможно и практикуется в действительности именно потому, что языки изоморфны: в основе их структуры лежат одни и те же общие принципы». Другие исследователи также отмечают, что механизм ошибок принципиально тождествен и процессу приобретения языка ребёнком, и процессу изучения второго языка взрослым.

Вместе с тем изучение иностранного языка характеризуется также отличиями от изучения родного. В частности, при изучении родного языка отсутствуют готовые схемы, затруднена возможность соотнесения языковых явлений с языковой системой (которая неизвестна). Эталоны – как языковые, так и когнитивные – только формируются в сознании ребёнка. При изучении же иностранного говорящему то и дело приходится «отключать» имеющиеся у него представления о системе и норме известного ему родного языка. Именно поэтому при переходе на другой язык человек по инерции применяет привычные ему синтаксические структуры и способы лексико-семантической категоризации. К тому же речь изучающего иностранный язык не свободна от движений артикуляционного аппарата, характерных для родного языка, что является причиной акцента. Существенно, однако, что к процессу изучения иностранного языка индивид приступает уже как «говорящее существо».

В практике преподавания иностранных языков принято следующее разделение ошибок: фонетические, графические (орфографические), морфологические, лексические, синтаксические; коммуникативные – некоммуникативные; межязыковые, внутриязыковые.

Фонетические ошибки. При фонетических ошибках происходит искажение фонетического рисунка слова или интонационной конструкции.

Акцент – это произнесение слов на одном языке со звучанием, ритмикой и интонацией, характерными для другого языка.

Существуют акценты, которые позволяют распознать в говорящем носителя другого языка. Например, смешение согласных *p* и *l* может быть характерно для носителей японского и китайского языков, что может приводить к недоразумениям (18).

(18)	Намерение	Результат
	<i>In Japan we have been very interested in Clinton's election.</i>	<i>In Japan we have been very interested in Clinton's erection.</i>
	<i>У нас в Японии вызвали большой интерес выборы Клинтона.</i>	<i>У нас в Японии вызвала большой интерес эрекция Клинтона.</i>

Графические и орфографические ошибки в написании возникают в следующих случаях:

- а) не сформирован графический навык;
- б) нет навыка перекодирования звуков в соответствующие буквы (19 – пример Ю. Басиной);
- в) нет собственно орфографического навыка, т.е. владения системой употребления письменных знаков в конкретных случаях (20 – пример Е. Васяниной);
- г) нет навыка использования «неалфавитных элементов» языка (21).

	Правильное написание	Ошибочное написание	Причина
(19)	<i>Моя бабушка была в церкви.</i>	<i>выла</i>	смешение написания русской буквы <i>б</i> и английской <i>v</i> (которая произносится по-английски как <i>б</i>)
(20)	<i>счастье</i>	<i>*щастье</i>	незнание правила о том, что сочетание <i>сч</i> может произноситься, в частности в этом слове, как <i>щ</i>
(21)	<i>МГУ им. М. В. Ломоносова</i>	<i>Университет «Ломоносов»</i>	влияние (интерференция) испанского языка, где принято такое обозначение

Морфологические ошибки. К ним относятся нарушения в согласовании единиц языка (22).

(22) *большая стол* (ср. во французском *la table*)

Лексические ошибки – это неправильное словоупотребление. Тут разделяют ошибки в языковой норме и ошибки в узусе.

Синтаксические ошибки – это отклонения в употреблении формы слова в словосочетаниях и нарушения в конструкции предложения.

Поскольку ко времени освоения иностранного языка у индивида уже, как правило, прочно установились навыки употребления родного языка, они оказывают решающее влияние на становление новых навыков. Происходит так называемый перенос уже имеющихся навыков. Он может быть как положительным (если языковые явления сходны) (23), так и отрицательным (24) (если языковые явления различаются). Отрицательный перенос получил название интерференции. Причем интерференция чаще проявляется при сходстве явлений, чем при полном различии.

(23) *Дайте, мне, пожалуйста, один кофе...*

(24) *Дайте, мне, пожалуйста, один кофе... и один булочек.*

Отметим также, что можно предсказать ошибки на основе контрастного анализа двух языковых систем. Это можно сделать на основе учёта функциональной значимости того или иного грамматического явления, частоты его употребления и его места в грамматической системе языка в целом.

Коммуникативные и некоммуникативные ошибки. При коммуникативном подходе к ошибкам различают такие ошибки, которые мешают пониманию смысла речи, и такие, которые не мешают. Так, к примеру грубирование [p] у француза для носителя русского языка не будет помехой, поскольку оно не является тут смыслообразительным.

В методике преподавания иностранного языка (*second language teaching*) считается, что нужно исправлять не просто некоторую конкретную ошибку, а именно ту установленную связь или закономерность, которая лежит в основе ошибок того же характера. Иными словами, опытный преподаватель, выслушав студента-иностранца, похвалит его, а затем предложит ряд упражнений на отработку тех языковых правил, которые были нарушены.

Межъязыковые и внутриязыковые ошибки. Ошибки в процессе использования иностранного языка практически неизбежны.

При контрастивном подходе к анализу возникающих речевых ошибок различают:

- ✓ межъязыковые ошибки (interlingual errors), связанные с влиянием родного языка на изучающего – так называемый перенос (transfer);
- ✓ внутриязыковые ошибки (intralingual errors), отражающие особенности процесса овладения языком.

Внутриязыковые ошибки как «ошибки развития» (developmental errors) связаны с тем, что изучающие иностранный язык пытаются облегчить себе задачу изучения нового для них языка, используя при этом ряд стратегий:

- 1) сверхгенерализация (overgeneralization) – выход за границы применения некоторого правила;
- 2) игнорирование ограничений на применение некоторого правила (ignorance of rule restrictions) – применение правила к языковому материалу, который этому правилу не подчиняется;
- 3) неполное применение правила (incomplete application of rules) – использование более простых правил вместо более сложных;
- 4) формирование ошибочных гипотез в отношении изучаемого языкового явления (false concepts hypothesis) как следствие неправильного понимания некоторых особенностей языковых явлений изучаемого языка и ряд других.

Отметим, что человек, изучающий иностранный язык, может не только применять новые правила (порой неправильно), но и избегать применения таких правил иностранного языка, аналогов которым нет в его родном языке. Иными словами, он выступает не как пассивный «транслятор» одной системы в другую, а проявляет речемыслительную активность. В частности, общая стратегия овладения иностранным языком может быть одним из проявлений базового психического процесса опоры на уже имеющееся знание для облегчения усвоения нового знания.

Имеются индивидуальные различия между людьми, которые определяют их способ овладения иностранным языком. Так, учащиеся могут различаться по преобладающему каналу восприятия (они могут быть зрительно-воспринимающими, слухо-воспринимающими, моторно-воспринимающими – см. работы Б. Ливер). Они могут быть экстравертами или интровертами, сенсорными или интуитивными, мыслительными или чувствующими, оценивающими или восприимчивыми. В соответствии со своими личностными особен-

ностями они будут склонны к тому или иному способу усвоения учебного материала (через чтение, на слух или в движении) и к тем или иным стратегиям овладения иностранным языком в целом.

8.8. Говорящие с языковым наследием

Известно, что монополии на владение языком не существует, язык принадлежит всему сообществу. Кроме того, один и тот же язык может быть для кого-то родным, для кого-то иностранным, а для кого-то уже не родным.

Носитель языка – представитель языковой общности, владеющий нормами языка, активно использующий данный язык (обычно являющийся для него родным) в различных бытовых, социокультурных, профессиональных сферах общения.

В последние годы появилось такое понятие, как *heritage speaker*, *heritage learner*, что может быть переведено как говорящий с языковым наследием.

Говорящий с языковым наследием – это тот, чьё происхождение и чьи родители (или воспитатели) являются носителями одного языка, но кто оказался в другой языковой среде, и не имеет возможности использовать свой родной язык в качестве основного, при этом сохраняет знание родного языка в некотором качестве, присущем носителям языка.

В США так называют, к примеру, говорящих по-испански детей из латиноамериканских семей и вообще всех тех потомков эмигрантов, кто в детстве осваивал язык родителей в семье, в основном посредством устного общения, а в дальнейшем постепенно этот язык либо утрачивал, либо сохранял в усечённом, редуцированном варианте. Например, говорящими с языковым наследием будут дети русских эмигрантов (или мигрантов из стран бывшего СССР, для которых русский был родным). Они неплохо говорят, хорошо аудируют (слышат и понимают русскую речь), но письменная речь их не развита, поскольку у них в ней практически нет необходимости. Они пишут как слышат (25 – пример Е. Васяниной):

(25) *ашипка, *акно, *синтяпр, *серца.

Некоторые методы оценки знаний, как, скажем, тесты, построенные по принципу множественного выбора, могут оказаться не очень эффективными при проверке знаний таких студентов. Из предложенных вариантов они часто способны выбрать правильный, а вот при употреблении нужной грамматической формы или синтаксической конструкции в спонтанной речи испытывают затруднение.

Если говорить о детях русских американцев, то следует отметить такие особенности их речи, которые накладываются нахождением в англоязычной среде. К примеру, в английском языке нет различия твёрдых и мягких звуков, которое важно для русского языка. В русском же языке имеются слова (прилагательные) с окончаниями на мягкую основу, что будет проявляться как в именительном, так и в косвенных падежах (26). Тем, кто получил школьное образование на русском языке, кажется очевидным, что в творительном прилагательное оканчивается на *-им*, а в предложном на *-ем*. А вот в письменных работах детей русских эмигрантов в обоих случаях встречается окончание *-ом* (27). Дело в том, что в обеих позициях звучат редуцированные гласные, мягкость-твёрдость согласного студенты на слух не различают, с парадигмой склонения прилагательных они не знакомы, что и порождает подобные ошибки. Характерно, что в устной речи студентов такую ошибку можно не заметить, а на письме она сразу видна. Это и будет составлять одну из особенностей языковой личности студентов с русским языковым наследием.

(26) Творительный: *«он пришёл с синим зонтом»*, предложный: *«я думаю о синем зонте»*.

(27) с **сином зонтом*, о **сином зонте*

В речи билингвов, и прежде всего детей русских эмигрантов, можно предположить наличие как минимум трёх этапов потери русского (родного) языка.

Первый этап – это включение иноязычных слов в ткань русского языка с изменением иноязычных слов по законам русского языка. (28 – пример участницы форума gramota.ru под ником «Тигра»):

(28) Дочь наших друзей приехала в Америку лет четырёх от роду. Примерно через год после приезда она сказала, задумчиво глядя на осеннюю природу: *«Осень... лифчики полетели...»* (слово *лифчик* образовано от английского *leaf* («лист дерева») и изменено по правилам русского языка).

Схожей будет ошибка иностранца (29), когда происходит новообразование по правилам русского языка.

(29) Девушка (полька) входит в лифт, нажимает кнопку лифта и говорит: «*Я лиф(т)чик*» (имелось в виду: *лифтёр*).

На следующем этапе происходит конструирование фраз русского языка по законам английского (30), использование грамматики чужого языка для передачи смысла на русском.

(30) А примерно ещё через год та же русская девочка спросила у родителей, когда они куда-то ехали на машине: «*Какой город мы в?*», что представляет собой кальку с английской конструкции *What town are we in?*

По мнению автора этих примеров, в первом случае (28) говорила девочка русскоязычная. Хотя она использовала не русский корень, она прекрасно преобразовала его именно по-русски, освоила на родном языке. А во втором случае (30) говорила уже девочка англоязычная, хотя ни одного иностранного слова она не сказала.

На третьем этапе дети переходят на иностранный язык, вставляя лишь изредка в него слова, которые на иностранном либо дольше объяснять, либо являются более распространёнными или более привычными (31).

(31) *When I was a kid, I was in the Lenin's мавзолей – Когда я был маленьким, я ходил в мавзолей Ленина.*

8.9. Речь иностранца

Проблематика, относящаяся к общению на иностранном языке, включает в себя и такую проблему, как речь иностранца (foreign talk).

В диалоге с носителем языка (32) происходит выяснение и уточнение носителем языка значений слов и выражений, которые неправильно употребляет иностранец, что, естественно, затрудняет коммуникацию.

И – иностранец (a nonnative speaker of English)

Н – носитель языка (a native speaker)

(32)	Оригинал	Наш перевод
И:	<i>My dock no home.</i>	<i>Моя сапага нет дом.</i>
Н:	<i>Your dock? What kind of a dock?</i>	<i>Твой сапог? Какой сапог?</i>
И:	<i>Dock. Dock. You know. It animal.</i>	<i>Сапак. Сапак. Этот животный.</i>
Н:	<i>Oh, your dog!</i>	<i>А, твоя собака!</i>

И:	<i>Yeah, do:::ck. No home.</i>	<i>Да, сапааак. Нет дом.</i>
Н:	<i>You mean you don't have a dog house?</i>	<i>Вы имеете в виду, что у вашей собаки нет дома?</i>
И:	<i>No house?</i>	<i>Нет дома?</i>
Н:	<i>You would like a doghouse for your dog?</i>	<i>Вы хотели ли бы иметь будку для собаки?</i>
И:	<i>Huh?</i>	<i>Чиво?</i>
Н:	<i>A little house. This high (gestures) for your dog.</i>	<i>Маленький дом. Вот такой (показывает жестами) для вашей собаки.</i>
И:	<i>No dog.</i>	<i>Нет собака.</i>
Н:	<i>You don't have a dog?</i>	<i>У вас нет собаки?</i>
И:	<i>Yeah. Dog go. Bye bye. Where dog? No home.</i>	<i>Да. Собака ходить. До свидания. Где собака? Нет дом.</i>
Н:	<i>O:::h!! Your dog ran away from home.</i>	<i>А... Ваша собака убежала из дома.</i>
И:	<i>Oh.</i>	<i>Да.</i>
Н:	<i>That's what you mean? You had a dog, and now he disappeared?</i>	<i>Так вы это имеете в виду? У вас была собака и она исчезла?</i>
И:	<i>Disappea?</i>	<i>Ичеза?</i>
Н:	<i>You had a dog, and now he is gone, and you don't know where he went.</i>	<i>У вас была собака, а теперь ее нет. И Вы не знаете, куда она ушла.</i>
И:	<i>Yeah. Yeah.</i>	<i>Да, да.</i>
Н:	<i>That's very sad.</i>	<i>Очень печально.</i>

Этот же разговор же между носителями языка выглядит иначе (33):

(33)	Оригинал	Наш перевод
И:	<i>My dog ran away.</i>	<i>Моя собака убежала.</i>
Н:	<i>That's very sad.</i>	<i>Да, обидно.</i>

В целом общение с иностранцем требует достаточно большого терпения со стороны носителя языка. Необходимость постоянно возвращаться к сказанному в целях уточнения напоминает переговоры, в ходе которых два человека, не совсем понимающие цели друг друга, пытаются прийти к некоторому соглашению. В англоязычной литературе этому соответствует термин “negotiation of meaning” – переговоры о значении слов.

Промежуточный язык. Такого рода непонимание носителями языка иностранцев происходит достаточно часто. К примеру, иностранцы считают, что их станут лучше понимать, если они будут говорить громче. Сложности в общении свидетельствуют, с одной стороны, об уровне знания языка, на котором находится иностранец, с другой стороны, они подтверждают существование «промежуточной языковой системы» (interlanguage, approximate system, transitional competence, idiosyncratic dialect, learner language), которая позволяет более или менее адекватно общаться на иностранном языке.

Промежуточный язык является проявлением действия психических процессов, которые обеспечивают овладение иностранным языком. Считается даже, что промежуточный язык – это отдельная языковая система, которая является результатом целостного представления изучаемого языка в сознании того, кто его изучает. В этой промежуточной системе есть правила, полученные с помощью разных стратегий. Мы уже упоминали их – это упрощение (simplification), сверхобобщение (overgeneralization), перенос (transfer). В каждый данный момент иностранный язык выступает для изучающего его как набор правил разных типов. Точнее, как набор его собственных представлений о правилах изучаемого языка.

Лингвистический юмор. Достаточно часто речь иностранца становится объектом высмеивания в лингвистическом юморе (34):

(34) Вопрос: *Что такое ту-ти-ту-ту-ту по-английски?*

Ответ: *Это китаец просит два стакана чая в комнату 22.
(Two <cups of> tea to <room> *two-two.)*

Отметим ещё раз, что особенно неудачными являются попытки носителя языка рассказать иностранцу анекдот. Чем он короче, тем больше требуется комментариев, как языковых, так и относящихся к сфере культуры, связанных с реалиями (35):

(35) *Василий Иванович, Чебурашка, Вовочка, Штирлиц.*

Обречены на неудачу попытки объяснить русские игровые выражения (36-38), поскольку они содержат большое количество семантических нарушений, которые понятны только носителям русского языка. И даже если иностранец и поймёт их, то смеяться он не будет.

(36) *He знал, да забыл.*

(37) *Лучше поздно, чем никому.*

(38) *Кто не успел, тот опоздал.*

8.10. Культурный шок

Преподавателям иностранных языков и культурологам хорошо известно понятие культурного шока (cultural shock).

Культурный шок – это состояние удивления или даже неприятия фактов культуры представителем другой культуры.

Термин «культурный шок» предложен Раверло Оберой в 1955 г. Возникая по причине несовпадения культур, культурный шок является следствием неполной аккультурации учащегося, незнания или непонимания им норм новой для него культуры. Культурный шок исчезает по мере знакомства с чужой культурой и по мере того, как забывается своя культура, с элементами которой происходит сравнение новых фактов.

Культурный шок может нести как отрицательный заряд (если, допустим, вас неожиданно обругали), так и положительный (если, допустим, вам улыбаются даже незнакомые люди).

Известно отношение русских к американской улыбке как к некоторому лицемерию. В то же время для американцев улыбка – может быть, и являясь выражением социальной тревожности, – служит таким же нулевым знаком общения, как для русских отсутствие улыбки. Состояние культурного шока испытывает каждый иностранец, но острота этого чувства беспокойства и фрустрации бывает различной на разных стадиях процесса адаптации к чужой культуре.

8.11. Аккультурация

Выделяются следующие этапы аккультурации.

1. Нулевая фаза – до отъезда за границу, когда человек испытывает либо волнение и радость, либо опасение и тревогу. Идет про-

цесс сбора информации о стране, происходит более глубокое знакомство с языком.

2. Фаза вживания в культуру. В самом начале своего пребывания в новой стране иностранец может совсем не принимать особенности культуры чужой страны, что приводит его к враждебному и агрессивному отношению. Дальнейшим следствием этого может быть даже физическое недомогание, связанное с «синдромом культурного приспособления». Язык чужой страны может вызывать неприязнь.

3. Адаптивная фаза. После некоторого примирения с той культурой, в которой он ощущал себя иностранцем, человек оказывается на следующей – адаптивной (adaptive) фазе.

4. Этап равновесия. Этап равновесия (coming to terms) может иногда начаться только после двухлетнего пребывания в чужой стране. У человека складывается более или менее объективное мнение о стране, он видит, что некоторые проблемы можно решить. Он может не соглашаться со всеми требованиями новой культуры, но учится считаться с ними; снижаются агрессивность и степень критики чужой культуры.

По некоторым данным, эмигранты в среднем испытывают стресс в течение 27 месяцев после смены страны проживания.

5. Фаза предотъездная. Иногда выделяют фазу адаптации, предшествующую отъезду домой (pre-departure phase). На этом этапе у человека, который должен вернуться домой, развиваются стрессовые симптомы, связанные с проблемой идентичности. Одной ногой он уже дома, но он ещё иностранец.

6. Адаптация по возвращении. Последний этап – состояние человека, вернувшегося домой из другой страны с чужой для него культурой. Он чувствует себя иностранцем в своей стране, постоянно обращается к воспоминаниям, сравнивает то, что он видит, с тем, что видел в другой стране. Кроме того, надо учесть, что страна, в которую он вернулся, в некотором отношении уже изменилась и, следовательно, у себя дома он действительно немного иностранец. Необходима психологическая перестройка, «адаптация по возвращении» (post-return adjustment).

Знание иностранного языка облегчает тяжесть аккультурации, но лишь частично.

8.12. Лингвистический шок

В межкультурном общении существует явление, которое по аналогии с культурным шоком можно назвать лингвистическим шоком.

Лингвистический шок можно определить как состояние удивления, смеха или смущения, возникающее у человека, когда он слышит в иноязычной речи языковые элементы, звучащие на его родном языке странно, смешно или неприлично.

Смеховой эффект в отношении иностранного языка возникает в случаях, когда нейтральное по значению слово одного языка омонимично слову родного языка, обладающему совершенно другим значением.

Так, персидское (фарси) *кефир* соответствует русскому *неверный*, т.е. принадлежащий к другой религии, нежели ислам (39), турецкое слово *kulak* по-русски значит *ухо* (40), а турецкое же *bardak* – стакан (41). Такого рода межъязыковая омонимия описана в лингвистике в своем слабом варианте как проблема «ложных друзей переводчика».

	Язык 1	Слово	Перевод на язык 2	Язык 2	Похожее слово в языке 2
(39)	<i>фарси</i>	<i>[кэфэр]</i>	<i>неверный</i>	<i>русский</i>	<i>кефир</i>
(40)	<i>турецкий</i>	<i>kulak</i>	<i>ухо</i>	<i>русский</i>	<i>кулак</i>
(41)	<i>русский</i>	<i>бардак</i>	<i>стакан</i>	<i>турецкий</i>	<i>бардак</i>

Существенным аспектом лингвистического шока является то, что непривычное или неприличное созвучие слышится не только тогда, когда имеется сегментное соответствие (слог-слог; слово-слово), но и тогда, когда такого соответствия нет. Так, в традиционной фразе советского преподавателя на уроке английского языка (39) такое «непристойнозвучие» возникает на стыке слов.

(42) *Who is absent? [хуизэбснт?] – Кто отсутствует?*

Для иностранцев в русском языке тоже встречаются языковые факты, которые кажутся им смешными или неприличными. Самый

известный пример из этой области связан с названием автомобиля «Жигули», созвучного итальянскому *gigolo* (в переводе на русский – *сутенер*). Именно это явилось причиной того, что эта машина имеет для европейского рынка второе название – «Lada». Достаточно часто переосмыслиется в сторону неблагозвучия в родном языке новая аббревиатура (43), новое слово или его сочетание с другими словами (44).

(43) «Мослесбанк» (*лесб*)

(44) *Лисма-чай* (при устной реализации на стыке слов [лис-ма-ча-й] возникает слово *моча*)

Кока-кола на китайском. В истории рекламных акций известен пример, когда компания «Кока-Кола» решила продавать свою продукцию в Китае, и перевела своё название на китайский язык. Поскольку абсолютное сходство в транслитерировании невозможно, на китайском это звучало, как «Кекон-Ке-Ла». В китайском же языке каждый слог имеет своё значение. Уже после того, как выпустили первую партию продукции на рынок, выяснилось, что в переводе с китайского (а точнее, на китайском) это созвучие может иметь несколько странное значение (45). После этого компания подошла к вопросу подбора названия более тщательно и, изучив тысячи созвучных китайских оборотов, предложила иную транслитерацию «Ко-Кой-Ко-Ле», что имело более позитивное значение (46).

(45) «Кобьла, наштигованная воском»

(46) «Полный рот счастья»

В отношении собственно письменной речи следует сказать, что таких фактов значительно меньше. Так, название детских пеленок формы *Неписо* звучит по-итальянски как [неньюко], но написанное со строчной буквы (*неписо*) может быть прочитано русскими как нечто неприличное.

В отношении родного языка такие явления тоже возможны, и возникают они, в частности, при ослышках (47):

(47) *Лучше быть мне в реке утопимому* (слышится как *утопи маму*), *чем на свете жить нелюбимому* (слышится как *не люби маму*).

Проблематика лингвистического шока вписывается в целый ряд теоретических построений. Так, в дискурс-анализе имеется по-

нятие «значение слушающего» (meaning of the hearer) как значение, которое приписывает речи слушающий. У А.А. Потемни есть рассуждения о «понимании по-своему» и о возможности обращаться к внутренней форме слова при понимании речи.

Рассуждая в этой связи о способах оптимизации межкультурной коммуникации, можно составить списки сочетаний звуков, слов, выражений, не рекомендуемых для говорения на родном языке при общении с иностранцами. Так сказать, продуктивные неблагозвучия, или продуктивные запреты. Они будут, очевидно, разного объема (так, китайцам – в силу того, что в китайском языке много слов, содержащих слог *-ху-* будет труднее общаться с русскими, чем русским с китайцами).

Списки слов могут быть составлены в отношении как устной, так и письменной речи. То же самое может быть сделано и в отношении жестов.

8.13. Языковая аксиология

Речь на иностранном языке не понятна тем, кто не владеет этим языком. Но даже не владея иностранным языком, можно понимать некоторые его слова (например, географические названия или интернациональные слова типа *astronomy*). Можно также, и не зная языка, иметь своё отношение к его звучанию и оценивать его с позиции своего языка.

Так, широко известен пример отношения к иностранным языкам Карла V, императора Римского. По свидетельствам современников, именно ему принадлежит высказывание: «У германцев язык военный, у испанцев любовный, у итальянцев ораторский, у французов аристократический». В другой интерпретации тот же Карл V говорил: «Если придется говорить с Богом, я буду говорить по-испански, так как испанский язык отличается вескостью и величавостью; если с друзьями, то по-итальянски, так как у итальянцев наречие свойское; если кого-то надо будет очаровать, то по-французски, так как их язык самый обольстительный; если же придется кому-то угрожать или говорить строго, то по-немецки, так как весь их язык угрожающий, строгий и злой». М.В. Ломоносов переска-

зал эту идею короче: «Карл пятый Римский Император говаривал, что Испанским языком с Богом, Французским с друзьями, Немецким с неприятельми, Италианским с женским полом говорить прилично».

Иными словами, считается, что разные языки пригодны (подходят) для разных действий. Это основано не столько на их грамматических, сколько на фонетических особенностях. И действительно, (48) звучит для русского уха несколько грубее за счёт звука [x], чем (49), где есть и билабиальное [в] и дважды йотированный звук [j].

(48) *Ich Liebe Dich [ix либэ dix]* – Я люблю тебя.

(49) *I love you [aj лав ю]* – Я люблю тебя.

Достаточно общеизвестен тот факт, что близкородственные языки (например, русский и украинский, итальянский и молдавский) могут оцениваться носителями как «смешные» или «детские». А прибалтийские языки для русских представляются приятными или даже несут в себе элемент эротики (50).

(50) *Этот эротический акцент из Литвы* (Муз ТВ, Москва 19.10.2005)

Н.Г. Комлев называл явление оценки иностранного языка с позиции своего родного языка «языковой аксиологией».

8.14. Межкультурные контакты

Межкультурные контакты – это контакты представителей разных культур и языков.

Межкультурные контакты могут относиться и к представителям одного языка, оказавшимся в разных культурах. В частности, эмиграция (*emigration* – от лат. *emigrare переселяться, выселяться*) означает:

1) добровольное или вынужденное переселение из своей страны в другую, вызываемое различными причинами (экономическими, политическими, религиозными и пр.);

2) совокупность эмигрантов, проживающих в какой-либо стране.

Это, например, русская эмиграция в Париже, где большинство эмигрантов являются билингвами. Хотя есть случаи, когда даже находясь в эмиграции, люди проживают в районах, где живут представители их национальности (к примеру, районами русскоязычного населения являются Брайтон-Бич под Нью-Йорком, который похож на Одессу; Северный Йорк в Торонто). В этом случае эмигрант может регулярно читать прессу, смотреть телевизор и общаться на родном языке. Однако его языковое развитие, с одной стороны, остановится на том этапе, когда он ещё был не в эмиграции, с другой стороны, в его языке появятся контаминации, вкрапления из иноязычной лексики. Вот какой анекдот (51) иллюстрирует последнее положение.

(51) *За границей входит женщина в русский продовольственный магазин и говорит:*

– *Девушка, наслаисите* (от англ. *slice* – *нарезать слоями*)
мне сосидж (от англ. *sausage* – *сосиска, колбаса*) *писиками* (от англ. *piece* – *кусочек*). *Ничего, что я по-английски говорю?*

Мы имеем возможность прожить столько жизней, сколько языков знаем. Если монолингв действует в пределах лишь одной языковой системы, то билингв может осуществлять категоризацию в двух языковых системах, при этом он не привязан жёстко ни к одной из них – он видит множественность путей номинации явлений мира и обладает большими степенями свободы.

В отношении интеркультурных контактов в педагогике существует методический принцип, выдвинутый Робертом Ладо и названный им «отношение к культуре страны изучаемого языка». Он звучит так: «За исключением тех случаев, когда культуры двух народов несовместимы (например, в военное время), нужно воспитывать у учащихся стремление отождествлять себя с людьми, для которых данный язык является родным, и дружеское понимание народа, говорящего на языке, который изучается, и не поощрять потребительское отношение к языку или же равнодушное либо отрицательное отношение к народу».

Хочется надеяться, что психолингвистика сможет внести свой вклад во взаимопонимание между представителями разных языков и культур.

ЗАДАНИЯ

- вспомните иностранные слова, чье значение шире или уже, чем их русские эквиваленты.
- Попробуйте рассказать или объяснить какой-нибудь простой русский анекдот носителю другой культуры.
- вспомните о культурных шоках, которые вы испытывали, находясь в другой культуре.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Гипотеза лингвистической относительности Сепира-Уорфа.
- Билингвизм и его типы.
- Перевод как вид речевой деятельности.
- Виды переводческих трансформаций.
- Способы создания речевой ситуации при обучении иностранному языку.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

- Понятие языковой картины мира.
- Подъязык субкультур (хиппи, панки, новые русские, «падонки» и др.).
- Психолингвистические аспекты перевода и межкультурного общения.
- Лингвистический шок.
- Лингвистические анекдоты на русском языке: их психолингвистическое толкование и возможности перевода.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

- Когнитивные стили при изучении иностранных языков.
- Ошибки в речи иностранцев (языковые закономерности и психолингвистические механизмы).
- Способности к иностранному языку (психологические и психолингвистические аспекты).

Тема 9

ПАТОПСИХОЛИНГВИСТИКА

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: эмоциональная напряженность, патология, акцентуация, психопатия, зона Брока, зона Вернике, расстройства речи, нарушения речи, афазия, дефекты речи.

Патопсихоллингвистика изучает патологические отклонения в формировании и протекании речевых процессов в условиях несформированности или распада личности.

Опишем коротко достижения этого бурно развивающегося раздела современной психоллингвистики.

9.1. Речь в состоянии эмоциональной напряжённости

Состояние эмоциональной напряженности – это психическое состояние, которое возникает в тех ситуациях, когда человек вынужден принимать ответственное решение в условиях дефицита времени.

Это может происходить в ситуациях устного экзамена, разговора с начальником, представителем власти, «выяснения отношений» с близкими людьми, нападения преступника и др. Меняется психологическое состояние человека, и, соответственно, меняются и многие параметры его речи.

Исследования Э.Л. Носенко показали, что для речи в состоянии эмоционального напряжения характерны, в частности, следующие особенности.

1) Меняется моторная реализация речи. Когда человек волнуется, то он либо говорит значительно громче, либо значительно тише обычного. Возможен также «излом» голоса (voice break); убыстрятся либо, наоборот, замедляется темп речи; произношение может становиться более отчетливым (появляется так называемое гиперпроизношение). Происходит значительное увеличение количества пауз нерешительности и поисковых пауз (паузы хезитации). При

этом паузы сопровождаются часто вздохами и нефонологическими вокальными образованиями (типа *ээ, кх, гм, мм*), количество которых превышает их количество по сравнению с речью тех же людей в обычном состоянии на 50%.

2) В состоянии эмоциональной напряжённости для речи характерна также незавершённость слова (опущение части слова, например, его конца). Это сопровождается изменениями в структуре предложения или повторениями (1). Нередко фразы не завершаются (что также является проявлением изменений в моторике). При этом предложения не завершаются ни по моторным (физиологическим) основаниям, ни логически, ни синтаксически, и, что существенно, это говорящим не исправляется.

(1) *После революции (1 сек) эти (0,9 сек) там (0,6 сек) наступила (1,2 сек) заключили (1,2 сек) этот (0,8 сек) Брестский мир* [из речи абитуриента на экзамене].

3) Изменяется грамматический строй речи: увеличивается количество существительных и глаголов по сравнению с прилагательными и наречиями, речь становится более динамичной.

4) Речь становится более упрощённой в лексическом плане – выбираются более короткие слова с наиболее высокой частотностью в языке. Возрастает количество слов-паразитов, неологизмов (новообразований) и парафазий (ошибочных употреблений слов). Появляются семантически нерелевантные повторения фраз, частей фраз (2), одного слова, слогов (персеверации поискового типа):

(2) *Я всё не знаю, может она, может оно, может она у меня / ээ со дня рождения может она у меня есть* [больная говорит об опухоли перед операцией].

Это снижение словарного разнообразия по сравнению с речью того же человека в обычном состоянии проявляется в большей стереотипности речи. Говорящий в состоянии эмоциональной напряжённости отбирает те слова, которые наиболее частотны в его идиолекте, как бы «лежат на поверхности», т.е. он в известной мере упрощает стратегию поиска слов. Эта стереотипность словаря проявляется также за счёт более частого употребления в речи различного рода шаблонных фраз, клише (3) и т.д. При этом нарушения в синтаксическом строении фраз сближают эмоциональную речь с телеграфным стилем; имеющиеся семантически нерелевантные повторы и двусмысленности затрудняют её понимание.

(3) *В общем, там правящая партия была зв... правительство было зве... были... над ними хунта учинила зверскую расправу* [из речи абитуриента на экзамене].

5) В семантическом плане речь в состоянии эмоциональной напряжённости также изменяется. Она характеризуется, с одной стороны, большей резкостью в оценках, с другой – нерешительностью. Говорящим выбираются слова с чётко позитивной или негативной коннотацией, т.е. преобладает крайняя полярность в оценках (4,5). Появляются так называемые всеохватные слова (другое название слова со значением семантической безысключительности, allness terms – термин Ч. Осгуда) (6, 7, 8).

(4) *Очень хвалят вологодских... они вологодские говорят вот нам не уступят. Там, говорят очень хорошие врачи* [из речи больного перед операцией].

(5) *У меня очень сильно плохие анализы* [там же].

(6) *И аппетит у меня стал... никак... не то, что аппетит, ни не могу ничего есть, понимаете, ничего* [из речи больного перед операцией].

(7) *Пачку папирос мне не принесет никто никогда. А я последнюю копейку всегда отдавал. И вот такая мне благодарность* [из речи подследственного].

(8)	<i>все, всех, всем, всеми</i>	<i>никто, никого, никому, ни от кого, ни о ком, ни с кем, ни к кому, ни для кого</i>
	<i>всё, всему, всем, всего</i>	<i>ничего, ничему, ничем, ни о чём</i>
	<i>езде, повсюду</i>	<i>нигде</i>
	<i>вечно, всегда, бесконечно, постоянно, беспрестанно</i>	<i>никогда</i>
	<i>полностью, совсем, абсолютно, совершенно</i>	<i>никак, ни за что, ни при каких обстоятельствах, ни в коем случае</i>

Введение в состояние эмоциональной напряжённости. Эксперименты по анализу речи людей в состоянии эмоциональной напряжённости проводятся очень просто. Экспериментатор после беседы с испытуемым даёт ему какое-либо задание (написать сочинение,

прочитать текст, решить задачу) и определяет время, через которое он придёт за результатом. Через какое-то время в комнату входит другой экспериментатор, который заявляет, что время, отведённое на решение задачи, закончилось, начинает кричать на первого экспериментатора и на испытуемого. Попытки испытуемого объяснить что-то, упросить второго экспериментатора и пр. записываются на магнитофон (диктофон). Потом его речь анализируется, а ему объясняют суть экспериментальной ситуации и оплачивают участие в эксперименте.

Ассоциативные реакции в состоянии эмоциональной напряжённости. Если с человеком, который находится в состоянии эмоциональной напряжённости, провести ассоциативный эксперимент, то мы увидим, что его реакции будут отличаться от тех, которые он давал в спокойном состоянии. Так, если в норме люди достаточно часто дают в качестве реакций на стимулы абстрактные существительные, то в состоянии эмоциональной напряженности они чаще выдают реакции с предметной отнесённостью и значительно реже абстрактные существительные (9, 10). Это объясняется тем, что абстрактные существительные появляются в речевом опыте индивида позже, а в состоянии эмоциональной напряжённости актуализируются (проявляются) более закрепившиеся, автоматизированные связи, более ранние.

	Стимул	Реакции в спокойном состоянии	Реакции в состоянии напряжённости
(9)	<i>отражать</i>	<i>настроение, взгляды, нападение, текущий момент</i>	<i>луч, шар, свет, удар</i>
(10)	<i>прозрачный</i>	<i>намёк, пелена</i>	<i>стакан, лёд</i>

Воспроизведение фразы в состоянии эмоциональной напряженности. Любопытно, что у разных испытуемых по-разному меняется скорость реагирования. Так, у испытуемых тормозного типа отмечается снижение скорости ассоциативной реакции по сравнению со скоростью этой реакции в спокойном состоянии. При этом, если стоит задача воспроизведения ранее услышанной фразы, то они запоминают лучше последние части предложений. А у испытуемых возбудимого типа происходит повышение скорости реакции, и они запоминают лучше начало фраз, которые им надо потом воспроизвести.

9.2. Речь в изменённом состоянии сознания

В последнее время в отдельную область выделилось изучение так называемых изменённых состояний сознания (altered states of consciousness).

Изменённые состояния сознания – это такие состояния организма, которые определяются экстремальными условиями под воздействием искусственных или естественных обстоятельств.

К ним относятся состояния людей, работающих в тяжелых температурных режимах (в плавильном цехе, в высокогорье, под водой, в космосе). У людей, проходящих психофармакологическую терапию или лечение гипнозом, у тех, кто находится в алкогольном и наркотическом опьянении, также отмечаются изменения в состоянии сознания, например снижение разнообразия лексикона, стереотипизация речи, упрощение синтаксиса, увеличение количества ошибок и оговорок, размывание цельности речи, в целом дестабилизация языкового сознания.

Д.Л. Спивак приводит такой пример: когда в фоновом (нормальном) состоянии на вопрос (11) испытуемый отвечает (12), на уточняющий вопрос (13) он отвечает развернуто, чем-то вроде (14). На средних стадиях (после введения определённых фармакологических средств) последний ответ звучит примерно как (15). На поздних стадиях диссолюции испытуемый в лучшем случае повторяет (16).

(11) *Как голова?*

(12) *Нормально.*

(13) *А еще как можно?*

(14) *Ну, голова у меня не болит, нормально в общем.*

(15) *Голова нормально. Ну, я сказал нормально.*

(16) *Нормально... нормально... голова.*

9.3. Речь при акцентуациях и психопатиях

Говоря о разных формах отражения действительности, можно выделить несколько форм. Во-первых, фантастически искаженное отражение действительности под влиянием социально-психологических факторов. К таким формам относятся мифы, как древние, так и временно распространяющиеся. Во-вторых, особое представ-

ление действительности может существовать как факт общественного сознания, как явление историческое, социально обусловленное (например, религия). И в-третьих, фантастическое искажение действительности возникает вследствие патологических расстройств в работе органа мысли – мозга. Границы между этими тремя формами нерезкие, стёртые и между ними есть определённое сходство.

Роль языка в процессе фантастического отражения действительности при этом достаточно велика. В частности, при некоторых психических расстройствах картина действительного мира последовательно и устойчиво искажается. Фантастически преобразованный мир замыкается вокруг психически больного человека, изолируя его от других людей. И что важно, язык постепенно теряет для больного значение или приобретает силу, которая отъединяет его от других людей. Он говорит бессодержательно, у него появляются разорванные фразы, начинается распад речи, вызванный распадом мышления и сопровождающий его.

Ещё в 1949 г. американский статистик Джордж Кингсли Ципф показал наличие количественных (статистически значимых) различий между текстами, написанными здоровыми людьми и душевнобольными. Это ещё раз подтвердило общность психических процессов, управляющих внутренней жизнью человека.

А вот что обнаружил Роман Якобсон в творчестве немецкого поэта Гёльдерлина, который в зрелом возрасте заболел шизофренией: «В тяжелобольном поэте нашла себе максимальное проявление утрата способности и воли к диалогической речи, и характернейший признак этой утраты – полное исчезновение “шифтеров”, в частности грамматических лиц и времен (показателей 1-го и 2-го лица. – В. Б.). Я убеждён, – писал он, – что эта первая рекогносцировка должна положить начало последовательным лингвистическим исследованиям психопатологической речи и поэзии, и что такие сравнительные изыскания, в частности, необходимы для всестороннего понимания языка как инструмента взаимной коммуникации и личного познания».

В работах по психиатрической лингвистике приводится много свидетельств, как меняется речь человека под влиянием того или иного расстройства его психической сферы, в частности при акцентуации и психопатии.

Акцентуация (от лат. *accentus* – ударение) – это некоторое усиление определённых психических свойств или черт характера.

Карл Леонгард [1981] предложил классификацию акцентуаций личности, которая включает в себя демонстративные, педантичные, возбудимые, застревающие и смешанные, а также гипертимические, дистимические, тревожные, эмотивные, аффективно-лабильные, аффективно-экзальтированные, экстравертированные и интровертированные акцентуации личности, а также различные сочетания акцентуированных черт характера и темперамента.

При психопатии имеется тенденция к одностороннему отбору информации, т.е. к отбору той информации, которая отвечает установкам личности и имеет для него особую значимость.

Психопатии – это группа стойких врождённых или приобретённых характерологических расстройств при общей сохранности интеллекта, приводящих к нарушениям межличностных отношений и адаптации к окружающему миру.

При всех типах психопатий (возбудимая, параноидная, шизоидная, психастеническая, истерическая, аффективная и др.) наблюдаются существенные изменения речи.

Речь при шизофрении. Особенно много работ написано о речи при таком заболевании, как шизофрения, именно в силу того, что оно затрагивает сферу мышления и речи в первую очередь. Рассмотрим некоторые особенности речи при шизофрении.

Шизофренический дефект (от греч. *schizo* – *раскалываю* + *phren* – *сердце, душа, ум*) – это необратимые изменения личности шизофреника, характеризующиеся диссоциацией мышления и аффектов.

При шизофреническом дефекте наблюдается снижение уровня потребностей, равнодушие, неспособность вступать в аффективные контакты, сочувствовать другим. Мышление становится неясным, спутанным, непродуктивным, его результаты оказываются неправильными, причудливыми. По большей части память и логичность мышления не страдают, но их применение неадекватно.

Одной из причин шизофрении может быть нарушение коммуникативной способности личности, к примеру, нарушение общения

в семье. Возможно, что весьма существенную роль в нарушении речевого и неречевого поведения шизофреников играют генетические факторы. Имеются также гипотезы о нарушениях нейронных механизмов, нарушении межполушарного баланса и, следовательно, об изменении функциональной асимметрии мозга при шизофрении. Возможно, что патология (врождённая или приобретённая) правого полушария вызывает своего рода избыток функций левого полушария. Образно говоря, речь левого полушария, высвобожденная из-под контроля правого полушария, и есть речь шизофреника.

Речь больного шизофренией абстрактна, псевдонаучна и не ориентирована на собеседника; она может быть фонетически однотонна и содержать слова, произнесённые собеседником (эхолалия), или бессмысленные выкрикивания одного и того же слова (вербигерация). Мысли больного непоследовательны и разорваны, написанные им тексты (17) приобретают форму зашифрованного письма, не подчиняющегося правилам правописания, и – это очень важно – с трудом поддаются пониманию в силу своей нецельности.

(17) *Всё или ничего – так называется цель, которая ущемляет здоровье. Исключения из правил – это достигнутые цели, которые даны на счастье. Правилom является и подписанный шизоидом текст, иначе говоря, больным шизофренией. В качестве псевдонима изымается вещь – объект здоровья. Вопрос о деньгах действует также просто как рубль. Глупость является преимуществом богатых. Это всегда раздражает бедных. Манифест – это импульс ожидания своего перевоплощения. Террористы заслуживают приветствия. Для успеха этого манифеста необходим только террор. Для того чтобы дать горилле исходную точку, нужно сказать последние главные слова. Перескакивание мыслей на бумагу это результат интеллекта и, прежде всего Кельнского суда. Мировая революция для меня – исходная точка польза с помощью работы. Труд освобождает, как заверял Вальдхейм папу римского.*

Высказывания больных этой категории часто бывают долгими, а если попытаться изложить их содержание, то порой совершенно невозможно дойти до сути вещей, понятной слушателю. Обычно в таких высказываниях неявно содержатся признаки символического мышления; возникают странные ассоциации, больной создаёт

причудливые неологизмы (и даже целые оригинальные словари и своеобразные языки). Бывает и так, что при странном и в целом непонятном содержании сохраняются в общем правильная фонетика, грамматика. И даже синтаксис и словотворчество адекватны, хотя и полны иногда необычных словосочетаний. Языковые ошибки чаще всего не отличаются от ошибок, которые бывают у здоровых людей.

Те же самые больные могут временами говорить вполне нормально, а иногда – диссоциированно (рвано). В ходе одного длительного высказывания диссоциированные фрагменты могут проявляться по-разному. Это явно выражено, например, в следующей иронической жалобе больного с диагнозом бредовой шизофрении (18).

(18) *Я действительно крайне ослабевший благодаря безответственным махинациям семей и редактора X, который нахальным образом считал уместным вмешиваться в мою жизнь и личные взгляды. Врачи, которые все это одобряли, – это одна клиника, послушная приказам тех, кто из Нафты, нефтовцев, нафцяжей, нафциков, нафцюков. Это они хотят меня заканистировать, кастрировать, да, я – психический кастрат, не верю ни в какие лекарства врачей, не доверяю людям, потому что это помачане, помахтане, вэрхмахане, Вэрхмахт. Я это знаю, ты не имеешь понятия об этом. Я знаю эти скелеты рыб, это подговаривание в пивнушках, потому что это все пивнушка, говорят, может, селёдка, может компотик, может без компотика, может чай, может бата. Знаю это хорошо, о чём тут говорить.*

Склонность к игре слов и высмеиванию воображаемых врагов реализуется в этом высказывании (18) посредством нагромождения похожих по звучанию слов, включая неологизмы, исходным моментом которых является название учреждения (*Нафта*) и которые больной искусно довел до совершенно иных, негативных понятий (*Вэрхмахт*). Здесь имеется сохранная правильность грамматики, модификация суффиксов, выражающих эмоциональные оттенки (*нафц-ик, нафц-юк*), плавное изменение корня слова, но необычайные ассоциации. Подобная игра со словотворческими конструкциями, своеобразная ирония и абсурдный юмор, встречаемый у больных, позволяют выделить в рамках шизофренического стиля «гебефренический

стиль». Такие больные могут использовать понятные только им «заклинания», отгоняя мучающих их «дьяволов» (19).

(19) *На потрылу! На фуку! На выбратнэ!*

В целом галлюцинации (восприятие без объекта) рождают очень причудливое языковое поведение.

Речь при мании. Отметим в этой связи, что мания (от греч. *mania* – *безумие, неистовство, восторженность*) имеет в психиатрии два значения: 1) психическое состояние, характеризующееся немотивированно повышенным, веселым настроением, неустойчивостью внимания, речедвигательным возбуждением; 2) патологическое стремление, влечение, страсть (например, графомания, kleptomania и др.). В данном случае мы говорим о первом понимании этого термина.

В гипоманиакальном состоянии речь больного характеризуется ускорением темпа и высокой эмоциональностью. Объём речевой продукции велик (так называемый «словесный понос»), но в ней преобладают короткие предметно-конкретные фразы. Много ассоциаций по смежности во времени и пространстве, много ассоциаций по созвучию. Наличие рифмующихся слов в речи коррелирует также со склонностью к пению. В стадии развитой мании темп и громкость речи ещё более увеличиваются. Речь гипоманиакальной личности сопровождается усиленной жестикуляцией. Предложения часто имеют незаконченный характер, состоя только из подлежащего и сказуемого.

При дальнейшем патологическом изменении личности речь становится всё менее содержательной и конкретной. При этом количество затрагиваемых проблем достаточно велико, а сама речь может носить циничный или фривольный характер. В фазе маниакального неистовства темп речи ещё более увеличивается, могут встречаться незаконченные слова, нечленораздельные звуки и крик, ещё более усиливается жестикуляция.

При фазе же двигательного успокоения темп речи замедляется, предложения становятся более законченными и содержательными, снижается жестикуляция, уменьшается количество многосложных речевых реакций. И наконец, на реактивной стадии темп речи замедляется ещё более и достигает индивидуальной нормы. К норме приходят и другие характеристики речи.

Достоевский в «Братьях Карамазовых» изображает Катерину Осиповну Хохлакову как типично маниакальную (гипертимическую или гипотимическую – по терминологии К. Леонгарда) особу. Это весёлая, деловитая и чрезвычайно многословная женщина. Последнее качество изображается писателем очень колоритно. Алёшу, пришедшего к её дочери, госпожа Хохлакова приглашает к себе «на одну только минутку», но поток ее абсурдной нескончаемой болтовни (20) не даёт гостю возможности вырваться:

(20) – *Века, века, целые века не видала вас! Целую неделю, помилуйте, ах, впрочем, вы были всего четыре дня назад, в среду. Вы к Лизе, я уверена, что вы хотели пройти к ней прямо на цыпочках, чтоб я не слыхала. Милый, милый Алексей Федорович, если бы знали как она меня беспокоит! Но это потом. Это хоть и самое главное, но это потом. Милый Алексей Федорович, я вам доверяю мою Лизу вполне. После смерти старца Зосимы – упокой Господи его душу! (она перекрестилась) – после него я смотрю на вас как на схимника, хотя вы и премило носите ваш новый костюм. Где это вы достали здесь такого портного? Но нет, нет, это не главное, это потом. Простите, что я вас называю иногда Алешей, я старуха, мне все позволено – кокетливо улыбнулась она, – но это тоже потом. Главное, мне бы не забыть про главное. Пожалуйста, напомните мне сами, чуть я заговорюсь, а вы скажите: «А главное?» Ах, почему я знаю, что теперь главное!*

В таком духе разговор продолжается ещё долго. Время от времени Катерина Осиповна перебивает себя, замечая, что она сбивается на никому не интересные второстепенные детали (21):

(21) *«Только, Алёша, ужас я что говорю, а вовсе не говорю об чем надо? Ах, само говорится!» Под конец она уж и не знает во все, зачем попросила к себе Алёшу: «Я столько хочу сказать вам, я для этого и попросила вас, но кажется так ничего и не скажу».*

Речь при депрессии. Психологически антонимической маниакальности является депрессивность. В когнитивном плане они противопоставлены следующим образом.

Мания	Депрессивность
Выдвижение на первый план перспективности бытия (тяжесть бытия «брошена», «скачка идей»)	Выдвижение на первый план аспектов заброшенности, бремени бытия с навязчивыми раздумьями соответствующего содержания
Переживание жизненного опыта в стиле приобретений («чемпион»)	Переживание жизненного опыта в стиле утрат («неудачник»)
Переживания по типу «могу и смею все», «не должен и не обязан ничего»	Переживания по типу «только должен и обязан», «ничего не могу и не смею»
Переживание радости бытия (гедонистические)	Переживание безрадостности бытия (ангедония)
Заявления «все могу»	Множественные высказывания «не могу»
Признание неограниченных возможностей для себя в жизни	Отрицание каких-либо новых возможностей для себя в жизни
Идеи неизмеримого богатства	Идеи обнищания
Убежденность в невозможности заболеть	Опасения болезни
Отсутствие всякого переживания страха и вины	Отсутствие чувств и представлений, ограничивающих и отрицающих переживания страха и вины
Переживание будущего без прошлого	Переживание прошлого без будущего
Отсутствие стойких привязанностей к объектам	Привязанность к объекту (тому или иному лицу, предмету)
Реализация себя преимущественно как Я-субъекта	Реализация себя преимущественно как Я-объекта

Речь пациентов в состоянии депрессии характеризуется наличием большого количества пауз хезитации, их длительность существенно увеличивается, особенно в диалоге. Интонационные характеристики речи при депрессии весьма бедны, они словно жалуются на жизнь всё время. Говорят преимущественно о прошлом, обвиняя

себя во многом, не видя выхода из проблем. Депрессивные личности немногословны, они говорят короткими предложениями, хотя и вполне правильными в грамматическом отношении, что свидетельствует о сохранности мышления. Однако конечной фазой депрессии может быть полный отказ от общения – так называемый мутизм (от лат. *mutus* – *немой*), что чревато суицидальным исходом.

Речь при маниакально-депрессивном психозе. Много работ посвящено изучению речи при маниакально-депрессивном психозе, который характеризуется эндогенным (врожденным) патологическим снижением эмоционального состояния при отсутствии интеллектуального снижения. Изучение речи таких больных необходимо для выявления особенностей протекания заболевания: по ним можно судить как о фазе болезни (депрессивной или маниакальной), так и о степени выраженности симптоматики.

Речь при паранойальности. При паранойальной психопатии (склонность к формированию сверхценных идей) человек предпочитает писать слова с прописных букв (*capitalisation*); чаще использует пассивные конструкции для выражения своих представлений и чувств; часто говорит о себе (22); для синтаксиса характерно некоторое нарушение связности (*freestanding sentences*).

(22) *I alone, only me, just me, I work on alone, I did it myself, were it not for me.*

Только я, я работал один, я сделал это сам, если бы не я.

Речь при эпилепсии. Характерная особенность речемыслительной деятельности больных эпилепсией – отсутствие гибкости, невозможность отделить главное от второстепенного, обилие ненужных деталей вплоть до полной бессвязности. Больные многоречивы, по несколько раз повторяют одно и то же, не могут завершить мысль («вязкость речи»), склонны к излишне частому и неоправданному употреблению цитат и поговорок, банальных и общеизвестных сюжетов и выражений. С большим трудом удаётся этим больным установить логические связи между частями речевой продукции. Отмечается несоответствие между речевым напряжением и скудностью речевого сообщения, бедностью его содержания. Речевой стиль может быть охарактеризован как сниженный, в речи

много обценных (грубых) слов и выражений. При этом возможна слащавость, связанная, в том числе и с употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

При эпилепсии возможен также регресс речи – эхολалии, персеверации, аграмматизмы, парафазии. Происходит существенное изменение лексического состава по сравнению с нормой (распределение по частям речи и частотность). Для эпилептоидов характерно стремление к дидактике, безапелляционность, назидательность (частое использование инфинитива в модальных конструкциях), подмена качественной оценки количественной.

Речь при истероидности. Речь истероида может быть лжива, изобиловать пересказами чужой речи и словами, обозначающими эмоции, телодвижения и цвета. Речь сопровождается жестами и мимикой, громким (часто не к месту) смехом. Речевое поведение в целом может быть эпатажно (вызывающе).

Проявление акцентуации в художественной литературе. Если допускать возможность психиатрического подхода к литературному тексту, то в художественной литературе можно выделить такие типы текстов, как «светлые» (основанные на паранойяльной акцентуации), «тёмные» (эпилептоидность), «весёлые» (маниакальность), «печальные» (депрессивность), «красивые» (истероидность), «сложные» (шизоидность). Существуют также «смешанные» типы текстов (например, «печально-весёлые», отражающие маниакально-депрессивные состояния). Созданы особые словари ключевых слов, характерные для разных типов текстов (23) и, соответственно, для разных типов акцентуированных личностей.

(23)

«Светлые»	«Тёмные»	«Весёлые»	«Печальные»	«Красивые»
‘чистый’	‘мрачный’	‘жизнерадостный’	‘добрый’	‘необычный’
‘истина’	‘зло’	‘деньги’	‘мягкость’	‘происхождение’
‘верить’	‘бежать’	‘летать’	‘вспоминать’	‘быть в центре внимания’
‘предатель’	‘умник’	‘эрудит’	‘смерть’	‘цвет’

Экспериментальные исследования показывают, что читатели выше оценивают те тексты, которые отражают имеющиеся у них когнитивные и эмотивные структуры.

Результаты этих психостилистических исследований были заложены в 1990-е годы в блок патологического анализа текста отечественной экспертной психолингвистической компьютерной программы ВААЛ и широко использовались в рекламе и сфере публик рилейшнз при создании текстов, рассчитанных на неосознаваемое воздействие.

9.4. Речь при отдельных заболеваниях

При некоторых психических расстройствах картина действительного мира последовательно и устойчиво искажается. Фантастически преобразованный мир замыкается вокруг психически больного человека, изолируя его от других людей. И язык постепенно теряет для больного значение. Он говорит бессодержательно, а впереди – распад речи, разорванные фразы.

Речь при болезни Альцгеймера. В последнее время актуальным – и для психолингвистики в том числе – стал анализ речи лиц с болезнью Альцгеймера, поскольку число лиц с этим заболеванием увеличивается. Их высказывания состоят из повторяющихся слов и синтагм и произносятся с одинаковой интонацией. Исследования, однако, показывают, что основная проблема этих больных связана не с лингвистическими особенностями речи (что проявлялось бы, допустим, в непонимании редких, длинных или абстрактных слов), а с когнитивными основами памяти.

Ведение дневника. В одном из случаев заболевания у пациентов сохранились дневники, которые они вели до болезни в юности. Наличие подробных описаний (24) в отличие от скупых, сделанных одной пациенткой (25) позволило сделать более благоприятный прогноз течения болезни.

(24) *Вышла в сад. Ранняя весна меня всегда радовала и зеленью листьев, и более яркими цветами. Надо подкупить удобрений для газона и пересадить гвоздики.*

(25) *Сегодня 13 октября. Пересадила цветы. Полила газон.*

Речь при болезни Паркинсона. Изучение речевых нарушений при болезни Паркинсона свидетельствует о том, что они включают разные уровни речевой продукции – от фонации и артикуляции до темпа речи, хезитаций и памяти. Основным дефектом звена порождения речи больных болезнью Паркинсона является потеря контроля над дыханием, что естественно приводит к нарушениям артикуляции речи. Речь больных характеризуется монотонностью, смазанными ударениями, нечетко артикулированными согласными, неадекватными паузами, прерывистым дыханием. У таких больных нарушено адекватное восприятие просодики собственной речи и речи других лиц, а также экспрессия собственной речи. Возникает автоэхолалия, когда пациент повторяет слова или слоги, произнесённые им последними. Темп речи больных паркинсонизмом – неровный, ускоряющийся или замедляющийся, останавливающийся. Возможны нарушения долговременной памяти на слова, неуверенность в речевом поведении вплоть до мутизма (потери речи).

Речь при расстройстве внимания. При расстройствах внимания (ADD, attention deficit disorder – гиперактивность и расстройство внимания) снижается способность удерживать длительное внимание на содержании речи. Данные психолингвистики привлекаются здесь для излечения пациентов, страдающих этим также всё более распространяющимся заболеванием.

9.5. Физиологические центры речи

Речь присуща исключительно человеку не только вследствие наличия у него интеллекта, но и потому, что в мозгу у него находятся два центра речи – зоны Брока и Вернике.

Француз Поль Брока в 1861 г. открыл в мозгу человека центр речи (позднее названный **центром Брока**), который находится в задней части лобной доли левого полушария (у левшей – в правом). Люди, у которых поражён центр Брока, понимают речь, но с большим трудом могут организовывать слова во фразы.

Второй центр речи находится в височной доле левого полушария. Он был открыт немецким учёным К. Вернике в 1874 г. У больных с поражением центра Вернике в значительной мере сохранена

собственная речь, но существенно затруднено восприятие чужой речи.

Оба речевых центра демонстрируют четкую локализацию речевых механизмов. Порождение и восприятие речи разведены как два разных механизма, хотя в норме они взаимосвязаны. Оба речевых центра соседствуют с более общими зонами деятельности: двигательным центром (для центра Брока) и слуховым (для центра Вернике).

9.6. Нарушения речи

Среди расстройств речи выделяются нарушения речи (связаны с серьёзными органическими поражениями) и дефекты речи (связаны с недоразвитием психических функций). Анализ нарушений речи в настоящее время относится не столько к психолингвистике, сколько к *нейролингвистике* как разделу психологии, посвященному изучению мозговых механизмов речевой деятельности в норме и при локальных поражениях мозга. И тем не менее мы рассмотрим здесь некоторые вопросы, поскольку они дают более полное понимание механизмов речевой деятельности в норме.

При локальных поражениях коры левого полушария мозга (у правшей) и при некоторых психических заболеваниях может возникать такое **нарушение речи**, как **афазия** (от греч. *a* – отрицательная частица; *phasis* – проявление, высказывание). Афазия, в отличие от речевых дефектов, представляет собой расстройство управления речевым процессом, это системное нарушение уже сформировавшейся речи. Такие нарушения могут затрагивать фонематическую, морфологическую и синтаксическую структуры активной и пассивной речи. Различается несколько видов афазий. (Дальнейшие сведения из нейропсихологии приводятся для правшей.)

Эфферентная афазия (от лат. *efferentis* – выносящий; эфференты – конечная часть рефлекторной дуги) впервые описана П. Брока в 1861 г. Она возникает при поражении нижних отделов премоторной коры левого полушария мозга и вызывает распад грамматики высказывания, затрудняя переключение с одного слова (или слога) на другое вследствие инертности речевых стереотипов.

Динамическая афазия проявляется в нарушениях сукцессивной (последовательной) организации речевого высказывания. Она

связана с дефектами внутренней речи и с нарушениями в звене планирования речи. Для динамической афазии характерны трудности построения связного высказывания при относительной сохранности моторных и сенсорных компонентов речи. Возникает при поражении средне- и заднелобных отделов коры левого полушария мозга. Больной может повторять слова, понимать речь, но у него нарушена способность говорить фразами — нет связности. Он не может перекодировать общий замысел в схему речевого высказывания, не может планировать свою речь. Говорит преимущественно существительными (телеграфный стиль). Затруднена актуализация слов, обозначающих действия. Пересказывая даже самый простой текст (например, сказку – 27), такой больной будет говорить очень рваными фразами.

(29) *Вот... у хозяина была курица... и золотые яйца... и он ее убил... вот.*

Для **афферентной моторной афазии** (от *afferentis* – привносящий; афференты – нервные окончания) характерно нарушение звена выбора звука. Она возможна при поражении нижних отделов постцентральной коры левого полушария. При этом виде нарушения речи слова произносятся не так, как они пишутся (26–28).

	Слово, которое говорят больному	Слово, которое произносит больной
(26)	<i>халат</i>	<i>ханат, хадат</i>
(27)	<i>дом</i>	<i>лом, том</i>
(28)	<i>папа</i>	<i>мама</i>

В тяжелых случаях спонтанная речь может совсем отсутствовать, диалогическая – грубо нарушена и характеризуется эхолалией (*echo* – отражение, *lalia* – речь) – простым повторением слов собеседника. Иногда это сопровождается эхопраксией – человек механически повторяет за собеседником движения.

Вышеописанные типы афазий возникают при поражениях в центре производства речи. У больных же с поражением зоны восприятия речи в значительной мере сохранена собственная речь, но существенно затруднено восприятие чужой речи.

В основе **сенсорной афазии** (или афазии Вернике) лежит нарушение фонематического слуха, различения звукового состава слов. Она возникает при поражении задней трети височной извилины левого полушария

При **акустико-гностической афазии** наблюдается утрата способности понимания звуковой стороны речи. Нарушена слухоречевая память, т.е. взаимосвязь между звуковым составом и значением слова. Различные слова могут звучать для больного одинаково (29).

	Слово, которое говорят больному	Слово, которое слышит больной
(29)	<i>хвост</i>	<i>гвоздь, кость, трость</i>

Акустико-мнемическая афазия – это нарушение объёма удержания речевой информации, торможение слухоречевой памяти. Она возможна при поражении средних отделов левой височной области. Это приводит к трудностям понимания длинных, многосложных высказываний, состоящих из более чем пяти-семи слов.

В основе **оптико-мнестической афазии** лежит нарушение зрительной памяти, слабость зрительных образов слов, что бывает при поражении задних отделов височной области левого полушария.

В основе **семантической афазии** лежат дефекты симультанного анализа и синтеза речи. Она возможна при поражении зоны третичной коры теменно-височно-затылочных отделов левого полушария. Семантическая афазия – это симптомокомплекс, характеризующийся нарушением понимания смысла грамматически сложных фраз, отношений между словами, выражаемых с помощью флексий, атрибутивных конструкций. Понимаются отдельные слова, но не их сочетания (30, 31). Возникает трудность в восприятии предлогов (32) и, как следствие, действий, для осуществления которых необходимо понимание пространственных отношений. С трудом понимаются сравнительные конструкции (33). Трудности возникают и в понимании сложных синтаксических конструкций, выражающих причинно-следственные отношения, а также деепричастных и причастных оборотов.

	Слова, которые понимаются	Словосочетания, которые не понимаются
(30)	<i>отец</i>	<i>отец брата</i>
(31)	<i>брат</i>	<i>брат отца</i>

(32) *Положите карандаш справа от вилки и слева от ручки.*

(33) *Коля выше Миши и ниже Васи. Кто из них самый высокий?*

В целом речь афатиков характеризуется бедностью лексики, они редко употребляют прилагательные, наречия, описательные обороты, почти не используют и не понимают пословиц, поговорок.

При афазии у полиглотов происходит потеря одного из известных человеку языков, как правило, последнего из изученных.

Среди нарушений письменной речи отмечают дислексию и дисграфию.

Дислексия, или алексия (от греч. *a* – отрицательная частица и *lexis* – слово), – нарушение процесса чтения или овладения им.

Возникает в результате поражения различных отделов коры левого полушария (у правшей). Различают несколько форм алексии. При оптической алексии не определяются либо буквы (литеральная оптическая алексия), либо целые слова (вербальная оптическая алексия). При односторонней оптической алексии игнорируется половина текста (чаще левая). При слуховой алексии как одном из проявлений сенсорной афазии возможны нарушения фонематического слуха и звукобуквенного анализа слов (у правшей). При нарушении регуляции психических процессов возникает особая форма алексии, которая проявляется в нарушениях целенаправленного характера чтения и отключении внимания.

Дисграфия, или аграфия (от греч. *a* – отрицат. частица и *grapho* – пишу), представляет собой нейропсихологическое нарушение, которое характеризуется потерей способности к письму при достаточной сохранности интеллекта и сформированных навыках письма.

Дисграфия может проявляться в полной утрате способности к письму, в грубом искажении написания слов, пропусках, неспособности соединять буквы и слоги.

9.7. Дефекты речи

К расстройствам речи относят также **дефекты** речи (от лат. *defectus* – отпадение, убывание, недостаток). Часть из них связана с голосообразованием.

Алалия (от греч. *a* – отрицат. частица и *lalia* – *говорю*) – нейрорпсихологический симптом, который характеризуется отсутствием или недоразвитием речи у детей при нормальном слухе и достаточном уровне интеллекта.

Алалия вызвана повреждениями речевых зон коры головного мозга во время родов, заболеваниями или травмами мозга в ранний (доречевой) период жизни. Алалия может быть также связана с олигофренией (органическими нарушениями). Различают моторную алалию, когда ребенок вообще не может говорить, хотя понимает обращённую к нему речь, и сенсорную алалию, когда он не понимает обращённой к нему речи, хотя и обладает определённой речевой активностью.

Дисфония, или афония – отсутствие фонации из-за нарушений голосового аппарата.

При дисфонии отсутствует звучный голос, но сохранна шёпотная речь. Дисфония возникает в силу органических или функциональных нарушений в гортани (голосовых связках, гортанных мышцах). Наблюдается, в частности, при перенапряжении голосовых связок у преподавателей, при внезапных сильных волнениях, а также при истерии.

Ринолалия (гнусавость) – нарушение тембра голоса и звукопроизношения, обусловленное анатомо-физиологическими дефектами речевого аппарата.

При ринолалии человек говорит как бы в нос (тут можно вспомнить устного переводчика иностранных фильмов эпохи перестройки, о котором говорили, что он якобы надевает на нос прищепку, чтобы не быть узнанным).

Нарушения темпоритмической организации высказываний. Ко второй группе дефектов речи относятся нарушения темпоритмической организации высказываний.

Заикание (или логоневроз) – нарушение темпоритмической организации устной речи.

Речь заикающегося человека становится прерывистой, происходит непроизвольное членение слова на слоги или звуки, возникает судорогоподобное напряжение мышц лица и речевого аппарата. Это, естественно, приводит к затруднению коммуникаций с другими людьми. Заикание проявляется в двух формах – заикание развития и реактивное заикание.

Заикание развития наблюдается в раннем детстве, когда ребенок ещё плохо говорит, не перешёл к развернутой фразовой речи и имеет немало дефектов артикуляции. Если малыша в это время учат трудным словам и конструкциям, то он может начать заикаться. В основе такой формы заикания лежит перевозбуждение речевых областей мозга ребёнка.

Реактивное заикание развивается как реакция на какое-то сильное воздействие. Оно бывает чаще всего следствием испуга, психической травмы (например, тяжёлые конфликты в семье) или длительных истощающих болезней. Нарушение регуляторных механизмов речи может быть также вызвано конституциональной нервноностью или вегетативной дисфункцией.

К изменениям несудорожного характера относятся брадилалия и тахилалия.

Брадилалия – патологическое замедление темпа речи.

Брадилалия проявляется в замедленной реализации артикуляционной речевой программы и имеет в своей основе усиление тормозного процесса.

Тахилалия – патологическое ускорение темпа речи.

Тахилалия проявляется в ускоренной ритмизации артикуляционной речевой программы и связана с преобладанием у человека процесса возбуждения.

Нарушения звукопроизводительной организации. К нарушениям звукопроизводительной организации относятся **дизартрия** – расстройство артикуляции, нечленораздельная речь – и **дислалия** (косноязычие) – нарушение звукопроизношения при нормальном слухе и сохранной иннервации речевого аппарата. Чаще всего встречаются дефекты в произношении звуков [р] и [р']. Несколько реже затруднено произнесение звуков [с], [з], [ц] (свистящих), [ш], [ж], [ч], [ч] (шипящих).

К нарушениям слуха относится **тугоухость**. Даже небольшое ухудшение слуха приводит к задержке речи. Если же ребёнок страдает значительной потерей слуха, его речь совсем не будет развиваться.

Речь при олигофрении. В рамках патопсихолингвистики можно также говорить о речевых нарушениях при умственной отсталости – олигофрении. Для детей с ранними органическими нарушениями характерно недоразвитие или отсутствие речи.

Логопедия. Исследованием дефектов речи и разработкой методов их предупреждения и преодоления занимается логопедия (от греч. *logos* – слово и *paideia* – воспитание) – отрасль специальной педагогики, которая, однако, использует данные, полученные в нейролингвистике и психолингвистике.

9.8. Язык глухонемых

В рамках нейролингвистики и анализа патологии речевой деятельности проводились и исследования по языку немых, глухонемых и слепоглухонемых.

Немота – это полное отсутствие речи, глухонемота – отсутствие речи и слуха. Слепоглухонемота представляет собой выпадение

дение зрительной и слуховой функции и нарушение на этой основе речи.

При наличии слепоглухоты в раннем детстве происходит нарушение речевого общения с людьми и, как следствие, задержка в умственном развитии. Без специального обучения не усваивается ни человеческая речь, ни правила поведения в обществе. При специально организованном обучении первоначальными средствами общения с немыми, глухонемыми и со слепоглухонемыми являются жесты, которые обозначают предметы и действия.

Мимико-жестовая речь – форма общения глухих людей, которая представляет собой сочетание естественных и условных жестов и мимики.

Жестовый язык характеризуется использованием элементов пантомимики как действий, выполняемых руками при сопровождении мимикой.

Для жестового языка глухонемых характерен такой семантический синтаксис, в котором отсутствует жёсткое членение знаков на категории, соответствующие грамматическим классам. В предложении сначала обозначается предмет, потом его качество (34); действие обозначается после объекта, на который оно направлено; отрицание следует за глаголом, вопросительное слово стоит в конце фразы.

(34) *флаг красный*

Предметы, лица и действия в жестовом языке в большинстве случаев отсутствуют. Нередко названия действия и орудия действия (35) обозначаются одинаково; нет различий между предметом действия, признаком предмета и действием, обозначаемыми в русском языке однокоренными словами (36); в ряде случаев отсутствует обозначение действия и предмета, на который направлено действие (37), действия и предмета, обозначающего место действия (38). Это отсутствие грамматических классов в мимической речи связано с её высокой ситуативностью.

(35) *топор, рубить*

(36) *чистый – чистить – чисто; храбрец – храбрый*

(37) *дойть – молоко*

(38) *мыться – баня*

Языки глухонемых различаются по регионам. Наиболее подробно исследован американский язык глухонемых (ASL – American Sign Language).

На основе жестового языка формируется также **дактильная форма речи**, когда жесты заменяются словами, которые сообщаются при помощи прикосновений руки. Впоследствии словесная дактильная речь может полностью заменять жестовую форму общения. С помощью дактильной речи возможна транслитерация (побуквенное обозначение) любых слов любого языка.

Существуют словари такого рода языков, где описывается жест и дается его графическое изображение. Вот, к примеру, как будет описано слово *психология* (39) и *психолог* (40 – оно состоит из сочетания первого жеста со вторым).

	Описание жеста	Приём для запоминания	Рисунок
(39)	Положите основание мизинца правой прямой ладони на прямо вытянутую левую руку между большим и указательным пальцем. Движение часто повторяется.	Правая рука предполагает разделение линии между левым большим пальцем и указательным пальцем. Психолог пытается разделить и анализировать разум.	
(40)	Добавьте движение, обозначающее человека.	Первое действие (указанное выше) правой руки предполагает разделение, а второе, в свою очередь, предполагает описание человека, который разделяет и анализирует разум.	

Чтение по губам. Особенности восприятия устной речи глухими является ориентация на зрительное восприятие, когда произносимые собеседником слова распознаются по движениям губ (lips reading). В норме это дополняет слуховое восприятие речи, когда оно чем-либо затруднено (шум, недостаточная громкость речи, не-

внятность произношения). Глухим и слабослышащим чтение с губ в известной степени возмещает возможность (или ограниченную возможность) слухового восприятия речи. Видеть губы говорящего нужно и людям с хорошим слухом. Сложность понимания речи человека, губы которого не видны, сможет оценить любой человек, который будет находиться к говорящему спиной.

В качестве экспертов иногда привлекают людей, которые умеют читать по губам. Их просят распознать речь людей, которых записывали на видеоплёнку, если речь последних оказалась неразборчивой.

«Чтение» слепых. Восприятие письменной речи слепыми основано на тактильном восприятии подушечками пальцев рельефных знаков – так называемого рельефного шрифта Брайля. Эти знаки наносят на металлические таблички перед кабинетами и лифтами общественных и учебных заведений для того, чтобы люди со слабым зрением могли ориентироваться там самостоятельно.

ТЕМЫ РЕФЕРАТОВ

- Физиологические центры речи.
- Нарушения речи.
- Дефекты речи.
- Язык глухонемых.
- Моторная и сенсорная афазия.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ

- Речь в состоянии эмоционального напряжения.
- Речь при маниакальной акцентуации.
- Речь при депрессии.
- Речь и мышление при шизофрении.
- Речь при эпилептоидной акцентуации.
- Речь демонстративной личности.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ

- Речь при акцентуациях и психопатиях.
- Речь в изменённом состоянии сознания.

Тема 10

СУДЕБНАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Судебные психологи помимо своей основной работы занимаются анализом свидетельских показаний, текстов допросов, анонимных текстов, содержащих угрозы, и в целом постоянно сталкиваются с отображением и интерпретацией действительности средствами языка. При этом они вынуждены использовать лингвистические знания, делая это не всегда осознано. Судебная психолингвистика призвана помочь в решении ряда проблем юридической психологии.

Судебная психолингвистика занимается анализом особенностей языкового сообщения, а также реконструкцией личности, которая стоит за текстом.

Судебная психолингвистика тесно связана с судебной лингвистикой (*forensic linguistics*), являющейся приложением лингвистической теории и методологии к проблемам юриспруденции.

В настоящее время можно выделить несколько сфер, где может быть применена судебная психолингвистика: речевое взаимодействие во время допроса, анализ свидетельских показаний, определение истинности (или ложности) высказывания, идентификация (диагностика) личности по речи. Поскольку именно последняя проблема позволяет понять сущность остальных, начнём изложение с этой проблемой.

10.1. Диагностика личности по речи

Проблема диагностики личности по речи относится к числу неоднозначных. К примеру, Л.С. Выготский писал: «Везде: в фонетике, в морфологии, в лексике и семантике, даже в ритмике, метрике и музыке за грамматическими и формальными категориями скрываются психологические». Характерно, что при этом он же утверждал, что перейти к «психологии автора на основании толкования знаков нельзя».

Вместе с тем многие исследователи в решении проблемы идентификации личности по речи опираются на идею об изоморфности неречевой и речевой деятельности. Она предполагает, что в речи человек проявляет себя не только как носитель языка, но и как личность со всеми присущими ему особенностями.

В психологии расследования преступлений существует несколько направлений психологического изучения личности автора текста, которые имеют общий объект исследования, но различаются по целям и задачам, предмету и техникам, а именно: контактное, следовое и дистанционное.

Контактная психодиагностика (contact profiling) – это составление психологического портрета личности при непосредственном взаимодействии с ней.

Следовая психодиагностика (trace profiling) – это составление психологического портрета личности по следам её жизнедеятельности (жилище, личные вещи, объекты воздействия и пр.).

Дистанционная психодиагностика (distance profiling) – это опосредованное изучение личности с помощью аудиовизуального наблюдения, изучения фото- и кинодокументов, опроса близких людей, использования техник косвенного допроса и косвенного обследования и пр. Важное место тут занимает анализ устной речевой продукции и письменных текстов, которые наверняка принадлежат или могут принадлежать изучаемой личности. Это необходимо сделать в тех случаях, когда автор текста отсутствует (убит, умер собственной смертью, находится в розыске) или нет доказательств того, что именно он является автором.

Тем самым, современная судебная психолингвистика включает в число своих задач проблему идентификации личности по речи, которая из-за неоднозначности термина «идентификация» (identification) может называться также дистантным анализом личности по речи.

Термин «идентификация» в психологии имеет несколько значений:

- 1) узнавание, опознание – обнаружение у человека характеристик, позволяющих отнести его к определённом классу или отождествить его со знакомым объектом;
- 2) отождествление – перенос эмоций, установок и поведения, естественных по отношению к одному лицу на другое лицо

(например, отождествление ребёнком учительницы с матерью или отождествление психоаналитика с отцом пациента – так называемое перенесение);

- 3) (соц. психол.) идентификация – процесс, в ходе которого индивид усваивает нормы, цели, ценности, роли и ожидания других лиц и у него формируется чувство принадлежности к единому с ними целому (т.е. социализация).

В судебной психолингвистике этот термин используется наравне с термином «диагностика» в своём первом значении.

Диагностика (идентификация) личности по речи представляет собой набор методов, которые с определённой долей вероятности позволяют определить черты, особенности, характеристики человека, который произвёл то или иное речевое высказывание (текст).

10.2. Количественные показатели речи

Существует ряд количественных параметров текста, которые надо учитывать при идентификации личности по речи.

1. Количество прилагательных, глаголов и соотношение количества глаголов к количеству прилагательных (так называемое verb-adjective ratio, или индекс Шлисмана).

Показатель соотношения глаголов и прилагательных существен прежде всего для атрибуции текста как написанного мужчиной или женщиной. В текстах, написанных мужчинами, преобладают глаголы, а в текстах, написанных женщинами – прилагательные.

Е.И. Горощко предлагает также выявлять для текстов на русском языке следующие соотношения:

- 1.1. количества глаголов к количеству прилагательных и причастий;
- 1.2. количества глаголов состояния к количеству глаголов действия;
- 1.3. количества инфинитивов к количеству глаголов;
- 1.4. количества глаголов будущего времени к количеству глаголов;

1.5. количества глаголов совершенного вида к количеству глаголов несовершенного вида.

2. Важным показателем строения текста является длина предложения как количество знаменательных или знаменательных и служебных слов, которые в него входят.

К знаменательным словам относятся существительные (и местоимения, их заменяющие), прилагательные, наречия, глаголы (и отглагольные формы типа причастий и деепричастий), числительные, а к служебным – союзы, предлоги, артикли (допустим, для английского языка). Служебные слова иногда не включают в общее число слов, так как они несут меньше информации семантического плана.

Однако проблема отнесения слова к тому или иному грамматическому классу не является столь простой, как это может показаться на первый взгляд, поскольку, допустим в русском языке, одна и та же словоформа может быть как глаголом, так и предлогом (1), либо глаголом и числительным (2), либо глаголом и местоимением (3). Некоторые языковые элементы могут также как иметь, так и не иметь самостоятельного значения, использоваться во вспомогательной функции (4).

(1) а. *На!* = *Бери!*

б. *на* – предлог (*на столе, на море, на Украине*)

(2) а. *Три!* = императив от глагола *тереть*

б. *три* = числительное

(3) а. *Мой!* = императив от глагола *мыть*

б. *мой* = притяжательное местоимение в значении *принадлежащий мне*.

(4) а. *Пойдём в кино!*

б. *Пойдём поплаваем!*

Такая омография представляет проблему для автоматического анализа текста.

При этом следует иметь в виду, что длинная фраза может сопровождаться короткой фразой, что может подчёркивать тот или иной момент содержания и создавать вполне определённый эффект, придавая тексту резкость. Такого рода вариация обычно отражается количественно в показателе дисперсии по отношению к средней величине.

Е.И. Горошко полагает, что при анализе письменного текста целесообразно учитывать также соотношение разных текстовых параметров между собой, а именно следующие показатели:

- 2.1. среднее количество слов в предложении;
- 2.2. средняя длина слова;
- 2.3. отношение количества конкретных существительных к количеству абстрактных существительных.

3. Одним из показателей индивидуализации текста является количество длинных слов. В контент-анализе это называется фог-индексом.

Контент-анализ (от англ. *content* – содержимое или содержание) – это метод сбора количественных данных об изучаемом явлении или процессе, содержащихся в документах.

Фог-индекс традиционно включается в формулу читабельности Р. Флеша, которая выглядит следующим образом:

$$R. E. = 206,835 - 0,846 wl - 1,015 sl,$$

где R. E. – сложность стиля (reading ease), wl – число слогов на 100 слов, sl – средняя длина предложения, измеренная в количестве слов.

Формула Флеша основана только на двух лингвистических переменных, как и большинство других мер, – на длине слов (в слогах) и на длине предложений (в словах). Она была установлена для английского языка как стилевая характеристика и может применяться для русского языка с определёнными оговорками, поскольку средняя длина слов в количестве слогов зависит не только от стиля, но также от типа языка (к примеру, тексты на английском языке примерно на 15% короче русских).

4. **Лексическое разнообразие.** Существенным для атрибуции текста является показатель разнообразия словаря как отношение количества различных слов к общему количеству слов в тексте (type-token ratio).

Частотность слово-типа (word type) обычно определяется путём подсчёта числа случаев воспроизведения данной лексемы (token) на большой выборке таких случаев, извлекаемой либо из разговорной речи, либо из письменных или печатных текстов. Коэффициент лексического разнообразия речи формируется из отношения числа лексем к общему числу слов текста, т.е.:

$$Клекс = L / C,$$

где *Клекс* – коэффициент лексического разнообразия;

L – число лексем в данном тексте;

C – общее число слов (единицы между пробелами) этого текста.

Значения коэффициента располагаются в промежутке от 0 до 1. Чем больше получаемая десятичная дробь, тем выше лексическое разнообразие. Иными словами, чем выше показатель *type-token ratio*, тем разнообразнее речь. Для английской газеты 40-х годов XX в. он равен 0,136.

Имеются данные о том, что этот показатель положительно коррелирует с уровнем образования автора и с его интеллектуальным коэффициентом. Иными словами, языковое разнообразие повышается с уровнем образования и интеллекта автора.

Выделяют ряд вариантов этого показателя.

- 4.1. Всеобщий показатель разнообразия словаря (*over-all TTR*), когда анализируется весь текст, длина которого известна.
- 4.2. Средний сегментарный показатель, при котором высчитывается этот показатель для отрезков текста равной длины, а затем проводится сравнение.
- 4.3. Кумулятивный показатель разнообразия словаря, указывающий на его изменение по мере роста анализируемого объёма материала.
- 4.4. Уменьшающийся (*detrimental*) показатель разнообразия словаря, при котором каждый одинаковый по размеру фрагмент считается новым текстом и слова считаются как не встречающиеся ранее. При этом анализ проводится для объёма всего текста, а не каждого данного отрезка, как ранее. Уменьшающаяся кривая показывает количество новых слов, представленных в данном отрезке. Считается, что этот показатель является более абсолютным, чем предыдущие.

Синтаксическое разнообразие. Коэффициент синтаксического разнообразия вытекает из отношения числа предложений к числу слов данного текста:

$$K_{\text{синт}} = 1 - \Pi / C,$$

где $K_{\text{синт}}$ – коэффициент сложности; Π – число предложений; C – число слов во всем тексте.

Пограничными значениями, как и в случае с лексическим разнообразием, будут 0 и 1, и чем больше дробь, тем многословнее в целом предложения данного текста, а следовательно, выше возможность разнообразия синтаксических отношений между словами в составе отдельного предложения.

Активный и пассивный словарь. Говоря о лексиконе (словаре) языковой личности, надо различать активный и пассивный словари. В речи есть активный момент, творческое овладение языком, его нормами. И это проявляется в активном использовании слов, словосочетаний, выражений, конструкций, жанров языка и речи. Но в речи есть и пассивный момент, который связан с тем, что человек может потенциально понять в языке. Пассивный словарь всегда больше активного.

По мнению Дж. Миллера, достаточно трудно получить надёжные данные в отношении количества слов, которые знает человек, поскольку мы имеем разные словари: один для говорения, другой для письма, третий для чтения.

И тем не менее проверка соотношения объёмов активного и пассивного словарей возможна. Это можно сделать так. Из словаря объёмом, допустим, в 2000 страниц отбирается случайным образом 20 страниц (что составляет 1%). Испытуемому предъявляются эти слова, и из них он должен отметить те, которые он употребляет, а также слова, которые ему знакомы, понятны, но он не употребляет их (которые, однако, он слышал, читал, или о значении которых он может догадаться). Для проверки выполнения задания испытуемого периодически просят дать определения слов, которые он отмечает как знакомые. После получения данных делается экстраполяция на весь объём словаря.

В одном из исследований (5) было обнаружено, что разница между пассивным и активным словарем составила примерно 25%.

(5)

Испытуемый	Активный словарь	Пассивный словарь	Разница
Секретарь	31 500	38 300	21,5%
Бизнес-леди (которая много читает)	63 000	73 350	16,4%
Преподаватель, читающий лекции	56 250	76 250	35,5%

К числу других важных показателей индивидуализации речи и текста относятся следующие.

1. Объём речи как количество слов, произведённых продуциентом за определённый объём времени в сравнении с другими продуциентами.

2. Соотношение жанров речи (функционально-смысловых типов речи): описание, повествование, рассуждение. Сюда следует включать:

- 2.1. количество предложений с выражением отношения,
 - 2.2. количество предложений описательного плана,
 - 2.3. количество предложений с глаголами мыслительного плана.
3. Синтаксис:

а) количество сложных предложений и в первую очередь сложноподчинённых. А также отношение количества сложносочинённых предложений к общему количеству предложений; и отношение количества сложноподчинённых предложений к общему количеству предложений;

б) количество вводных конструкций, а также соотношение количества вводных слов к количеству слов;

в) количество указательных слов, а также отношение количества указательных слов к количеству слов.

Семантические показатели речи. К числу семантических показателей речи, которые следует учитывать при количественном анализе, следует отнести в первую очередь следующие.

1. Характер использования глаголов:

а. количество глаголов, обозначающих действия, состояния, настроение;

б. количество переходных глаголов (и их соотношение с количеством непереходных);

в. количество инфинитивов;

г. количество глаголов будущего времени.

2. Количество конкретных существительных (и отношение их количества к количеству абстрактных существительных).

3. Использование пейоративной, т.е. стилистически сниженной или обценной (грубой) лексики и арготизмов.

4. Количество нарушений в согласовании единиц лексико-грамматического уровня и в целом показатели эмоциональной напряжённости речи. Сюда же можно отнести и использование слова *очень* и использование слов со значением семантической безысключительности (allness terms) типа (6).

(6) *вечно, всегда, постоянно, никогда, нигде, негде*

Когда объектом анализа является только письменный текст, то следует, помимо вышеуказанных, также учитывать следующие показатели:

1) Общее и частное количество пунктуационных знаков (точек, запятых, точек с запятыми, вопросительных и восклицательных знаков, смешанных знаков). Учёту подлежат и нарушения в постановке знаков. Важны также авторские предпочтения в их постановке (более частом по отношению к норме).

2) Количество и качество параграфемных и шрифтовых символов. Последние (например, так называемые смайлики) получили особое распространение в текстах, появляющихся в Интернете, и переносятся многими современными средствами массовой информации в другие печатные материалы, что является одновременно показателем кодификации этих знаков (вхождение в норму).

3) Количество и качество орфографических ошибок.

Учёт этих параметров количественного анализа текста используется в целях определения личностных особенностей его автора и обладает большими возможностями, в том числе и для создания экспертных компьютерных систем атрибуции текстов. Мы рассмотрим проблемы автоматического анализа текста в разделе о прикладных проблемах психолингвистики.

10.3. Анализ личности по устной речи

Проблема диагностики личности по речи распадается на ряд проблем:

- 1) какой материал подлежит анализу;
- 2) каковы цели анализа;
- 3) каковы критерии оценки;
- 4) кто оценивает.

Выше мы рассмотрели критерии оценки письменной речи как материала анализа. В то же время на сегодняшний день достаточно актуальными остаются экспериментальные исследования проблемы идентификации личности по устной речи и голосу.

К примеру, объектом анализа может быть речь подозреваемого, записанная по телефону или с помощью подслушивающих устройств. При анализе переговоров с террористами, когда нет пря-

мого контакта с говорящим, важно иметь информацию о нём для принятия правильных решений. Если же с говорящим есть устойчивая обратная связь, и возможность проанализировать ответы собеседника на поставленные перед ним вопросы и задания (подобные тем, что имеются в тестах и опросниках), то это помогает получить информацию об особенностях интеллектуальной сферы.

Что касается тех людей, которые проводят анализ, следует сказать, что это должны быть специально подготовленные лица, прошедшие углубленную подготовку в области лингвистики (знакомые с фонетикой, фонологией, психоакустикой, интонацией, просодикой, диалектологией) и психологии (знакомые с психологией и физиологией речи). Кроме того, они должны обладать юридическими знаниями, позволяющими им правильно понимать и отвечать на поставленные следствием вопросы. В настоящее время в России ведётся подготовка таких специалистов в Российском федеральном центре судебной экспертизы при Минюсте РФ по специально разработанным программам.

Характеристики устной речи. К основным характеристикам голоса относятся тембр, высота основного тона, громкость. При этом В.Х. Манёров, в частности выделяет габитусные качества голоса и индивидуальные (процессуальные) характеристики протекания речи.

Габитусные качества голоса – это:

1. Высота тона (голосовой регистр), который коррелирует с громкостью речи:

- а) высотный диапазон (широкий, средний, узкий),
- б) высотный уровень (высокий, средний, узкий),
- с) высотный контур (плавный, изрезанный, монотонный),
- д) направление движения тона в завершении фразы (восходящее – резкое, плавное, ровное; нисходящее – плавное, резкое),
- е) локализация выделенности элементов речи.

2. Громкость: шёпот (20 дБ) – тихо (25 дБ) – интимный разговор (30 дБ) – средний (55 дБ) – громкий (60 дБ) – вне помещения (80 дБ). Иногда просто выделяют малую, среднюю и большую громкость.

3. Звучность (объём, звучание).

4. Тембр (окраска звучания). Например, хриплый, придыхание, дрожащий, ворчливый, скрипучий; ясный – звонкий – глухой, сжатый, светлый – тёмный.

5. Длительность (объём речевой продукции).

Индивидуальные (процессуальные) характеристики протекания речи. Это:

1. Темп речи. В среднем мы произносим 4,5 слога в секунду, что составляет 270 слогов в минуту. Выделяют следующие типы темпа: быстро и много пауз / быстро и мало пауз / медленно и много пауз / медленно и без пауз.

2. Ритмика. Ритм может быть: ровный – неравномерный – циклический (правильный) – текучий – угловатый – сверхнапряжённый; неравномерный (показатель эмоциональной неустойчивости); угловатый (возможно при шизотимии); сверхнапряжённый (характерно для акцентуированной личности с недостаточной уверенностью в себе); слишком чёткий ритм (может встречаться у умственно отсталых).

3. Анализу также может быть подвергнута артикуляция: Она бывает: равномерная – небрежная – средняя – хорошая – чёткая – форсированная. Имеет значение и качество артикуляции. Так, к примеру четкая артикуляция – показатель внутренней дисциплины, а нечёткая артикуляция может свидетельствовать о неуверенности, слабоволии (хотя у британцев это может быть средством самозащиты). Иными словами, даже артикуляция может быть связана с разными культурными нормами.

Анализу подлежит и ударение (другие названия: акцентуация, выделение, лингвистический стресс). Эти акустические и фонетические параметры речи имеются в речи любого человека. Однако их набор и сочетание позволяют построить индивидуальный речевой портрет говорящей личности.

Устная речь и личность. По голосу можно узнать о двух основных *физических состояниях*:

- торможение (усталость, тяжесть, расслабленность, слабость, вялость, бессилие, депрессия, сонливость, состояние полусна, изнеможение, апатия, безразличие);
- возбуждение (волнение, нервозность).

Можно также сказать, настроен ли человек на выполнение какого-либо (в частности, противоправного) действия, т.е. есть ли в нём уверенность или, наоборот, для него характерна растерянность. Каждый из этих признаков имеет градацию. Так, уверенность может иметь такую градацию: эмоциональный подъём, хорошее настрое-

ние, спокойствие. А растерянность – неуверенность, задумчивость, равнодушие, безразличие, доверчивость, участливость, угнетённость, подавленность, безнадежность, размышление.

По голосу можно узнать и о таких *эмоциональных состояниях* человека, как

- тревога (испуг, страх, ужас),
- раздражённость (недовольство, гнев, злоба, возмущение, ярость, ненависть, угроза, негодование),
- радость (восторг, удовлетворение, восхищение, полное удовлетворение, счастье),
- печаль (грусть, тоска, отчаянье),
- огорчение (горечь, горе, сожаление).

По голосу можно узнать, выражает ли говорящий

- насмешку (ехидство, усмешка, издёвка),
- обиду (досада),
- нежность.

Иными словами, каждое эмоциональное состояние человека представляет собой некоторый континуум, который проявляется в речи и может быть определён экспертом с достаточно большой долей вероятности. Для этого эксперт должен обладать знанием вышеописанных параметров и навыками практического анализа устной речи. Этому можно обучиться, если сравнивать фразы попарно: одну без коннотативного эмотивного значения (нейтральную), другую – с коннотативным значением (сказанную в эмоциональном состоянии).

В частности, по данным Р.К. Потаповой, по убыванию степени громкости и темпу можно выстроить значения в такой последовательности: ярость – страх – радость – тревога – тоска. Если высотный диапазон широкий, то это ярость, радость, страх; если низкий, то тревога и тоска. Если рисунок контура высоты основного тона изрезанный, то это ярость, страх, тревога, если плавный, то тоска. Если направление движения основного тона в завершении фразы резкое нисходящее, то это ярость, страх, тревога, если плавное нисходящее, то тоже тоска.

Есть и попытки многомерного анализа личности по речи. Так, по данным многочисленных исследований К. Шерера, высокая частота основного тона положительно коррелирует с компетентностью и доминантностью (стремлением к руководству другими). Она же указывает на женственность и социализованность. Низкая частота

основного тона характеризует лиц, ориентированных не на задание, а на подчинение, и тем самым указывает на депрессивность. Женщины с высокой частотой основного тона речи (говорящие громко) могут быть охарактеризованы как терпеливые, доброжелательные, понимающие, искренние, надёжные, порядочные, ответственные, организованные, консервативные, но в то же время флегматичные, простые, медлительные и стеснительные. Громкий и сильный голос характерен для экстравертов. Голос с придыханием (*breathy*) указывает на интроверсию, невротичность и тревожность. Резкий, металлический и звучный голос указывает на эмоциональную стабильность, экстраверсию и доминантность.

Паузы и продолжительность речи также являются значимыми. Так, короткие периоды перед началом речи, меньшее количество пауз заполнения (типа *мм*, *хм*) и меньшее количество пауз молчания (более 2 сек) характерны для экстравертов.

Повышенная чувствительность к обратной связи со стороны слушающего – и в частности частые переспросы – характеризует высокую невротичность говорящего.

Учёт культуры говорящего при диагностике. Конечно, особенности речи не могут быть однозначно атрибутированы как те или иные без учёта того, на каком языке говорит человек, а точнее, в рамках какой культуры произведена его речь.

Например, высокий уровень мускульной напряженности голоса (повышенная громкость) характерен для представителей общества с приверженностью к правилам и дисциплине, а также там, где высоко ценится самоконтроль.

Естественно, что многие характеристики речи становятся более заметны при сопоставлении одной культуры с другой. К примеру, китайцы и тайваньцы говорят, с точки зрения европейцев, очень громко, а русские по сравнению с американцами говорят тише.

10.4. Идентификация личности по почерку

Одним из достаточно давно существующих методов определения личности по речи является графологический метод исследования личности по её почерку.

Почерк – след движений руки человека, остающийся при написании текста.

Поскольку почерк человека обладает своеобразием, и при этом относительно устойчив, то, как правило, можно установить принадлежность определённых образцов почерка конкретному лицу.

Графология (от греч. *grapho* – пишу, черчу, рисую и *logos* – учение) – это набор некоторых неverified предположений о почерке и связи его с личностью.

Графология возникла как попытка понять особенности пишущего человека как личности. Еще император Нерон писал: «Я боюсь этого человека, так как его почерк показывает его предательскую натуру». А Конфуций предупреждал: «Бойтесь того, чей почерк напоминает тростинку на ветру». Возникновение графологии связано с именем итальянца Камилло Балди, который в 1622 г. написал «Трактат о том, как выявить характер и качества пишущего».

В графологии выделяется несколько категорий знаков, которые подлежат анализу:

1) Организация текста на странице, заполнение страницы, поля. Предполагается, что это указывает на способность автора к приспособительной деятельности и его отношение ко времени и пространству.

2) Размер букв. Принимается средняя величина букв, равная от 1,5 до 2,5 мм; предполагается, что меньший или больший размер указывает на воображение автора и его представление о себе.

3) Нажим ручки на бумаге и разница в нажиме. Предполагается, что это указывает на жизненную силу, оригинальность и энергичность автора.

4) Форма букв (угловатая, элегантная, нечитабельная), а также соединение букв (петлями, гирляндами). Предполагается, что это указывает на вкус, идеалы, характер человека, его оригинальность.

5) Скорость письма, по мнению графологов, указывает на скорость мыслительных и нервных процессов автора. Медленное письмо также может якобы указывать на тенденцию к скрытности.

6) Наличие исправлений и правок. Может указывать на необходимость додумывания замысла.

7) Направление письма: наклон линий (связывается с настроением) и наклон букв (связывается с активностью и позитивностью мышления).

8) Дополнительные особенности: пунктуация, подпись, написание цифр.

9) Верх и низ страницы.

К сожалению, объяснение особенностей почерка в графологии не подкреплено экспериментально, а многие описания сделаны слишком образным языком, что, с одной стороны, делает их доступными людям без специального образования, с другой стороны, делает их менее доказательными и, следовательно, менее научными (7).

(7) В старой английской культуре количество свободного места на странице указывало на ранг личности, которому адресовалось письмо (рыцарь, господин и др.). Письмо королю или королеве начиналось с середины страницы. Если пишущий оставляет большое место сверху страницы, то тем самым он указывает на свою сдержанность и на уважение к адресату.

В соответствии с некоторыми представлениями почерк как проявление речевой деятельности человека зависит от направленности личности. Так, почерк экстраверта может характеризоваться наклоном вправо, а интроверта – влево. Сильный нажим может быть характерен для доминантных личностей, слабый – для неуверенных в себе. При тревоге и возбуждённости графика жёсткая и неправильная, при утомлении уменьшается наклон и увеличивается длина слов.

Почерк и болезнь. Болезнь Паркинсона характеризуется искаженным начертанием букв, микрографией (очень маленькими знаками). У больных раком увеличивается расстояние между буквами, появляется больший наклон влево и уплощаются овальные знаки, дрожит рука на закруглениях. При гипертонии появляется угловатость почерка, он становится более упорядоченным, нажим более жёстким. При нарушении функций мозжечка (мегалогRAFия) почерк становится неровным, буквы чрезмерно крупными.

Почерк и изменённое состояние сознания. При наркотическом одурманивании снижается темп письма, появляется небрежность, переход от привычного право- и левонаклонного письма к прямому

(у тех же, кто писал прямо, почерк становится более качающимся), отмечается резкое уменьшение вариативности почерка. Не соблюдаются линии полей, имеется тенденция к микрографии.

Почерк и акцентуация. Есть данные и о том, что в почерке проявляется характер человека в его ярко выраженной форме – акцентуации.

Паранойальность (как склонность к образованию сверхценных идей) проявляется нередко в большем количестве прописных букв, более частом начале с красных строк. Возбудимость (как характеристика эпилептоидной личности) проявляется в мелком почерке, в обилии знаков препинания и сильном нажиме. Истероидность (желание обратить на себя внимание) – это прежде всего завитушки, витиеватость (в частности, в подписи), «открытые» буквы, волнистость линий букв. Депрессивность (сниженный фон настроения) характеризуется наклоном линий (строчек) вниз в конце строки, слабым нажимом, маленьким межстрочным интервалом и маленьким расстоянием между буквами, словами и полями. К примеру, В.Н. Образцов в 1904 г. писал: «Меланхолики почти всегда имеют почерк нежный, мягкий, слабый, женский... Они иногда не дописывают слова по нерешимости. Периоды (синтаксические. – В.Б.) их невелики». Маниакальность (повышенное настроение) – проявляется в крупных по размеру буквах, в размашистом почерке. Маниакально-депрессивные расстройства могут проявляться на письме в волнистых строках.

В последнее время во многих культурах наблюдается тенденция к унификации подчерка – использование так называемых block letters. Во-первых, так учат в школе, во-вторых, это требуется при заполнении различных анкет. В-третьих, распространение машинописи, а затем компьютеров снижает степень проявления личностного начала при графическом выражении смысла, а, следовательно, снижает роль почерка как материала для идентификации личности.

Почерк на иностранном языке. Эксперименты показывают, что индивидуальные особенности почерка сохраняются и когда человек пишет на чужом для него языке (в частности, это относится к полям и отступам от верха страницы, а также к наклону букв).

Таким образом, графологический анализ (или графологическая экспертиза) – это анализ индивидуальных особенностей почерка с

целью идентификации текстов (подписей, надписей) или с целью исследования психических состояний, так или иначе отражённых в рукописном тексте. Методы графологического анализа используются для диагностики в дифференциальной психологии и психофизиологии, так как в особенностях почерка отражаются некоторые состояния и черты личности.

Почерковедение. В криминалистике более распространён термин «почерковедение», и этот анализ достаточно часто применяется для определения того, кому принадлежит тот или иной текст.

Почерковедение – исследование почерка с точки зрения отражения в нём индивидуально-психических особенностей пишущего.

В целом же задачи психологического плана решаются с помощью почерковедческой экспертизы гораздо в меньшей степени или, по крайней мере, предположения выдвигаются с очень большой долей осторожности.

Носитель информации. Для анализа содержания текста не важно, в каком виде и на каком носителе был зафиксирован текст. Вместе с тем именно это может иметь значение для понимания более широкого контекста деятельности лица, вовлечённого в юридическую ситуацию. От того, был ли текст создан на печатной машинке, или на компьютере, карандашом на сигаретной пачке, или губной помадой на зеркале в туалете, острым предметом на стене, или чернильной ручкой на бумаге с водяными знаками и др. зависит его длина, стиль, ответственность. В любом случае учёт материального носителя информации может помочь следователю в поиске исполнителя.

Расположение на странице. В одном из случаев с подложным документом (пример А.А. Леонтьева) автор утверждал, что его запись является не только дословной записью слов другого лица, но и производилась им синхронно в момент говорения. Анализ же показал, что в тексте было не очень много сокращений, а когда они встречались, то они были неоднотипными.

Кроме того, описание очень важного момента содержания (из речи другого человека) было осуществлено с переносом части слова и, соответственно, фразы на другую страницу (хотя имелось место на предыдущей). Именно это и позволило экспертам сделать вывод о том, что предъявленный в качестве аутентичного текст является реконструкцией, т.е. более поздней версией, которая могла оказаться не дословной записью (за говорящим), а доработанной и, соответственно, измененной более поздней реконструкцией.

10.5. Речь человека – продолжение его психологии

Эмпирически доказано, что огромная синонимия слов и грамматических структур естественного языка позволяет выразить в речи какое-либо содержание практически бесконечным числом возможных вариантов высказываний. «Вариативность человеческого языка, – писал Л.С. Выготский, – приводит к тому, что мысль может быть высказана разными грамматическими структурами, а за одной и той же грамматической формой могут скрываться разные мысли». Отметив в этой связи, что образно говоря, речь человека есть проявление и продолжение его психологии, как индивидуальной, так и социальной.

Это в полной мере проявляется в психолингвистических исследованиях.

Эксперимент с описанием мультфильма. В одном из экспериментов 25-ти испытуемым было предложено описать одним предложением просмотренный короткий мультфильм. В результате были получены 25 разных предложений. (Отметим, что еще Н. Холмский отмечал, что число предложений, которыми может потенциально оперировать человек, намного превышает число секунд всей его жизни).

Кроме того, испытуемые получали инструкцию о том, что участвуют в исследовании навыков устной речи, в связи с чем необходимо как можно больше говорить в течение пяти минут о любом запомнившемся событии из своего опыта. Рассказы испытуемых фиксировались на магнитофон, затем были переведены в письменный текст для дальнейшей обработки. Анализ текста проходил

по следующим параметрам: длина рассказа, количество существительных, прилагательных, глаголов и наречий, местоимений, союзов, сорных слов. Показатели, которые определялись относительно текста данной длины, были следующими: общая сумма основных частей речи, примерная длина предложений, словарное разнообразие.

Исследование структуры лексико-грамматических показателей устной речи позволило наметить разные уровни регуляции порождения высказывания, из которых одни были обусловлены лингвистическими механизмами, другие связывались с проявлениями индивидуально-типологических особенностей личности в речевой деятельности.

Мэрит и Чэтвел. Говоря о проблеме идентификации личности по речи, нельзя не упомянуть о широко известном исследовании Ф. Сэнфорда, проведённом ещё в 1942 г. Двум испытуемым дали ряд речевых заданий. Их попросили прокомментировать изображения на картинах, описать знакомые им сцены, создать рассказ на основе трёх и десяти слов, а также пересказать нарративный (сюжетный) текст письменно. Затем было измерено количество слов, произведенных ими, скорость их речи, а также сделано описание того, какие лексические, грамматические и семантические категории присутствовали в ней.

Оказалось, что речь одного испытуемого (по имени Меррит – Merrit) была достаточно сложна: в ней было много сложноподчиненных предложений, длинных фраз с обоснованиями, вводных оборотов, много повторов и показателей неуверенности; глаголы использовались преимущественно в будущем времени и совершенного вида (*perfect and pluperfect reference*), и в целом речь была статична. Речь второго испытуемого (по имени Чэтвел – Chatwell) представляла определенную противоположность первому. У него не было повторов, речь отличалась большим разнообразием (так называемый *type-token ratio* – отношение количеств словоформ к общему количеству слов было выше среднего), использовалось больше глаголов. Речь была более красочной и эмпатичной, прямой, активной и уверенной. Он стремился не столько описывать внешний мир и его связи, сколько выразить свою индивидуальность и поразить аудиторию.

Вывод, к которому пришли исследователи, звучал так: описание речи человека может представлять собой описание человека в целом.

Речь экстравертов и интровертов. Существует немало работ, где описывается речь экстравертов и речь интровертов. Так, в частности, имеются данные, что экстраверты используют в речи больше глаголов, чем прилагательных, их речь более разнообразна по тематике, фразы короче, нежели у интровертов.

Одна из исследовательниц [М.Л. Николаева], поставив цель изучить динамику устной спонтанной речи под влиянием ситуаций эмоционального напряжения в зависимости от индивидуальных особенностей, использовала психологические тесты Г. Айзенка и Р.Б. Кеттела. Она обнаружила, что в группе, где преобладали нетревожные экстраверты, ситуация эмоционального напряжения повышала словарное разнообразие и длину рассказа, тогда как в другой группе испытуемых – тревожных интровертов – эта же ситуация выявила резкие деструктивные показатели нарушения речи, выразившиеся в стереотипности словаря, увеличении количества сорных слов, уменьшении длины сообщений.

Составить общую картину корреляций между особенностями языка и особенностями психики человека на сегодняшний день не представляется возможным. Большое количество накопленных разнородных данных рано или поздно будут собраны в общую картину, которая позволит проводить параллели между языком и человеком.

Длина слова и акцентуация. По данным, полученным К. Шерром, если человек использует длинные слова, т.е. слова, состоящие из 10 и более букв, это не является показателем точного стиля, но скорее указывает на пространный стиль. А этот пространный стиль отрицательно коррелирует со шкалой истерии и интереса к искусству. Иными словами, человек, получивший высокие баллы по шкале истерия в ММРІ, не склонен к употреблению слов длиной более 10 букв.

Речевая маска. Известно, что речевая продукция может возникать под влиянием недавно прочитанных текстов. Тексты, написанные под впечатлением сильного воздействия, отличаются от

текстов, написанных по собственному волеизъявлению, рядом параметров.

Во-первых, автор (а точнее, репродуцент) находится под сильным влиянием языкового стиля текста-оригинала. Он может быть захвачен образностью и метафоричностью текста-оригинала, но не проникать в них глубоко эмоционально. Это будет характерно прежде всего для людей с развитым языковым чутьем. Тут можно различать явление языковой и психологической маски. Например, языковой стёб, языковая игра, выпендрёж, использование языка «падонков» может быть временным искажением речи, не связанным с реальной личностью глубоко.

Во-вторых, автор в некоторых случаях может надевать своего рода маску ученика. Он стремится подстроиться под автора, под его стиль. Это может быть удачным, в частности, в следующих случаях:

а) чувственности, эмоциональности и подверженности чужим настроениям, может способствовать депрессивность;

б) истероидность как пластичность психики также может быть связана с умелым подражанием. Так, актёр может хорошо сыграть совершенно чуждые ему состояния;

в) некоторые разновидности шизоидности.

Иными словами, анализ текстов, написанных под влиянием прочитанных произведений, осложнён рядом факторов, которые следует принимать во внимание при анализе. Вопрос же о том, как определить, надел ли автор текста речевую маску либо это присущий ему стиль, остаётся открытым.

Термин «речевая маска» может иметь корреляты в литературоведении, где есть близкое этому понятие «образ автора». Ряд исследователей даже утверждают, что мы не можем исследовать автора, потому как в тексте он (как личность) не «присутствует», а есть лишь образ автора (как писателя).

Роль эксперта в диагностике личности. Диагностика личности по речи требует определённых навыков. Во-первых, надо обладать чувствительностью к языковой форме, к поверхностным структурам речи, знать закономерности выражения смысла с помощью правил языка. Во-вторых, надо знать, какие характеристики могут быть выявлены. Это могут быть как личностные, так и социальные характеристики продуцента. Говоря о диагностике личности по речи, В.Х. Манёров вводит понятие социальной интерпретации речи.

Социальная интерпретация речи – это процессуальный аспект понимания, приписывание значений эмпирически ненаблюдаемым сущностям, таким как личностные и социальные характеристики, по их речевым проявлениям.

Отмечается, что на начальной стадии общения индивидуальные особенности личности нивелируются и сглаживаются, поэтому тот, кто пытается узнать о говорящем больше, нежели он говорит о себе сам, не имеет возможности сказать о собеседнике ничего определённого, а может лишь догадываться о чём-то. Поиск информации о собеседнике возникает на следующей стадии контактного общения.

Как считают исследователи (А.А. Бодалев), правильное понимание коммуниканта возникает при не очень долгом и близком знакомстве, впоследствии же критерии оценок меняются, и может возникнуть фаворитизм (предвзятость). Иными словами, нередко эксперты создают образ диагностируемой личности, которая скорее является образом этого человека, но не соответствует реальному человеку. Дело в том, что эксперт привносит своё собственное видение, интерпретирует услышанное или увиденное.

Именно поэтому комплексный подход к проблеме речи как объекту психодиагностики предполагает изучение её не изолированно, а в определённом контексте: говорящий – речь – слушающий – образ говорящего (В.Х. Манёров). Это требует исследования не только вопросов структуры личности говорящего, самого высказывания, но и субъективного аспекта восприятия экспертом речи.

В целом, применение ряда процедур экспертных оценок к оценкам характеристик человека, речь которого диагностируется, показало, что эффективность оценивания человека по речи в большей степени зависит от личностных качеств эксперта и значительно меньше от характеристик объекта оценивания.

К примеру, интровертированные и тревожные испытуемые приписывали дикторам (тем, чья речь анализировалась) качества, сходные с собственными, в то время как доминантные испытуемые обнаруживали тенденцию наделять человека качествами противоположными тем, которыми обладают сами. Среди изученных ка-

честв личности доминантность носит более всего субъективизма в интерпретации других по речи. Экстравертированные испытуемые по сравнению с интровертированными выявили тенденцию выступать более надёжными экспертами в оценивании других по речи. Тревожность экспертов влияет негативно на результаты оценивания по речи.

В отношении диагностики говорящего по устной речи обнаружена следующая закономерность. Наиболее точно определяется возраст, а также широкий круг социальных черт: уровень образования и речевой культуры, принадлежность к некоторым речевым профессиям. В то же время особенности внешности, конституции, личностные качества, профессиональная принадлежность в целом по речи опознаются неверно.

Личность автора в объявлении о знакомстве. Появившиеся в конце XIX в. в Англии объявления о знакомстве через газету развились в настоящее время в достаточно стандартный жанр опосредованного – прежде всего Интернетом – общения.

Они обладают определённой структурой: автор говорит о своей социальной роли, указывает на свои физические характеристики, пишет о своих морально-этических качествах. При этом он выдвигает определённые требования к личности партнера, в частности, ему также важна социальная роль партнера, его физические и морально-этические характеристики. Важным компонентом текста является указание на цель знакомства.

В текстах объявлений можно увидеть различия по преобладающей модальности – зрительной (8), слуховой (9), кинестетической (10).

(8) *яркая блондинка*

(9) *люблю музыку*

(10) *с мягким характером*

При том, что большинство текстов стандартны (10), по стилистическим характеристикам тексты объявлений о знакомстве также могут различаться.

(11) *Мне 47/172/87 свободная, приятная, верная, для дружеских встреч на моей территории познакомлюсь с мужчиной без в/пр (без вредных привычек. – В.Б.) и проблем.*

Немало лаконичных текстов (12):

- (12) *Симпатичный москвич, бывший военнослужащий 68/171, создаст семью с одинокой симпатичной женщиной без жилищных проблем.*

Можно предположить, что автор такого текста привык к дисциплине и порядку. И он ищет такую же дисциплинированную и ответственную жену.

В текстах на русском языке много текстов с отрицаниями (13, 14):

- (13) *Я не урод, не дурак, не бродяга. У меня пока нет в Москве жены, детей, квартиры и работы, но есть серьёзные намерения. Если вам нужен в мужья нормальный русский мужчина, то напишите мне 34/175/77, разведен, юрист, не курю.*

- (14) *Иван, 32/180/66, тихий, скромный, верный, с заметным чувством юмора, проблемами не интересуюсь, зла не держу, со скукой незнаком, живу в творческом одиночестве, по наитию. Ищу девушку, не из общества, тем более не из высшего, в общем не от мира сего!*

Немало эмоциональных текстов (15):

- (15) *Наступили зимние холода, так хочется согреть душевным теплом, милую, интеллигентную, с ч/ю (с чувством юмора. – В.Б.), желательна высокую девушку, москвич 33/73/182 в/о (высшее образование. – В.Б.), подробности по телефону.*

Психологически противоположными таким текстам являются «сложные» тексты (16):

- (16) *Предлагаю обмениваться всеобщими вопросами и ответами, для взаимной критики своих представлений, с целью познания понятий.*

Возможно, что к речевому поведению такого человека может быть приложимо обыденное понятие «зануда».

Встречаются и эпатажные («красивые») тексты (17), авторы которых могут обладать чертами демонстративной личности:

- (17) *Милые дамы! Внимательно посмотрите направо. Это всё Ваше и никуда от Вас не денется. Ну, а теперь посмотрите налево: высокий, крепкий, 24 г. Скорпион, без ... и с ... Давайте подойдём поближе и рассмотрим. Давайте!?*

Объём информации в объявлении о знакомстве. Очень важен объём информации, которую человек сообщает о себе. В принципе, чем меньше о человеке информации (18), тем сложнее его понять. Он проявляет осторожность или потому что боится открыться, или потому что хочет понаблюдать, как другие раскроются, или потому что ему нечего о себе сказать, или он на сайте знакомств случайно оказался, или не знаком с правилами сайта. Возможно, что он просто хочет остаться в виртуальном пространстве, и боится выйти в реальный контакт. Причин умолчания (а молчание – тоже знак) может быть много.

(18) *Обо мне: При знакомстве;-)*

Вместе с тем одним из показателей нестандартной личности может быть большой объём информации, поданной в свободной форме. Там человек может вставить чужие цитаты, высказать противоречивые суждения, может стремиться больше произвести впечатление, нежели сказать о себе. Там может быть больше эпатажа, нежели адекватности.

(19) *Позитивен до неприличия. Очень легок на подъём и всегда пытаюсь до последнего заразить всех близких мне людей. Креативен, стилиен и влюбчив. Сильный, но в душе романтик. Достаточно на сегодня и так сказано.*

В вышеприведённом тексте (19), по мнению А.Н. Кошелевой, есть и сумбур, есть вызов, есть нетерпеливость и ясно видно стремление казаться оригинальным. Но заявленная «креативность» входит в некоторое противоречие с орфографическими и стилистическими ошибками и с использованием шаблонных определений (20).

(20) *позитивен, лёгок на подъём, в душе романтик*

Опасаться на сайтах знакомств стоит брачных аферистов. Они могут ловить свои жертвы на декларировании серьёзности намерений (за исключением объявлениях о международных браках, где это, как правило, говорится открыто). Как правило же, человек сначала завязывает знакомство, потом дружит, любит, и только потом понимает, что хочет жениться. Поэтому заявление со стороны мужчины типа (21) может быть либо показателем незрелости, либо действительно может быть серьёзной заявкой. Сказать однозначно, что скрывается за самопрезентацией, за красивыми словами, можно только познакомившись с ним.

(21) *ищу жену; брак, создание семьи*

Тем самым, среди текстов с одним и тем же коммуникативным замыслом есть тексты, разные по своим психолингвистическим особенностям. Это делает возможным реконструкцию личности автора по тексту.

Так, по данным Е. Латышевой, существует корреляция между чертами личности (по тесту Р. Кеттела) и тем, как человек подаёт себя в объявлениях о знакомстве (22):

(22)

Обозначение фактора	Название фактора	Подача информации о себе
Фактор N	Наивность	Больше информации о характере
		Больше описания отношений в кругу общения
	Проницательность	Меньше информации о характере
		Меньше описания отношений в кругу общения
Фактор В	Низкий интеллект	Ожидание обратной связи
		Больше показатель оценки себя
	Высокий интеллект	Нет ожидания обратной связи
		Меньше показатель оценки себя
Фактор G	Недобросовестность	Меньше информации об увлечениях
		Больше информации об увлечениях
Фактор H	Робость	Мало упоминания качеств в партнере
		Упоминание наличия качеств в партнере
Фактор Q4	Нефрустрированность	Ожидание обратной связи
		Мало проявляется ожидание обратной связи
	Фрустрированность	

Кроме того, в соответствие с типом автора может быть приведён психологический портрет реципиента, на которого рассчитан опре-

делённый тип текста. Тем, кто обращается к интернет-сайтам знакомств важно уметь увидеть, кто скрывается за тем или иным объявлением для того, чтобы знать, не представляет ли другой человек для него потенциальной опасности, и возможна ли с ним встреча «в реале». Знание психолингвистических закономерностей построения речи может помочь и в этом.

Изучая роль пола говорящего в производстве речи, следует отметить, что в настоящее время эта проблематика выделилась в самостоятельную.

10.6. Язык и гендер

В последнее время особое развитие получила гендерная лингвистика, которая активно использует методы психолингвистики. Исследования речи мужчин и женщин показывают, что имеются определённые отличия между тем, как говорят и пишут мужчины и женщины.

Пол и грамматика. Мужчины употребляют больше относительных прилагательных, а женщины – качественных. Мужчины гораздо чаще употребляют абстрактные существительные, а женщины – конкретные (в том числе имена собственные).

Пол и экспрессивность. Женская речь обнаруживает большую концентрацию эмоционально оценочной лексики, а мужская оценочная лексика чаще стилистически нейтральна. Женщины склонны к интенсификации прежде всего положительной оценки. Мужчины более выразительно используют отрицательную оценку, включая стилистически сниженную, бранную лексику и инвективы (оскорбления). Мужчины гораздо чаще употребляют сленговые слова и выражения, нелитературную и ненормативную лексику, в то время как женщины придерживаются слов с нейтральной стилистической окраской. К типичным чертам женской речи относится гиперболизированная экспрессивность (23) и более частое использование междометий типа ой!

(23) *жутко обидно; колоссальная труппа; масса ассистентов*

Пол и синтаксис. При использовании синтаксической связи мужчины чаще употребляют подчинительную, а не сочинительную связь. Причём мужчины чаще используют придаточные времени, места и цели, тогда как у женщин в основном преобладают придаточные степени и уступительные конструкции.

Для мужчины более характерна фраза (24), в то время как женщина скорее скажет (25). Опрос носителей (английского) языка показывает, что они считают некоторые фразы женскими, а некоторые типично мужскими (26).

(24) *Я пришёл и увидел...*

(25) *Приходишь и видишь...*

(26) *Veni. Vidi. Vici. – Пришёл. Увидел. Победил.* (лат.)

Средний речевой период мужчин длиннее (11,5 фраз), чем у женщин (4,7 фразы). Мужские предложения в среднем по своей длине короче женских. Фразы, написанные женщинами, более длинные, чем у мужчин, в одном предложении может быть несколько простых, которые мужчина написал бы отдельно, при этом в них содержится указание на несколько последовательных действий.

Восстановление текста. Психолингвистические эксперименты по восстановлению разрушенного текста (методика дополнения) показали, что женщины более чувствительны к смысловой структуре текста – восстановленные ими образцы обнаруживают бóльшую связность. Женщины пытаются максимально восстановить исходный текст, а мужчины – построить новый; их тексты отклоняются от эталона больше, чем женские.

Анализ сочинений. В одном из психолингвистических анализов сочинений по 97 параметрам (проводившимся Е.И. Горошко) оказалось, что для мужчин характерен рационалистический стиль, для женщин – эмоциональный. При этом женщинам присущи большее богатство словаря и более сложный синтаксис.

Анализ ассоциаций. Результаты ассоциативного эксперимента Е.И. Горошко также показали, что женское ассоциативное поле оказывается более развёрнутым, мужские реакции дают более стерео-

тишную картину. Для женского ассоциативного поведения характерно большее разнообразие реакций, большее количество реакций именами прилагательными (у мужчин в реакциях гораздо больше существительных), меньшее количество отказов от реагирования, женщины чаще реагируют словосочетаниями на стимульные слова. Мужские ассоциативные поля более стереотипны и упорядочены, мужская стратегия ассоциативного поведения (больше пояснительных и функциональных характеристик, приписываемых стимулу) значительно отличается от женской (ситуационной и атрибутивной) стратегии. Кроме того, ассоциативные поля в мужской и женской речи соотнесены с разными фрагментами картины мира: спорт, охота, профессиональная, военная сфера (для мужчин) и природа, животные, окружающий обыденный мир (для женщин).

Пол и речевое поведение. В социолингвистике немало работ посвящены «мужским» и «женским» языкам в традиционных обществах.

В русской культуре женщинам более свойственны фатические (устанавливающие и поддерживающие контакты) речевые акты; они легче переключаются, меняют роли в акте коммуникации. Мужчины переключаются тяжелее, проявляя некоторую «психологическую глухоту» – увлекаясь обсуждаемой темой, не реагируют на реплики, с ней не связанные. В качестве аргументов женщины чаще ссылаются и приводят примеры конкретных случаев из личного опыта или ближайшего окружения. При этом у женщин преобладают такие темы, как дети, косметика, соседи, подруги (*gossip* – англ. сплетни). У мужчин – работа, спорт, политика, автомобили. При этом порой считается, что мужские темы более важны, чем женские. Хотя это совсем не так.

Говоря о речевом поведении, исследователи также подмечают, что мужчины чаще перебивают собеседника, более категоричны, стремятся управлять тематикой диалога.

Многие исследования показывают, что в отличие от распространенного мнения, мужчины говорят больше, чем женщины, примерно на 30%. Некоторые авторы объясняют иллюзию представления о женщине как разговорчивой, тем что мужчина ожидает от неё молчания, когда он говорит, но если женщина отвечает ему или начинает говорить, то он считает ее многословной.

Мужчины делают меньше пауз (1,7 за речевой период), чем женщины (2,4 паузы за речевой период). Мужчины чаще избирают стратегию коммуникативного соперничества, а женщины – стратегию коммуникативного сотрудничества. Это проявляется в том, что мужчины чаще берут инициативу в начале коммуникации или при смене темы (11 раз, а женщины 9 раз за три часа беседы). При этом женщины чаще ограничиваются одиночными высказываниями (в 7 случаях). Считается, что если женщина хвалится, то она ведёт себя «по-мужски».

В беседах мужчины несколько чаще задают вопросы (из 10 вопросов 6 принадлежат им, и только 4 – женщинам). Женщины задают чаще разделительные вопросы.

Но, конечно же, «непроходимых» границ между мужской и женской речью во многих современных языках не существует. Отмеченные особенности мужской и женской речи определяются как тенденции употребления.

Пол, культура и речь. Если в настоящее время не совсем корректно говорить о *гендерлекте*, то правомерно говорить об определённых особенностях *речевого стиля* мужчин и женщин. Он проявляется на двух уровнях – структуры высказывания и речевого поведения.

Несомненно, существенным ограничением использования тех или иных конструкций (в рамках возможностей, предоставляемых языком) является культура, в рамках которой осуществляется речевое общение. В последнее время учёные всё чаще говорят не столько про пол говорящего, сколько про его гендерную принадлежность.

Под гендерной принадлежностью в работах Е.И. Горошко и А.В. Кирилиной понимается не биологический пол, а скорее социальная роль, под которой подразумевается быть мужчиной / женщиной и совершать в связи с этим соответствующие данной культуре действия, в том числе и речевые. Поэтому важно учитывать особенности стереотипов мужественности и женственности, принятых в изучаемой культуре и находящихся свое отражение в языке.

Возможные применения результатов анализа. Эти данные могут быть использованы при идентификации текста, написанного мужчиной или женщиной (или записанного за говорившими мужчиной или женщиной).

Письма Моника Левински. К примеру, анализ писем Моника Левински к Биллу Клинтону показывает, что первые её письма были очень «женскими» – длинными, с множеством прилагательных, описаний. Последние письма (особенно последние четыре письма) были скорее «мужскими» – стало больше глаголов, по объёму они короче, тон императивный.

Гендерные особенности речи, конечно же, следует учитывать при общении с представителями разных групп, а также в составлении рекламных текстов, предназначенных для мужчин и для женщин. Особо можно писать о так называемых женских (любовных) романах и о текстах, написанных мужчинами для женщин.

«Мужские» и «женские» художественные тексты. В одном из экспериментов испытуемым предъявлялись тексты, написанные разными авторами – мужчинами и женщинами, с просьбой определить, кто является автором текста – мужчина или женщина. Оказалось, что ряд текстов, написанных мужчинами (Ги де Мопсан), был атрибутирован как женские, и наоборот – в отношении текстов, написанных женщинами (Жорж Санд), были сделаны суждения о том, что они написаны мужчинами.

В этой связи представляется более правильным говорить не о «половой» принадлежности автора, а об определённом гендерном континууме фемининности-маскулинности (женщины, женщины-мужчины, мужчины-женщины, мужчины). К примеру, автор, скрывавшийся за мужским псевдонимом Макс Фрай, оказался женщиной (Светлана Мартынич).

10.7. Автороведческая экспертиза

Рассмотренные выше методы и результаты могут быть использованы в области автороведческой экспертизы, с помощью которой по косвенным признакам можно извлечь из текста данные, способствующие установлению особенностей личности автора, и, в конечном итоге, установить самого автора.

К признакам автора как личности, которые можно выявить по речи, относятся, во-первых, симптомы функционального состояния,

общего самочувствия, специфические изменения самочувствия, уровень общей активности, мотивация и эмоциональный фон деятельности. Во-вторых, сюда относятся особенности мотивационно-волевой регуляции, что проявляется в значимости для индивида тех или иных объектов, в том, что входит, и что не входит в зону его актуального сознания.

Отметим в этой связи, что очень важен анализ текста не только с точки зрения того, что там есть, но и с точки зрения того, о чём там не упоминается. В политическом контент-анализе такой метод, в частности, широко используется американскими политологами, которые изучают речи первых лиц иностранных государств.

Благодаря психолингвистическому анализу текста можно определить условия, в которых он создавался или находился его автор в процессе создания. К их числу могут быть отнесены, прежде всего, усталость, алкогольное или наркотическое опьянение, а также психологическое давление. Во-вторых, по тексту можно определить индивидуально-типологические особенности личности, связанные с силой, подвижностью и уравновешенностью нервных процессов.

Критерий воспроизводимости. Проводить анализ текста следует как в отношении содержания сообщения, так и в отношении формы выражения этого содержания. Необходим и учет особенностей исполнения текста. Важно иметь схему анализа, критерии анализа, описание признаков текста, указывающие на возможные особенности автора, и, конечно, следует воздерживаться от каких-либо суждений субъективного характера и оценочного плана. Иными словами, очень желательно, чтобы анализ был объективным и воспроизводимым другим экспертом. Хотя на практике эксперт всё же обращается к интуиции как к неотрефлексированным знаниям, которые составляют его языковое и психологическое чутьё и в целом являются частью его экспертных знаний. И всё же, автороведческая экспертиза текста позволяет получать социально-биографические, демографические и психологические сведения об авторе или авторах.

Род занятий, образование и религиозная ориентация. Язык порой содержит ключи к занятию, образованию или конфессии автора. Использование, допустим, терминов из области подводного

плавания может отражать знание этой сферы или службу в морском флоте. К примеру, постоянное использование сложного (в синтаксическом и семантическом отношении) языка, правильной грамматики и пунктуации и орфографии (общая грамотность) будет указывать на высшее образование. Иными словами, лексикон (его богатство или бедность, т.е. относительная широта или бедность) – важный показатель образования, а также и социального статуса автора.

К примеру, отсылки к религии в одной записке с угрозой позволили сузить круг подозреваемых до человека, который часто на работе говорил о своей вере и призывал коллег покаяться в грехах.

О месте жительства будет говорить как указание географических названий и названий населённых пунктов (и хорошая ориентация в соответствующем пространстве), так и возможные территориальные диалектизмы.

Конечно же, и способ исполнения текста – от руки, на пишущей машинке (в своё время) или на компьютере с соответствующим оформлением текста – может указывать на образование человека.

Определение возраста. Говоря об онтогенезе речи (о возрасте и языковом развитии), мы описывали в основном речь маленьких детей. Что касается исследований дальнейшего языкового развития человека, то их значительно меньше, прежде всего в силу большой индивидуализации в освоении языка. Именно поэтому идентификация (определение) возраста автора по тексту представляет особую сложность. Отдельные слова всё же могут указывать на возраст говорящего (27), хотя если речь идёт об иностранце или эмигранте, то возможна ситуация, когда используется устарелое слово или арготизм (сленг), принадлежащее более старшему по возрасту учителю или сохранившееся в каком-то регионе, но уже устаревшее в другом (28).

(27) *Грешневый, грибной, пионер* – показатели старомосковского (до 1930 г.) произношения.

(29) *Ништяк, ээконски, атас.*

Записка Романа Лебедева. Вот, к примеру, текст предсмертной записки подростка (29), которая частично была написана печатными буквами (что затрудняет идентификацию почерка), а остальное

было написано, скорее всего, человеком, который находился в измененном психо-физиологическом состоянии.

(29) *Я, Роман Лебедев, подтверждаю, что совершил самоубийство под влиянием Аркадии Львовны, которая требовала от меня денег на ремонт школы, которых у меня не было.*

Анализ текста показал, что он не принадлежит предполагаемому исполнителю, поскольку наличие конструкций, относящихся к официально-деловому стилю речи, не может быть характерно для речи подростка, которому 14 лет.

Отметим в этой связи, что дифференциально-диагностической ценностью обладает как содержание высказывания в целом, так и его отдельные лексические единицы, грамматические особенности строения речи и фраз. Тем самым при всей важности семантики – содержания речи – её языковое оформление не может не быть связано с личностью.

Временная последовательность написания текста. Для проведения автороведческой экспертизы необходимым бывает исследование вариантов одного и того же текста с целью выявления наличия у них единого первоисточника, а также установление временной последовательности их создания. Это требуется в тех случаях, когда надо установить наличие исправлений, добавлений, изменений первоначального текста. Кроме того, это связано и с необходимостью установления истинного автора текста и случаев так называемого плагиата.

Письмо священника. В криминалистике известен случай анализа письма, найденного при обыске у священника и написанного якобы его женой. В письме говорилось, что она ушла от него и просит её не искать. Следователи установили не только то, что этот текст написан священником, но и то, что писал он его попеременно с написанием проповеди. Это стало возможным потому, что на компьютере была обнаружена версия файла, а специалисты смогли восстановить данные, стёртые с жёсткого диска компьютера.

В настоящее время в ФБР существует специальный отдел по борьбе с преступлениями, совершенными с помощью компьютерных технологий (FBI's National Infrastructure Protection Center).

Сравнение с другими текстами. Специалисты в области судебной психолингвистики могут путём анализа стилистических особенностей текста (используемых конструкций, выбора слова, написания, пунктуации) определить (или, по крайней мере, сузить) круг лиц, которым может принадлежать авторство текста. Это особенно важно в отношении текстов, содержащих угрозы. Самое главное, чтобы понять в результате анализа, насколько реальна угроза.

Глаголы. Одним из показателей тут может быть наличие глаголов, причём не столько с описанием действия (30), поскольку они могут так и оставаться указанием на негенерализованную неприязнь к «объекту», сколько в целом «активных» глаголов (31). Так, в одной из записок с угрозой соотношение глаголов совершенного и несовершенного видов было 1 к 5, что позволило сделать вывод о нереальности угрозы.

(30) *убью, взорву, зарезу*

(31) *пойду, приду, приеду, найду, сделаю*

Нередко именно обобщённость номинации (32) может служить показателем недостоверности, в то время как реальные события или известная автору информация описываются более предметно (33).

(32) *Менты наехали на меня и всё такое.*

(33) *Пойди в банк и оформи на себя кредит сейчас ведь почти всем дают.*

Содержание и форма. Одним из существенных показателей второго смысла текста является рассогласование формы текста и его содержания. Наличие внутреннего конфликта может проявляться во внешне спокойном тексте, который описывает унижения и страх (34), внешне ровный стиль может содержать страшную угрозу (35) и т.д. Иными словами, задача тут состоит в нахождении внутреннего конфликта автора, который проявляется в языковой форме текста.

(34) *Ты мой самый дорогой человек. Я очень тебя люблю, очень. Только не бей меня, пожалуйста.*

(35) *Если ты этого не сделаешь, то ты его никогда не увидишь больше. Думай.*

Ошибки. В текстах угроз часто встречаются орфографические и грамматические ошибки.

Задача эксперта тут может состоять в том, чтобы понять, насколько данная ошибка случайна либо закономерна. Во-первых, это может быть как описка, так и случайная, редкая для данного исполнителя ошибка (по недосмотру, в результате неполной считки текста). Во-вторых, это может быть регулярная его ошибка (связанная с незнанием правил языка). И в-третьих, ошибка может представлять собой преднамеренное искажение нормы с целью ввести в заблуждение эксперта и создать впечатление об авторе как о неграмотном человеке, или подростке, который может осуществить свою угрозу.

Отметим также, что в текстах могут встречаться нарушения синтаксиса (строения фраз, соединения межфразовых единств, порядок слов, использование фразеологизмов и др.). И тут они могут быть индикатором интерференции и показателем родного языка писавшего.

В структурном плане важно также понять, насколько структура фразы передаёт состояние писавшего текст. Если, к примеру, фразы оборваны, присутствует «рваный синтаксис», то это может быть индикатором нервного состояния автора. На это же могут указывать и физически недописанные фразы или, допустим, прорванная бумага, на которой писался текст. Если же текст ровный, «гладкий», то это может свидетельствовать о «холодном расчёте» писавшего (что не уменьшает, однако, декларируемой опасности).

Отметим также в этой связи, что «к концу текста уменьшается количество ошибок и повышается уровень стройности и связанности изложения» [С.М. Вул].

Определение родного языка. Люди, говорящие на иностранном языке, или эмигранты, как бы хорошо они ни знали другой язык, всегда будут допускать ошибки, которые могут указывать или на то, что пишут они на языке, который знают недостаточно, или, что реже, на их родной язык. Определение родного языка возможно, если имеются контрастивные данные о регулярных ошибках, которые допускают люди, говорящие на том или ином иностранном языке.

Недостаточная грамотность. В одном из писем с угрозой имелось раздельное написание просторечного притяжательного ме-

стоимения *ихний* (36), что могло указывать на то, что автор письма освоил просторечный разговорный (устный) вариант русского языка и для него этот язык не единственный (носитель русского языка никогда бы не смог написать это раздельно).

(36) *Они пожалели денег для их них детей и вот...*

Порядок слов. Один из владельцев бизнеса получил анонимное письмо с угрозой, написанное человеком, который вполне владел английским, но отдельные предложения указывали на влияние на него другого языка, в частности, порядок слов был субъект-объект-глагол (SOV) (37), а не характерный для английского субъект-глагол-объект (SVO) (38).

(37) *he finally will recognize the seriousness of the problem*

(38) *he finally will the seriousness of the problem recognize*

Именно эта особенность синтаксиса привела следователей к поимке подозреваемого, который оказался иностранцем.

Сленг в тексте. Одним из признаков текста-угрозы является наличие в нём сленга, арго, жаргона, профессионализмов. Если в художественном тексте встречаются литературные обороты или цитаты из классической литературы, то это может свидетельствовать о высшем образовании писавшего.

В целом же любое отклонение от общеязыкового стандарта, любые языковые элементы, отмеченные социолингвистически, могут быть индикатором возраста (39, 40), образования, начитанности, социоэкономического статуса, национальности автора и т.п. Излишне говорить, что элементы тюремного жаргона (обозначение тюремных реалий или наличие кличек – 41) свидетельствуют о принадлежности к криминальной среде.

(39) *геликоптер* вместо *вертолёт*

(40) *улица Горького* вместо *Тверская улица* (в Москве)

(41) *пахан, братан, кабан, барон, по понятиям, малява, менты, мусора*

Анализ писем stalkеров. Последнее время особую опасность приобрели домогательства мужчин, которые преследуют понравившихся им женщин или поп-звезд. Таких людей называют stalkерами (stalker).

В одном случае следователи определили преследователя как автора писем-угроз, сравнив анонимные тексты с любовными текстами, когда он писал, ухаживая за жертвой.

Достаточно часто к экспертам попадают письма с угрозой убийства (при этом вымогаются деньги) и насилия.

Письмо с угрозой изнасилования. В одном из таких случаев женщина предъявила тексты якобы преследовавшего её человека, седьмое письмо которого содержало угрозу изнасилования. Анализ письма с помощью методов судебной психолингвистики показал, что текст написан женщиной, а скоро стало ясно, что автором является сама заявительница. Оказалось, что она «имела виды» на офицера полиции, который ушёл от своей жены, а потом вернулся к ней. Появление же писем привлекло его к женщине снова. Определение истинного автора позволило избежать лишних осложнений двум подозревавшимся в написании писем мужчинам, которых уже публично обвинили в этом.

Заявления об угрозе убийства. В последние годы в развитых странах убийства нередко происходят на рабочем месте. Совершают их недовольные либо увольняемые сотрудники (это составляет особую проблему организационной психологии). Причём многие их коллеги признаются позднее, что они слышали от тех угрожающие высказывания (41), но не придавали им особого значения, хотя и признавались, что чувствовали себя «неуютно».

(41) Когда-нибудь я наставлю на него пушку и грохну его.

Психологи, сотрудники отдела кадров должны владеть знаниями из области психолингвистики и речевой коммуникации, чтобы предотвращать подобные финалы (теория «неожиданного убийства» имеет мало приверженцев как описывающая лишь незначительное количество насилий).

Психическое состояние автора. При анализе текстов угроз, пожалуй, наиболее важным является определение психического состояния автора. Одним из самых очевидных проявлений этого может быть лексический состав текста. К примеру, текст может содержать стереотипные высказывания (что может свидетельствовать о стрес-

се) или, наоборот, характеризоваться чрезмерной экспрессией (что также может говорить о силе проявления чувств и о потенциальной доминантности). Наличие лексики, связанной с физиологией или физическими состояниями, может указывать на возбудимость автора; детальность и стереотипность посланий и преобладание местоимений первого лица (*я, мне, меня*) может свидетельствовать о сутяжном характере, либо о сильном внутреннем напряжении; лексика религиозного плана может указывать на фанатизм; лексика с повышенной эмоциональностью – на демонстративность (желание обратить на себя внимание) и т.д.

Отсутствие указаний на объекты окружающей среды может свидетельствовать о сужении внутреннего мира или о нахождении длительное время в замкнутом помещении.

Жанр текста (угроза, просьба, мольба, жалоба, приказ и пр.) также, несомненно, служит проявлением актуального доминантного состояния автора или его мотивации.

Отсутствие пунктуационных знаков может говорить о низком образовательном уровне, о стремлении исказить представление о себе (представить себя необразованным и, следовательно, опасным), а также о состоянии стресса, либо о нерешительности, или (что близко) нарушении заявляемой коммуникативной интенции [С.С. Шипшин].

Важна и логика развития мысли (логичность, непоследовательность, путанность), которая может быть нарушена в результате сиюминутного или длительного нарушения равновесного состояния (термин А.О. Прохорова) автора.

Конечно же, любые проявления нарушений речи (афазия, аграфия) могут указывать на наличие соответствующих нарушений у личностей.

В любом случае возможность однозначного вывода о том или ином состоянии автора всегда ограничена тем фактом, что разные состояния могут иметь очень схожие речевые проявления или, говоря иначе, одна и та же речевая форма может иметь несколько причин. Поэтому выводы эксперта всегда будут носить вероятностный характер. Человек – не программируемое и не прогнозируемое существо.

Записки самоубийц. Ч. Осгуд, анализируя записки самоубийц (suicide note), сравнивал их с обычными письмами, написанными

ими (при жизни) своим друзьям и родственникам. Его гипотеза заключалась в том, что предсмертные тексты будут более стереотипны, в них будет больше слов, указывающих на мотивы, приведшие к самоубийству, степень дезорганизации текстов будет большей.

Анализ показал, что авторы предсмертных записок стремятся к краткости, простоте и менее разнообразному словарю. В их текстах много повторов, больше слов, обозначающих простые действия – существительных и глаголов, и меньше уточняющих определений (*discriminative qualifiers*) – прилагательных и наречий. В текстах больше слов со значением семантической безысключительности (*allness terms*) и тексты более предсказуемы; в них больше лексических элементов, связанных с аутодеструкцией, меньше слов с позитивной семантикой; больше свидетельств внутренних конфликтов (больше оценочных суждений, которые амбивалентны по сути).

Для таких писем свойственны повторения одних и тех же слов в одном предложении, практически отсутствуют различия между письмами, написанными женщинами и мужчинами, в записках в большей степени выражается отношение к чему-либо и пр. Преобладают императивы (42), глаголы в прошедшем времени, предложения строятся амбивалентно (много союзов и предлогов – 43).

(42) *Не чувствуйте себя слишком плохо...*

(43) *но, если, когда, потому что, в общем*

Когда студентов попросили написать текст, имитирующий предсмертную записку, то в этих текстах не хватало требовательности тона, оценочности, амбивалентных оценок себя и других.

Истинные и ложные записки самоубийц. Существуют записки, написанные перед самоубийством, которые эксперты считают ложными (44), в частности, в том случае, если они написаны кем-то, кто заинтересован в том, чтобы следователи пошли по ложному пути. Большинство же реальных предсмертных записок очень коротки (45), поскольку они отражают сужение когнитивной сферы (46, 47) и агрессию (бегство – 48, 49).

(44)

<p><i>Dear Mom, In the last week a number of occurrences have forced me into a position where I find my life is not worth continuing. Friday I lost the job I have held for the past seven years. When I told my wife she packed her bags and left me. For six years she has been living with me, not for me but for my money.</i></p>	<p><i>Дорогая мама, в течение последней недели много разного поставило меня в обстоятельства, в которых я считаю, что жизнь не стоит продолжения. В пятницу я потерял работу, которая была у меня на протяжении последних семи лет. Когда я сказал это моей жене, она упаковала свои вещи и бросила меня. Она жила со мной шесть лет не из-за меня, но из-за денег.</i></p>
--	---

(45) *Андрюша, не пугайся. Вызови милицию и вскройте гараж [Юлия Друнина, 1991].*

(46) *Мне ничего больше не оставалось.*

(47) *Единственно возможным выходом была смерть.*

(48) *Покончив с собой, я избавлюсь от всего.*

(49) *Теперь, наконец, придёт свобода от душевных мучений.*

В отношении предсмертной записки проверяются следующие версии:

1. Записка написана перед смертью в связи с решением покончить жизнь самоубийством.

2. Записка написана ранее, но решение покончить жизнь самоубийством действительно было, к моменту смерти не прошло.

3. Записка написана не в связи с решением покончить жизнь самоубийством, а при иных обстоятельствах – в шутку, под угрозой и т.п.

4. Записка написана другим лицом.

5. Записка написана потерпевшим, но текст составлен другим лицом.

10.8. Психолингвистика допроса

Когда говорят об **эффективности внушения**, то отмечают, что оно определяется следующими факторами:

1) свойствами суггестора (лица, оказывающего воздействие – его личных качеств, социального доминирования). В сфере судеб-

ной деятельности фигура следователя, безусловно, является доминирующей по своему юридическому и ролевому статусу;

2) особенностями суггеренда (лица, на которое воздействуют – степени свойственной ему внушаемости, значимости контекста, в котором осуществляется внушение). В рамках судебной деятельности отмечается, что внушаемость подследственного повышается относительно индивидуально присущей потому, что он оказывается в положении и в ситуации уголовного преследования;

3) отношениями между ними (зависимость, авторитет). В судебной ситуации позиция подследственного по отношению к следователю является зависимой, а позиция следователя доминирующей;

4) способом конструирования сообщения, формой задаваемых вопросов.

О наличии и степени влияния воздействующего субъекта (или объекта) можно судить по изменению (и степени этого изменения) в состоянии, поведении и личностно-смысловых образованиях субъекта, на которого было направлено воздействие.

Признаки **психологического воздействия** могут проявляться в форме и характере задаваемых вопросов и в непосредственном поведении [В.Ф. Енгальчев].

Вопросами, носящими признаки психологического воздействия, являются:

- 1) наводящие, т.е. включающие в себя ответ;
- 2) включающие утверждения разных лиц по одной проблеме;
- 3) призывающие вспомнить что-либо конкретное;
- 4) подавляющие волю подозреваемого.

Сказанное означает, что в целом в судебном разбирательстве роль языкового оформления речи имеет большое значение. Одним из разделов судебной психологии является психология допроса. Рассмотрим некоторые языковые аспекты этой проблемы.

Представители правоохранительных органов получают, фиксируют, оценивают и интерпретируют информацию, получаемую от свидетелей, потерпевших, подозреваемых, обвиняемых. Нередко при этом они вынуждены прибегать к допросу.

Допрос представляет собой специфическую, регламентированную законом форму речевого общения между субъектами правовой деятельности, имеющую характер сотрудничества или – что чаще – противостояния.

Для того, кто осуществляет допрос, нужны знания юридического, психологического и психолингвистического плана:

- 1) какие тактики допроса и методы воздействия на допрашиваемого допустимы;
- 2) как диагностировать заведомо ложные показания;
- 3) как зафиксировать показания;
- 4) как использовать полученную информацию.

Роль формулировки вопроса свидетелям. Установлено, что на дачу показаний существенно влияют процессуальное положение допрашиваемого (свидетель или обвиняемый), его возраст, образование, жизненный опыт, вся совокупность его психологических свойств и, прежде всего, особенностей восприятия и памяти.

В этой связи следует принимать во внимание существование различий между «просто» восприятием и восприятием, опосредованным языком. В частности, причинами ошибок в показаниях, помимо субъективных свойств допрашиваемых и условий допроса, может быть речь следователя. Тут особую роль играют содержание и форма вопросов, которые могут оказывать внушающее действие, отрицательно влиять на сохранение и воспроизведение информации свидетелем. Проиллюстрируем это данными психолингвистического эксперимента.

Эксперимент с видеозаписью аварии. Нескольким группам испытуемых показывали документальный кинофильм, где было изображено столкновение автомобилей, двигавшихся с разной скоростью – 20, 30 и 40 миль в час. После просмотра фильма испытуемых просили ответить на вопрос о скорости движения автомобилей (50). Оказалось, что они были не очень точны в своих ответах, их ответы были в основном одинаковы и не очень зависели от реальной скорости движения машин (51-52).

(50) *Какова была скорость движения автомобилей?*

		Скорость движения (миль в час)		
(51)	Реальная	20	30	40
(52)	Отмечаемая испытуемыми	37,7	36,2	38,3

Все группы испытуемых были однородны в возрастном и половом плане. После каждого просмотра одинаковых трёх документальных фильмов им задавали по сути одни и те же вопросы о скорости движения машин перед аварией. Но вопросы эти различались между собой по языковой форме, точнее, всего лишь одним словом. Результаты (ответы испытуемых) оказались разными, и зависело это от того, какой именно глагол использовался в вопросе экспериментатора: нейтральный (53-56) или содержащий экспрессию (56).

	Вопрос		Ответ
(53)	<i>About how fast were the cars going when they HIT each other?</i>	С какой скоростью двигались машины, когда они СТУКНУЛИСЬ друг с другом?	34,8 миль в час
(54)	<i>About how fast were the cars going when they COLLIDED with each other?</i>	С какой скоростью двигались машины, когда они СТОЛКНУЛИСЬ друг с другом?	
(55)	<i>About how fast were the cars going when they BUMPED each other?</i>	С какой скоростью двигались машины, когда они ТОЛКНУЛИ друг друга?	
(56)	<i>About how fast were the cars going when they CONTACTED with each other?</i>	С какой скоростью двигались машины, когда между ними ПРОИЗОШЛО СТОЛКНОВЕНИЕ?	
(57)	<i>About how fast were the cars going when they SMASHED INTO each other?</i>	С какой скоростью двигались машины, когда они ВРЕЗАЛИСЬ друг в друга?	40,8 миль в час

При нейтральной формулировке вопроса (53-56) скорость движущихся на экране автомобилей была определена испытуемыми в среднем как 55,7 км/час, а при вопросе, где имелось экспрессивное слово, уже как 65,3 км/час. Реальная же скорость движения автомобилей при этом, как мы отметили ранее, не имела большого значения. Когда испытуемых спустя какое-то время спросили, было ли разбито стекло у машины, те испытуемые, в вопросе к которым содержалась экспрессия, отвечали положительно, хотя в фильме этого не было.

Результаты этого эксперимента позволяют утверждать, что даже визуальные впечатления оказываются под воздействием используемых в вопросе слов, и именно они могут определять характер восприятия. Данные такого рода должны учитываться при определении степени точности свидетельских показаний. А именно: допрашивающий (или адвокат на суде) должен в достаточной степени контролировать языковую форму своей речи, если он хочет получить ответы, соответствующие реальности в большей степени.

Речь под принуждением. Для судебной психолингвистики важна и такая проблема, как речь свободного человека и речь человека, на которого оказывают либо давление, либо внушающее воздействие. Они могут обладать существенными различиями. Специальные исследования психолингвистического плана показали, что на допросе применяются методы психического принуждения, внушения (гипноз при этом практически не встречается) или дезинформации (что бывает нередко). Это повышает вероятность возникновения ошибок и ложных показаний, в том числе оговора и самооговора.

В судебной практике нередко ситуации, когда автором какого-либо текста является один человек, а исполнителем – другой. Именно поэтому в почерковедческой и судебной психолингвистической экспертизе принято разведение автора (человека, которому принадлежит замысел) и исполнителя (который его реализовывает).

Признание под давлением. В одном из случаев, ставшим предметом дополнительной судебно-психологической экспертизы, психолингвистическому анализу был подвергнут текст, написанный подозреваемым. У вышестоящей инстанции возникло подозрение, что текст обвиняемого написан под давлением следователя, проводившего расследование. Анализ показал, что на самом деле следователь не был автором текста (он не писал его), но являлся автором содержания этого текста: он говорил подследственному, что надо писать, а тот излагал содержание «своими словами».

Это оказалось возможным распознать благодаря тому, что эксперт [В.П. Кисляков] исследовал психолингвистические особенности строения данного текста. Анализ показал, что на низших уровнях порождения (почерк, выбор слов, синтаксис фраз) текст признания отражал индивидуальные психолингвистические особенности ис-

полнителя, но его общая структура и композиция впоследствии были совершенно чужды, они отражали логику, характерную для сотрудников правоохранительных органов. Иными словами, жанр текста, его структура и суперсегментная организация были заданы исполнителю следователем.

Использование сведений из области психолингвистики помогло эксперту опознать наличие признаков оказываемого на подследственного психологического воздействия и установить источник содержания показаний (т.е. понять истинного автора замысла).

В этой связи отметим, что такие виды оказания помощи в составлении текстов, как диктовка и литературно-редакторское участие, не являются полностью взаимоисключающими, поскольку, как отмечают В.И. Батов и М.М. Коченов, диктовка может осуществляться в различных формах.

В первом случае диктующий может многократно повторять каждое предложение, добиваясь дословного воспроизведения диктуемого текста. Во втором случае диктующий может проговаривать каждый отрывок текста один раз, если он стремится не к дословному воспроизведению речи, а лишь к сохранению основного содержания продиктованного отрывка.

При этом лицо, записывающее текст под диктовку, если оно не в состоянии безошибочно и полностью запомнить текст (а, как правило, это невозможно), неизбежно его изменяет, внося новые выражения или делая пропуски.

Наконец, при составлении текста могут диктоваться только определённые его фрагменты, определяющие общую канву изложения или формулирующие наиболее важные и сложные части повествования.

Все названные формы оказания помощи в составлении текста можно рассматривать как варианты диктовки. В таких случаях разведение роли автора и исполнителя может быть затруднено в части определения конкретной доли участия каждого из них. Однако почти всегда в целом делается вывод о несамостоятельном (58), либо самостоятельном (59) создании текста [В.И. Батов, М.М. Коченов].

(58) *«Собственноручное признание»*

Примерно 21–22 августа 1970 года я приехал в гости к моему брату Мясуму. Во время беседы он мне рассказал о ссоре со своей любовницей Лидой, во время которой он избил её, и

когда она хотела заявить в милицию, он поймал её в коридоре и ударил головой о стенку и разбил голову, в связи с чем очевидно на стенке остался след крови. 26 августа 70 года мы собрались все братья у Мясума. Во время беседы Мясум заявил о своем беспокойстве и что после скандала Лида может привлечь к ответственности, и попросил, чтобы мы помирили их. Поэтому мы пошли к Лиде на квартиру с этой целью.

(59) «Объясниний»

*1971 гуда 19 актабра мина ариставали пивизли суда при-
мирно чириз пал мица мина взвал на допрус начал мина
допрашвт спирва написал абтиграфия пат ишу вызвл сним
сидил мина заставили написат аписниний я сказал не
умайу тагда гварит будим пист дваиум ишту нибут сичним
я сказал пожлсти пишити патум начыл дапрашвит ну гва-
рит будим а я яму гвару а ишту мина гаварит я ничагу низ-
наю а ун гварит патум узнайм йисли жит захучи патум
ишу ну будим гаварит я гвару а ишту буду габарит*

Первый текст (58) предъявлен как документ, созданный подозреваемым, а второй (59) является текстом, полученным от подозреваемого и принадлежащий ему наверняка. Эксперты совершенно обоснованно подвергли сомнению авторство заявителя.

Психологический анализ видеофонограмм. Если при допросе ведётся видеозапись, то её анализ может помочь выявить возможные нарушения в ходе процесса дознания. В частности, помимо выявления приведенных выше критериев воздействия, оценке могут подлежать:

1) прекращение видеозаписи в значимые моменты, после чего поведение допрашиваемого меняется;

2) соответствие направленности ответов последственного задаваемым вопросам (к примеру, ответ может быть дан на другой вопрос, а на плёнке может быть монтаж);

3) изменение эмоционального состояния участников следственного действия (в результате не зафиксированного на плёнке действия);

4) появление не заявленных в протоколе лиц.

Последнее обстоятельство может также оказывать влияние на характер ответов подозреваемого. В социолингвистике известен фе-

номен под названием «третий молчащий», который может оказывать воздействие на ход диалога двух других коммуникантов, даже если он просто присутствует при беседе. Читатели наверняка помнят ситуацию, когда им приходилось замолкать или менять тему разговора при появлении другого человека, или даже при разговоре по телефону, когда кто-нибудь входил в комнату.

Проблема формулировки суждений. Пункт 8 статьи 339 Уголовно-процессуального кодекса РФ гласит, что вопросы должны ставиться в понятных присяжным заседателям формулировках. Это означает, что юридические познания представителей обвинения, защиты и суда должны быть облечены в столь доступную для рядового гражданина форму, которая могла бы обеспечить адекватное восприятие и осмысление присяжными заседателями всего того, что происходит в судебном заседании, и относится к деянию, в совершении которого обвиняется подсудимый.

Требование языковой доступности (понятности) и адекватности (желания получить объективный ответ) относится и к такому важному разделу судебной психологии, как психология допроса и показаний, поскольку именно тут велика возможность получения наиболее важных в процессуальном плане доказательств.

В судебном процессе очень важна роль формулировки как вопроса, на который предстоит ответить эксперту или участникам процесса, так и ответа на вопрос.

Вот, к примеру, что пишет один эксперт в отношении формулировки вопроса (60):

Пример № 1 неудачной формулировки вопроса

(60) *В отношении вопроса № 1 можно сказать, что его текст чересчур объёмен (60 строк) и, будучи при этом одним предложением, может быть воспринят только с приложением значительных умственных усилий. Текст перегружен перечислениями похищенных вещей с указаниями марок изделий и стоимости каждой из них. Возможно, это необходимо с юридической точки зрения, об этом мы не имеем возможности судить, но рядовому носителю русского языка, каковым является присяжный заседатель, трудно понять суть рассматриваемого дела, выделить для себя главное, понять вопрос, на который ему предстоит ответить: сказуемые, отража-*

ющие суть совершённых деяний, с трудом обнаруживаются среди многочисленных рядов однородных дополнений.

Пример № 2 неудачной формулировки вопроса

(61) *Вопрос 2.1 вопросного листа... в целом сформулирован с нарушением как языковых норм, так и логических отношений между компонентами содержания, следовательно, не может удовлетворять требованию точности и понятности для читающего. Ответить адекватно на столь неудовлетворительно сформулированный вопрос мог не каждый из присяжных заседателей, различающихся по психологическим установкам и уровню языковой компетенции, к тому же вопрос объединяет в себе несколько фактов, и у кого-то из присяжных могли быть в отношении них разные ответы.*

Простота речи – один из критериев её понятности. Известен случай, когда судья в американском суде штрафовал адвоката за каждое слово, длина которого превышала четыре слога, поскольку считал, что это способ усложнить свою речь и затемнить суть рассматриваемого вопроса.

10.9. Судебно-психологическая экспертиза продуктов речевой деятельности

Судебно-психологическая экспертиза как прикладная отрасль юридической психологии возникла во 2-й половине XX в. Основатель российской школы судебно-психологической экспертизы М.М. Коченов определял её так:

Предметом судебно-психологической экспертизы являются компоненты психической деятельности человека в её целостности и единстве, установление и экспертная оценка которых имеет значение для выяснения объективной истины по делу.

Несмотря на то что большая часть данных исследований направлена на анализ личностных характеристик испытуемых, постепенно возникают и начинают развиваться методы и техники, предполагающие работу без непосредственного присутствия испытуемого [В.Ф. Енгальчев, А.А. Оселков], а также отрасли экспертизы, объектом которых становятся уже продукты речевой

деятельности человека. В связи с этим возникает понятие судебно-психолингвистической экспертизы как разновидности судебно-психологической. В настоящее время понятие психолингвистической (в том числе судебно-психолингвистической) экспертизы общепринято, хотя оно не упоминается в основополагающих юридических документах (ГК, УК, УПК и др.).

А.А. Леонтьев относил сюда следующие виды экспертиз:

- автороведческую экспертизу, направленную на установление автора текста или выявление категориальных признаков вероятного автора, делающих возможным установление автора следственными и судебными органами;
- экспертизу, направленную на установление временных признаков автора текста, например его эмоционального состояния;
- экспертизу, направленную на установление тех или иных условий (обстоятельств) создания исследуемого текста;
- экспертизу, направленную на установление преднамеренного искажения сведений, высказываемых в тексте;
- экспертизу, направленную на установление наличия в тексте содержательных признаков, позволяющих поднять вопрос об обвинении автора текста по определённым статьям законов (в частности, статьи, касающиеся клеветы, оскорбления чести и достоинства, возбуждения социальной, расовой, национальной, языковой и религиозной ненависти и вражды, призывов к войне или к свержению государственного строя).

Известны случаи выявления пропаганды наркотических веществ, когда экспертами изучались рекламные слоганы, сопровождающие саму по себе вполне законную продукцию, либо песни и художественные фильмы.

В настоящее время одной из наиболее востребованных, но при этом наименее разработанных, является экспертиза экстремистской деятельности и пропаганды ксенофобии.

Под экстремизмом понимается особое состояние сознания представителей той или иной национальной, религиозной, культурной общности, характеризующееся ощущением сверхценности исповедуемых идей, отрицанием возможности иного отличного видения мира, приверженностью к насильственным методам достижения избранных целей.

Существенным компонентом экстремизма является ксенофобия.

Ксенофобия – это неприязнь, нетерпимость, ненависть и презрение к лицам иной веры, культуры, национальности, к иностранцам, представителям других регионов, а также к чему-либо незнакомому, чужому, непривычному.

На разрешение эксперту следствием здесь традиционно ставятся следующие вопросы:

1. Содержится ли в данной листовке (газете, книге, статье) текст, направленный на возбуждение ненависти или вражды к человеку или группе лиц по признакам расы, национальности?

2. Содержится ли в данной листовке (газете, книге, статье) текст, направленный на унижение достоинства человека или группы лиц по признакам расы, национальности?

3. Содержится ли в данной листовке (газете, книге, статье) текст, призывающий к экстремистской деятельности?

Как правило, ответ на данные вопросы сводится к обнаружению следующих пунктов:

1. Ложная идентификация – формирование и подкрепление негативного этнического стереотипа, отрицательного образа нации, расы, религии.

2. Ложная атрибуция – приписывание враждебных действий и опасных намерений представителям какой-либо нации, расы, религии по отношению к другим.

3. Мнимая оборона – побуждение к действиям против какой-либо нации, расы, религии.

Примером здесь может послужить следующий отрывок из статьи (62 – пример предоставлен А.А. Оселковым).

(62) *Евреи! Любите друг друга, помогайте друг другу. Помогайте друг другу, даже если ненавидите друг друга! Помогайте друг другу, не бойтесь прослыть националистами, не бойтесь протекционизма это наш главный инструмент. Формируйте свои национальные кадры. Русские не способны глубоко мыслить, анализировать и делать глубокие обобщения. Они подобны свиньям, которые живут, уткнувшись рылом в землю, не подозревая, что есть небо. Взять у них то, что нам завещано богом – это наша задача.*

Русские упрямы, но они не обладают достаточным упорством в достижении цели. Они ленивы, поэтому всегда спешат. Русские не умеют жить и не умеют ставить перед собой задачи. Мы ставим перед ними эфемерные задачи, а они пытаются их решать.

Русские не умеют просить, считая это унижением, а сами и без того унижены и бедны. Ради достижения цели можно унижаться, унижаться можно тоже с достоинством. Нет аморальных вещей, если они способствуют утверждению и процветанию нашего народа. Цель освящает средства.

Русские глупы и грубы. Неумение приспособливаться и менять свое поведение в зависимости от ситуации, отсутствие гибкости ума они называют «быть самим собой», «принципиальностью». Пусть они продолжают делать это!

Вот отрывок из исследовательской части заключения экспертов-психологов по статье, также содержащей пропаганду ксенофобии (63 – пример предоставлен А.А. Оселковым), где особое внимание уделяется синтаксису воздействия:

(63) *В целом статья «К оружию!» носит побудительный характер, ставящий своей целью призвать «русский народ» к «устранению от власти лжепатриарха», «уничтожению источника мирового террора», «убийству врагов России», «организации всенародного ополчения», «ликвидации иудейского правления».*

Данная статья представляет собой специально подобранные односторонние высказывания о представителях чеченской и еврейской национальности, иудейского вероисповедания. На основе них, путём субъективных утверждений, вопросительно-риторических предложений, побудительных и эмоционально-экспрессивных оценочных конструкций автор умышленно воздействует на познавательный компонент социальных установок широкой аудитории. Влияя на эмоционально-оценочные отношения читателя к межнациональным проблемам, автор формирует негативное отношение к гражданам чеченской и еврейской нации, иудейского вероисповедания, пропагандируя их неполноценность по признаку отношения к национальной принадлежности и вероисповеданию, унижая их национальные

честь и достоинство, возбуждая межнациональную и межрелигиозную вражду и рознь.

В рамках исследовательского проекта «Язык вражды» описано три группы признаков:

Жесткий язык вражды:

- прямые и непосредственные призывы к насилию;
- призывы к насилию в виде общих лозунгов;
- прямые и непосредственные призывы к дискриминации;
- призывы к дискриминации в виде общих лозунгов;
- завуалированные призывы к насилию и дискриминации.

Средний язык вражды:

- оправдание исторических случаев и дискриминации;
- публикации и высказывания, подвергающие сомнению общепризнанные исторические факты насилия и дискриминации;
- утверждения об исторических преступлениях той или иной этнической или религиозной группы как таковой;
- указание с целью дискредитации на связь этнических и религиозных групп с российскими и иностранными политическими и государственными структурами;
- утверждения о криминальности той или иной этнической или религиозной группы;
- рассуждения о непропорциональном превосходстве той или иной этнической или религиозной группы в материальном достатке, представительстве во властных структурах, прессе и т.д.; обвинение в негативном влиянии той или иной этнической или религиозной группы на общество, государство («размывание национальной идентичности»);
- призывы не допустить закрепления в регионе мигрантов, принадлежащих к той или иной этнической или религиозной группе.

Мягкий язык вражды:

- создание негативного образа этнической или религиозной группы;
- упоминание названия этнической и религиозной группы в уничижительном контексте;
- утверждения о неполноценности и моральных недостатках той или иной этнической или религиозной группы как таковой;

- упоминание этнической или религиозной группы или её представителей как таковых в унижительном или оскорбительном контексте;
- цитирование без должного комментария ксенофобских высказываний и текстов.

10.10. Ложь в речи

К особенностям человеческой речи относится то, что человек может отрицать сказанное и даже сообщать о том, чего никогда не существовало. Как отмечают исследователи [А.Р. Ратинов], искажение истины в показаниях проистекает из двух источников. Один из них – заведомая ложь, другой – добросовестное заблуждение. Как ложь, так и добросовестная ошибка являются неверным отражением действительности – искажённой информацией. При этом добросовестное заблуждение является результатом неадекватного отражения действительности в силу особенностей протекания познавательных процессов (ощущений, восприятия, памяти, мышления, воображения).

В отличие от добросовестного заблуждения, ложь – это волевой и сознательный акт. Лгущий сознает, что его высказывание не совпадает с действительностью и желает этого. Добросовестно заблуждающийся искренен, принимает ошибочно воспринятое, неправильно воспроизведенное за действительно верное. Принципиальное отличие лжи от добросовестного заблуждения заключается также в том, что ошибки в результате добросовестного заблуждения могут возникнуть на различных стадиях формирования показаний (это ошибки в отражении объекта субъектом), ложные же показания возможны только на стадии вербализации, словесного воспроизведения ранее воспринятого, при передаче сообщения следователю или другим лицам.

Ложь представляет собой осознанный продукт речевой деятельности, намеренное искажение действительного положения вещей, имеющее целью ввести реципиентов (слушателей) в заблуждение. Она чаще всего выражается в содержании речевых сообщений, немедленная проверка которых затруднительна или невозможна.

Распознавание лживого высказывания важно не только для юриспруденции, но и для таких областей человеческой деятельности, как политика, бизнес и частная жизнь.

Как отмечалось ранее, в профессионально-психологическом анализе оперативно-розыскной и следственной деятельности выделяется аспект использования бесконтактного изучения личности в расследовании преступлений. При этом наиболее частым поводом для бесконтактного изучения личности служит именно необходимость диагностирования лжности или правдивости сообщений допрашиваемых лиц. В подавляющем большинстве случаев она осуществляется на основе житейского опыта следователя, сложившегося у него представления о том, даёт субъект правдивые или ложные показания, без опоры на научные психологические знания. Между тем в настоящее время в психологии имеется ряд «технических» приёмов обнаружения лжи, основанных преимущественно на поведенческих признаках обмана, так как именно поведение является основным источником информации о правдивости или лживости, о дружелюбии, привлекательности и обаятельности, уме, общительности, понятливости и т.п. Методически и технически правильное применение этих способов следователями и оперативными работниками, несомненно, значительно помогает в диагностировании лживости или правдивости сообщений допрашиваемых лиц.

Нередко ложь вызвана стремлением добиться личных или социальных преимуществ в конкретных ситуациях. Характерно, что индивид неосознанно расценивает свою ложь как нечто неустойчивое и временное, поэтому он стремится находить для неё всё новые подтверждения, а впоследствии – просто молчать. (Заметим, что и молчание также является знаком речевого поведения.) Социально-психологически ложь всегда является средством манипуляции и достижения своих целей.

Псевдология. В сфере психопатологии ложь может выступать как цель мифоманов-психопатов, испытывающих удовлетворение от самого процесса введения окружающих в заблуждение. В психиатрии даже выделяется такое явление, как псевдология.

Псевдология (от греч. *pseudos* – ложь и *logos* – слово, речь) – патологическая склонность к сообщению ложной информации, к сочинению фантастических историй при достаточном уровне интеллекта.

Нередко псевдология встречается у подростков и истероидов как проявление желания индивида обратить на себя внимание других за счёт якобы имеющихся доказательств собственной значимости. Так, автор произведений про индейцев Карл Мей утверждал, что он знаком со своим персонажем Чингачуком.

Любопытно, что если детям младшего школьного возраста приходится свидетельствовать в суде, то они менее склонны ко лжи, чем более старшие дети и даже чем взрослые.

Рассказ о реальном и вымышленном событии. Как показывают эксперименты и наблюдения, речь человека, пытающегося исказить реальное состояние дел или ввести кого-нибудь в заблуждение, отличается от речи человека, говорящего правду.

Рассказывая вымышленную историю, человек вставляет в неё описание того, что ему хорошо известно из предыдущего опыта, с чем он часто сталкивался в жизни ранее. Он описывает как существующую такую ситуацию, которую он действительно когда-то видел, при описании которой ему трудно ошибиться. Его повествование получается «гладким» и потому, что отсутствуют возвраты к предыдущим фактам, о которых человек забыл рассказать. В частности, когда человек рассказывает о реальных событиях, то он нередко возвращается к предыдущим фактам, о которых он забыл упомянуть ранее. Из-за того, что вымышленная ситуация «известна» испытуемому очень хорошо, детали при описании оказываются очень мелкими и специфическими, часто известными только самому рассказчику. В правдивом же высказывании деталей бывает, как правило, меньше.

Описывая правдивое событие, человек может использовать слова с оттенком предположения и неуверенности (60), поскольку он в реальности мог упустить некоторые детали из вида. При описании же вымышленной ситуации таких слов нет, потому что, опять же, описываемая ситуация испытуемому известна.

В вымышленных текстах, по данным Е.А. Сиденко, гораздо больше элементов, связанных с логической обработкой информации (64). При этом встречается излишне точное описание второстепенных деталей произошедшего и бедное – главных. В правдивых же текстах преобладают модальные слова, обозначающие возможность (65). Референтные индексы (типа 66) в вымышленных тек-

стах встречаются чаще, чем обычно. Неопределённые местоимения (67) встречаются чаще в вымышленных текстах, чем в правдивых (там преобладают определённые местоимения – 68).

(64) *возможно; может быть; кажется; это так, потому что*

(65) *возможно это так, потому что*

(66) *ну, ты знаешь, это как всегда*

(67) *какой-нибудь, где-нибудь*

(68) *какой-то, где-то*

В правдивых текстах больше лексики, относящейся к кинестетике и к визуальному каналу восприятия действительности. При описании вымышленной ситуации больше динамики, чем при описании реальной. Объём речевой продукции при лжи меньше, а речь лгущего медленнее, в ней больше оговорок. В ложном высказывании больше ссылок на мнения других лиц.

Тем самым речь, содержащая искажение действительности, отличается от речи, описывающей её более достоверно по ряду психолингвистических признаков.

Шкала лжи в тестах. В этой же связи отметим, что в ряд психологических тестов включена шкала социальной желательности – специализированная (служебная) «шкала лжи», с помощью которой измеряют тенденцию к социальной желательности у данного конкретного испытуемого. Эта шкала позволяет отбраковывать недостоверные протоколы. Характерно, что вопросы при этом могут быть достаточно простыми (69, 70), но ответы на них (в данных случаях положительные) свидетельствуют, что испытуемый желает представить себя в лучшем свете, т.е., грубо говоря, врёт.

(69) *Я никогда не передаю слухи.*

(70) *Я всегда отвечаю на все письма.*

Распознавание лжи (лживого высказывания) требует внимания не только к семантике и синтаксису, но и к голосовым характеристикам речи, а также к жестам и мимике говорящего. В частности, считающееся честным смотрение в глаза собеседника характерно скорее для обманывающего, чем для говорящего правду. Говоря иначе, кто обманывает, сохраняет более длительный контакт глаз со слушателем, чем тот, кто говорит правду. Положение тела обманывающего зажатое и напряжённое.

Обобщим сказанное в таблице.

	Правдивые высказывания	Ложные высказывания
логичность	возвраты	гладкость
детализация	меньше деталей	больше деталей
модалность	неуверенность	логичность
	возможность	обращение к типическому
динамика	статичность	динамичность
объём	больше	меньше
темп	быстрее	медленнее
оговорки	больше	меньше
положение тела	свободное	напряжённое
зрительный контакт	не длительный	длительный

Проблема распознавания лжи не так проста, как кажется, и даже специально натренированные эксперты оказываются нередко в затруднении при определении истинности высказываний.

Специальные исследования показали, что большое количество людей (в том числе и полицейские) способностью к распознаванию лжи не обладают. И лишь специальные тренировки и длительный опыт позволяют отличать правдивое высказывание от лживого.

Следует отметить, что абсолютно однозначный ответ на вопрос не всегда возможен. Основная причина тут в том, что речь сама по себе ложной не бывает. Она может либо верно отражать действительность, либо отражать её неверно. И сами по себе слова не могут быть ложными или истинными (пример явного преувеличения – 71). Понять ложность фразы только по языковым признакам иногда невозможно: для верификации классической фразы (72) надо знать, что в современной Франции нет короля, для понимания истинности фразы (73) надо знать, что в Канаде нет собственной королевы, а есть только генерал-губернатор как представитель британской королевы, которой в Канаде по Конституции принадлежит верховная власть (74).

(71) *Кэри Маккарти так писала о Лиллиан Хелман: «Каждое слово, которое она пишет, – это ложь, включая союз “и” и артикль “the”».*

(72) *Король Франции лыс.*

(73) *Королева Канады – темнокожая.*

(74) *Все граждане Канады – подданные британской королевы.*

В настоящее время в России суды всё чаще принимают к рассмотрению дела о защите чести и достоинства. При этом нередко возникает вопрос: являются ли сведения, изложенные в тексте, ложными, т.е. клевета это или нет. Такие исследования, скорее всего, находятся вне компетенции лингвистов, поскольку лингвистика не занимается анализом действительного состояния дел, а лишь отображением её средствами естественного языка.

10.11. Детектор лжи

Одним из современных средств распознавания лжи является полиграф, или детектор лжи (lie detector), или, что более (политически) корректно, – детектор правды (truth detector). Характерно, что в основу принципов работы полиграфа легли исследования в области нейролингвистики (которая на сегодняшний день может считаться разделом психолингвистики).

Опыт Лурии и Виноградовой. В конце 20-х годов XIX в. А.Р. Лурия разработал метод, названный им «методом сопряжённой методики», и описал его в книге «The Nature of Human Conflicts», которая стала широко известна в США. На русском языке этот метод был описан в работах 1928 г. По словам А.Р. Лурии, «эта работа оказалась практически полезной для криминалистики, являясь ранней моделью детектора лжи».

Измеряя особенности сосудистых рефлексов человека на слабые разряды электрического тока, А.Р. Лурия и О.С. Виноградова экспериментальным путём выделили три типа реакции на это раздражение, а именно: нейтральную, ориентировочную и защитную. При нейтральной реакции на внешний раздражитель-стимул кровеносные сосуды пальцев и головы находятся в обычном, нормальном состоянии и не показывают никаких изменений. Ориентировочная

(или оборонительная) реакция проявляется в том, что человек активно реагирует на какой-то раздражитель-стимул, но при этом не происходит дополнительной мобилизации сил – сосуды пальцев сжимаются, в то время как сосуды головы расширяются. Наконец, при защитной реакции человек, реагируя на неблагоприятный стимул, мобилизует силы организма к сопротивлению – сосуды и пальцев, и головы сжимаются. Специальные датчики четко фиксировали каждое из трёх состояний.

В своих экспериментах исследователи обратились к методике ассоциативного эксперимента. (Иногда изобретённый ими экспериментальный метод называют методом семантического радикала – от греч. *semanticos* – *обозначающий* и лат. *radicalis* – *коренной*.) Они называли испытуемому слово *скрипка* и одновременно наносили слабый удар током. На этот удар током вырабатывалась защитная реакция (организм напрягался). Оказалось, что такая же защитная реакция возникала впоследствии даже тогда, когда испытуемый лишь слышал слово *скрипка*, а удара током при этом не было. Экспериментаторы называли испытуемым ряд других слов, на каждое из которых они реагировали по-разному. Так, даже на слова, обозначающие струнные инструменты (75), они реагировали защитной реакцией, т.е. так же, как и на слово скрипка. Были и другие типы реакций – ориентировочные (более слабые) отмечались у испытуемых, когда им предъявлялись названия неструнных музыкальных инструментов (76), названия, связанные с музыкальными сочинениями и их исполнением, т.е. с музыкой вообще (77), и слова, лишь фонетически близкие к слову *скрипка* (78). На слова, не имевшие отношения к вышеобозначенным (79), реакции испытуемых были нейтральными (их не было). То есть испытуемые воспринимали слова не сами по себе, а как элементы определённых семантических групп (в данном случае скрипичных инструментов).

(75) *скрипач, смычок, струна, мандолина, контрабас*

(76) *барабан, аккордеон, кларнет*

(77) *соната, концерт*

(78) *скрепка*

(79) *шкаф, сапог, облако*

Экспериментаторы обратили также внимание на одну характерную особенность: тип реакции испытуемых менялся в зависимости от языкового контекста. Так, слово *труба*, употребленное после

слова *барабан* (80), давало ориентировочную реакцию, поскольку воспринималось как название музыкального инструмента. Употреблённое же в последовательности стимулов, которые актуализировали другое значение этого же слова (81) слово *труба* давало нейтральную реакцию в силу того, что воспринималось как часть *печки*.

(80) *барабан, труба*

(81) *крыша, печка, труба*

Устройство детектора лжи. Современный детектор лжи представляет собой достаточно сложный аппаратный комплекс, служащий для объективной регистрации физиологических показателей. К ним относятся: КГР (кожно-гальванический рефлекс), ЭЭГ (электро-энцефалограмма), тремор (дрожание пальцев рук), плетизмограмма (графическая регистрация динамики кровенаполнения кровеносных сосудов), пульс, кровяное давление, частота и глубина дыхания, потовыделение и др. Эти показатели используются в целях анализа эмоциональных ответов на стимулы, которые предъявляются во время беседы или допроса.

Процедура применения детектора лжи. Технически получение нужной информации осуществляется так. В отдельную комнату вызывается испытуемый, который может быть и подозреваемым в совершении противоправного действия. При этом на лоб, руки, грудь и живот испытуемого надевают специальные датчики, которые позволяют считывать его вегетативные реакции. Все показатели, идущие от датчиков, выводятся на экран компьютера, и специально обученный экспериментатор имеет возможность видеть кривые, отражающие состояние испытуемого. Это позволяет ему получать более точное представление об эмоциональном состоянии человека, чем простое наблюдение за его внешним поведением. Также ведется запись параметров в динамике.

Испытуемому, который – как предполагается – находится в состоянии покоя, задаются нейтральные вопросы, ответы на которые экспериментатору известны (82-83) и которые в целом безобидны, а также эмоционально значимые (84-85). При этом экспериментатор должен задавать их таким же спокойным тоном, как и «обычные» вопросы.

- (82) *Вы носите обувь?*
 (83) *Вы живёте в Калуге?*
 (84) *Вы когда-нибудь употребляли марихуану?*
 (85) *У вас были судимости?*
 (86) *Вы когда-либо были замечены в хищениях?*
 (87) *Вы скрываете какие-либо факты биографии?*

Отвечая на вопросы, которые могут указывать на преступление, преступник будет, естественно, стремиться солгать. При этом он окажется жертвой внутреннего давления, которое легко улавливается «детектором лжи». Существенные различия в вегетативных реакциях при ответе на разные типы вопросов и служат для экспериментатора показателями лжи.

Важным тут является умение задавать такие вопросы, которые позволять выявить истину (88).

(88)	<i>Okay, here is my question. The bandit got into the manager's office by claiming he wanted a loan for a certain reason. If you are this man, you will know whether he said he wanted to buy some furniture, buy a car, pay off his taxes, get a stereo, or go on a vacation. I want you to repeat after me each of these possibilities as I call them out.</i>	<i>А теперь вот какой вопрос. Преступник явился в офис менеджера с утверждением о том, что он хочет взять денежный заём для определённой цели. Если бы вы были этим человеком, вы бы могли знать, хотел ли он купить мебель, машину, стереосистему, отдать долг или уехать отдыхать. Я хочу, чтобы вы повторяли за мной каждую из этих возможностей по мере того, как я буду называть их.</i>
------	--	---

В частности, когда только преступник знает ответ на определённый вопрос (89-92), его реакция на это утверждение будет существенно отличаться от реакций невиновных людей. Виновный человек будет точно знать большее количество деталей и обстоятельств совершённого правонарушения. Невиновный же человек не будет знать, что было на самом деле и, в частности, какая из предложенных ему альтернатив является истинной. В силу этого реакции виновного человека будут скорее защитными, а невиновного – скорее всего нейтральными. Именно это и будет можно увидеть на экране монитора, к которому идут сигналы датчиков физиологического состояния опрашиваемого.

- (89) *Он хотел купить новый телевизор?*

- (90) *Он хотел купить новую машину?*
(91) *Он хотел поехать на курорт?*
(92) *Он хотел купить дом?*

Эффективность использования детектора лжи. Сознательный контроль вегетативных функций, связанных с переживанием тех или иных эмоций, для нетренированных испытуемых практически невозможен. Именно в силу этого по получаемым показателям формулируется диагноз эмоциональной динамики во время тестирования с помощью детектора. При том что проводящий допрос человек должен пройти особый курс обучения и является хорошим наблюдателем поведения. Объективные показатели эффективности этой процедуры достигают 70% и более.

Некоторые трудности применения полиграфа связаны с тем, что уже сама процедура подобного допроса может вызвать сильные эмоции (страх, тревогу, депрессию). Считается, что эти реакции нередко трудно отличить от реакций на содержание вопросов. К числу недостатков диагностической силы полиграфа относят также трудность содержательной интерпретации реакции человека. К примеру, подозреваемый может бурно реагировать, допустим, на слово *нож* и потому, что он стал свидетелем убийства, и потому, что он в детстве сильно порезался именно ножом.

Специалисты при составлении тестов рекомендуют задавать вопросы в мягкой форме. Например, вместо вопроса (93) следует предъявлять вопрос (94), а вместо вопроса (95) вопрос (96):

- (93) *Вы убили гражданку М.?*
(94) *Вы лишили жизни гражданку М.?*
(95) *Вы изнасиловали гражданку М.?*
(96) *Вы принудили гражданку М. вступить с вами в половую связь?*

Кроме того, очевидно, что и подозреваемый, который находится в состоянии напряжения, и человек, который не знает, что его ждёт, может создать впечатление, что он лжёт, если будет настороженно реагировать на те вопросы, смысл которых ему не совсем понятен. Отметим в этой связи, что наш ответ на обычный вопрос может зависеть и от контекста, и от ситуации, и от понимания того, зачем он задаётся. Иными словами, помимо прямого смысла высказывания для слушающего важен и глубинный смысл (97, 98).

(97) *Что ты хочешь этим сказать?*

(98) *С какой целью ты задаёшь вопрос: ты не знаешь, или хочешь проверить меня?*

Отметим, что попытки добиться правды от человека, который ее скрывает, с помощью так называемой сыворотки правды (sodium pentothal) оказались неудачными, поскольку не привели к желаемым результатам. Так же как и другие анестетики, этот препарат действовал расслабляюще и снижал сопротивление человека, но не гарантировал, что он будет говорить правду. Ряд экспериментов показал, что человек может сказать правду только тогда, когда он захочет этого.

В связи со сложностью применения гипнотического воздействия (под которым понимается повышенная расположенность человека выполнять то, что ему говорят, а потом это забывать) в настоящее время оно используется для получения правдивых показаний крайне редко. Во-первых, полученные данные трудно использовать в суде вследствие того, что подозреваемый находился в состоянии изменённого сознания; во-вторых, даже сильно загипнотизированные люди, желающие скрыть информацию, могут обманывать гипнотизеров.

О существующих способах обмануть детектор лжи мы не будем говорить тут по этическим соображениям.

10.12. Частные проблемы судебной лингвистической экспертизы

Достаточно часто для судебных лингвистов ставятся задачи обоснования экспертных выводов в отношении толкования слов и выражений, которые могут иметь юридические последствия. К примеру, к услугам психолингвистов прибегают, когда необходимо доказывать наличие в тексте признаков оскорбления, разжигания национальной розни, той или иной пропаганды (наркотиков, насилия и т.д.), воздействия на сознание, скрытой или недобросовестной рекламы и пр.

Оскорбление личности представляет для судебной психолингвистики особую проблему. Оскорбление – это унижение чести и достоинства другого лица, выраженное в неприличной форме. Особенность оскорбления состоит в том, что оно может быть употреблено в неоскорбительном контексте, быть выражено обычным словом, в

силу чего оно может быть воспринято не только как оскорбление, но и как обычное слово. Иными словами, здесь вступает в силу рецептивный аспект языкового элемента. Именно это и делает проблему оскорбления психолингвистической.

Доказать, что то или иное слово (99) является оскорбительным, может быть непросто из-за того, что контекст и интонация высказывания могут существенно менять действенность (и соответственно, оскорбительность) языкового элемента. Так, например слово *каналья* может не являться оскорбительным в позитивном контексте (100), но оно будет оскорбительным само по себе или в негативном (по эмоциональности) контексте (101), и тогда человек имеет право подать за это в суд.

(99) *собака, свинья, осёл, баран*

(100) *Хорошо, каналья, играет.*

(101) *Ах ты, каналья! Мало того, что ты...*

В практике судебной (юридической) лингвистики и судебной психолингвистики принято выделять следующие разряды слов литературного и разговорного языка, использование которых в отношении определённого лица может быть оскорбительным: слова и выражения, обозначающие антиобщественную, социально осуждаемую деятельность (102), слова с ярко выраженной негативной оценкой (103), названия некоторых профессий, имеющих зачастую переносное значение (104):

(102) *мошенник, жулик, проститутка*

(103) *расист, двурушник, предатель*

(104) *палач, мясник*

Достаточно часто в судебной практике встречаются зоосемантические метафоры, отсылающие к названиям животных и подчеркивающие отрицательные свойства человека: нечистоплотность или неблагодарность (105), глупость (106), упрямство (107), неповоротливость, неуклюжесть (108) или физическую полноту (109) и т.п. Естественно, они обладают национально-культурной спецификой, обладая разной нагрузкой в разных культурах. Так, в китайской культуре обезьяна считается хитрой, но интеллектуальной. В русской же она связана с суетливостью и повторением чужих действий.

(105) *свинья*

(106) *осёл*

(107) *козёл, баран*

(108) *медведь*

(109) *корова*

Оскорбительными являются глаголы с осуждающим значением или прямой негативной оценкой (110), а также слова, содержащие экспрессивную негативную оценку поведения человека, свойств его личности, без отношения к указанию на конкретную деятельность или позицию (111), эвфемизмы, сохраняющие негативно-оценочный характер (112), специальные негативно-оценочные каламбурные образования (113):

(110) *воровать, ханнуть;*

(111) *негодяй, мерзавец, хам*

(112) *женщина легкого поведения, интердевочка;*

(113) *коммуняки, дерьмократы, педросы, нашисты*

Игра с именами. Желая оскорбить, нередко играют с именами (114):

(114) *У Лужкова есть жена. Её зовут Лена. Можно сказать, что Лужков – муж Лены, а можно сказать, что он Ленин муж. Тут уж очень легко можно прийти к выводу о том, что Лужков – Ленин. Он тоже в кепке.*

В данном случае очень непросто доказывать, что опорочены честь и достоинство человека, поскольку речь идёт о создании ассоциации с другим образом, который для некоторой аудитории может обладать негативной коннотацией. И только опрос аудитории или выявление коннотаций (которые носят и субъективный, и переменный характер) могут сказать, в какой степени то или иное обозначение является оскорбительным.

Отдельно стоят оскорбления, в которых используются в качестве характеристик лица нецензурные слова.

Тут можно вспомнить о деле 2004 г. против певца Ф. Киркорова, который употребил слово, обозначающее женский половой орган, в адрес «журналистки в розовой кофточке». Один из экспертов утверждал при этом, что в значении использованного слова оскорбления не содержится. По сути это является неверным, поскольку с учётом этикета и норм поведения в обществе оно является оскорбительным. Именно поэтому суд был вправе потребовать с ответчика компенсацию.

Известен случай, когда пресс-атташе канадского премьер-министра, слушая речь Дж. Буша, сказала в сторону (115). Она была уво-

лена из канадской администрации на следующий же день без всякого суда, поскольку иногда нет необходимости доказывать очевидное.

(115) *moron* (слово аналогичное русскому слову из 5 букв на букву «м», что более грубо, чем *придурак*).

Задача судебного лингвиста или психолингвиста состоит в том, чтобы доказать, в какой функции использовано данное слово, насколько оно оскорбительно в целом и для данного конкретного случая или личности, в частности.

Постановка вопроса о чести и достоинстве. Одной из проблем в этой связи является проблема постановки лингвистического по сути вопроса судом и способом анализа факта оскорбления экспертом-психолингвистом. (Последняя фраза имеет синтаксис, который требует понимания не в смысле «оскорбления экспертом», а в смысле «анализа факта оскорбления». Мы намеренно сохранили её для того, чтобы читатели увидели пример возможности неоднозначного прочтения высказываний.)

В частности, юрист может поставить вопрос о том, является ли то или иное слово оскорбительным для истца. Такая постановка вопроса может предполагать формальный подход к анализу «оскорбительного слова», поиск словарных определений слова, анализ его этимологии. Вместе с тем, поскольку слово является элементом фразы, а фраза, в свою очередь, элементом речевого общения и поведения, эксперт-психолингвист, как отмечает А.А. Смирнов, будет иметь основания для анализа всего контекста речевого общения, всей речевой и неречевой ситуации, а не только отдельного слова.

Цитирование. В психолингвистическом плане важным является текст, который эксперт представляет суду. Структура его заключения достаточно проста: преамбула, исследование, собственно заключение. Но вот язык, которым излагаются соображения эксперта, может оказаться таким, что он вызовет у суда больше вопросов, чем ответов. Рассмотрим некоторые особенности языка заключения эксперта с психолингвистических позиций.

Пересказ существа дела. Допустим, в тексте дела говорится (116). Наличие слов типа (117) придаёт всему смыслу достаточно

убедительный характер, но только на первый взгляд. На самом деле такие элементы являются ни чем иным, как манипуляцией.

(116) *Известно, что порнография не имеет других задач, кроме возбуждения сексуального чувства у её потребителя с помощью подробного изображения полового акта.*

(117) *Общеизвестно; общепринято; очевидно; нет никаких оснований полагать, что; совершенно ясно, что...*

Как же быть в таком случае с цитатой? Одним из ответов на этот вопрос может быть понимание цитаты не как высказывания, которое имеет характер абсолютной истины, а некоторого мнения в отношении рассматриваемого объекта. Если, к примеру, необходимо процитировать мнение другого эксперта, которое оспаривается в данной экспертизе, то можно внести в текст заключения индикаторы субъективности высказываний (118-120).

(118) *По мнению этого эксперта, ...*

(119) *Как полагает предыдущий эксперт, ...*

(120) *В качестве одного из положений, из которых исходит один из экспертов,*

Поскольку такого рода вводные конструкции рассматриваются носителями языка как элементы связности текста, внимание читателя не фокусируется на семантике. Эти конструкции представляются корректными по отношению к говорившему, хотя и снижают значимость всего суждения для внимательного читателя. В целом же, принятие принципа интерпретативности высказывания позволяет более успешно вести риторическую полемику, не нарушая (формально) требования адекватного цитирования.

Двусмысленность. Судьи отмечают, что иногда специалисты дают двусмысленные, внутренне противоречивые заключения, и это осложняет принятие решения.

Хорошо известна классическая фраза (121), где смысл меняется (122-123) в зависимости от того, где можно поставить запятую (а ещё лучше – тире). Истории известен и пример фразы (124), написанной апостолом Павлом в послании Титу, которая была на Трирском синоде прочитана так (125), что стала оправданием сжигания еретиков.

(121) *Казнить нельзя помиловать.*

(122) *Казнить – нельзя помиловать.*

- (123) *Казнить нельзя – помиловать.*
(124) *Haereticum devita! – Еретика избегай!*
(125) *Haereticum de vita! – Еретика лишей жизни!*

Обобщённость. Нередко тексты экспертиз содержат в себе кванторы неопределённости, которые делают мнение автора нечётким и размытым (126). Это бывает и в художественных (127), и публицистических текстах, авторы которых либо не представляют себе существа анализируемого вопроса, либо не дают себе труда конкретизировать описываемое (а перекладывают всю работу на воображение и знания читателя). Высокий уровень абстрактности текста и, в частности, использование слов, которые не имеют референциальной отнесённости (128), не позволяют реципиенту понять ни авторское отношение продуциента к объекту речи, ни составить собственное представление.

- (126) *Такое чрезмерное и не всегда оправданное использование мата придаёт тексту вполне определённый стилистический колорит.*
(127) *Рыцарь ехал, облачённый в средневековую одежду: древний феодальный камзол, старинные штаны и национальную шляпу с традиционным рыцарским пером.*
(128) *Некоторый, определённый, соответствующий, своеобразный, неповторимый колорит, в некотором роде, своего рода*

Иными словами, проявляющаяся в тексте семантическая неконкретность создаёт ощущение пустоты семантики. Мы надеемся, что текст этого учебника был насыщен для читателей содержанием, которое они смогут использовать в своей работе и в жизни.

ЗАДАНИЯ

- Напишите два объявления о знакомстве – одно от себя лично, другое от лица другого человека. При этом измените не только объективные данные (пол, возраст, требования к партнёру), но и язык (слова) и стиль (манеру) текста (наденьте языковую маску). Проанализируйте различия в текстах.
- Вспомните, как менялись Ваше состояние и речь, когда Вам приходилось говорить неправду.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

- Мужской и женский язык в разговорной речи.
- Мужской и женский художественный текст.
- Самохарактеристика личности в объявлении о знакомстве.
- Устройство детектора лжи.
- Ложь в речи и способы ее распознавания.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

- Когнитивные стили и речь человека.
- Языковые средства описания эмоций и психических состояний.
- Идентификация личности по речи.
- Сущность исков о защите чести и достоинства.
- Язык судебно-психологической экспертизы.
- Язык экстремистских текстов.

Тема 11

ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

В своём прикладном аспекте данные, полученные психолингвистикой, могут быть полезными для многих областей психологии: педагогической и медицинской психологии, патопсихологии и нейропсихологии, психиатрии и дефектологии, судебной и юридической психологии, политической психологии и психологии рекламы. В сущности, именно эти прикладные дисциплины и возникающие перед ними задачи лингвистического плана служат в настоящее время стимулами к развитию психолингвистики.

Издаваемый в Кембридже (США) журнал прикладной психолингвистики (*Applied Psycholinguistics*) предназначен для следующих групп читателей: лингвистов, психологов, социолингвистов, преподавателей родного и иностранного языков, исследователей проблем чтения, специалистов по речевой патологии и неврологии.

Поскольку ряд вопросов, связанных с этими проблемами, мы уже рассмотрели в предыдущих главах, обратимся к другим прикладным аспектам психолингвистики. Посмотрим, где и как могут быть использованы сведения, полученные в рамках этой дисциплины.

11.1. Автоматический анализ текста

Проблема автоматического анализа текста не входит в число сугубо психолингвистических, однако она не может быть решена без учета тех знаний, которые накоплены этой наукой. Рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы.

В конце XX в. количество электронных текстов и документов, существующих только в компьютерном виде, возросло многократно. Это потребовало развития технологий, связанных с обработкой данных и документов, созданных на естественном языке (по стечению обстоятельств эта аббревиатура тоже NLP – *natural language processing*). Возникли новые технологии, которые помогают нам легко хранить, находить, обрабатывать и анализировать документы.

Компьютерных систем анализа естественной речи очень много. Каждая из них может быть использована в целях решения достаточно узких задач. Создать программу, которая бы соответствовала всем требованиям, решала бы несколько задач, на сегодняшний день не представляется возможным. Вместе с тем, многие коммерческие продукты позволяют получить данные, добыча которых «вручную» заняла бы очень много времени. К тому же заложенные в программы экспертные знания позволяют сделать полученные выводы более объективными, чем если бы это были наблюдения и выводы отдельных экспертов. Естественно, что любые выводы, предоставленные компьютерной программой, требуют верификации человеком, использующим эту программу.

Приведём краткий обзор некоторых программ.

Программа Prostyle. Одна из экспертных компьютерных программ Prostyle (США) осуществляет анализ любого вводимого текста и выводит в порядке номеров факторы, которые позволяют провести статистический анализ любых расхождений в двух исследуемых текстах (например, письменное признание своей вины и более ранний документ, написанный обвиняемым). Среди факторов, учитываемых программой Prostyle, следующие:

- предельный индекс чёткости (насколько данный текст лёгок или труден для понимания);
- индексы FOG и Флэша-Кинкейда;
- показатель частотности страдательных конструкций, позволяющий выявить индивидуальные особенности автора;
- количество используемых лексических единиц, которое при вычислении процента соотношения с общим количеством слов в тексте даёт показатель словарного запаса автора;
- процент сложных слов по количеству слогов;
- средняя длина предложения (которая, как предполагается, коррелирует с уровнем образования автора);
- «читательский возраст» автора данного текста;
- количество погрешностей письменного стиля в тексте (возможные ошибки: неправильное употребление абстрактных существительных; неправильное употребление глагольных форм и предлогов; пропуск глагола; использование устаревших, высокопарных слов; нарушение в пассивных конструк-

циях; неуместное употребление сленга и жаргона; грубые и непристойные слова; слабое знание английского языка в целом).

Резюмирование текста. Такая процедура, как резюмирование (аннотирование) текста, позволяет уменьшать объём текста и сделать возможным его показ даже на дисплее мобильного телефона. Упрощение текста может помочь детям, пожилым людям, иностранцам легче понять его. Для того чтобы осуществить компрессию (сжатие) текста, необходимо применять такие процедуры перефразирования, которые учитывали бы длину, читабельность и стиль текста, не искажая его смысл.

Как мы отмечали ранее, при восприятии текста человек трансформирует воспринимаемые конструкции, запоминая текст в форме, более доступной для его понимания. Кроме того, способность к перефразированию тесно связана со способностью понимать речь. К примеру, достаточно частым заданием в учебниках по родному и иностранному языку является задание пересказать текст своими словами. Это позволяет «убрать» из процесса обучения языку опору только на механическую память, и подключить механизмы творческого (в том числе и комбинаторного) овладения языком. Автоматический же перифраз – это своего рода машинный перевод в рамках одного языка.

К слову сказать, процедура резюмирования существовала ещё в Средние века. Так, в романе Д. Дефо «Робинзон Крузо» и в названии дан краткий пересказ книги (1), и перед каждой главой даётся перечень основных событий.

- (1) *Жизнь и удивительные приключения Робинзона Крузо, моряка из Йорка, прожившего двадцать восемь лет в полном одиночестве на необитаемом острове близ устьев реки Ориноко, куда он был выброшен кораблекрушением, во время которого весь экипаж корабля кроме него погиб; с изложением его неожиданного освобождения пиратами, написанные им самим.*

Проблема плагиата. Эта проблема нередко встаёт как перед преподавателями вузов, так и перед теми, кто защищает интеллектуальную собственность.

Хорошим примером использования психолингвистики для определения авторства текста является программа Textus Lite (Forensic Linguistic Institute, Великобритания). В окно программы вставляется текст, из которого программа уберёт как по случайным, так и по специальным критериям определённое количество слов. Затем респондентам, претендующим на авторство, предлагается восстановить пропуски текста (имитация методики восстановления разрушенного текста – cloze procedure). На основании полученных результатов восстановления текста испытуемыми программа позволяет сделать вывод о том, кто является истинным автором текста.

Вывод основан на том допущении, что только автор текста в состоянии заполнить максимально верно (как по формальным, так и по содержательным критериям) текст, который он создал. В программе Textus Lite за доверительный интервал принимается 50% правильно восстановленных пропусков. Иными словами, если кто-либо просто скачал из Интернета курсовую и даже прочитал её пару раз, то это вовсе не значит, что он сможет вспомнить синтаксическую конструкцию, семантическую и грамматическую форму каждого второго специальным образом пропущенного слова текста. Это сможет сделать только тот, кто обладает целостностью замысла текста, у кого в сознании была программа порождения текста и кто реально осуществил его создание, т.е. автор.

Отечественная компьютерная программа «Проглот» (разработана Ю.И. Зайцевой в лаборатории прикладной лингвистики) позволяет строить поисковый образ анализируемого текста (набор слов или цепочек слов, которые отражают анализируемый текст в максимальной степени), сканировать Интернет и определять, в какой степени элементы данного текста встречаются в других текстах.

Программы, имитирующие общение с человеком. Считается, что если может быть создана система, способная перефразировать текст другими словами, нежели он был изложен, то можно утверждать, что такого рода система «понимает» текст. Это, в свою очередь, очень важно для решения проблемы искусственного интеллекта (artificial intelligence).

Одним из самых известных примеров подобной системы является **программа «Элиза»**, взаимодействие с которой моделирует

общение с психотерапевтом. Одна из модификаций этой программы – PC Friend Eccliza – может представляться и начинать общение (2) повторять вопросы, требуя уточнений (3–5), просить сменить тему, если она не может её продолжить (6), задавать ироничные вопросы (7), чем очень напоминает поведение человека.

(2)	<i>I am your computer psychologist. Type in your problem, please.</i>	<i>Я ваш компьютерный психолог. Расскажите, пожалуйста, о своих проблемах.</i>
(3)	<i>Hey, I need more information then that.</i>	<i>Мне нужно больше информации об этом.</i>
(4)	<i>Can you say more about this subject?</i>	<i>Не могли бы вы сказать еще что-нибудь по этому поводу?</i>
(5)	<i>What do you mean when you say ...?</i>	<i>Что вы имеете в виду, когда говорите ...?</i>
(6)	<i>Let us change the subject.</i>	<i>Давайте сменим тему беседы.</i>
(7)	<i>Are you saying "no" just to be negative?</i>	<i>Вы говорите «нет» только для того, чтобы проявить свой негативизм?</i>

При оценке естественности общения с компьютером обычно вспоминают о тесте, который был предложен Аланом Тьюрингом в 1950 г. Он заключается в переписке судьи (человека) с машиной и другим человеком. Если судья при этом не может достоверно отличить машину от человека, то машина признается разумной.

Данная тема настолько широка, что мы отошлём читателей к специальным работам, многие из которых имеют исключительно прикладной характер и требуют знания не столько психолингвистики, сколько основ компьютерного программирования. Некоторые из этих проблем обсуждаются на сайте www.dialog-21.ru

11.2. Машинный перевод

Машинный перевод представляет собой перевод текста компьютерными системами. Для обозначения машинного перевода в англоязычной терминологии различаются термины machine translation (МТ, полностью автоматический перевод) и machine-aided или

machine-assisted translation (МАТ, автоматизированный перевод); если же надо обозначить и то и другое, пишут М(А)Т.

Близко понятию машинного перевода понятие «автоматизированный перевод» (computer-aided translation). Он представляет собой перевод текстов на компьютере с использованием компьютерных технологий. Отличается от машинного перевода тем, что весь процесс перевода осуществляется человеком, компьютер лишь помогает ему произвести готовый текст либо за меньшее время, либо с лучшим качеством.

Идея автоматизированного перевода появилась с момента появления компьютеров, когда переводчиков не удовлетворял машинный перевод. В 1960-е годы Европейское объединение угля и стали (предшественник современного Евросоюза) стало создавать терминологические базы данных под общим названием Eurodicautom. В Советском Союзе для создания баз такого рода был создан ВИНТИ. Суть автоматизированного перевода была развита Мартином Кеем [1980], который выдвинул следующий тезис: компьютер берет на себя рутинные операции и освобождает человека для операций, требующих человеческого мышления.

Существует несколько способов взаимодействия человека и систем перевода текста с одного языка на другой:

- С предредактированием: человек приспособливает текст к обработке машиной (устраняет возможные неоднозначные прочтения, упрощает и размечает текст), после чего начинается программная обработка.
- С интерредактированием: человек вмешивается в работу системы перевода, разрешая трудные случаи.
- С постредактированием: исходный текст перерабатывается машиной, а человек-редактор исправляет результат.
- Смешанные системы (например, одновременно с пред- и постредактированием).
- Частично автоматизированный перевод: например, использование переводчиком-человеком компьютерных словарей.
- Системы с разделением труда: компьютер обучен переводить только фразы жестко заданной структуры (но делает это так, чтобы исправлять за ним не требовалось), а всё, что не укладывается в схему, делает человек.

В настоящее время наиболее распространённым способом использования компьютеров при письменном переводе является работа со словарями и глоссариями, с памятью переводов (Translation Memory), содержащей примеры ранее переведённых текстов. Используются также корпуса (большие коллекции текстов на одном или нескольких языках), что даёт представление о том контексте, в котором слова и выражения реально используются в языке в целом или в конкретной предметной области.

Поскольку описать значения всех слов естественного языка не представляется возможным, (да в этом пока и нет необходимости), системы машинного перевода используются для перевода преимущественно текстов технического содержания, где за каждым термином закреплён минимум значений и где есть жёсткие синтаксические структуры. Примером самой полной системы такого рода является программа Trados. При переводе же гуманитарных текстов происходят сбои в системе (при переводе фразы 8 система выдаёт 9 вместо 10):

- (8) *My cat has given birth to four kittens, two yellow, one white and one black.*
- (9) *Мой кот родил четырёх котят, два жёлтых цвета, одно белое и одного афроамериканца.*
- (10) *Моя кошка родила четырёх котят, двух жёлтых, одного белого и одного чёрного.*

11.3. Речевое воздействие

Психологическое воздействие. В юридической психологии психологическим воздействием считается частный случай психического воздействия вообще.

Психологическое воздействие – это преднамеренное и целенаправленное вмешательство в процессы психического отражения действительности.

Исследователями выделяются характер, направленность, формы, методы и приемы, а также принципы психологического воздействия. По характеру воздействия различают простое воздействие и сложное. Первое из них связано с реализацией детального плана

последовательных действий, осуществляемых за один сеанс общения. Сложное воздействие состоит из ряда простых, оно является средством или способом достижения стратегической цели.

По направленности психологическое воздействие может быть индивидуальным или социально-психологическим. Индивидуальное психологическое воздействие направлено на конкретного человека, социальное – на группу людей.

По форме осуществления психологическое воздействие может быть открытым, закрытым и комбинированным. Открытое по форме воздействие обращено непосредственно к уровню сознания. Здесь воздействуемые имеют возможность отслеживать применяемые приемы, понимать их направленность и ожидаемый эффект применения. Под закрытой формой понимается использование приёмов, воздействующих на сферу неосознаваемой психической деятельности (косвенное внушение, «косвенный допрос» и др.). Комбинированная форма сочетает в себе одновременно простую и сложную.

По технической оснащенности различают воздействия простые и инструментальные. Вторые в большей степени зависят от предварительного оборудования места взаимодействия.

Выделяют следующие виды воздействия:

а) побуждающее (стимулирующее к действиям без указания на конкретное содержание этих действий);

б) принуждающее (прямо предписывающее или заставляющее что-либо совершить);

в) постановка и варьирование мыслительных задач;

г) внушающее (воздействующее на индивида опосредствованно, через неосознаваемую сферу психики).

Что касается приёмов и конкретных техник управления психическим состоянием партнёра по общению, то их количество, по мнению В.Ф. Енгальчева исчисляется сотнями.

Внушение по методам реализации подразделяется на прямое (императивное) и косвенное, а также преднамеренное и непреднамеренное. Содержание косвенного внушения включено в сообщаемую информацию в скрытом, замаскированном виде и может характеризоваться неосознанностью, незаметностью, произвольностью его усвоения.

Внушение – это такое воздействие, словесное или образное, которое вызывает некритическое восприятие и усвоение какой-либо информации.

Внушение является компонентом обычного человеческого общения, но может выступать и как специально организованный вид коммуникации, воздействие с целью вызвать некритическое восприятие сообщаемой информации. Под влиянием внушения могут возникать представления, не соответствующие действительности, а также стремление действовать без оценки полученных побуждений и верить источнику информации, не сомневаясь в его надёжности.

Основным средством воздействия и внушения являются слова, которые представляют собой не только инструменты мышления, или «эмоциональную отдушину» (Р. Якобсон), но и инструмент воздействия на личность. При этом слова могут приносить как пользу адресату высказывания, так и вред. Говоря иначе, со словами могут быть связаны злоупотребления, заключённые в самом акте коммуникации, а именно: возможные искажения смысла вследствие изменения общеизвестного значения слов ради маскировки реальности, ограничение и даже «затуманивание» мышления человека, изменение его поведения и действий.

Как писал В.Н. Волошин, «всякое словесное высказывание человека является маленьким идеологическим построением». Языковое и речевое манипулирование получателями информации вплоть до принуждения человека действовать вопреки его интересам – это реальность. Д. Слобин отмечал: «Достаточно опасно забывать, что языки могут действительно иметь важное влияние на то, во что люди верят, и что они будут делать».

Т. Слама-Казак, будучи румынкой по происхождению, большое внимание уделяла проблеме словесного манипулирования. Она полагала, что психолингвистика должна заниматься не «словами» в общем смысле, а речью как проявлением вербальной активности в сфере коммуникации. По её мнению, коммуникация – это не просто передача информации, но прежде всего стремление убедить собеседника. Соответственно, слова употребляются для оказания влияния на других людей.

11.4. Устное воздействие

Одним из наиболее распространенных путей речевого воздействия является воздействие с помощью устно предъявляемой информации. Причин для этого несколько.

Во-первых, устная речь гораздо доступнее письменной: радио, телевизор и телефон есть практически у всех. Во-вторых, восприятие устной речи требует меньше усилий со стороны реципиента. В-третьих, у манипулятора – при непосредственном контакте с аудиторией – всегда есть возможность контролировать свою речь и подстраиваться под слушателей, учитывая состояние и настроение аудитории.

Письменный текст может содержать более сложные установки (в том числе и суггестивного характера), однако при этом читателю легче распознать и имеющееся в нём воздействие. Письменный текст всегда в распоряжении читателя, к нему можно вернуться, чтобы обдумать его, на понимание письменного текста у реципиента гораздо больше времени. При устном предъявлении информации слушателю гораздо сложнее «вернуться», осознать сказанное ранее без потери части предъявленной информации. Конечно, может быть сделана магнитофонная или электронная запись устной беседы с целью последующего анализа, но это производится только в исключительных случаях (так поступают, к примеру, с заявлениями политиков, которые потом будут цитироваться в открытой печати или в Интернете, с текстами допросов участников судебной деятельности).

Когда человек слышит обращённое к нему высказывание, то его память – в соответствии с законами восприятия речи – будет сразу переводить услышанное на «язык мысли». При этом оригинальная языковая форма предъявления информации «улетучится», поскольку нет необходимости запоминать в её первоначальном виде – важен основной смысл. При этом, усилия по осознанию смысла речи должны распределяться равномерно между пониманием уже сказанного и необходимостью понимания того, что говорится собеседником в данный момент. Эти усилия схожи с усилиями синхронного переводчика, который должен, передавая сказанное, понимать (и запоминать) говоримое.

Чем быстрее предъявляется информация, чем больше тем (проблем) затрагивает говорящий, и чем суггестивнее его речь, тем более в сложном положении находится слушающий.

Именно этим пользуются жулики, требуя, допустим, быстрого ответа от жертвы. Именно на это и рассчитывают рекламодатели, призывая «*Позвоните сейчас!*». В силу этих же причин умелый оратор может делать на определённых словах соответствующее смысловое ударение, он хорошо структурирует свою речь, используя законы человеческого восприятия. И такая устная речь может оказывать гораздо большее

влияние, чем письменная. Недаром политики так любят выступать перед возбуждённой толпой. Гитлер любил выступать перед толпой во второй половине дня, когда, после рабочего дня в состоянии усталости люди менее критичны. Недаром все специалисты по сетевому маркетингу действуют путём устного воздействия, недаром служители церкви уделяют такое внимание проповедям и беседам с прихожанами.

Заговор. И в XXI в. ещё существуют люди, которые обращаются к знахарям, знахаркам, колдунам, колдуньям, ведуньям, ясновидящим. Они просят помочь им в решении их проблем путём употребления слов, которые, как им кажется, имеют «магическую» силу.

Заговор – короткое прозаическое устно-поэтическое произведение, обладающие силой воздействия на слушателя, который верит этому.

Люди верят, что знахари лечат от разных болезней, снимают порчу и заговаривают от сглаза, произнося разные заговоры (11, 12), включая в них даже пугающие (по семантике и звучанию) слова (13).

- (11) Заговор от лихорадки: *«Осина, осина, возьми мою тряси́ну, дай мне лепоту!»*
- (12) Заговор от сглаза ребёнка: *«От дитя, от малого, отойди, чёрный глаз. Во имя Отца и Сына и Святого Духа. Аминь».*
- (13) *Пятно-пятнице, язвике, колю тебя иглицей от каменного плоду, чтобы не было тебе ходу.*

Многие тексты суггестивного плана нередко построены фонетически так, чтобы оказывать наибольшее воздействие.

Угрожающая речь. Для отпугивания хулигана на улице можно использовать неблагозвучные фразы типа (14, 15) или парадоксальные фразы, которые могут вызвать диссоциацию сознания (16):

- (14) *Шуруй уж прямо, меня мусора уже жмут.*
- (15) *Слышь, можешь идти, куда шёл или стоять, где стоишь.*
- (16) *Слышь, можешь стоять, куда шёл или идти, где стоишь.*

На нежеланного посетителя могут подействовать и такие фразы (17–24):

- (17) *Накажу, страшно накажу, шуруй от греха.*
- (18) *В вашем распоряжении еще сорок шесть секунд.*
- (19) *Что еще скажете перед уходом, я слушаю.*

(20) Скажите, какова цель вашего прихода?

(21) Ещё слово – и сожаления замучат.

(22) Вы уже уходите или мне вас нужно дослушать?

(23) Цель вашего прихода – поругаться?

(24) Ваши возможности наживать враждебность непостижимы.

Сами по себе, по смыслу, фразы не предполагают пожелания вреда, часто это даже не угрозы. Однако фонетически они являются довольно неприятными и это может вызвать у слушателя желание прервать общение.

Ритмичность. Рассмотрим такое явление речи, как её ритмичность. Ритмичность имеет особое значение в плане как суггестивности (внушения), так и эффективности усвоения речи. Если один и тот же текст (25) проговорить вслух безэмоционально, а затем с изменением интонационного рисунка (26), то последний окажется более лёгким для усвоения и, соответственно, более действенным в плане изменения состояния сознания слушателя.

(25) Речь равномерная, монотонная, без интонаций	(26) В речи появляются паузы, тон голоса по очереди то повышается, то понижается	
<i>Представьте себе лодку, которая качается на волнах вверх и вниз, потому что даже в безветренную погоду на воде есть какие-то волны, и на этих волнах лодка качается вверх и вниз, и на воде всегда есть солнечные зайчики, которые утомляют ваше зрение и серьёзно приковывают к себе ваше внимание.</i>	<i>Представьте себе лодку, ...которая качается на волнах. ...вверх...</i>	голос повышается, уходя почти в дискант
	<i>...и вниз...</i>	голос понижается до низкого баритона
	<i>...потому что даже в безветренную погоду...</i>	голос повышается
	<i>...на воде есть какие-то волны...</i>	голос понижается
	<i>...и на этих волнах...</i>	голос повышается
	<i>...лодка качается</i>	голос понижается
	<i>...вверх...</i>	голос повышается
	<i>...и вниз...</i>	голос понижается
	<i>...и на воде всегда есть солнечные зайчики...</i>	голос выше
<i>...которые утомляют ваше зрение...</i>	голос ниже	
<i>...и серьёзно приковывают к себе ваше внимание...</i>	совсем тихо	

В том случае, когда есть ритмичное чтение с правильно расставленной интонацией, речь меняется как бы «по синусоиде»: с повышением интонации и с понижением. Удачно подобранный сюжет, на который хорошо ложится чередование интонаций, позволит говорящему ввести слушающего в лёгкий транс, перегрузив его внимание и психотерапевтическим смыслом, и интонацией. После этого текста могут уже последовать собственно суггестивные тексты с соответствующей установкой.

11.5. Язык и идеология

В ряде американских университетов в программу обучения психологов и специалистов по общественным наукам входит курс «Язык и власть» (Language and Power), в ходе которого анализируются возможности языка устанавливать отношения подчинения, отражать различные цели, а также выражать идеологию.

Среди семантических приёмов, которыми пользуются идеологи (политики, спичрайтеры, пресс-аташе, специалисты по public relations), немало стратегем речевого воздействия.

Чаще всего встречаются незаметное искажение или умелая замена иностранным термином традиционного и принятого оборота (27–29), что приводит к изменению значения слова; постепенное, а иногда и принудительное введение искаженных форм коммуникации, навязывание клише, аббревиатуры, даже метафор.

(27) *убийца – киллер*

(28) *обвал рынка – дефолт*

(29) *бандит – гангстер*

Шпион называется *разведчиком*; человек, который наживается на торговле смертельно опасными наркотиками, может быть назван романтически *наркобароном*; *кризис* может быть назван *некоторым снижением темпов роста*; снижение цен на акции – *корректировкой*; слово *компенсация* может обозначать небольшое пособие при огромной инфляции, а военные учения с использованием бомбардировщиков могут иметь отвлекающее название *мирная миссия* и т.д.

(30) *Мирная миссия*

Конфликт интерпретаций какого-либо понятия, особенно такого, который наполнен эмоциональным или идеологическим содер-

жанием, неизбежен (31–37). Разные языки могут описывать одно и то же явление, акцентируя внимание на разных его аспектах. Характерно, что каждая из сторон считает своё смысловое наполнение истинным (обратите внимание на квантор «на самом деле» в примере 37). Конечно же, ни одно языковое наименование не является «на самом деле», все слова – суть обозначения, отражающие наше (или не наше) понимание действительности.

(31) *модный – броский, вычурный, аляповатый*

(32) *смелый – безрассудный*

(33) *закомплексованный – застенчивый, скромный, тихий, робкий, спокойный*

(34) *добрый – мягкотелый*

(35) *забавный – глупый*

(36) *весёлый – пустой*

(37) *То, что называют красивым словом топless, на самом деле – грех оголения, а шведская семья – не что иное, как содомия [из речи священника].*

Особенно распространёнными являются подобные элементы «двоемыслия» (слово Дж. Оруэлла из романа «1984») во времена войн и в периоды кризисов. Вот примеры выражений, использовавшихся (38–43) во время вьетнамской войны (1968–1973 гг.).

	Английский «официальный»	Английский «обычный»
(38)	international army conflict	the Vietnam War
	международный военный конфликт	Вьетнамская война
(39)	air raid	aggressive attack
	воздушный налёт	агрессивная атака
(40)	bridge	a splintered set of logs thrown across a stream
	мост	несколько сплетённых между собой брёвен, переброшенных через ручей
(41)	a network of tunnels	a gimcrack bomb-shelter
	система туннелей	самодельное бомбоубежище
(42)	a resources control program	Defoliation of entire forest, with the results that it may sprout another green leaf for decades

	программа контроля за ресурсами	опыление целых лесов ядохимикатами, после которых листья не будут расти десятилетиями
(43)	condolence awards	the thirty-four dollars given to families of South Vietnamese civilians killed by mistake
	выплата в знак соболезнования	тридцать четыре доллара, которые выдавались семьям южновьетнамских жителей, убитых по ошибке

Такого рода языковая манипуляция (или лингвистическая «косметика») очень часто применяется политическими, экономическими или технократическими силами, а также средствами массовой информации для достижения вполне определённых целей.

К примеру, книга по рекламе под названием (44) в советское время была переведена как (45), поскольку как таковой рекламы не было и официальное отношение к товарно-денежным отношениям было исключительно негативное.

(44) *The Big Sell* = *Большая продажа*

(45) *Большой обман*

Формулировка вопроса при социологическом опросе. Нередко при социологических опросах сама формулировка вопроса может быть суггестивной. К примеру, в альтернативном вопросе, якобы предназначенном для референдума (46), имеются лексические элементы с позитивной семантикой (47), есть не очень определённое (в силу своей обобщенности) наименование (48), поэтому негативный ответ со стороны респондентов не только не предполагается, но и блокируется языковыми средствами построения вопроса.

(46) *Вы за или против того курса, которым живёт и развивается страна?*

(47) *жить, развиваться*

(48) *тот курс*

Приёмы так называемого дубового языка («langue de bois» – термин Т. Слама-Казаку) имеют большой диапазон, начиная с то-

талитаристских клише фашистской и коммунистической эпохи или эпохи социальных изменений. Назовём лишь основные приёмы манипуляции сознанием, используемые в средствах массовой информации:

1. Перенос частного факта в сферу общего, в систему.
2. Использование слухов, домыслов, толкований в неясной политической или социальной ситуации.
3. Метод фрагментации.
4. Метод под названием «нужны трупы» и метод «страшилок».
5. Замалчивание одних фактов и выпячивание других.
6. Многократные повторы, или «метод Геббельса».
7. Создание лжесобытий, мистификация.

Пиар. Пожалуй, самым широким образом используют языковые возможности пиар (в российском понимании этого термина) и политическая пропаганда. Тут и подмена понятий, и расширение значения, и ассоциации, которые связаны со стимулом только лингвистически. Так, в примере (49) оранжевый цвет по ассоциации связывается с «оранжевой революцией», потом сам оранжевый цвет связывается с красным, а красный цвет с кровью. Такая цепочка ассоциаций автора текста призвана убедить слушателей в том, что «оранжевая революция» тоже связана с кровью.

- (49) Показав кадры, где у ваххабитов на голове были оранжевые повязки, комментатор сказал примерно следующее: *«Нам не нужны такие оранжевые революции, в ходе которых нам хотят навязать чуждые нам ценности. Надо помнить, что кровь – она и есть кровь. Она всегда красного цвета».*

Имитация под оригинал. Одним из излюбленных приёмов тех, кто осуществляет чёрный пиар, является имитация оригинала.

Приведём пример листовки, появившейся в сентябре 2004 г. в Калуге (50).

**ДЕНЬ ПОЖИЛЫХ ЛЮДЕЙ
НАШИ СТАРИКИ И УЧИТЕЛЯ**

Вы самые сильные справедливые, уважаемые, терпеливые.

Я все сделаю, чтобы вы стали самые счастливые.

Голосуйте за меня

Поздравляю вас

Со мной вас поздравляют работники ЖКХ,

спортсмены, ученые, нефтяники, космонавты, мои друзья,

все прогрессивные люди страны

Акимов Максим

день учителя

отпечатано в ЗАО Красногорская типография

Красногорск, ул Коммунальный квартал д.2 тираж 50.000 экз.

Текст этой листовки был ограничен рамкой, очень похожей на траурную, и она была приклеена на многих дверях подъездов калужан. И сделано это было в предверии Дня пожилых людей. Вывод, который можно сделать об этом тексте, такой: он представляет собой образец чёрного пиара, поскольку образ автора в нём дан как образ самоуверенного и глуповатого человека. (Какие космонавты? Какие прогрессивные люди страны?) Совершенно очевидно, что Акимов Максим такой текст не писал, а писали его те, кто хотел скомпроментировать его в глазах избирателей.

11.6. Языковое воздействие в сфере рекламы

Без рекламы не может существовать ни одно общество, где есть производство. Реклама нужна как средство информирования потребителей о свойствах товаров. Вместе с тем она представляет собой мощный инструмент воздействия на потребительское поведение людей, которое основано на представлении предмета не таким, какой он есть на самом деле.

К примеру, в широко известном рекламном слогане (51) семантика слова *экологический* не предполагает учета того, что частью экологической системы является человек. Иначе никак не объяснить ряд других суждений (51 a-d). Аналогичным образом (52) может быть опровергнуто реальным положением дел (52a).

- (51) *Метро – самый экологичный вид транспорта*
- (a) *В метро бывает очень шумно*
- (b) *В метро бывает очень душно*
- (c) *В метро бывает очень много людей*
- (d) *В метро может быть высокий уровень электромагнитного излучения*
- (52) *Дай пальцам оттянуться* [реклама посылки СМС-сообщений]
- (a) При посылке СМС-сообщений пальцы руки не оттягиваются, а стягиваются

Реклама и ассоциации. Под воздействием рекламы трансформируется ассоциативно-вербальная сеть языковой личности, которая искажает существующую картину мира. Вот примеры ассоциаций (53-59), полученных под воздействием рекламы (в скобках указано количество испытуемых, которые дали те или иные ассоциации):

- (53) *беседа – чай (7);*
- (54) *волосы – «Пантин про ви» (2);*
- (55) *Галина – Бланка (12);*
- (56) *жажда – «Спрайт» (15), имидж (8);*
- (57) *масло – долина (11);*
- (58) *мир – радио (5);*
- (59) *миф – чистящее средство (4).*

Скрытая реклама. Нередко газетная или журнальная публикация содержит рекламу, которая не обозначена как таковая. Это представляет собой скрытую рекламу. Определить, содержит ли текст, внешне напоминающий журналистскую публикацию, скрытую рекламу, можно на основании следующих признаков:

1. Однозначная связь информации, заложенной в тексте, с предпринимательской деятельностью. Она содействует продвижению на рынок определённых товаров или услуг.

2. Предназначение информации для неопределённого круга лиц.

3. Целенаправленное обращение внимания потребителей на продавца, производителя, марку и другое для формирования и поддержания интереса к товару или услуге. В этой связи интересно мнение Ф. Буари, который считает, что названия и марки товаров могут указываться в нерекламных текстах только в том случае, если «текст теряет смысл из-за их отсутствия». Одним из видов целена-

правленного обращения внимания потребителей на марку и служит также неоправданный повтор.

4. «Искусственный» характер новости, содержащейся в тексте, когда значимость сообщения для аудитории является преувеличенной или надуманной, не имеющей реальной основы.

5. Эмоционально-экспрессивная, позитивно-оценочная аргументация в пользу предмета рекламы, которая часто выражается в неумеренном, неуместном и неестественном восторге по поводу какого-либо обычного товара или услуги.

6. Позиционирование предмета рекламы, придание ему отличительных характеристик.

7. Императивность текста: реклама – это прямое категорическое предложение о продаже. Императивность может не только носить ярко выраженный характер, но и содержаться в подтексте завуалированного предложения о продаже (60).

(60) *Чтобы решить эту проблему, Вам нужно только прийти к нам и выбрать....*

8. Ориентация на незамедлительную продажу товаров (востребованность услуг). В материалах, отвечающих данному признаку, информация часто бывает «привязана» к конкретному временному периоду.

Отдельную проблему составляет реклама типа product placement, когда название товара упоминается в художественном тексте (61) или марка продукта показывается в фильме. В большинстве европейских стран product placement запрещён.

(61) *Выпив бутылочку кока-колы,....*

Смешение марок. Серьёзную проблему для психолингвистической экспертизы представляет собой наименование товара, особенно такого, название которого похоже на уже известное. Это может быть название производителя (62), марки джинсов (63) или лекарства (64). В этом случае необходима экспертиза, которая позволяет утверждать, что испытуемые (потенциальные потребители) не в состоянии (или, наоборот, в состоянии) различить два написания.

	Известная марка	Похожее наименование
(62)	<i>институт имени Сеченова</i>	<i>институт имени Меченова</i>
(63)	<i>Wrangler</i>	<i>Weamglen</i>
(64)	<i>Энан</i>	<i>Энам</i>

11.7. Сетевой маркетинг

Большое распространение имеют приёмы речевого воздействия в рамках так называемого сетевого маркетинга.

Сетевой маркетинг – это вовлечение людей в организованную сеть распространения товара путём продажи его с помощью средств личного и речевого воздействия.

Нередко в рамках организаций, практикующих сетевой маркетинг, проводятся всевозможные семинары, где происходит вовлечение человека в структуру. При этом именно там осуществляется массированное воздействие на личность. В частности, там отмечается информационная избыточность, достигаемая передачей информации по трём каналам (визуальный, аудиальный, тактильный). Во время перерывов между выступлениями перегрузка идёт по аудиальному каналу (громкая музыка) при подключении кинестетического (хлопание). Большой объём информации, подаваемый в достаточно высоком темпе (аудиально), иллюстрируется постоянно изменяющимися (и не очень понятными) таблицами, с использованием различных цветных маркеров (визуально). При этом от слушателей требуют обязательно записывать информацию и заполнять разные таблицы (задействована кинестетика). Этим достигается возможность отвлечь (точнее, рассредоточить) внимание аудитории настолько, чтобы подавить возможные возражения, снизив критичность мышления и даже, может быть, подавив внутреннюю речь.

В связи с последним суждением отметим, что процесс чтения сопровождается неосознаваемым движением гортани и губ (особенно это заметно у не очень грамотных людей и при чтении на иностранном языке). При обучении же навыкам скорочтения (или динамического чтения в другой терминологии) движения губ тормозят развитие навыка. Поэтому обучающимся скорочтению в качестве первого из упражнений предлагается упражнение на движение локтевого сустава в определенном ритме.

Эксперимент с конспектированием. Сложность одновременной записи материала и его понимания была проверена в экспе-

рименте В.Ф. Енгальчева, когда студентам диктовали лекционный материал с заданием записывать сообщение, а затем просили пересказать его. Оказалось, что для понимания текста необходима была временная остановка диктования. В качестве вывода была сделана рекомендация о том, что после объяснения порции учебного материала слушателям необходимо дать время для его осознания, попросив их записать услышанное своими словами в паузе. Иначе выполнение одновременно двух действий (слушание и запись) приводит к неудовлетворительному пониманию смыслового материала.

Возвращаясь к лекционным приёмам сетевого маркетинга, отметим, что требование записывать за говорящим материал не приводит к его лучшему пониманию, а лишь перегружает внимание слушающих. Это, в свою очередь, позволяет осуществлять необходимое воздействие более изощённо.

Снижение критичности. Подобные «семинары» могут начинаться с формирования ведущей установки у присутствующих на неординарность происходящего (67). С самого начала ведущий овладевает инициативой, определяет темп подачи информации, изначально оговаривая, что вопросы аудитории исключаются. Это объясняется тем, что ограничено время встречи, а предстоит освоить большой объём информации, говорится, что практически все вопросы будут разрешаться по мере поступления информации, или что на них ответит консультант. Тем самым аудитория лишается возможности формулировать и представлять контраргументы, снижается способность формировать собственное понимание услышанного. При этом нередко подчёркивается «избранность» собравшейся аудитории, выбор которой осуществлялся «по особым критериям» (однако критерии не раскрываются, чтобы «не терять времени»); ведущий всячески «приближает» к себе присутствующих (68).

Говорящий может обращаться к присутствующим как к представителям среднего класса, которые хотят обрести финансовую независимость (65, 66). «Остальные люди» рассматриваются ведущим в негативном ключе (69). Достаточно примитивно, но с психолингвистической точки зрения действительно, задаётся рито-

рический вопрос (70), на который звучит очевидный (и многоголосый) ответ из зала (71). Всё это позволяет «присоединить» присутствующих к себе, сделать их как бы единомышленниками.

(65) *Согласно социологическим исследованиям только 4% населения имеют финансовую самостоятельность.*

(66) *Экономически независимые люди в отличие от других работают по 14–18 часов в сутки, постоянно думая о том, как увеличить свои доходы.*

(67) *Сегодня – день, который вы никогда не забудете.*

(68) *Здесь собрались люди, которые мне симпатичны.*

(69) *Есть также серая масса, мёртвая рыба, которая плывёт по течению.*

(70) *Кто из вас хотел бы стать дохлой рыбой?*

(71) *Никто!*

Иногда в начале семинара, особенно если присутствует небольшое количество людей (допустим, при продаже таймшера), ведущий просит присутствующих вспомнить, где они отдыхали, или представить себе, где они хотели бы отдохнуть. Такая отсылка к приятным воспоминаниям или погружение в мечты позволяет «погрузить» слушателей в состояние, близкое к трансу. В завершении семинара присутствующие должны подписать текст, в котором сказано, что именно слушатель пользуется полнейшим доверием и знакомство с данной «системой» позволит ему *в корне изменить жизнь и быстрее реализовать желания, мечты, надежды и цели*. А его подпись является своего рода обязательством не разглашать полученную информацию (поскольку в ней содержится «уникальная методика»). Это придаёт семинару ореол серьёзности. Целью подобных «семинаров» нередко является извлечение денег у пришедших (порой немалых), о чём они уведомляются в конце лекции.

Действия устроителей подобных семинаров попадают под действие статей уголовного кодекса некоторых стран. В России это статья 159 УК РФ «Мошенничество» и статья 165 УК РФ «Причинение имущественного ущерба путём обмана или злоупотребления доверием».

11.8. Нейролингвистическое программирование

Строго говоря, в сферу анализа психолингвистики нейролингвистическое программирование не входит. Но его особое распространение в России в конце прошлого и начале XXI века требует анализа с психолингвистических позиций.

Созданное в 1972 г. в Калифорнии (США) Ричардом Бендлером и Джоном Гриндером, нейролингвистическое программирование быстро завоевало популярность как достаточно доступный набор эксплицитно описанных навыков и техник речевого и неречевого взаимодействия. Оно с самого начала возникло как околонучное популярное направление в психологии, рассчитанное на людей, которые хотят помочь себе сами. Позднее оно стало развиваться на базе тренингов и семинаров, предлагающих разные ступени и степени (что вызвало ассоциации с сетевым маркетингом).

Существует обширная критика этого направления. К примеру, А.А. Брудный считает это поп-психологией, другие считают это психологической причудой, третьи относят к так называемой «литературе самопомощи», предлагающей решение житейских проблем на основе интуитивного подхода, четвёртые обращают внимание на сходство семинаров по НЛП с сетевым маркетингом. Тем не менее НЛП и поныне сохраняет свои позиции в околонучной сфере (под обозначением *human design and engineering*).

Принципы НЛП. Нейролингвистическое программирование (сокращенно – НЛП – энэлпи или энэлпэ) базируется на ряде принципов мышления и поведения. Перечислим некоторые.

- * Любое поведение полезно в некотором контексте.
- * Люди всегда делают наилучший выбор, доступный им в данный момент.
- * Люди уже располагают всеми необходимыми ресурсами, им нужно лишь найти доступ к этим ресурсам в соответствующем месте и времени.
- * Любой человек может сделать всё. Если кто-то один делает что-либо, то возможно смоделировать это и научить другого.

- * Можно достичь всего, если разбить задачу на достаточно мелкие части.
- * Нет поражений, есть возможность получить новый опыт.
- * Карта не есть территория.
- * Люди реагируют на свою карту реальности, а не на саму реальность.

Некоторые из этих положений имеют свою физиологическую и лингвистическую основу. К примеру, когда в нейролингвистическом программировании говорится о картах и территориях, то имеются в виду и индивидуальные различия между людьми, и то, что разные люди интерпретируют одно и то же событие по-разному, и то, что они по-разному выражают одну и ту же мысль. Или, к примеру, принцип отсутствия поражений предполагает использование рефрейминга (72-75), который основан на выявлении ассоциаций, либо сопряженных элементов значений слов (сем) в том или ином слове.

Рейфрейминг – переформулировка утверждения, основанная на поиске (и нахождении) антонимов и ассоциаций, которые могут быть «привязаны» к предикату, психологическое значение которого предстоит изменить.

(72) Маленький, но зато лёгкий.

(73) Большой и тяжёлый, зато не украдут.

(74) Быстро кончилось – больше свободного времени.

(75) Долго продолжалось – лучше запомнится.

Говоря о возможности разбиения задачи (тут опять-таки постулируется отсутствие проблем – есть только задачи, которые надо решить), НЛП обращается к риторике и тактикам ведения переговоров. В число ресурсов личности при этом включается и язык в целом, и речевые структуры, используемые нами в повседневной речи.

Одна из моделей – так называемая В.А.Г.Е.Л.-модель – подаётся в НЛП как набор поведенческих микроразличий, которые могут быть использованы для идентификации и усиления когнитивных и физиологических состояний при говорении:

Body posture (поза тела)

Accessing cues (non-verbal) (невербальные ключи доступа)

Gestures (жесты)

Eye movements (движения глаз)

Language patterns (языковые модели)

Играя на антонимах и ассоциациях, нейролингвистическое программирование использует законы человеческого восприятия речи.

Одним из способов анализа речи, предлагаемым НЛП, является анализ пресуппозиций, существующих в речи.

Под пресуппозициями в психолингвистике понимается невыраженное содержание, которое, однако, имеется в виду говорящим при производстве того или иного высказывания.

Так, любая фраза (76) предполагает наличие нескольких пресуппозиций.

(76) *Если эта собака снова залает, мне придётся выставить её из дома.*

(a) *У говорящего есть дом.*

(b) *У говорящего есть собака, которая лает.*

(c) *Говорящий не любит лающих собак.*

Употребление даже самых обычных фраз тем самым может представлять собой умение сказать то, что явно не выражено. А умение распознавать эти пресуппозиции и использовать их в беседе позволяет лучше понимать собеседника. Нейролингвистическое программирование активно разрабатывает техники общения, основанные на использовании косвенных речевых актов. Это, в свою очередь, позволяет противостоять манипулированию.

Манипулирование – речевое и неречевое побуждение человека к совершению действий, смысл которых ему неизвестен.

Модальности в НЛП. В НЛП утверждается, что люди различаются по способам обработки поступающей информации. В частности, постулируется, что среди людей есть визуалы, аудиалы, кинестетики и логики (77). Визуалы воспринимают мир преимуще-

ственно посредством зрительного канала (а), аудиалы – слухового (b), кинестетики – тактильного (с), дигиталы – логически (d). При этом предлагаются своего рода словари синонимов, которые можно использовать для лучшего взаимопонимания с людьми разных типов, выбирая тот или иной элемент, якобы более понятный собеседнику.

(77)

а) Визуальная	б) Аудиальная	с) Кинестетическая	д) Дигитальная
<i>видеть</i>	<i>говорить</i>	<i>чувствовать, ощущать</i>	<i>понимать</i>
<i>смутно видеть суть вопроса</i>	<i>прислушиваться к голосу разума</i>	<i>схватывать суть проблемы</i>	<i>понимать</i>
<i>быть в фокусе</i>	<i>звучать</i>	<i>занимать особое место</i>	<i>иметь значение</i>
<i>видный</i>	<i>громкий</i>	<i>ощутимый</i>	<i>серьезный</i>
<i>ярко</i>	<i>громко</i>	<i>легко</i>	<i>важно</i>
<i>недальновидный</i>	<i>безмолвный</i>	<i>тупой</i>	<i>неразумный</i>
<i>заметить</i>	<i>услышать</i>	<i>ощутить</i>	<i>осознать</i>
<i>затуманить</i>	<i>заговорить</i>	<i>заболтать</i>	<i>непонятный</i>
<i>прозрачный, чёткий</i>	<i>гармоничный</i>	<i>удобоваримый, доступный</i>	<i>понятный</i>
<i>ясновидение</i>	<i>предсказание</i>	<i>предчувствие</i>	<i>угадывание</i>

При этом нейролингвистическое программирование предлагает понятие перевода (англ. – translating).

Перевод в НЛП – процесс перефразирования высказываний, изменяющий предикаты одной системы представления знаний на предикаты другой.

Сочинение о птичке. Вот, к примеру, как учащиеся с разными доминантными каналами восприятия напишут разные сочинения на одну и ту же тему (пример Б. Ливер). Надеемся, что после сказанного читатель сможет сам догадаться, какой текст (78) написан каким учащимся – визуальным (visual learner), аудиальным (auditory learner) или кинестетиком (kinaesthetic learner).

(78)

a)	A bluejay appeared outside my window this morning A glimpse of its broad, blue wings spread under the early rays of the sun brought me to full wakefulness. I watched as it landed on the barren ground, its head cocked, and its eyes seeking out anything that it might see in the grass for breakfast.	В то утро на моем окне появилась голубая сойка. Один взгляд на её широкие голубоватые крылья, подставленные под лучи раннего солнца, полностью пробудил меня. Я увидела, как она приземлилась на чистый от травы кусочек земли, наклонив голову, глазами разыскивая что-нибудь себе на завтрак.
b)	The lilting song of a bird rang in my ears this morning, its melody waking me gently from quiet sleep. I heard the soft folding of its wings, as it plopped onto the quiet earth, cocking its head, and listening for sounds in the grass-a potential breakfast.	В то утро я пробудилась от звучной мелодии птички. Я слышала, как трепещут её крылышки, когда она в тишине шлёпнулась на землю. Наклонив голову и прислушиваясь к звукам, которые могли издавать насекомые, она приготовилась к завтраку.
c)	A bird swept past my window this morning. The flash of light that slid over its wings as it glided past the window grabbed my attention, jolting me to full wakefulness. I walked to the window, just as it alit on the ground, its eyes darting across the grass in search of sudden movement-the slithering away of a potential breakfast.	В то утро мимо моего окна пролетела птичка. Отблеск лучей, которые странным образом отразились от её крыльев, привлёк меня. Я полностью пробудилась. Я подошла к окну, которое выходило в сад, и словно почувствовала то напряжённое внимание, которое было в птичке – она должна была кинуться на любое движение, которое могло последовать от её потенциального завтрака.

Упражнение с кинестетикой. Что касается кинестетики (преимущественно органов чувств, а также положения тела), то её вли-

яние на нашу речь может быть проиллюстрировано следующим упражнением из практики тренингов НЛП (79).

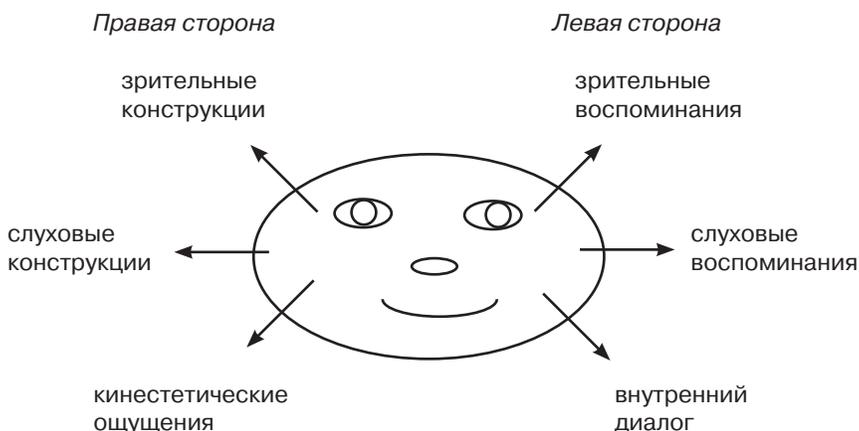
(79) *Сядьте на стул так, чтобы ноги были плотно прижаты к полу. Дышите неглубоко и редко. Наклоните голову направо, опустите плечи. Теперь, глядя вниз – на ноги, произнесите следующую фразу: «Это – самый счастливый день моей жизни».*

Несоответствие произносимой фразы положению тела вызывает трудность её произнесения, что можно проверить в следующем алогичном по сути упражнении (80):

(80) *Встаньте прямо. Дышите глубоко всей диафрагмой, ослабьте ваши плечи и шею, потянитесь немного и чуть-чуть улыбайтесь. Делая это, говорите: «Вы представить себе не можете, как угнетённо я чувствую себя прямо сейчас».*

Реакцией на попытку говорить именно эту фразу именно в таком положении может стать смех, вызванный несогласованностью кинестетического с лингвистическим.

Речь и движение глаз. Одним из любопытных (но, правда, экспериментально не подтвержденных положений) НЛП является постулат о том, что движения глаз человека при его мыслях о прошлом или о будущем различаются.

НЛП и психотерапия. Понятие глубинной и поверхностной структуры, которое Н. Хомский вводил для описания отдельных предложений, широко используется в психотерапии. Так, Д. Гриндер и Р. Бендлер выявили три типа рассогласований в структуре речи интервьюируемого, которые, по их мнению, могут служить для изучения глубинной структуры человека: вычеркивание, искажение и сверхобобщение.

Вычеркивание проявляется в том, что фраза оказывается семантически (а порой и грамматически) неполной (81). Для понимания того, что имеется в виду, необходимы уточняющие вопросы (82).

(81) *Я боюсь.*

(82) *Кого или чего Вы боитесь? По какой причине? В каких ситуациях? Испытываете ли Вы страх сейчас? Этот страх реален или его причины ирреальны?*

Задачей психолога или психотерапевта является «развернуть» краткое утверждение об эмоции (в данном случае страхе), развить полную репрезентативную картину затруднений. Во время этого процесса «заполнения вычеркнутого» могут появиться новые поверхностные структуры.

Искажение можно определить как неконструктивное или неверное предложение. Эти предложения искажают реальную картину происходящего. Так, если клиент производит высказывание, в котором вся ответственность за внутреннее состояние говорящего перекладывается на кого-то другого (83), то задача психотерапевта состоит в том, чтобы вызвать в говорящем понимание собственной ответственности за свои состояния. И соответственно, привести его к утверждениям иного плана (84). В этом случае клиент берет на себя ответственность за своё поведение и начинает сам контролировать направление своих действий. Искажения часто развиваются из вычеркивания на поверхностной структуре предложения. На более глубоком уровне изучение жизненной ситуации клиента позволяет выявить искажения реальности, существующие в его сознании.

(83) *Он делает из меня сумасшедшего.*

(84) *Я очень сержусь, когда он делает это.*

Сверхобобщения возникают тогда, когда клиент делает далеко идущие выводы, не имея для этого достаточных оснований. Сверхобобщение часто сопровождается искажениями и словами со значением семантической безысклочительности (85):

(85) *все люди, вообще все, всегда, никогда, то же самое, постоянно, вечно и прочие.*

Говоря в целом, нейролингвистическое программирование изучает субъективный опыт, паттерны, или «программы», созданные взаимодействием мозга (нейро), языка (лингвистическое) и тела, которые создают как эффективное, так и неэффективное поведение. Даже если не соглашаться с некоторыми (или со всеми, что, впрочем, для НЛП не важно) теоретическими положениями этой концепции, то предлагаемые им техники всё равно могут быть использованы (и – самое главное – реально используются) в различных областях профессиональной коммуникации, включая психотерапию, бизнес, гипноз (прежде всего эриксоновский), юриспруденцию, образование и, конечно, в рекламе.

11.9. Роль суггестора

Значимым для осуществления воздействия является личность того, кто его осуществляет (такое лицо называют суггестором).

Эксперимент со странными словами. В одном из психолингвистических экспериментов испытуемым давалось задание составить текст на заданную тему. Человек, проводивший эксперимент, предпринимал попытки навязывать вставки в текст не подходящих по смыслу слов. Испытуемые (студенты) сначала не приняли такого искажения, но после того как то же самое стал делать пользующийся у них авторитетом преподаватель, слушающие стали соглашаться на вставку в текст противоречащих смыслу слов.

Роль фамилии автора. В другом эксперименте [Белянин В.П., Сорокин Ю.А.] предъявлялся текст без имени автора и с именем автора. Испытуемые по-разному оценивали тексты в зависимости от степени знакомства с автором. Оценка текста без имени автора в большей степени отражала его оценку как такового.

Именно потому в ситуации, когда действуют лица или группы, обладающие авторитетом, когда кто-либо говорит от лица влиятельной (или руководящей политической силы), влияние на отдельных

лиц или целые социальные слои, определяемое потенциалом слова, может оказаться весьма выраженным.

В целом же саморепрезентация суггестора является компонентом подстройки. Он может использовать разные тактики саморепрезентации. Если говорить в плане использования социально-психологической роли, то тут основными будут: игра в «своего парня», игра на повышение статуса (изображение компетентности), игра на «понижение» статуса (86-87).

(86) *Я действую против своих интересов.*

(87) *Я НЕ хочу оказывать на вас влияние.*

В одной из инструкций по вовлечению в сетевой маркетинг есть такие указания по «общению»:

- *не поддавайтесь на предложение предварительно рассказать, о чём же будет идти речь*
- *напомните вашему новому партнеру об условиях конфиденциальности*
- *необходимо проникнуться доверием*
- *надо задеть за живое*
- *надо нащупать точку интереса*
- *следует пробудить в собеседнике желание рассказать о наиболее*
- *Слушайте, слушайте, слушайте вашего собеседника с неподдельным вниманием, и вы заслужите его полное доверие.*

Подобные тактики общения преследуют цель вовлечения человека в коммуникацию, в ходе которой он будет подвергнут ещё большему воздействию и в конечном итоге лишится своих денег.

11.10. Нетрадиционные учения

Для обозначения воздействия на человека существует термин «промывание мозгов». Он образован как перевод с китайского (*hsi nao* = *мыть мозг*) и возник во время корейской войны, когда пленные американцы внезапно меняли свои ценности, заявляя о своем участии в вымышленных преступлениях. Аналогичное «промывание мозгов» осуществляется и в ряде замкнутых религиозных

объединений тоталитарного типа (слово «секта» ЮНЕСКО употребляет не рекомендует ввиду его негативной коннотации). Нетрадиционные религиозные объединения относятся к выбору языковых средств самым серьёзным образом. Рассмотрим некоторые из приёмов, которые они используют.

Когда мы описывали процесс восприятия речи, то отметили, что человек постоянно стремится к осмысленному восприятию, ищет смысл в любом речевом высказывании. Именно поэтому используемые некоторыми нетрадиционными религиозными организациями и направлениями тексты, написанные с использованием неологизмов или мёртвых языков, представляют вполне определённую опасность для языкового сознания человека. Происходит размывание смысловых связей сознания личности и подавление сознательной деятельности человека в целом.

Это может достигаться путём создания своего рода нового языка с непонятными для постороннего (непосвящённого) символами (88). Суть «посвящения» состоит не только в приобщении к новым обрядам, но и в использовании этого особого языка. В частности, могут использоваться неологизмы, новые термины могут определяться через другие термины (89), фразы могут подаваться в ритмизированном виде, тексты могут содержать алогичные высказывания, и т.п. Нередко используются особые слова-фобии (90) или обычные слова наделяются особым значением (91).

(88) *чакра, мантра, аффинити, тэтан*

(89) *Опись – это сбор одитором данных для использования при разрешении кейса, во время которого одитор устанавливает аффинитет с преклиром. Это первый крупный шаг в определении доступности кейса и повышении её.*

(90) *порча, грех*

(91) *мать, мир, женщина*

Говорить о том, что нетрадиционные учения используют только язык, – значит сужать проблему. Так, в одной из якобы конфессий есть упражнение, когда adeptам предлагается бросать в сторону от себя (на пол) деньги (92). Понятно, что такое физическое действие может закрепиться в дальнейшем, и деньги на соответствующую литературу будут отдаваться с лёгкостью. Иногда для большей суггестии занятия проводятся в затемнённой комнате на психотерапевтической кушетке.

(92) *Деньги – это зло. От зла надо избавляться.*

Эквиваленты исповеди (в виде многократного повторения психотравмирующих воспоминаний) также могут приводить к изменениям состояния сознания.

Таким образом, в целом языковое воздействие занимает тут одно из ведущих мест.

В структуре некоторых текстов религиозных (или псевдорелигиозных) направлений можно встретить достаточно редкие психологические модели, которые созданы с явной целью усиления воздействия на читателей.

Так, один из подобных текстов (в тексте нами убрано имя бога) начинается как очень жизнеутверждающий (93) и энергичный (94). Заканчивается он также на позитиве и вере в будущую жизнь (95). Такого рода текст может быть назван «веселым» и «светлым» по своей эмоционально-смысловой доминанте. Иногда в середине таких текстов возможны компоненты депрессивного плана, несущие некоторую грусть и печаль (из «печальных» текстов). В приведённом же ниже тексте в середине находится компонент, который является «тёмным» по своей эмоционально-смысловой доминанте. Его появление вызвано желанием создателей текста запугать реципиентов и вызвать агрессивное отношение к миру (96). Тем самым провоцируемая экзальтация (известный приём «бомбардировка любовью») сменяется запугиванием, за которым, в свою очередь, следует призыв служить тем, кто провозглашает данную истину.

(93) *Место всем сегодня есть в порядке Бога. Стар и млад – он всех хвалить его зовёт.*

Как чудесно видеть отклик молодежи, что о Царстве весть по всей земле несёт.

Их свидетельство повсюду столь успешно, так услужливы, воспитаны, чисты!

(94) *Их служенье для Бога очень ценно. Пожилым в них радость, ими так горды.*

Молодые, вы, кто знаете Бога, о, какой счастливый будет этот час!

То, что в будущем вас ждёт, себе представьте – вечно жить в Раю прекрасном Бог вам даст.

- (95) *Мы живём теперь под гнетом злой системы, той, что скоро превратится в пыль и прах.
Всею силой нужно с нею нам бороться, чтобы верным Царству быть, отвергнув страх.
Вы друзей ищите средь народа Бога, для чего искать вам дружбы с миром злым?
Погружайтесь в те дела, что создают – недостатка в Слове Бога нету им.*
- (96) *Если трудно вам, то любящим вас ближним говорите обо всём, что вас гнетёт.
Но а самый наибольший Друг – наш Бог. Милосердье, чуткость каждый в нём найдёт.
Мы все члены христианского собрания. В нем заботится о нас Иисус Христос.
Так что в верности займём с ним рядом место, всем его советам следуя всерьёз.
Не дадим влиять на нас мышлению мира; пусть наш Бог в чистоте наш ум хранит.
Будем верными и юн и стар – все вместе; жизнью вечной нас наш Бог наградит.*

Тексты с такого рода структурой практически не встречаются ни в художественной, ни в публицистической литературе. Психолингвистический анализ показывает, что этот текст совершенно очевидно смоделирован с целью вызова негативного отношения к окружающему миру и к органам власти (называемыми тут *злой системой*) и направлено на привлечение новых adeptов.

Дзен-буддизм. Специально создаваемые тексты провоцируют дезориентацию (путаницу) мышления с помощью двусмысленности, намеков, ассоциаций, сравнений, вызывающих состояние глупого непонимания, догадок. В частности, таковыми являются и дзенские коаны (97-99):

- (97) *Мы знаем, что такое хлопок двух ладоней. А что такое хлопок одной ладони?*
- (98) *Когда ищешь огонь, находишь его вместе с дымом. Когда зачерпываешь воду из колодца, уносишь с собой Луну.*
- (99) *Десять лет я не мог найти дорогу назад, а теперь позабыл, откуда пришёл.*

Попытка адекватно понять такие логически противоречивые изречения может вызвать десемантизацию языкового сознания. Со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Описывая развитие мышления ребенка, многие исследователи отмечают наличие у него своего рода мифологического периода сознания, когда он верит, что слова и предметы – это одно и то же. Аналогичное существует во многих «заклинаниях» замкнутых религиозных объединений (100):

(100) *Правую руку положите на сердце и скажите несколько раз (про себя): «Я есть чистый Дух». Затем положите правую руку на левое плечо и скажите несколько раз: «Если я – чистый Дух, то, следовательно, я ни в чём не виновен».*

Использование условной конструкции (с предлогом *если*) предполагает, что вторая часть предложения описывает либо нереальную возможность, либо то, что может быть реализовано только в том случае, если первая часть предложения истинна. В случае же с некоторыми фразами (подобной 100) эта условность (выраженная и закрепляемая в языке с помощью союза *если*) сразу отбрасывается, точнее, предполагается, что в первой части фразы представлено уже реализованное обстоятельство. Тут проявляется что-то похожее на магическое мышление первобытного человека.

Всеохватность. В некоторых религиозных и псевдорелигиозных текстах предлагается решение всех вопросов, которые могут возникнуть у человека (101), появляется своего рода всеохватность.

(101) *Эта наука изучает источник, процесс развития и устройство мироздания, его причинно-следственную основу, цель, место человека в нем и практическое применение этих знаний к решению вопроса о задаче человека в мире.*

Семантический сдвиг. Как мы уже отметили, нередко создатели суггестивных текстов так используют слова общелитературного языка, что в них происходит изменение структуры плана содержания слова. При этом один из периферийных смыслов определённой лексической единицы с помощью цепочки ассоциаций переводится в центральный. Говоря терминологически, одна из контекстуальных сем выдвигается с периферии в центр семантической структуры

слова и вымещает архисему [Меркулова С.В.]. Новое значение слова впоследствии представляется как основное и закрепляется в текстах. При этом происходит, с одной стороны, расширение его лексико-семантической сочетаемости (явления, для обозначения которого в лингвистике используются термины «семантическое поле», «тематический ряд» и т.п.). С другой же стороны, создатели текстов «нагружают» ассоциативное поле, связанное с данной лексемой, новыми смыслами, определённо сужая контекстуальное значение слова.

К примеру, слова *брат* или *сестра* имеют значение «кровный родственник». В религиозном же тексте за основу принимается несколько смещённое значение элементов общенационального языка (102, 103). Тем самым слова *брат* и *сестра* приобретают совсем иной смысл – «единомышленники», «единоверцы».

(102) *все мы братья*

(103) *братья и сёстры по вере*

При восприятии текстов реципиент, как известно, образует собственную проекцию текста в своём сознании, которая может отличаться от авторского представления о смысле текста. Но всё же – это очень важный момент – он принимает расширяющуюся сочетаемость (усваивая «надстроенные» ассоциативные единицы) и постепенно ставит вторичные смыслы на место первичных в системе значений, которая была ранее свойственна языковой картине мира его личности. Его «старая» же личность подавляется, поскольку с помощью нового «языка» устанавливается контроль над сознанием.

11.11. Воздействие текстов массовой культуры

Поскольку роль текстов массовой культуры становится в современном обществе всё заметнее, имеет смысл посмотреть, какого рода «послания» они могут нести. К примеру, некоторые тексты современной поп-музыки (104) также выглядят диссоциативными, а их прослушивание может создавать иллюзию состояния изменённого сознания (как бы связанного с наркотическим опьянением).

(104) *Мне под кожу бы, под кожу* *Там у сопки, у подножья,*
Запустить дельфинов стаю, *Где я тебя настигаю.*

*Режем мы полоски длинные,
Разветвляем, юность ставим краном,
Там зелёные, красивые
Остаются с нами рядом.
Покажи мне пару трюков
И прижми хвосты к ладони.*

*Я не слабый, просто добрый я
Только не приостановленный.
Где глазами не влюблённый,
Обалдевший, вены поджигая.
Нарисую я тебе:
«Не люблю и не понимаю».*

Некоторые тексты жанра «шансон» содержат в себе не только негативное отношение к представителям власти, но и негативное видение жизни в целом (105).

- (105) *Человек вынул нож: «Серый, ты не шути.
Хочешь крови? Ну что ж – я такой же, как ты;
Только стоит ли бой затевать смертный нам.
Слышишь лай? То за мной псы идут по пятам.
Я ведь тоже как зверь – в угол загнан людьми,
А раз так, что теперь нам делить, чёрт возьми.
Видишь сам – Бог не дал ни тебе и ни мне».
Волк ещё постоял и растаял во тьме.*

11.12. Воздействие текстов художественной литературы

Художественная литература с психологической точки зрения представляет собой выражение средствами образного языка художественного видения мира.

Эстетика художественного текста заключается помимо прочего в расширении смысла сказанного, когда сказанное в узком контексте (106) может быть понято более широко (107).

- (106) – *А как вы, однако ж, кровью замочились, – заметил Никодим Фомич, разглядев при свете фонаря несколько свежих пятен на жилете Раскольников* (когда тот выходил из квартиры умершего Мармеладова. – В.Б.).

- (107) – *Да, замочился... я весь в крови! – проговорил с каким-то особенным видом Раскольников, затем улыбнулся, кивнул головой и пошёл вниз по лестнице.*

Обладая большим позитивным зарядом, тексты могут одновременно оказывать негативное воздействие. Так, тексты Ницше могут

быть названы «сладким ядом», а произведение Вольтера «Кандид», так же как и рассказы Леонида Андреева, спровоцировали в свое время волну самоубийств. Сами по себе некоторые тексты могут быть физиологически пугающими (108), злыми и агрессивными.

(108) *Поручик упал головой в воду. В маслянистом стекле расходились красные струйки из раздробленного черепа. <...>. Марюшка шагнула вперед, нагнулась. С воплем рванула гимнастерку на груди, выронив винтовку.*

В воде на розовой нити нерва колыхался выбитый из орбиты глаз. Синий, как море, шарик смотрел на нее недоумённо-жалостно. [Б. Лавренёв «Сорок первый»]

Такой текст (108) попадает в группу «тёмных» по своей эмоционально-смысловой доминанте.

Конечно же, большинство текстов развивают духовное и деятельностное начало в человеке (109).

(109) *Кто привык за победу бороться,*

С нами вместе пускай запоёт.

Кто весел, тот смеётся,

Кто хочет, тот добьётся.

Кто ищет, тот всегда найдёт.

Такого рода тексты можно назвать «весёлыми» по эмоционально-смысловой доминанте.

В целом же уже упоминавшаяся типология текстов по эмоционально-смысловой доминанте может представлять субъективные миры следующим образом.

Тип текста	Предлагаемая модель мира
«весёлый»	жизнь легка, приятна и полна приключений
«печальный»	жизнь тяжела, и только смерть избавит от мучений
«светлый»	жизнь – это борьба с врагами за истину
«тёмный»	жизнь – это страдание и яростное преодоление
«красивый»	жизнь должна быть наполнена переживаниями

Мы сами выбираем тексты для чтения, сами погружаемся в вымышленные миры, которые потом, в свою очередь, могут определять наше видение мира и влиять на нашу жизнь в целом.

Умение противостоять любой манипуляции или негативному воздействию зависит от многих обстоятельств, в том числе и от развитости человека как языковой личности, от умения интерпретировать тексты, рефлексировать над информацией, которая в них заложена [Г.И. Богин], и тем самым контролировать свои переживания.

Психолингвистика – хочется верить – готова предоставить набор вполне определённых, неоднократно проверенных знаний и фактов, которые помогут человеку оставаться личностью, разумной и свободной.

ЗАДАНИЯ

- Возьмите небольшой текст, замените в нём некоторые слова пробелами и попросите вашего знакомого вставить пропущенные слова. Сравните оригиналы (или свои ответы) с полученными. Какие выводы можно сделать?
- Приведите примеры разного языкового толкования одного и того же явления.
- Опишите свои представления в процессе и после восприятия следующей фразы: «Что происходит с вами, когда вы уже начинаете представлять себе красный свинцовый воздушный шарик зелёного цвета, сделанный из сладкого, но синего музыкального ёжика?»

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

- Способы речевого воздействия.
- Компьютерные программы анализа текста.
- Компьютерные программы, имитирующие общение с человеком.

ТЕМЫ КУРСОВЫХ РАБОТ

- Языковые элементы и приёмы, которые могут оказать воздействие на сознание.

ТЕМЫ ДИПЛОМНЫХ РАБОТ

- Язык замкнутых религиозных объединений тоталитарного типа.
- Идеологический язык.
- Воздействие художественного текста.
- Язык рекламных текстов.

НЕКОТОРЫЕ УЧЁНЫЕ, ИМЕНА КОТОРЫХ УПОМИНАЮТСЯ В УЧЕБНИКЕ

- Анохин, Пётр Кузьмич [1898-1974] – советский физиолог, создатель теории функциональных систем.
- Батов, Виталий Иванович [1946] – отечественный специалист по проблеме атрибуции текста.
- Бернштейн, Николай Александрович [1896-1966] – советский психофизиолог и физиолог.
- Богин, Георгий Исаевич [1929-2001] – отечественный филолог, развивавший герменевтику (г. Тверь).
- Бодуэн-де-Куртенэ, Иван Александрович [1845-1929] – русский и польский лингвист. Основатель Казанской школы языкознания. Говорил о языке как о «психосоциальной сущности», а лингвистике предлагал числить среди наук «психолого-социологических».
- Блонский, Павел Петрович [1884-1941] – философ, педагог и психолог. «Педология» [1934].
- Блумфилд, Леонард (Bloomfield, Leonard) [1887-1949] – американский лингвист, оказавший влияние на развитие структурной лингвистики. «Язык» [1933]. Основал Американское лингвистическое общество [1924].
- Брока, Поль (Broca, Pierre Paul) [1824-1880] – французский врач, анатом и антрополог. Открыл в мозгу центр производства речи.
- Вайсгербер, Лео (Weisgerber, Johann Leo) [1899-1985] – немецкий философ языка.
- Ван Дейк, Тойн (Teun A Van Dijk) [1943] – голландский лингвист, один из пионеров теории текста и теории речевых актов.
- Вернике, Карл (Wernicke, Carl) [1848-1905] – немецкий врач, анатом, психиатр и невропатолог. Открыл в мозгу центр восприятия речи.
- Вундт, Вильгельм Максимилиан (Wundt, Wilhelm Maximilian) [1832-1920] – немецкий физиолог и психолог.
- Выготский, Лев Семёнович [1886-1934] – советский психолог. Основатель культурно-исторической школы в психологии. «Мышление и речь» [1934].
- Горелов, Илья Наумович [1929-1999] – отечественный психолингвист. Профессор Саратовского государственного университета. Изучал проблемы онтогенеза сознания, языка и мышления, невербальной коммуникации. Занимался проблемами билингвизма немцев Поволжья.

- Горошко, Елена Игоревна [1965] – украинский специалист по проблеме «язык и гендер», Интернет-коммуникация (Украина, г. Харьков).
- Гумбольдт, Вильгельм фон (Humboldt, Wilhelm von) [1767-1835] – немецкий философ и лингвист.
- Диз, Дж. (Deese J.) [1921-1999] – американский специалист по ассоциациям. «The Structure of associations in language and Thought» [1965].
- Енгальцев, Вали Фатехович [1953] – отечественный специалист по юридической психологии (г. Калуга).
- Жинкин, Николай Иванович [1893-1979] – советский психолог. Занимался исследованиями психологических и психофизиологических механизмов порождения речевых высказываний, процессов восприятия, понимания и порождения текста. Заложил основы отечественной психолингвистики. «Речь как проводник информации» [1982].
- Зимняя, Ирина Алексеевна – отечественный психолог. Занималась проблемами речевой деятельности на иностранном языке
- Кирилина, Алла Владимировна – отечественный специалист по проблеме «язык и гендер».
- Коченов Михаил Михайлович [1935-1999] – крупный отечественный специалист по судебно-психологической экспертизе.
- Красных, Виктория Владимировна – отечественный психолингвист, специалист по лингвокультурологии (г. Москва, МГУ).
- Лангакер, Рональд (Langacker, Ronald) [1942] – американский специалист по когнитивной лингвистике и грамматике. «Когнитивная грамматика» [1992].
- Левелт, Вилем (Levelt, Willem J.) [1938] – создатель модели производства речи [1989], основатель [1980] Института Макса Планка в Голландии, самого крупного центра психолингвистики. «Speaking: from Intention to Articulation» [1989].
- Леонтьев, Алексей Алексеевич [1936-2004] – отечественный психолог и психолингвист. Основал в 1969 г. Группу психолингвистики и теории коммуникации. Заложил основы отечественной психолингвистики, разрабатывая теорию речевой деятельности.
- Лурия, Александр Романович [1902-1977] – советский нейропсихолог. «Основные проблемы нейролингвистики» [1976], «Язык и сознание» [1979].
- Манёров, Валерий Хайдарович [1941] – отечественный специалист по проблеме идентификации личности по голосу и речи.

- Миллер, Джордж (Miller, George Armitage) [1920] – американский психолог. *Миллер Дж.А., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965 [англ. – 1960 г.].
- Митина, Ольга Владимировна [1963] – специалист в области математической психологии и психосемантики.
- Новиков, Анатолий Иванович [1938-2003] – отечественный психолингвист. Специалист по теории текста.
- Осгуд, Чарльз (Osgood, Charles) [1916-1961] – американский психолог, разработчик методики семантического дифференциала. Osgood, Suci, Tannenbaum «The Measurement of Meaning» [1957].
- Пауль, Герман [1846-1921] – немецкий лингвист.
- Петренко, Виктор Фёдорович [1948] – отечественный психолог, активно развивающий психосемантику.
- Пиаже, Жан (Piaget, Jean) [1896-1980] – швейцарский психолог. Основатель Женевской школы генетической психологии. Писал о развитии детского интеллекта. «Речь и мышление ребенка» [1932].
- Потебня, Александр Афанасьевич [1835-1891] – украинский филолог. Основная работа «Мысль и язык» [1862].
- Прибрам, Карл (Pribram, Karl H.) [1919] – американский психолог, психиатр и нейрохирург австрийского происхождения, специалист по памяти, эмоциям, мотивации и сознанию. *Миллер Дж.А., Галантер Е., Прибрам К.* Планы и структура поведения. М., 1965 [англ. – 1960 г.].
- Прохоров, Александр Октябрьевич [1948] – отечественный психолог, специалист по теории эмоций (г. Казань).
- Ранкур-Лаферрьер, Дениэл (Rancour-Laferriere, Daniel) [1943] – американский специалист по русской культуре, религии, семиотике и психоанализу, ученик Романа Якобсона. www.rancour-laferriere.com
- Роже, Пит (Roget Peter Mark) [1779-1869] – британский врач, теолог и лексикограф. “Thesaurus of English Words and Phrases” (Roget’s Thesaurus) [1852] – классификация слов, связанных между собой.
- Рош, Элеонора (Rosch, Eleonore) [1938] – профессор фак-та психологии ун-та Калифорнии в Беркли (США). Специалист по когнитивным проблемам категоризации, мышления, памяти, кросс-культурной, восточной и религиозной психологии. *Rosch E., Varela F., Thompson E.* The Embodied Mind [1991].
- Сахарный, Леонид Волькович [1934-1996] – отечественный психолингвист. Занимался текстами-примитивами, нарушениями речи при афазиях.

- Седов, Константин Федорович [1954] – отечественный психолингвист. Зав. кафедрой логопедии и психолингвистики в Педагогическом институте Саратовского госуниверситета. Автор около 200 публикаций по психолингвистике.
- Секерина, Ирина Алексеевна [1961] – российско-американский специалист по психолингвистике и онтолингвистике, экспериментальным методам в психолингвистике, билингвизму.
- Себеок, Томас (Sebeok, Thomas) [1920-2001] – американский семиотик венгерского происхождения. Издал более 100 томов “Approaches to Semiotics” («Подходов к семиотике»).
- Слама-Казак, Татьяна (Tatiana Slama-Cazacu) [1920] – румынский психолингвист. Главный редактор Международного психолингвистического журнала (International Journal of Psycholinguistics), президент Международного общества прикладной психолингвистики (International Society of Applied Psycholinguistics).
- Слобин, Дэн Айзек (Dan Isaac Slobin) [1939] – американский психолог и психолингвист. Ученик и сотрудник Дж. Миллера. Слобин Д., Грин Дж. «Психолингвистика» [1976].
- Сорокин, Юрий Александрович [1936] – отечественный психолингвист, главный научный сотрудник Сектора психолингвистики Института языкознания РАН, специалист по проблемам текста и этнопсихолингвистики.
- Спивак, Дмитрий Леонидович [1954] – отечественный культуролог, директор Санкт-Петербургского отделения Российского ин-та культурологии, изучает проблему изменённых состояний сознания.
- Спунер, Вильям (Spooner, Wm. A., Rev.) [1844-1930] – «автор» большого количества оговорок.
- Талми, Леонард (Talmy, Leonard) – профессор лингвистики и философии в университете Баффало в Нью-Йорке (США). Один из родоначальников когнитивной лингвистики. “Toward a Cognitive Semantics” [2000].
- Тарасов, Евгений Фёдорович [1936] – отечественный психолингвист. Зав. сектором психолингвистики Института языкознания РАН. Специалист по теории речевой деятельности.
- Тейлор, Уильям (Taylor, William) – американский исследователь, предложивший использовать методику дополнения для анализа понимания речевого сообщения [1953].
- Тихомиров, Олег Константинович [1933-2001] – советский психолог, специалист по психологии мышления.

- Уфимцева, Наталья Владимировна – отечественный психолингвист, главный научный сотрудник Сектора психолингвистики Института языкознания РАН, заведует кафедрой психолингвистики в Московском государственном лингвистическом университете. Специалист по детской речи и межкультурной коммуникации.
- Ушакова, Татьяна Николаевна [1930] – отечественный психолог. Работает в Институте психологии РАН. Специалист по детской речи.
- Фромкин, Виктория (Fromkin, Viktoria) [1923-2000] – известный американский лингвист (ун-т Калифорнии в Лос-Анджелесе), специалист по проблемам речевых ошибок и оговорок.
- Фрумкина, Ревекка Марковна [1931] – отечественный психолингвист. Занимается экспериментальной психолингвистикой, проблемой категоризации и патологии мышления.
- Хомский (Чомски) Ноам (Chomsky, Noam) [1928] – американский психолингвист. Основатель теории порождающей грамматики.
- Черниговская, Татьяна Владимировна [1947] – специалист по психо-нейролингвистике. Президент Межрегиональной ассоциации когнитивных исследований.
- Шахнарович, Александр Маркович – отечественный психолингвист. Специалист по детской речи.
- Шерер, Клаус (Scherer, Klaus) – немецкий специалист по проблеме идентификации личности по речи.
- Шипшин, Сергей Сергеевич [1958] – отечественный специалист по судебно-психологической экспертизе (г. Ростов-на-Дону).
- Шлейхер, Август (Schleicher, August) [1821-1868] – немецкий языковед.
- Щерба, Лев Владимирович [1880-1944] – советский лингвист. В работе «О тroyаком аспекте языковых явлений и об эксперименте в языкознании» [1931] предложил использовать экспериментальные методы для изучения речевой деятельности. Автор фразы с псевдословами *Глокая куздра штеко будланула бокра и кудрячит бокрѣнка*.
- Эрвин-Трипп, Сьюзен (Ervin-Tripp, Susan M.) [1927] – американский психолог (ун-т Калифорнии в Беркли, США). Специалист по психолингвистике, детской речи, этнолингвистике.

ОБРАЗЕЦ ТЕСТОВЫХ ЗАДАНИЙ ПО ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

1. Объект психолингвистики

1. совпадает с объектом лингвистики
2. не совпадает с объектом лингвистики
3. совпадает с объектом психологии
4. совпадает с объектом антропологии

2. Термин психолингвистика появился

1. в 1923 году
2. в 1946 году
3. в 1959 году
4. в 1972 году

3. Щерба выделял следующие три аспекта языковых явлений

1. языковой материал, внутренняя речь, внешняя речь
2. языковой материал, языковая система, речевая деятельность
3. языковой материал, языковой символ, языковой механизм
4. языковая форма, языковое содержание, знание языка

4. Продолжите фразу В. Гумбольдта: «Каждый язык описывает во-круг народа, которому он принадлежит, круг, из пределов которого можно выйти только в том случае, если

1. вступаешь в другой круг»
2. знаешь хотя бы один иностранный язык»
3. знаешь больше одного иностранного языка»
4. владеешь своим родным языком в совершенстве»

5. Блумфильд предложил следующую схему речевого поведения:

1. $S \rightarrow R$
2. $S \rightarrow R \rightarrow s \rightarrow r$
3. $S \rightarrow s \rightarrow r \rightarrow R$
4. $S \rightarrow r \rightarrow s \rightarrow R$

6. В настоящее время психолингвистика связана в основном

1. с биологией
2. со структурной лингвистикой
3. с когнитивными науками
4. с психиатрией

7. Критический возраст для освоения языка – это

1. 3 года
2. 1–5 лет
3. 10–12 лет
4. 6–11 лет

- 8. Выготский выделял следующие три плана речевого мышления:**
1. единица мысли, мыслимый объект, единица речи
 2. мотив, значение слова, звучание
 3. мысль, внутренняя речь, слово
 4. предикативная речь, звучащая речь, связная речь
- 9. Фраза «Посещение родственников утомляет» имеет**
1. одну глубинную структуру
 2. одну глубинную структуру и две поверхностных
 3. одну поверхностную и две глубинных структуры
 4. одну поверхностную и одну глубинную структуру
- 10. Три уровня понимания – это**
1. понимание того, о чем, что и зачем что-либо говорится
 2. понимание того, как, кем и с каким эффектом что-либо сказано
 3. понимание того, кто, кому и почему что-л. сказал
 4. перемещение с уровня внутренней речи на уровень личностного смысла и затем на уровень общеязыкового значения
- 11. Ассоциативный эксперимент заключается в том, что испытуемые**
1. отвечают на вопросы экспериментатора по содержанию ассоциативно насыщенного текста
 2. оценивают слова по однополюсным шкалам
 3. дают первые приходящие в голову ассоциации
 4. оценивают степень подвижности своего ассоциативного мышления
- 12. Метод семантического дифференциала предполагает, что испытуемые**
1. отвечают на вопросы экспериментатора по содержанию семантически разнородного текста
 2. оценивают слова по двухполюсным шкалам
 3. дают оценки словам текста по степени их понятности
 4. оценивают степень семантичности своего мышления
- 13. При обработке результатов эксперимента по методике семантического дифференциала используются следующие факторы:**
1. оценка, сила, активность
 2. веселый, большой, теплый
 3. хороший, нейтральный, плохой
 4. большой, нормального размера, маленький

14. Детектор лжи основан на

1. действию механизма синестезии
2. действию эффекта обманутого ожидания
3. неспособности человека долго оперировать ложными высказываниями
4. особенностях реакций человека на вербальные стимулы

15. При понимании фраз «Джон был убит вчера. Нож лежал рядом» некоторую трудность будет составлять

1. отсутствие представлений о том, как в реальности происходят убийства
2. несоответствие этой фразы реальному течению времени, поскольку обозначение времени *вчера* всегда относительно
3. отсутствие эксплицитной смысловой связности между этими фразами (в первой фразе ничего не говорится о ноже, а во второй о Джоне)
4. отсутствие указания на сегодняшнее состояние этой информации (Джон мог выжить, убийцу могли найти, нож мог оказаться рядом случайно).

16. Гипотеза лингвистической относительности гласит, что

1. языки по-разному категоризируют явления действительности
2. разные языки имеют разную грамматическую структуру
3. разные языки имеют разный объем лексики, который положительно коррелирует со средней длиной слов в этом языке
4. чем больше человек знает языков, тем относительно легче ему освоить каждый следующий.

17. Билингвизм бывает в принципе:

1. только рецептивный
2. только репродуктивный
3. только продуктивный
4. или рецептивный, или репродуктивный, или продуктивный

18. Лингвистический шок – это состояние

1. неприятия грамматики иностранного языка
2. неумения воспроизводить труднопроизносимые звуки иностранного языка
3. огорчения при понимании того, как объёмен иностранный язык
4. удивления при встрече с незнакомыми элементами иностранного языка, звучание или написание которых напоминает элементы родного

19. При маниакальности человек

1. говорит очень мало
2. говорит очень много
3. говорит заумно
4. повторяет чужие слова и жесты

20. Слова типа *вечно, всегда, никогда, никто* – это слова, которые

1. наиболее часто встречаются в речи шизофреников
2. чаще всего слышат умственно отсталые дети от родителей
3. говорят многие люди в состоянии эмоциональной напряжённости
4. говорит человек после гипнотического воздействия

КОНСПЕКТИВНОЕ ИЗЛОЖЕНИЕ КУРСА

1. ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК НАУКА О РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И лингвистика, и психоллингвистика обращаются к языку и к языковому выражению смысла. Лингвистика изучает организацию речи по законам языка. Речь включена в систему коммуникации людей, она создаётся людьми и предназначена для понимания людьми. Можно говорить, что существует человеческое измерение речи. Именно это и изучает психоллингвистика: производство речи, восприятие речи, то, как осваивают речь дети.

Психоллингвистика возникла в 50-е годы XX в. как дисциплина, интегрирующая знания в области лингвистики и психологии. У лингвистики и психоллингвистики общий объект – язык. Предмет психоллингвистики совпадает с предметом психологии – это происхождение и функционирование отражательной способности человека. Психоллингвистика изучает особенности протекания речевой деятельности на основе языковой способности человека в социальных условиях.

Возникнув из потребностей объяснения процессов усвоения родного и иностранного языка, психоллингвистика стремится сохранить прагматическую ориентацию.

2. ИЗ ИСТОРИИ ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИДЕЙ

У психоллингвистики три основных теоретических источника.

Первый – психологическое направление в языкознании. Языковеды прошлых веков писали о том, что язык – это деятельность духа, и он отражает культуру народа. При этом они отмечали, что язык содержит в себе не только физический, но и психический компонент и тем самым принадлежит индивидууму. При этом, являясь условием общения и регулируя деятельность человека, язык ограничивает познание мира и делает невозможным полное понимание другого человека.

Второй источник – работы американских дескриптивистов, полагавших, что владение языком основано на способности производить правильные предложения.

Третьим источником психоллингвистики являются работы психологов, занимавшихся вопросами языка и речи. В частности, в работах Л.С. Выготского организация процесса производства речи трактуется как последовательность фаз деятельности (мотивация – мысль – внутреннее слово – реализация).

Л.В. Щерба постулировал наличие следующих аспектов языковых явлений: языкового материала (текстов), языковой системы (словарей и грамматики) и языковой деятельности (процессов говорения и понимания

речи). Отечественная психолингвистика сформировалась прежде всего как теория речевой деятельности.

Отечественная психолингвистика создана А.А. Леонтьевым, в настоящее время её развитие координируется Институтом языкознания РАН в Москве.

3. ОНТОГЕНЕЗ РЕЧИ

Несмотря на многочисленные попытки обучения животных языку (в том числе и жестовому), животные оказались неспособными общаться на уровне более высоком, чем двухгодовалый ребёнок.

Дети, лишённые человеческого общения, могут адаптироваться к социуму даже в том случае, если они возвращаются в общество будучи старше 6 лет (но не позднее 12 лет). Ребёнок без специального обучения со стороны взрослых осваивает язык к четырём годам. На доречевом этапе у него наблюдаются крик, гуление, лепет и модулированный лепет. Развитие фонематического слуха позволяет ребёнку усваивать фонемы. В полтора года у него появляются звукоподражательные слова, к двум годам – двусловные фразы и начинается освоение грамматики. К трём годам словарь ребёнка увеличивается многократно.

При освоении языка ребёнок делает множество ошибок, обусловленных тем, что он пытается, действуя по аналогии, использовать наиболее общие правила. Многие ошибки детей типичны. Словотворчество отражает креативный характер усвоения языка.

Освоение синтаксиса начинается с однословных предложений, затем появляются двусоставные, где можно выделить «опорные» слова и слова «открытого класса». Овладение значением слова начинается с вычленения наглядного компонента (фоносемантического), затем слово становится для ребёнка более конкретным, и только по мере овладения предметным миром (прежде всего благодаря общению со взрослыми и деятельности) ребёнок осваивает смысловую природу слова.

Общение родителей с детьми характеризуется тем, что взрослые говорят с ними, учитывая их языковое развитие, при этом взрослые нередко используют особые детские словечки.

4. ПРОИЗВОДСТВО РЕЧИ

Процесс производства речи практически ненаблюдаем и поэтому достаточно сложен для описания. Большое количество моделей построено на основании анализа оговорок в речи. Трансформационно-генеративная грамматика Н. Хомского предполагает, что человек оперирует определёнными правилами, позволяющими ему развернуть глубинную структуру в поверхностную.

С психологической точки зрения процесс производства речи заключается в том, что говорящий по определённым правилам переводит свой

мыслительный (неречевой) замысел в речевые единицы конкретного языка. При этом человек оперирует не статистическими закономерностями языка, а закономерностями функционирования смысловых единиц, которые он включает в коммуникативный замысел. Внутренняя речь человека предикативна, свёрнута и образна. Лишь выбор грамматической конструкции и подбор лексических единиц делают мысли человека доступными окружающим. Мысль, по Л.С. Выготскому, совершается в слове. Речь тем самым представляет собой деятельность по вербализации образов сознания человека.

5. ВОСПРИЯТИЕ РЕЧИ

Восприятие речи – это процесс извлечения смысла, находящегося за внешней формой речевых высказываний. Восприятие речи неосознаваемо как акт восприятия формы – это почти всегда переход сразу к семантике. Обработка речевых сигналов проходит последовательно. Восприятие формы речи требует знания лингвистических закономерностей её построения.

Восприятие письменной речи осуществляется скачкообразными движениями глаз. Даже если слова содержат ошибку, но напоминают знакомые реципиенту слова, они воспринимаются как знакомые. В том случае, если значение слова конкурирует с его формой, возникает затруднение при чтении. Важную роль в восприятии слова играет его многозначность, при этом человек принимает решение о значении данного слова в данном контексте, соотнося его с другими значениями того же семантического поля.

При восприятии фраз реципиент может испытывать затруднение в том случае, если возможно неоднозначное их толкование. Для реципиента не важно, в какой синтаксической форме предъявляется фраза – он запоминает её смысл. Понимание речи основано на том, что человек соотносит сказанное с действительностью, со своими знаниями о ней, со своим опытом. Человек может восстанавливать пропущенные в тексте фрагменты, черпая информацию из своего сознания. В процессе восприятия человек активен, выдвигает гипотезы относительно дальнейшего содержания и осуществляет смысловые замены.

6. ТЕКСТ КАК ОБЪЕКТ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Слово является основным элементом системы языка, и оно изредка может выполнять функцию высказывания текста. Высказывание, подчиняясь неречевому замыслу автора, отражает лишь фрагмент действительности. Текст – как объединение высказываний на основе сложной программы порождения – отражает действительность и образ мира автора, включённого в деятельность общения. Текст выполняет в общении функцию структурирования деятельности. Текст должен нести в себе целостное представление о затексте как своей референтной основе, и при этом он может содержать подтекст как неявный смысл.

Текст обладает формальной связностью (между языковыми элементами есть связующие элементы) и семантической связностью (его части несут в себе общие смысловые компоненты). Текст обладает эмотивностью – он отражает отношение автора к действительности. Речевой текст включён в другие знаковые системы и содержит в себе элементы как других семиотических систем, так и ранее созданных текстов.

Восприятие текста подчиняется тем же закономерностям, что и восприятие высказывания. Вместе с тем текст нередко понимается и интерпретируется менее адекватно замыслу коммуникатора, чем отдельное высказывание, в силу того, что читатель включает текст в свою систему представлений о мире. Возникающая проекция текста может значительно расходиться с замыслом автора. Степень совпадения проекции текста с авторским смыслом может зависеть как от умения распознавать смысл, так и от степени подобия автора и читателя как личностей.

7. ЭКСПЕРИМЕНТ В ПСИХОЛИНГВИСТИКЕ

В психолингвистике широко используется эксперимент для верификации гипотез, позволяющих описывать и объяснять механизмы речевой деятельности человека. В психолингвистическом эксперименте носитель языка выступает не только как информант, сообщающий о своём знании языка, но и как испытуемый со своей системой ценностей и мотивов.

В ходе ассоциативного эксперимента испытуемых просят дать реакцию на предлагаемый стимул. Наиболее широко известно различие синтагматических (*кошка – бежит*) и парадигматических (*кошка – собака*) ассоциаций. Результаты позволяют получить данные как об устройстве ментального лексикона, так и об образах сознания представителей разных культур.

В ходе эксперимента по методике дополнения испытуемых просят восстановить пропущенные во фразе или тексте языковые элементы. Результаты позволяют определить закономерности построения речевых высказываний и степень знакомства испытуемых с описываемым фрагментом действительности.

Методика семантического дифференциала служит для построения субъективных семантических пространств путём количественного и качественно индексирования испытуемым значений слова с помощью двухполюсных градуированных шкал с парой антонимических прилагательных на полюсах. Существуют разновидности семантического дифференциала, имеющие большее соответствие названий шкал исследуемым объектам, графические обозначения полюсов, одномерные шкалы, шкалы разной размерности.

8. ЭТНОПСИХОЛИНГВИСТИКА

Являясь частью духовной культуры, язык не может её не отражать и тем самым формировать понимание мира носителями языка. Согласно ги-

потезе лингвистической относительности Б. Уорфа и Э. Сепира, структура национального языка определяет структуру мышления и способ познания внешнего мира. В отечественной психолингвистике существует теория лакун, которая объясняет условия функционирования языковых элементов, имеющих национальную специфику. Различают лакуны языковые и этнографические. Восстанавливаются лакуны с помощью толкования, перевода и комментирования.

При интеркультурных контактах человек проходит ряд этапов (нулевая фаза, вживание в культуру, адаптация, этап равновесия, адаптация по возвращении). При общении с представителями другой культуры нередок культурный шок как состояние неприятия чуждой культуры и лингвистический шок как состояние удивления или смеха при восприятии элементов другого языка, похожих на слова его родного языка.

Владение двумя или более языками называется билингвизмом. По возрасту, в котором происходит усвоение второго языка, различают билингвизм ранний и поздний. Различают также билингвизм рецептивный (воспринимающий), репродуктивный (воспроизводящий) и продуктивный (производящий); последний является целью изучения иностранного языка.

Речь человека при переходе на другой язык не свободна от интерференции. В речи иностранца неизбежны фонетические, графические, орфографические, морфологические, лексические и синтаксические ошибки. Они могут быть как коммуникативно значимы, так и не значимы для передачи смысла. Иностранцы могут допускать и прагматические ошибки (в том числе грубость), которые не являются преднамеренными по причине их незнакомства с правилами речевого поведения и инокультурной реальностью. Речь носителя языка с иностранцами характеризуется повышенной громкостью и частыми переформулировками.

9. ПАТОПСИХОЛИНГВИСТИКА

Патопсихолингвистика изучает патологические отклонения в формировании и протекании речевых процессов в условиях несформированности или распада личности.

К речевой патологии относятся:

- 1) нарушения процессов, обусловленных действием высших психических функций (при психопатиях и акцентуациях);
- 2) речевые нарушения, вызванные локальными поражениями мозга (моторная и сенсорная афазия);
- 3) речевые нарушения, связанные с дисфункцией сенсорных систем (речь слепых, глухих и глухонемых);
- 4) нарушения, связанные с умственной отсталостью;
- 5) нарушения речи, связанные с затруднениями в реализации моторной программы (заикание, дисфония, брадилалия, тахилалия, дислалия, ринолалия, дизартрия).

10. СУДЕБНАЯ ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Судебная психоллингвистика занимается анализом особенностей языкового сообщения, а также анализом личности, стоящей за текстом, с целью выявления возможных противоправных действий (или подготовки к ним). Кроме того, анализируется речевое поведение во время допроса, дачи свидетельских показаний, при определении истинности (или ложности) высказывания и в целях диагностики (идентификации) личности по речи.

По устной речи можно определить физическое и эмоциональное состояние говорящего, его пол, возраст и культуру, к которой он принадлежит. По-разному говорят экстраверты и интроверты, люди с разной акцентуацией, мужчины и женщины. В принципе, описание речи человека очень похоже на описание личности в целом. Автороведческая экспертиза позволяет распознать род занятий, образование, возраст, религиозную ориентацию и психическое состояние автора. Знание психоллингвистики необходимо для проведения судебной психоллингвистической экспертизы. В структуру знаний эксперта должны входить знания как психологического, так и лингвистического характера.

11. ПРИКЛАДНЫЕ АСПЕКТЫ ПСИХОЛИНГВИСТИКИ

Большую роль психоллингвистика играет при построении систем автоматического распознавания текста и голоса, а также для создания систем искусственного интеллекта.

Речевое воздействие, будучи частным случаем психологического воздействия, предполагает такую организацию речи, которая окажет максимальное воздействие на изменение образов сознания реципиента. При этом может меняться семантика слов, фразы могут содержать в себе алогичность, быть связаны только формально (но не по сути), нести в себе элементы, снижающие критичность восприятия. Язык замкнутых религиозных объединений тоталитарного типа, идеологический язык и язык отдельных манипуляторов может представлять собой специально организованные высказывания, целью которых является достижение целей, которые реципиенту не объявляются.

Прикладная психоллингвистика может внести свой вклад в обеспечение лингвистической безопасности и предоставить тому, кто её освоил, средства для защиты от нежелательного для него воздействия.

ЛИТЕРАТУРА

1. ОБЯЗАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА

- Глухов В.П.* Основы психолингвистики. – М.: АСТ: Астрель, 2005.
- Горелов И.Н., Седов К.Ф.* Основы психолингвистики: Учебное пособие (5-е изд.). – М.: Лабиринт, 2005 (пред. изд. 1997, 1998, 2001, 2004).
- Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Политиздат, 1982.
- Залевская А.А.* Введение в психолингвистику. М.: Российск. гос. гуманит. ун-т., 1999.
- Красных В.В.* Основы психолингвистики и теории коммуникации. – М.: Гнозис, 2001.
- Леонтьев А.А.* Основы психолингвистики (3-е изд.). М.: Смысл, 2003.
- Основы теории речевой деятельности. М.: Наука, 1974.
- Психолингвистика. Учеб. для вузов / под ред. Т.Н. Ушаковой. М.: ПЕР СЭ, 2006.
- Сахарный Л.В.* Введение в психолингвистику. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1989.
- Секерина И.* Психолингвистика // Фундаментальные проблемы современной американской лингвистики. М., 1997. С. 231–260.
- Тарасов Е.Ф.* Тенденции развития психолингвистики. М., 1987.
- Текст лекций «Введение в психолингвистику». М., 1991. Ч. I, ч. II.
- Фрумкина Р.М.* Психолингвистика. М.: Изд. центр «Академия», 2007.
- Шахнарович А.М.* Проблемы психолингвистики. М., 1987.

2. ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ КОНСПЕКТИРОВАНИЯ

- Блумфилд Л.* Употребление языка // В.А. Звегинцев История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
- Выготский Л.С.* Мысль и слово // Л.С. Выготский. Мышление и речь. М., 1996.
- Уорф Б.Л.* Отношение норм поведения и мышления к языку // В.А. Звегинцев. История языкознания XIX–XX веков в очерках и извлечениях. Ч. II. М., 1965.
- Щерба Л.В.* О тройном аспекте языковых явлений и эксперименте в языкознании // Л.В. Щерба. Языковая система и речевая деятельность. М., 1974.

3. ЛИТЕРАТУРА ДЛЯ УГЛУБЛЕННОГО ЧТЕНИЯ

- Аврутин С.* Усвоение языка // Фундаментальные проблемы современной американской лингвистики. М., 1997. С. 261–275.
- Антипов Г.А., Донских О.Н., Марковина И.Ю., Сорокин Ю.А.* Текст как явление культуры. Новосибирск, 1989.

- Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982.
- Ахутина Т.В.* Порождение речи. М., 1985.
- Белянин В.П.* Психолингвистические аспекты художественного текста. М.: Изд. МГУ, 1988.
- Белянин В.П.* Введение в психиатрическое литературоведение. Munchen, 1996.
- Белянин В.П.* Основы психолингвистической диагностики. М.: Тривола, 1999.
- Белянин В.П.* Психологическое литературоведение. М.: Гнозис, 2006.
- Блумфильд Л.* Язык. М., 1968.
- Богин Г.И.* Типология понимания текста. Калинин 1986.
- Василевич А.П.* Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте. М., 1987.
- Верещагин Е.М.* Психологическая и методическая характеристика двуязычия (билингвизма). М., 1968.
- Воронин С.В.* Основы фоносемантики. Л., 1982.
- Геннекен Э.* Опыт построения научной критики. Эстопсихология: Пер. с фр. Спб., 1892.
- Гумбольдт В.* Избранные труды по общему языкознанию. М., 1984.
- Доблаев Л.П.* Смысловая структура учебного текста и проблемы его понимания. М., 1982.
- Дридзе Т.М.* Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации. М., 1984.
- Журавлев А.П.* Звук и смысл. М.: Просвещение, 19841.
- Залевская А.А.* Понимание текста. Калинин, 1988.
- Исследование речевого мышления в психолингвистике. М., 1985.
- Каменская О.Л.* Текст и коммуникация. М., 1990.
- Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность. М., 1987.
- Кольцова М.* Ребёнок учится говорить. М., 1979.
- Копнина Г.А.* Речевое манипулирование. М.: Флинта, 2008.
- Королёва Н.Н.* Семносфера личности. СПб., 2005.
- Коул М., Скрибнер С.* Культура и мышление. М., 1977.
- Кузьменко-Наумова О.Д.* Смысловое восприятие знаковой информации в процессе чтения. Куйбышев, 1980.
- Лангакер Р.У.* Когнитивная грамматика. – М., 1992.
- Леонтьев А.А.* Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Леонтьев Д.А.* Психология смысла. М.: Смысл, 1999.
- Леонтьев А.Н.* Деятельность. Сознание. Личность. М., 1975.
- Маслова А.Ю.* Введение в прагмалингвистику. М.: Флинта, 2008.
- Национально-культурная специфика речевого поведения. М., 1977.
- Негвещица Е.Т., Шахнарович А.М.* Язык и дети. М., 1981.
- Новиков А.И.* Семантика текста и ее формализация. М., 1983.
- Носенко Э.Л.* Особенности речи в состоянии эмоциональной напряженности. Днепропетровск, 1975.

- Оптимизация речевого воздействия. М., 1990.
- Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. Смоленск, 1997.
- Пиаже Ж.* Речь и мышление ребенка. М., 1932.
- Психолингвистические проблемы семантики. М., 1993.
- Пищальникова В.А.* Проблема смысла художественного текста. Новосибирск, 1992.
- Рубакин Н.А.* Библиопсихологическая психология. М., 2006.
- Русский ассоциативный словарь. Т. 1–8. М., 1994–2002.
- Седов К.Ф.* Нейропсихолингвистика. – М.: Лабиринт, 2007.
- Секерина И.* Процесс понимания и синтаксический анализ предложения // Вопросы языкознания № 3. С. 100–138.
- Слюсарева Н.А.* Смысл как экстралингвистическое явление // Как подготовить интересный урок иностранного языка. М., 1963.
- Слобин Д., Грин Дж.* Психолингвистика. М., 1976.
- Смысловое восприятие речевого сообщения (в условиях массовой коммуникации). М., 1976.
- Сорокин Ю.А.* Психолингвистические аспекты изучения текста. М., 1985.
- Сорокин Ю.А., Марковина И. Ю.* Национально-культурная специфика художественного текста. М., 1989.
- Спивак Д.Л.* Изменённые состояния сознания: психология и лингвистика. Спб., 2000.
- Стернин И.А.* Коммуникативное поведение в структуре национальной культуры // Этнокультурная специфика языкового сознания. М., 1996. С. 97–112.
- Стернин И.А.* Введение в речевое воздействие. Воронеж, 2001.
- Теоретические и прикладные проблемы речевого общения. М., 1979.
- Теория речевой деятельности. М.: Наука, 1968.
- Ушакова Т. Н.* и др. Речь человека в общении. М., 1989.
- Фрумкина Р.М.* Цвет, смысл, сходство. М., 1984.
- Фрумкина Р.М.* Язык и мышление как проблема лингвистического эксперимента // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз., 1981. Т. 40. № 3.
- Халева И.И.* Основы теории обучения пониманию иноязычной речи. М., 1988.
- Хомский Н.* Язык и мышление. М., 1972.
- Чистович Л.А.* Автоматическое распознавание слуховых образов. Новосибирск, 1966.
- Цветкова Л.С.* Введение в нейропсихологию и восстановительное обучение. М.; Воронеж: МОДЭК, 2005.
- Цейтлин С.Н.* Язык и ребёнок. М., 2000.
- Шабес В.Я.* Событие и текст. М., 1989.
- Якобсон Р.* Избранные работы. М., 1985.

4. ЛИТЕРАТУРА НА АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

- Berko J.G., Ratner N.B.* Psycholinguistics. 1993.
- Brosnahan N.* Russian and English nonverbal communication. Moscow, 1998.
- Chomsky N.* Syntactic Structures. The Hague, 1957.
- Dechert H., Raupach N.* Psycholinguistic Models of Production. 1987.
- Ervin-Tripp, S.M.* Language and thought // Tax, S. and Freeman, L. G. (Eds.). Horizons of anthropology. Chicago: Aldine Press. 1977.
- Foss D.J., Hakes D.T.* Psycholinguistics. 1978.
- Fromkin V.* Speech Errors as Linguistic Evidence. 1973.
- Garnham A.* Psycholinguistics. Central topics. 1985.
- Garman, M.* Psycholinguistics. 1991.
- Gleason J.B., Ratner N.B.* Psycholinguistics. 1993.
- Gernsbacher M.A.* (ed.) Handbook of Psycholinguistics. 1994.
- Kess J.E.* Psycholinguistics. 1992.
- Levelt W.J.M.* Speaking: From Intention to Articulation. 1993.
- Murray H.A.* Explorations in Personality: a Clinical and Experimental Study of Fifty Men of College Age. N.Y., 1938.
- Osgood C.E., Suci G.J., Tanenbaum P.H.* The measurement of Meaning. Urbana, 1957.
- Pronko N.H.* Language and Psycholinguistics. // Psychological Bulletin. Vol. 3, 1946.
- Slobin D.I.* Psycholinguistics. 1974.
- Steinberg D.D.* An Introduction to Psycholinguistics. 1993.
- Steinberg, D.D., Hiroshi Nagata, and David P. Aline,* ed. Psycholinguistics: Language, Mind and World, 2001.

5. ИНТЕРНЕТ-РЕСУРСЫ

- <http://ru.wikipedia.org/wiki/Психолингвистика>
- <http://en.wikipedia.org/wiki/Psycholinguistics>
- www.psycholing.narod.ru
- www.textology.ru
- www.dialog-21.ru
- www.mospsy.ru/phorum/list.php?f=2
- www.psyling.com
- www.jiscmail.ac.uk/cgi-bin/webadmin?A0=forensic-linguistics
- www.mpi.nl

Учебное издание

Белянин Валерий Павлович

ПСИХОЛИНГВИСТИКА

Учебник

Подписано в печать 31.08.2016.

Электронное издание для распространения через Интернет.

ООО «ФЛИНТА», 117342, г. Москва, ул. Бутлерова, д. 17-Б, комн. 324.

Тел./факс: (495) 334-82-65; тел. (495) 336-03-11.

E-mail: flinta@mail.ru; WebSite: www.flinta.ru